

С О В Е Т С К А Я ЭТНОГРАФИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

3

Май — Июнь

1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **Ю. В. Арутюнян**,
Н. А. Баскаков, **С. И. Брук**, **Л. Ф. Моногарова** (зам. главн. редактора),
Д. А. Ольдерогге, **А. И. Першиц**, **Л. П. Потапов**, **В. К. Соколова**,
С. А. Токарев, **Д. Д. Тумаркин** (зам. главн. редактора)

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19

Ю. В. Арутюнян

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ И СБЛИЖЕНИЯ НАЦИЙ В СССР

(ПРОГРАММА, МЕТОДИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ)

О задачах исследования и некоторых особенностях их теоретического решения

«Отмечая славный юбилей Советского Союза,— записано в постановлении ЦК КПСС,— мы должны следовать ленинской традиции нашей партии—подводя итоги сделанному, обращаться прежде всего к задачам сегодняшнего и завтрашнего дня»¹. Как реализуются процессы развития и сближения наций, каковы пути их оптимального сочетания в различных сферах жизни — экономической, политической, культурной, психологической — вот вопросы, которые встают перед системой общественных наук. Изучение их позволяет судить об осуществлении программных положений партии, вновь подтвердившей на своем XXIV съезде необходимость последовательно добиваться «дальнейшего расцвета всех социалистических наций и их постепенного сближения»².

В Институте этнографии АН СССР уже в течение нескольких лет активно исследуются социально-культурные аспекты этого процесса. Завершена работа в Татарской АССР, которая представляет собой типичный для страны социально-экономический организм и в то же время является зоной активного взаимодействия двух генетически разнородных культур. Это исследование позволило сделать ряд существенных выводов о закономерностях культурного взаимодействия наций, особенностях их социального развития, роли национального фактора в социальной мобильности, источниках национального предубеждения и средствах их преодоления. Результаты исследования, как известно, нашли отражение в многочисленных публикациях — статьях, докладах и подготовленной институтом обобщающей монографии о соотношении социального и национального³.

¹ Постановление ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик», «Правда», 22 февраля 1972 г.

² Резолюция XXIV съезда КПСС по Отчетному докладу ЦК КПСС, «Материалы XXIV съезда КПСС. Стенографический отчет», т. II, стр. 233, М., 1971.

³ Ю. В. Арутюнян, Опыт социально-этнического исследования. «Сов. этнография», 1968, № 4; его же, Конкретно-социологические исследования национальных отношений в СССР, «Вопросы философии», 1969, № 12; М. Н. Губогло, Взаимодействие языков и межнациональные отношения, «История СССР», 1970, № 6; его же, Социально-этнические последствия двуязычия, «Сов. этнография», 1972, № 2; Л. М. Дробижева, О сближении уровня культурного развития союзных республик в СССР, «История СССР», 1969, № 3; ее же, Социально-культурные особенности личности и национальные установки, «Сов. этнография», 1971, № 3; С. С. Савоскул, Социально-этнические аспекты духовной культуры сельского населения Татарской

Завершение работы в Татарии помогло приступить к следующему этапу исследования — распространению его на союзные республики. Это открывает новые возможности для исследователей, позволяет поставить целый ряд специфических задач. Прежде всего появились возможности для *сравнительного* изучения опыта культурного развития и взаимодействия народов.

В Советском Союзе самой историей как бы поставлен гигантский эксперимент взаимодействия разнородных в прошлом культур, сформировавшихся в каждом случае на своеобразной социально-экономической и идеологической почве. Континуум весьма велик — от культуры недавно еще феодально-патриархального общества до развитого капитализма; от мусульманского Востока до католического и лютеранского Запада. Различны также как длительность и теснота культурных контактов, так и опыт исторического общения между народами. Для нашей страны характерны огромное разнообразие и в то же время теснота взаимодействия культур. С этой точки зрения именно в Советском Союзе существует наиболее благоприятное «экспериментальное поле» для исследования процессов культурного взаимодействия и прогнозирования их перспектив.

В наш век бурного развития научно-технической революции усиливаются связи между всеми народами нашей страны, повсеместно распространяются общие элементы цивилизации. Процесс интернационализации культуры, выработки новых форм поведения, представлений всемерно активизируется. В этих условиях особый интерес приобретает вопрос о многообразных судьбах национальных культур, их адаптации к новой ситуации и перспективах сочетания в каждой национальной культуре общего и особенного.

Не только наше мировоззрение, но и наша историческая практика открывают, таким образом, богатые возможности для теоретических обобщений в исследованиях социально-культурных процессов.

Сравнительное изучение культурного взаимодействия наций позволяет поставить и решить ряд фундаментальных конкретных задач:

1. Выяснить, как влияет на развитие и сближение наций специфика их культурного прошлого, мера развития собственного национального фонда культуры, характер исторического опыта культурных, социальных и политических отношений между народами.

2. Определить зависимость развития национальной культуры от степени урбанизации и индустриализации республик.

3. Найти закономерности изменения внутренней структуры национальных культур (инфраструктуры) — соотношение между материальной культурой, языком, художественной культурой, ценностными ориентациями и т. п., вскрыть особенности темпы интернационализации в различных сферах культуры (различных по уровню развития и типам).

4. Выявить общие и специфические черты в культурном облике различных народов, что позволит углубить культурно-этническую характеристику современных наций.

Как и в завершенном уже исследовании, кроме того, предстоит решить ряд «традиционных» задач, но на более широком, принципиально новом сравнительном материале: дать характеристику социально-этнической структуры наций, выявить роль национальной принадлежности

АССР, «Сов. этнография», 1971, № 1; О. И. Шкаратан, Этно-социальная структура городского населения Татарии, «Сов. этнография», 1970, № 3; Э. К. Васильева, Этно-демографическая характеристика семейной структуры населения Казани в 1967 г., «Сов. этнография», 1968, № 5; В. С. Кондратьев, Эксперимент «ex post-facto», «Сов. этнография», 1970, № 2; «Методика этнографических и этно-социологических исследований», М., 1970 (статьи В. К. Мальковой, В. С. Кондратьева, С. С. Савоскула и др.).

и других национальных факторов (язык, поведение) в процессах социальной мобильности, раскрыть многообразие культурных особенностей в социальных группах наций, выявить в этих группах соотношение интернациональных и традиционно-национальных черт, определить меру и глубину усвоения ими современной национальной культуры, найти закономерности, влияющие на процессы культурного обмена между нациями, установить связь между развитием национальной культуры и национальными отношениями, фиксируемыми системой национальных установок.

При всей широте поставленных задач в тему вводятся принципиальные ограничения. Ведь исследование процессов развития и сближения наций имеет не только социально-культурные, но и политические и экономические аспекты. Последние не изолированы — они создают основу для социально-культурного развития и сближения наций (хотя здесь и нет автоматической детерминации). Культура, если понимать ее широко, включает в себя экономику и производство. Однако в исследовании мы обособили экономико-производственную сферу от культуры в узком смысле. Логическим основанием для такого обособления служит сама специфика этих двух основных сфер человеческой деятельности. Экономика и производство — это сфера, где люди взаимодействуют не только друг с другом, но и с внешней естественной средой, преобразуя ее в соответствии со своими потребностями. Культурная сфера (в узком смысле) — область внутреннего взаимодействия людей, в процессе которого создаются, потребляются культурные ценности, вырабатываются нормы человеческого общения, типы поведения и т. п. Изучение этой сферы представляет особый интерес с точки зрения регулирования национальных процессов, так как именно в ней в наибольшей мере проявляются и сохраняются специфические черты различных наций.

В подходе к теме есть и другие ограничения. Наше исследование ограничивается не только одной социально-культурной сферой, но и определенным «этажом» функционирования культуры, который условно можно назвать уровнем ее потребления.

Исходя из логики развития культуры, можно представить себе исследование культурно-национальных процессов по крайней мере на трех уровнях, точнее в трех направлениях. Одно — изучение самого культурного фонда наций, выяснение того, как меняется фонд их материальной и духовной культуры, как сочетаются в культурном фонде нации вертикальная информация (переданная предшествующими поколениями) и горизонтальная, все расширяющаяся под влиянием межнациональных контактов. Другое направление связано с выяснением механизма распространения культурных ценностей, характера контактов и культурного общения между нациями. Третий аспект, пожалуй, решающий для нашей работы. Речь идет о том, как распределяется культурный фонд нации, как усваивается культура, в какой мере она становится реальным достоянием всего народа. Эти вопросы приобретают особенную актуальность в настоящее время, когда культурный фонд расширяется прежде всего за счет профессиональных форм. Может быть для ранних эпох развития человечества вопрос о потреблении культуры был бы праздным. Когда господствовали фольклорные формы, «производство культуры» практически совпадало с ее «потреблением». В профессиональной же культуре отражаются не только интересы всего общества, но и специфические интересы той части интеллигенции, которая профессионально занимается «производством» культуры.

Итак, нами исследуется восприятие культуры народом, разными слоями и группами его, т. е. по существу культура в массах, а значит изменение культурного облика нации во всем ее социальном разнообразии.

Субъектом исследования является личность, и анализ всех факторов в конечном счете осуществляется на личностно-групповом уровне. Биопсихические особенности индивида не принимаются во внимание.

Анализируется роль каналов культурной информации — школы, семьи, средств массовой коммуникации — в социально-культурном развитии народа.

Существенная особенность нового исследования — исключительное внимание к практическим вопросам⁴.

Принципиальное значение приобретает теоретическое определение критериев оптимального развития социально-культурных процессов. Выделяется три критерия. Первый связан с собственно культурным развитием. Известно, что в ходе «вестернизации» и урбанизации культуры возможно отрицание национальной культуры. В этом случае происходит полная замена одной культурной ориентации другой, что не может, с нашей точки зрения, считаться оптимальным вариантом. Оптимальным является абсолютное расширение культурного диапазона индивида, освоение мирового фонда культуры при сохранении прогрессивных элементов собственной культуры.

Другие критерии оптимальности лежат в «сопредельных» с культурой областях. Прежде всего — в плоскости взаимоотношений культуры и экономики. Известно, что развитие культуры, с одной стороны, и производства — с другой, не происходят равномерно. Равновесие между этими сферами устанавливается через преодоление диспропорций и противоречий. Причины неравномерного развития духовной культуры, общественного управления и экономики понятны. Они вызваны тем, что в своем развитии духовная культура человека должна отвечать разным общественным требованиям. Ролевые функции индивида, как члена производственного коллектива уже, чем его ролевые функции как гражданина⁵. Оптимизация отношений между производством и культурой может происходить, однако, не только за счет всемерного развития производства, в соответствии с требованиями личности, но за счет оптимизации процессов социально-культурного развития, главным образом за счет известной переориентации культурного развития. Культура может быть не только средством для роста производства, но и *самоцелью*, т. е. носить не только узкоутилитарный характер, но непосредственно служить источником духовного наслаждения и творчества гармонично развитой личности. Тем самым увеличиваются компенсаторные функции культуры, культура и экономика взаимодействуют как саморегулируемая система, внутри которой естественным ходом вещей смягчаются противоречия, вызываемые диспропорциональным развитием.

Следующий критерий оптимизации социально-культурных процессов лежит в плоскости социально-психологической. В нациях консолидирующими их ценностями служат язык, общность происхождения и исторических судеб, обычаи и т. п.⁶

Однако на этой почве может появиться склонность к этноцентризму. Этот побочный продукт социально-культурного развития наций может превратиться в фактор, тормозящий прогресс национальной культуры, ибо он в конечном счете приводит к замкнутости и обособлению.

⁴ Этот аспект имелся в виду и в ходе исследования в Татарской АССР, что нашло отклик в партийной печати; см.: Ф. А. Табеев (Первый секретарь Татарского обкома КПСС), Совершенствование партийного руководства хозяйственным строительством, «Вопросы истории КПСС», 1971, № 1, стр. 15.

⁵ Допустим, для работы на конвейере в современном производстве достаточно семи классов образования, а для активного участия в управлении этим производством и в общественном контроле за ним необходимы глубокие профессиональные знания и высокий уровень образования.

⁶ Я. Щепаньский, Элементарные понятия социологии, М., 1969, стр. 130.

Оптимальное развитие социально-культурных процессов поэтому предполагает устранение угрозы отмеченной деформации национальных чувств благодаря усилению контактности культур и взаимообогащению наций. Признаком здорового развития национальной культуры является ее интернационализация. Именно те нации обладают мощным культурным потенциалом, которые в состоянии вобрать в себя достижения мировой культуры, трансформируя ее в соответствии с исторически сложившимися собственными культурными формами.

Исключительную актуальность приобретает процесс сближения наций. Мы вкладываем в термин «сближение наций» двоякий смысл. С одной стороны, имеется в виду «выравнивание» их социального и культурного уровня, создание принципиально сходных социально-профессиональных структур, фактически одинаковый доступ и одинаковая мера потребления всеми нациями богатства духовного фонда человечества и выработка на этой основе общих черт. С другой стороны, имеются в виду взаимные отношения наций. Сходство, как известно, не всегда означает солидарность. Иногда оно усиливает соперничество, так как выравнивает возможности наций в состязании. Поэтому интернационализация культур обязательно должна сопровождаться утверждением интернациональных принципов в отношениях между нациями.

Генеральная гипотеза нашего исследования определяется идеей детерминации культурного развития нации социальными факторами. Принципиальное сходство этих факторов создает основу для принципиального сходства в культурах. Если принять классификацию этнических процессов, которая различает: 1) собственно этнические процессы (изменения субстрата этноса — языка, культуры, психологии); 2) смежные внеэтнические процессы (урбанизация, изменение социальной структуры и т. п.) и 3) межэтнические (взаимодействие этносов)⁷, то придется признать, что для характеристики самих этносов все более существенными становятся так называемые сопредельные внеэтнические процессы — индустриализация, урбанизация, изменение социальной структуры и пр. Современные нации — это сложные, исторически сложившиеся образования, отличающиеся друг от друга не просто этническими признаками (многие из которых все более стираются), но и *своеобразным* сочетанием и набором основных социальных характеристик, детерминируемых разным уровнем их экономического и социального развития. Сами национальные особенности чем дальше, тем больше перемещаются из сферы материальной в сферу духовную, и, наконец, чисто психологическую, связанную с осознанием национальных интересов и национальным самосознанием.

Растущее культурное сходство не снижает внутренней национальной солидарности и интенсивности национальных чувств. В зависимости от этапа культурного развития действуют различные механизмы, способствующие сохранению и упрочению национальной солидарности. Научно-техническая революция имеет двоякий смысл для социального культурного развития наций. С одной стороны, она усиливает сходство между ними, способствует их выравниванию и взаимопониманию, с другой стороны, благодаря развитию средств массовых коммуникаций и других каналов культуры, используемых с целью национальной консолидации, она вызывает рост национального самосознания у самых широких масс населения.

⁷ Данная классификация, применяемая при характеристике языковых процессов, предложена М. Н. Губогло для описания этнических процессов в целом.

Предметом задуманного исследования являются не отдельные конкретные явления, а их система, практически совокупность взаимосвязанных широких процессов. По существу это как бы комплекс различных, в том числе конкретно-социологических исследований, осуществляемых, однако, в одном ключе и подчиненных общей цели. Методика исследования включает в себя множество процедур, предполагающих сбор и использование как статистических, так и ведомственных материалов. Под социально-культурным развитием понимаются два основных процесса — социальный рост человека, фиксируемый «на карте» социальной структуры, и культурный рост, связанный, в первую очередь, с приобщением к ценностям духовной культуры и творчеством. Совершенно очевидно, что эти два процесса взаимно связаны и взаимно обусловлены. Социальный рост предполагает повышение профессиональной и общей культуры; культурное развитие служит одним из стимулов для прогрессивных изменений в общественной структуре.

Назначением социального планирования в исследуемой области является в конечном счете создание максимально благоприятного режима для социально-культурного роста человека (мера социально-культурного роста человека по существу является мерой прогрессивности общества). Зафиксировать этот рост и определить его параметры и факторы — конечная задача исследования. Решение этой задачи зависит от трех подчиненных операций: определения степени социального роста индивида, его культурного роста (уровня) и развития интернациональных ориентаций. Развитие каждого из этих качеств не всегда гармонично, и оптимальное их сочетание является важной управленческой задачей.

Далее следуют операции, в основе которых лежит выяснение условий (1) развития способностей человека, и (2) реализации воспитанных способностей.

И способности и их реализация определяются взаимодействием личности со средой — микросредой (конкретные условия жизни) и макросредой (общественная ситуация в целом). Если говорить о развитии способностей, то тут особенно актуально выделить операции, отражающие факторы или каналы первичной, *ранней социализации* личности, в числе которых решающие — родительская семья, школа, поселение, в котором формировался индивид (село, малый город, средний город, крупный город и т. д.). Если говорить о реализации способностей, то здесь существенны *современные условия социализации*. Операция, фиксирующая «условия материализации способностей», распадается на операции, выясняющие условия: 1) трудовой деятельности, 2) общественной деятельности, 3) бытовые, 4) культурные и т. п.⁸

В конечном счете функционирование этих каналов зависит от общего фонда культуры, в котором существенно выделение двух сфер: материально-производственной и, что для нашей цели особенно важно, духовной. Анализ отдельных элементов фонда культуры нации таким образом неизбежен для завершения всей системы исследования.

Что касается интернационального воспитания, то оно осуществляется по тем же каналам, что и культурное развитие. Для его анализа не-

⁸ Каждая из этих операций в свою очередь конкретизируется. Например, «анализ условий трудовой деятельности», по крайней мере, включает такие вопросы, как распределение труда, виды деятельности, оплата и организация труда, система управления и отношения в коллективе и т. д. Обобщающим объективным показателем различных условий труда служит удовлетворенность им. Аналогичная «расшифровка» может быть произведена по каждой операции.

обходимо лишь учитывать этнический аспект (например, язык, на котором ведется обучение в школах, этническая ситуация в производственных коллективах, соотношение интернационального и национального в ценностном фонде культуры нации, в идеологии и т. п.). Действие этих факторов будет меняться в разных республиках, городах и районах в зависимости от конкретной ситуации и общего социального положения.

Для расшифровки схемы исследования необходимо остановиться на некоторых понятиях, вводимых в анализ, и способах их «инструментального выражения».

1. *Социальный рост индивида* — изменение позиций индивида в иерархии социальной структуры. Эти позиции имеют двухмерную характеристику, они определяются качеством труда и сферой его приложения. Выделяются такие сферы как город — село, государственный и колхозно-кооперативный сектор, блок-отрасли: промышленность, транспорт, строительство, связь и сфера обслуживания, сельское хозяйство, а также непроеизводственные сферы — домашнее хозяйство и учеба.

Группы по качеству труда классифицируются следующим образом: интеллигенция — административная, в том числе партийно-государственная и ведомственно-хозяйственная; научно-техническая и научно-гуманитарная; художественно-творческая; массовая, в том числе врачи, учителя. Среди рабочих и крестьян группы выделяются по уровню квалификации. Мы не даем здесь теоретического обоснования этой иерархии позиций, так как сделали это в некоторых публикациях⁹. Ограничимся только упоминанием, что при классификации учтены не только различия в общественной организации труда, в формах и способах присвоения общественного продукта, но и связанные с этим социальные интересы, что особенно существенно для исследования национальных интересов.

Социальный рост описывается в понятиях *социальной мобильности* — вертикальной и горизонтальной, межпоколенной и внутривпоколенной. Мы не останавливаемся на этих понятиях, так как в литературе они трактуются однозначно. Недавно введенное понятие «социальные перемещения» способствовало выделению самого физического акта изменения статуса¹⁰. Мобильность — понятие более широкое и социологически более глубокое, так как предполагает исследование не только перемещений, но и установок на мобильность, т. е. учитывает социально-психологический аспект. Процесс мобильности фиксируется в разных точках, сравниваются позиции родителей, самих опрашиваемых, а также взрослых детей в начале их трудовой деятельности и в момент опроса (город или село, сфера деятельности: учеба в вузе или принадлежность к интеллигенции, учеба в ФЗУ или РУ или принадлежность к рабочим и т. п.). Помимо фактической выясняется также планируемая и предпочтительная мобильность, условно говоря, социальные планы и социальные мечты. Это имеет значение для прогнозирования социального роста человека, а также выявления психологического климата, с которым связаны национальные ориентации.

Жизненный путь человека, фиксирующий занятия и образование родителей, собственные занятия, занятия детей, предпочитаемые занятия и т. п., выясняется с помощью опросного листа, а также с помощью специальных процедур, предусматривающих, например, изучение спроса и предложения рабочей силы, ситуации при поступлении в высшие учебные заведения, ситуации при замещении вакантных должностей и т. п. Документальной базой этих процедур служат статистические материа-

⁹ См., например: Ю. В. Арутюнян, Социальная структура сельского населения СССР, М., 1971.

¹⁰ См.: М. Н. Руткевич, Социальные перемещения, М., 1970.

лы, личные дела, трудовые книжки, опрос экспертов и т. д. Генеральный проект задуман таким образом, что невыполнение тех или иных процедур (например, ввиду отсутствия специалистов) не решает его судьбы и не может помешать исследованию основных поставленных перед проектом задач. Хотя многие процедуры факультативны, выполнение их тем не менее может сделать исследование особенно результативным.

2) *Культурный рост* фиксируется не только уровнем образования индивида, но и степенью усвоения им культурного фонда, его культурными ориентациями и запросами. Для выяснения приобщенности к культуре и запросов вводится ряд шкал (так называемые «термометры»), среди которых важнейшие шкалы: «национальная—интернациональная культурная ориентация», «народная—профессиональная», «традиционная (архаическая)—современная».

Переменными на национальной—интернациональной шкале выступают язык, национальные и интернациональные виды художественного творчества (музыка, танцы, поэзия), некоторые национальные элементы так называемой традиционной культуры, в том числе такие виды материальной культуры, как, например, пища и интерьер. Каждый раз выявляются попарно как *ценности* (ориентации), так и фактическое *поведение* или бытование тех или иных элементов культуры. Ориентация только на национальное интерпретируется как «узконациональная», ориентация также на инонациональные формы рассматривается как «интернациональная». Совпадающие национальные и интернациональные ориентации—это в нашем понимании синдром национального или интернационального в культуре. Упорядочение шкал дает возможность выразить синдром обобщающими показателями, что открывает широкие возможности для квантификации собранного материала.

Поскольку цель исследования—выявить ценностные ориентации, основное внимание в проекте уделяется духовной культуре. Мы исходим из предположения, что этнические выборы (т. е. возможность отдать предпочтение национальным элементам) в материальной культуре в современном урбанизированном обществе, особенно в условиях СССР, где существует единая экономика и общесоюзное разделение труда—крайне ограничены. Массовое производство предлагает то, что дешево и удобно. Выборы определяются здесь не ориентациями, а уровнем потребления и доступностью. Материальная культура индивида детерминирована не ориентациями индивида, а ситуацией, причем не только настоящей, но и прошлой. Она непосредственно связана с уровнем материального благосостояния. Этническая ориентация здесь зависит от сферы. Жилище, например, в наибольшей мере «навязывается», интерьер и пища—в меньшей и т. п. Поэтому, чтобы выявить этнические ориентации (выборы) в материальной культуре, надо создавать идеальные ситуации. Выявленные таким образом предпочтения сравниваются с реальным поведением (в сфере материальной культуры) или точнее с унаследованной предметной средой. Выборы в области материальной культуры рассматриваются так же, как элементы «синдрома» национального и интернационального.

Другой порядок континуумов культурного развития не связан непосредственно с процессами интернационализации. Важнейший из них предназначен зафиксировать ориентации, меняющиеся от традиционной культуры к современной. Кроме того, исходя из задачи исследования, вводится аппарат, фиксирующий узкоутилитарные и широкие ориентации (культура—средство социальной мобильности и культура—самоцель, источник духовного наслаждения) и т. д. Переменные здесь—различные виды культуры и ценности, в том числе нравственные. Например, показателем традиционных или современных ориентаций является отношение к женщине в семье и в общественной жизни. Выясняется целая

система ценностных ориентаций на разных уровнях — общественно-нравственном (понимание «личного счастья»), локальном (система городских и сельских ориентаций), семейно-бытовом. Исследование, однако, не преследует цели воссоздать всю систему ориентаций, соответствующих различным ролевым функциям человека. Задача сводится к тому, чтобы выявить на каждом уровне, в каждой сфере доминирующую ценность и воссоздать таким образом как бы систему доминирующих ценностей, представляющих разнородную сферу человеческой деятельности. Косвенно этот поиск имеет смысл для понимания этнических процессов, ибо в соответствии с нашей гипотезой мы полагаем, что сходство и различие между нациями проявляются и в системе ценностных ориентаций.

Помимо культурных установок выясняются национально-психологические, проявляющиеся в установках на контакты с людьми другой национальности. Иначе — это установки в национальных отношениях. Одна из важнейших задач исследования сводится к определению степени согласованности социально-культурных и социально-психологических ориентаций.

Что касается каналов и факторов социально-культурного роста, то эти понятия не требуют особых пояснений. В исследовании выделяются такие каналы прямого контактного воздействия, как семья, соседи, производственный коллектив, анализируемые с учетом «временного фактора» (например, родительская семья, собственная семья); особое внимание уделяется коммуникациям между городом и деревней в республике и за ее пределами. Кроме того, учитываются факторы как бы косвенного воздействия и среди них, в первую очередь, средства массовой информации. Задача опросного листа — выяснить, как воздействуют различные каналы информации на формирование личности и какова интенсивность, частотность их воздействия на нее. Понятно, что исследование каждого канала воздействия может быть предметом специальных процедур¹¹.

Фонд культуры в широком смысле (литература, музыка, живопись и другие «продукты» культуры), как уже говорилось, не является предметом нашего исследования. И тем не менее приходится предусмотреть некоторые процедуры, необходимые для сравнения потребления культуры с ее производством.

Важнейшим инструментарием в системе предусмотренных процедур является опросный лист. Не только по своему содержанию, но и по форме он довольно своеобразен для социологических исследований. Проблема состояла в том, чтобы создать универсальный опросник, сквозной для города и села и для различных социально-профессиональных групп населения. Помимо общего для любой «аудитории» сквозного блока вопросов, предусмотрена особая группа вопросов для города, села и отдельных групп интеллигенции. Таким образом, в один и тот же опросный лист введены специальные «блоки» для опроса городского, сельского населения и интеллигенции¹².

Опросный лист построен таким образом, что отвечающий как бы рассказывает о своей жизни. Такое «биографическое» построение опросного листа делает интервью естественным и легким.

¹¹ Особое внимание уделяется, в частности, исследованию коммуникаций между городом и селом. Влияние среды в сельской местности фиксируется в исследовании с помощью так называемого паспорта на поселение, в который заносят все важнейшие характеристики сельского населенного пункта, включая данные о коммуникациях с городом. Эти данные комбинируются с материалами опроса. Данные паспорта на село вносятся в шифровальные листы и обрабатываются одновременно с информацией интервью.

¹² Анкета рассчитана таким образом, чтобы «уложить» всю информацию в одну перфокарту, причем из 540 возможных позиций в перфокарте 462 расходуются на общие, сквозные вопросы. Почти все вопросы закрытые и заранее закодированные. При шифровке сначала «обрабатываются» сквозные вопросы, затем — специальные блоки.

При конструировании опросного листа имелись в виду также и способы обработки информации. Кроме очевидной системы условных и безусловных, распределений, различных коэффициентов, предполагалось, что опросный лист позволит собрать информацию, необходимую для построения некоторых моделей. В частности, есть возможность использовать факторный анализ, рассматривая факторы культурного и социального роста как переменные, влияющие на культурные и социальные изменения индивида. Далее, есть возможность использовать аппарат распознавания образов. По континууму культурных и психологических ориентаций можно выделить соответствующие таксоны и найти внутреннюю зависимость между системой этих ориентаций. Предполагается также «выйти» на прогнозирующие модели. Анализ связи между отдельными факторами культурного и социального роста дает возможность выявить устойчивые зависимости, а поскольку отдельные факторы легко предсказуемы (например, рост образования народа), знание этих устойчивых зависимостей позволит прогнозировать перспективы социально-культурных изменений¹³.

Отбор объектов, выборка и организация исследования

Исследование в масштабах целой союзной республики — дело весьма трудоемкое. Поэтому необходимо выделить ограниченную группу республик, по которой можно было бы судить о закономерностях социально-культурного развития наций. При отборе объектов сделана попытка выделить наиболее типичные для тех или иных регионов республики с тем, однако, чтобы каждая из них имела существенные специфические особенности, которые были бы достаточными для представления многообразия параметров социально-культурного развития. В результате анализа материалов, в первую очередь статистических, в качестве объектов исследования были выделены: Молдавская ССР, Грузинская ССР, Латвийская (или Эстонская) ССР, РСФСР и Узбекская ССР. Эти республики наилучшим образом представляют свои регионы: Закавказье, Прибалтику и Среднюю Азию. В то же время они дают возможность для содержательных сравнений. Каждая из них отражает своеобразный исторически-культурный опыт, различную степень урбанизации и индустриализации и, наконец, различную длительность культурных контактов в границах СССР.

Для контроля сделанного выбора был применен метод таксономии¹⁴. По 35 социально-экономическим, демографическим и культурным параметрам, зафиксированным статистическим справочником «Народное хозяйство» (1969 г.), были определены таксоны, включающие республики со сходными характеристиками. В результате таксоны распределились следующим образом: 1) Латвия, Эстония; 2) Молдавия; 3) а) Грузия, Армения, б) Литва, Белоруссия; 4) Узбекистан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения; 5) РСФСР; 6) Украина; 7) Казахстан; 8) Азербайджан.

Даже общий просмотр некоторых базовых данных убеждает в том, что в каждый из таксонов включены действительно сходные республики (см. табл. 1).

Идеальным было бы исследовать хотя бы по одному объекту в таксоне. Однако, учитывая необходимость завершения исследования в обозримые сроки, решено провести его поэтапно. На первом этапе предпола-

¹³ По материалам исследования в Татарской АССР попытка создания прогнозирующей модели была сделана в Лаборатории экономических прогнозов ЦЭМИ под руководством Ю. Н. Гаврильча.

¹⁴ Расчеты были проведены В. С. Кондратьевым. Подробно с методами таксономии можно ознакомиться в книге: Н. Загоруйко, Т. Заславская. Распознавание образов в социальных исследованиях, Новосибирск, 1968.

Основные показатели по республике

СССР и республики	% городского населения (1970 г.)	Естественный прирост на 1000 чел.	Доля заня- тых в про- мышленности.	Доля заня- тых в сель- ском хозяй- стве	Энерговоору- женность на 1 работающе- го	Товарооборот на душу насе- ления (в руб.)	Средний раз- мер вклада в сберкасса (в руб.)	Численность студентов на 10 тыс. насе- ления	Выпуск книг на душу на- селения
РСФСР	62	5,7	37,5	9,5	12,2	657	519	204	8,2
Украина	55	6,0	37,6	7,4	6,7	547	499	171	2,7
Казахстан	51	17,3	22,4	21,1	25,4	528	507	152	1,8
Эстония	65	4,2	37,0	9,3	15,7	893	524	166	8,4
Латвия	62	2,9	39,0	8,4	13,5	875	563	171	6,3
Литва	50	8,7	35,6	12,0	10,9	648	869	178	4,6
Грузия	48	11,2	26,6	11,6	3,9	462	933	192	3,7
Армения	59	17,6	32,5	11,9	7,3	466	888	214	4,1
Азербайджан	50	22,3	24,7	14,0	7,9	375	594	194	1,9
Белоруссия	43	8,5	33,7	13,8	6,5	530	514	153	2,7
Молдавия	32	11,5	27,8	12,7	4,7	455	401	127	2,8
Узбекистан	36	26,8	22,2	16,3	8,4	393	438	194	2,8
Туркмения	48	27,3	19,4	6,5	9,8	444	580	135	2,0
Таджикистан	37	28,6	23,0	10,5	7,4	372	437	147	1,8
Киргизия	37	22,6	25,9	15,3	9,1	437	458	158	2,0
СССР	56	8,9	35,4	10,3	10,2	600	526	188	5,6

гается исследование по одному объекту каждого первых трех таксонов, на втором — из среднеазиатского таксона и Российской Федерации. Что касается Украины, Казахстана и Азербайджана, то в этих республиках параллельное исследование можно провести местными силами при методической помощи Института этнографии АН СССР. Поэтапное исследование целесообразно, так как оно дает возможность обобщать материалы, не дожидаясь окончания всей работы.

Одной из ключевых проблем, решающих судьбу исследования, является выборка. Учитывая разные условия для выборки в городе и на селе, было решено организовать раздельную выборку — городскую и сельскую. В городе выборка — пропорциональная, в основе ее лежат избирательные списки. На селе, благодаря похозяйственным книгам, имеется возможность организовать более экономичную, непропорциональную выборку, «размещенную» по социально-профессиональным группам (в похозяйственных книгах фиксируется профессия).

Как в городе, так и на селе выборка многоступенчатая. С учетом типичных характеристик прежде всего отбираются города и села.

В Молдавии для исследования были отобраны Кишинев, Бельцы, Тирасполь, Сороки, Кагул, Фалешты, Калараш, в которых проживало около 80% всего молдавского и русского населения Молдавии. Города эти представляли основные типы городских поселений республики (Фалешты и Калараш — города с населением до 20 тыс., Кагул и Сороки — от 21 до 50 тыс., Бельцы и Тирасполь — от 51 до 200 тыс., Кишинев — более 200 тыс.). Выборочная совокупность была разделена между этими городами в такой пропорции, в какой распределяется городское население республики в соответствующих типах поселений (16,9% живет в городах с населением до 20 тыс. чел., следовательно подлежало опросу в Фалештах и Калараше 506 чел., т. е. 16,7% от 4 тыс. выборочной совокупности и т. д.).

При отборе, например, сельских поселений учитывался размер сельского населенного пункта, этнический состав, тип сельскохозяйственного предприятия (колхоз или совхоз), функциональная роль села, расстояние до ближайшего города.

Таким образом, в Молдавии были отобраны 30 сел в разных районах (Страшенском, Каларашском, Фалештском, Сорокском, Слободзей-

ском, Кагульском), т. е. в каждом из экономико-географических регионов республики. В дальнейшем непропорциональная сельская выборка выравнивается с помощью специальных поправочных коэффициентов, которые доводят каждую группу до единой нормы представительства. Общий объем выборочной совокупности для сельской местности Молдавии был определен в 1600 единиц, городской — в 4000 единиц¹⁵. Использование материалов в рамках республики в целом — без подразделения на городское и сельское — возможно лишь после приведения пропорций единиц наблюдения в соответствие с реальной структурой.

Отдельно собирался материал по тем группам интеллигенции (творческой, научно-технической, научно-гуманитарной, научно-производственной), которые в общей выборке представлены небольшим числом, не отвечающим аналитическим требованиям. Опрос этих групп интеллигентов производился по месту работы. Выборка здесь представительная для каждого учреждения.

Были проинтервьюированы писатели, композиторы, актеры, художники, объединенные творческими организациями (Союзы писателей, композиторов, художников и т. д.), коллективы ряда научных учреждений¹⁶.

Реализация программы исследования в Молдавии показывает, что выборка себя полностью оправдала. Отклонения от генеральной совокупности по базовым признакам, фиксируемым статистикой, не превышают 5%. В сельской выборочной совокупности мужчины составили 47,1%, в генеральной — 46,4%. По данным выборки, 75,5% проживало

Т а б л и ц а 2

Характеристика выборочной совокупности по Кишиневу (в %)

Возраст	Женщины		Мужчины	
	перепись 1970 г.	данные выборки	перепись 1970 г.	данные выборки
18—19 лет	8,6	8,5	8,4	5,6
20—29 » »	25,0	27,1	29,2	29,8
30—39 » »	20,9	20,9	23,0	24,4
40—49 » »	18,5	17,8	17,8	18,4
50—59 » »	12,1	13,0	11,5	10,3
60 и более » »	14,9	12,7	10,1	11,5

в колхозе, 74,2% — на центральной усадьбе; отклонения от генеральной совокупности в обоих случаях составили 3,5%. О результативности городской выборки можно судить по данным, полученным в Кишиневе.

В настоящее время материалы осенней экспедиции 1971 г. в Молдавии подвергаются математической обработке на ЭВМ. Получены первые условные распределения по г. Кишиневу, которые уже дают возможность сделать некоторые наблюдения.

Первые результаты

Программа исследования в Молдавии, как и в других республиках, предусматривала опрос не всего населения, а лишь коренной национальности (в данном случае молдаван) и русских, как основной контакти-

¹⁵ Теоретическая ошибка выборки не превышала 5% при доверительной вероятности не менее 0,90.

¹⁶ Считаю своим приятным долгом поблагодарить наших молдавских коллег — зав. отделом этнографии и искусствоведения АН Молдавской ССР В. С. Зеленчука, старших научных сотрудников С. С. Бобока, Л. Д. Паскаля за систематическую помощь, которая существенно облегчила нашу работу.

рующей нации в пределах Союза¹⁷. Результаты исследования уже дают некоторые возможности сравнить по ряду характеристик молдаван и русских в условиях крупного города и выявить некоторые общие и специфические тенденции изменения их культурного облика и социального положения. Со всей очевидностью обнаруживается, в частности, что тенденции эти различны в тех или иных сферах культуры. В области материальной культуры чем дальше, тем больше отстывает национально-специфическое, причем не только когда речь идет о жилище и одежде, но и во всех остальных случаях. В этой сфере берут верх практические соображения — важно, чтобы было удобно, дешево, прочно. Сравнительно устойчивы вкусы в выборе пищи, так как именно в этой области «конкуренция» массового промышленного производства ощущается пока менее всего. В этих условиях крайне суживаются национальные предпочтения в материальной сфере жизни. Среди жителей Кишинева только 18% молдаван и 5% русских хотели бы видеть в интерьере национальные предметы обихода; выборы национальных блюд в числе любимых у молдаван составили 36%, у русских — 13%. Интересно, что почти нет никакой связи между национальными предпочтениями в материальной культуре, образованием и социальным положением опрошенных.

Иные тенденции наблюдаются в развитии духовной культуры. По структуре духовного потребления, формам досуга русские и молдаване в Кишиневе в настоящее время практически мало отличаются друг от друга. Среди тех и других почти одинакова доля читающих художественную литературу (русские — 88%, молдаване — 78%), посещающих театр (русские — 70%, молдаване — 60%) и т. д. Но вместе с тем национальная ориентация в культуре у тех и у других существенно отличается. Формы «урбанизированной» культуры одни, а национальное содержание разное. Молдаване ориентированы в первую очередь на молдавские народные виды искусства (музыка — 79%, танцы — 81%); даже национальной свадьбе с ее в известной степени архаичными элементами многие молдаване отдают предпочтение (58%). Что касается русских, то среди них только 24% отдают предпочтение элементам национальной свадьбы. Русские народные танцы нравятся им не больше, чем молдавские, а русская народная музыка — так же, как молдавская. Причем, если выборы народных видов искусства довольно устойчивы у молдаван практически в любой социальной и возрастной группе, то у русских они заметно снижаются в более молодых, а также образованных и квалифицированных группах (см. табл. 3).

Относительно слабая ориентация русских на традиционную культуру объясняется рядом причин. Молдаване находятся в собственной этнической среде, многие из них органически связаны с деревней, из которой недавно вышли. Достаточно, например, сказать, что половина молдаван, проживающих в Кишиневе, училась в сельской школе, тогда как среди русских — выходцев из села — примерно 20%. Приток русских из сел в города Молдавии сокращается, тогда как приток молдаван

¹⁷ Мы не исследовали всех этнических групп, населяющих республику, в том числе и такую многочисленную в республике национальность как украинцы, не только из-за недостатка сил, но и исходя из особенностей исследования, носящего общесоюзный характер. Проблема взаимодействия культуры коренной нации с русской является общей, «сквозной» для каждой республики, тогда как взаимодействие с культурами других наций (чаще всего коренных наций соседних республик) в каждом случае специфично для каждой республики. Например, для Молдавии актуальна проблема взаимодействия молдавской и украинской культур, для Грузии — грузинской и армянской и т. п. Представляется целесообразным исследование этих сюжетов местными силами. Именно такое разделение труда наметилось у нас с молдавскими этнографами, которые предполагают изучать по изложенной здесь программе взаимодействия между молдавской, украинской и другими национальностями, населяющими республику.

Таблица 3

Доля молдаван и русских, предпочитающих народные танцы и музыку своей национальности (в Кишиневе) (в %)*

	Все население	В т. ч. соц.-проф. группы				В т. ч. возрастные группы					
		A ₁	A ₂	Г—В	Г ₃	20—24	25—29	30—39	40—49	50—59	60 и более
1. Народная музыка молдаване	79	70	71	83	90	70	74	84	86	87	92
русские	44	34	46	43	56	22	33	37	43	58	60
2. Народные танцы молдаване	81	78	71	83	88	78	73	85	86	85	93
русские	40	34	40	36	54	23	25	33	45	45	58

* Опрошенные по перечисленным группам распределялись следующим образом:

Число обследованных	Все население	В т. ч. соц.-проф. группы				В т. ч. возрастные группы					
		A ₁	A ₂	Г—В	Г ₃	20—24	25—29	30—39	40—49	50—59	60 и более
Молдаване	932	265	91	281	192	233	101	213	133	84	76
Русские	794	212	152	174	124	94	69	162	179	137	114

Примеч.: A₁— интеллигенция высшей квалификации.
A₂— интеллигенция средней квалификации.
Г—В — квалифицированные рабочие.
Г₃—неквалифицированные рабочие.

Таблица 4

Ориентация в профессиональной культуре (в %)

	Молдаване	Русские
Назвали выдающимися преимущественно:		
русских деятелей культуры	40	67
молдавских деятелей культуры	22	4
западных деятелей культуры	10	6
Затруднились ответить или называли равным образом как молдавских, так и русских и других деятелей культуры в одинаковой пропорции	28	23

увеличивается — в молодых возрастных группах молдавского населения доля бывших сельских жителей особенно велика. Имеет также значение развитие самой системы профессионального фонда русской культуры. Не случайно русское население в большей мере ориентировано на профессиональные виды искусства. Закономерна поэтому большая популярность русских профессиональных деятелей культуры, хорошо известных не только русским, но и молдаванам (табл. 4).

Русская культура исполняет свои интернациональные функции и активно взаимодействует с другими культурами благодаря своему мощному профессиональному слою.

Исключительно интенсивно воспринимается молдавским народом русский язык. В Кишиневе свободно владеют русским языком 70% молдаван, причем значение языка, естественно, возрастает с ростом образования и квалификации населения: среди неквалифицированных рабочих владеют русским языком 53% молдаван, квалифицированных — 71%, среди интеллигентов высшего звена — 79%, а среди научных и творче-

ских работников — 92%. С каждым поколением знание русского языка у молдаван заметно увеличивается. Если среди стариков (старше 60 лет) свободно говорят по-русски лишь 32%, то почти вся молдавская молодежь в Кишиневе знает русский язык (82%). Однако русский язык у молдаван не вытесняет молдавского. 89% молдаван-кишиневцев свободно владеют молдавским или обоими (русским и молдавским) языками. Особенно важно, что знание молдавского языка довольно устойчиво во всех профессиональных и возрастных группах молдавского населения. Ни в одной из них число наиболее свободно владеющих молдавским или обоими языками не снижается ниже 80—90%. Более 90% молдаван-кишиневцев считают родным языком молдавский. Таким образом, и в условиях самых активных межнациональных (главным образом молдавано-русских) контактов молдаване, все более активно усваивая инациональную культуру, продолжают пользоваться богатством собственного культурного фонда. Это свидетельствует об оптимальном культурном развитии молдавского народа.

Интенсивное межнациональное общение, единство советской идеологии и мировоззрения создают основу для развития интеграционных процессов в духовной культуре народов. «Ныне трудящиеся каждой республики,— записано в постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования СССР»,— составляют многонациональный коллектив, в котором национальные особенности органически сочетаются с интернациональными, социалистическими, общесоветскими чертами и традициями». У народов СССР создается единый ценностный фонд, общие нравственные представления, что является признаком морального единства новой исторической общности, все более утверждающейся в сознании каждого как единый советский народ. Очень выпукло утверждение этой общности проявилось в системе общественно-нравственных ценностных ориентаций, которые у молдаван и русских, проживающих в Кишиневе, совпали с удивительной точностью (см. табл. 5).

Если между молдаванами и русскими практически нет никакой разницы в перечисленных ценностных ориентациях, довольно значительная вариативность наблюдается зато в некоторых ценностях по профессионально-возрастным группам. Такие ценности, как «семья», «уважение людей», в какой-то мере «чистая совесть», универсальны для всех групп, а «работа», «творчество» и «материальный достаток» детерминированы социальными различиями.

Судя по резкому возрастанию у молодых поколений таких ценностей, как «интересная работа», «творчество», можно рассматривать их как динамичные (в отличие от стабильных — «семья» и имеющих тенденцию к угасанию — «материальный достаток» или «спокойная жизнь»). Это позволяет прогнозировать изменение ценностных ориентаций, и возможно, даже перестройку их структуры в недалеком будущем.

Можно сделать и другой вывод — о детерминации системы ценностных ориентаций социальными факторами и в первую очередь социально-профессиональной структурой. Сходство морально-нравственного облика молдаван и русских в значительной мере объясняется тем, что в результате интенсивной мобильности социальная структура национальностей в Кишиневе в основном выравнилась. Среди опрошенных доля русских, занятых умственным трудом, очень не намного превышала соответствующую долю у молдаван (в поколении родителей доля русских интеллигентов была в два раза выше, чем у молдаван). Обобщающим показателем в этом отношении может служить образование, которое находится, как известно, в очень тесной корреляции с социальным статусом. Средний уровень образования у молдаван, проживающих в Кишиневе, — 9 классов, у русских — 10 классов.

Хотя близость социальных характеристик создает основу для сближения социальных параметров наций, и в этом отношении, однако, со-

**Общественно-нравственные ценности молдаван и русских
(доля опрошенных, определивших перечисленные ценности как важнейшие) (в %)***

Ценности	Национальность	Все население	В т. ч. соц.-проф. группы				В т. ч. возрастные группы				
			A ₁	A ₂	Г—В	Г	25—29	30—39	40—49	50—59	60 и выше
Семья	м	83	84	83	78	77	80	84	84	76	82
	р	83	81	85	84	85	89	88	83	83	82
Интересная работа	м	69	87	74	67	52	77	69	71	50	47
	р	76	84	79	75	65	80	80	79	77	62
Уважение людей	м	67	76	71	69	42	64	68	69	52	54
	р	70	73	69	68	66	70	69	68	73	66
Чистая совесть	м	64	74	70	62	52	67	66	65	55	50
	р	67	73	67	63	62	70	67	67	69	61
Материальный достаток	м	57	49	59	62	58	58	61	61	52	55
	р	57	46	52	71	65	68	57	55	56	62
Творчество	м	37	64	40	23	20	49	28	30	26	22
	р	37	55	35	29	26	45	36	30	36	32
Спокойная жизнь	м	25	18	21	26	31	25	22	32	32	33
	р	25	16	19	29	36	12	26	30	31	33

* м — молдаване.
р — русские.

храняются известные различия. Разница в ценностных ориентациях сказывается в семейно-бытовой сфере. Например, 67% русских считает, что женщины безусловно целесообразнее работать, чем заниматься домашним хозяйством, молдаван — только 57%. Соответственно русские больше, чем молдаване, ценят в женщине служебно-деловые качества и меньше — хозяйственность и т. п.

В этом, по-видимому, также отражаются как некоторые особенности социальной структуры, так и преимущественное крестьянское происхождение молдаван.

Естественно, все сказанное о сходстве социальных характеристик молдаван и русских, проживающих в Кишиневе, нельзя распространять на эти национальности в целом даже в пределах Молдавии. Те остаточные особенности, которые проявляются в молдавском городском населении ввиду его тесной связи с селом, конечно, дадут о себе знать, как только нация будет рассмотрена в целом с учетом реальных пропорций населения между городом и селом.

Сделанные здесь предварительные выводы частично подтверждают некоторые из выдвинутых теоретических предположений. Разумеется, они требуют уточнения и расширения. Сделаны самые первые шаги в реализации обширной программы исследования социально-культурных условий развития и сближения наций.

SOCIAL-CULTURAL ASPECT OF THE DEVELOPMENT AND MUTUAL RAPPROCHEMENT OF NATIONALITIES IN THE USSR (PRINCIPLES UNDERLYING THE PROGRAM AND PERSPECTIVES OF RESEARCH).

The article expounds the program and methods of an extensive study of the development and mutual drawing together of nationalities in certain Union Republics of the USSR. The theoretical assumptions on which the study is based are characterized; a number of concepts (i. e. social-cultural development of nationalities; the drawing together of nationalities; upward social mobility of the population; migrational mobility; culture

resources; etc.) are specified. Particular consideration is given to defining the criteria of optimum social-cultural development and to substantiating the central theoretical hypotheses. New principles of solving problems of method are proposed, specifically in the organization of sampling, in a taxonomical selection of objects of study in an ethnically heterogeneous environment, in the building up of methods and mathematical interpretation of information. In conclusion some preliminary results of the study (which has already been completed in Moldavia) are reported; these expose the similar and the specific in the characteristic features of ethnic groups and corroborate one of the basic hypotheses of the program — that of social determination of ethnic behaviour.

Б. А. Калоев

ОСЕТИНО-БАЛКАРСКИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Проблема средневековых алано-тюркских (половецких) связей впервые была освещена в трудах В. Миллера и М. Ковалевского, совершивших в 80-х годах путешествие по Балкарии¹. Собранные ими в большом количестве топонимические материалы ставят перед исследователями вопрос о роли аланского компонента в формировании балкарского народа. В советское время исследование этой проблемы было продолжено В. И. Абаевым.

Еще в 30-х годах специальные экспедиции в Балкарию и Карачай обследовали почти всю западную часть исторической территории Алании, от Черка до верховьев Кубани, и собрали огромный материал, показывающий наличие близких черт в быту балкарцев и карачаевцев, с одной стороны, и осетин — с другой. В это время В. И. Абаевым выявлено 200 осетинских слов, воспринятых предками балкарцев и карачаевцев в средневековый период; среди этих слов есть и такие, которые «в самом осетинском языке уже мало или вовсе не употребляются»². «Этот материал, — пишет В. И. Абаев, — вновь подтвердил, что осетинские элементы в балкаро-карачаевском ни в коем случае не могут объясняться распространением из нынешней Осетии. В этом случае количество таких элементов резко убывало бы с востока на запад, и в таком отдаленном от Осетии районе, как Баксанский, не могло быть сколько-нибудь значительным. В действительности баксанский насыщен «осетизмами» не меньше других говоров и, что особенно показательно, в нем встречаются такие осетинские элементы, которых нет в более близких к Осетии говорах — чегемском и верхнебалкарском. Вывод ясен — осетинские элементы в балкаро-карачаевском — не результат новейшего заимствования из современной Осетии, а наследие старого алано-тюркского смешения, происходившего на территории всех ущелий, от Терека до верхней Кубани»³. Наряду с данными языка и топонимики весьма важным источником для выявления аланского субстрата в этногенезе балкарцев и карачаевцев является этнографический материал, который раньше почти не привлекался. Основой для данной статьи послужили сведения, собранные автором главным образом в 1966 году во время экспедиции в Балкарию и Карачай, а также некоторые архивные источники (в основном личный полевой дневник М. М. Ковалевского).

Полевой этнографический материал показал родство балкарцев и карачаевцев с осетинами в хозяйстве, культуре, в обычаях, нравах и т. д. Эту близость во многом можно объяснить как этническим родством, так

¹ В. Миллер, М. Ковалевский, В горских обществах Кабарды, «Вестник Европы», кн. 4, 1884; В. Миллер, О поездке в горские общества Кабарды и Осетии летом 1883 г., «Изв. Кавказского отделения Русского географического общества», т. VIII, 1883; В. Миллер, Терская область. Археологические экскурсии, «Материалы по археологии Кавказа», вып. 1, М., 1888.

² См.: В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, т. I, М., 1949, стр. 283.

³ Там же, стр. 275.

и общими традициями этих народов, сложившимися в период средневековья.

Несомненный интерес для нас представляют семейные предания, записанные еще Миллером и Ковалевским. Этот вид устного народного творчества, каким бы тенденциозным он ни был, в значительной степени отражает реальные исторические события и вполне может помочь решению рассматриваемой проблемы.

На основании народных преданий устанавливается, в частности, где первоначально поселились половцы, каким было Черекское ущелье, более доступное, чем, например, Чегемское с его чрезвычайно узким скалистым проходом. «Все предания,—писали Миллер и Ковалевский,—указывают на то, что эта местность, некогда заселенная осетинами-дигорцами, раньше других приняла татарское поселение, и что из нее уже пошло дальнейшее движение в ближайшие долины на северо-запад»⁴.

В преданиях упоминаются названия некоторых осетинских родов: Саута (осет. Черные), Мысаковы (осет. Масуг, башня), сталкивавшихся с пришлыми тюркоязычными племенами. Когда в густонаселенное Черекское ущелье вторглась огромная масса половцев, значительная часть коренных жителей — алан ушла в районы современной Осетии, в частности в Дигорское ущелье. По нашим данным, например, многие носители дигорских фамилий⁵ считают своими предками выходцев из Балкарии.

Исследователи относят время заселения половцами территорий современной Балкарии к разным периодам: В. Миллер, например, к концу XIV в.⁶, а Л. И. Лавров⁷ — к первой половине XIII в. Нам думается, что половцы, как и аланы, окончательно покинули равнину Центрального Кавказа и укрылись в горах после разгрома их Тимуром. Но первые крупные волны поселенцев могли появиться в горах, в частности в верховьях Череха, и в XIII в., т. е. в период монгольского нашествия.

Судя по народным преданиям, половцы двигались с востока из Череха на северо-запад, постепенно проникая в ущелья Безенги, Хулам, Чегем и Баксан. Они повсюду сталкивались с местным аланским населением, большей частью подчиняя его своему влиянию. Следует отметить, однако, что аланы, попавшие в тюркоязычную среду, ассимилировались медленно и еще долго сохраняли свое этническое своеобразие. Об этом свидетельствует большое количество осетинских топонимических названий, сохранившихся до настоящего времени. Аланы упоминаются также в некоторых преданиях, относящихся к более позднему периоду. Одно такое предание, в котором рассказывается о заселении Чегемского ущелья, было записано М. Ковалевским, но опубликовано им только частично. Мы берем полный текст этого предания из его полевого дневника. «Предание, дошедшее до нас,— пишет он,— не восходит далее появления в местности рода Балкаруковых, пришедших с севера, из абазехов (адыгское племя. — Б. К.). Их предок происходит из семейства Болотуковых, до сих пор существующего в Абазехии. Из этого семейства некто Анфако, не ужившись с братьями, решил выселиться: прибыл прежде всего в Баксанское ущелье у верховьев реки Баксана, где в то время жили сванеты. В стычках с ними он был убит, оставив после себя двух сыновей Бей-Мурза и Дан-Мурза. Приблизительно это будет десять поколений назад (более 350 л.). Дети эти из

⁴ В. Миллер, М. Ковалевский, Указ. раб., стр. 553.

⁵ Б. А. Калоев, Осетины (историко-этнографическое исследование), М., 1971, стр. 34—41.

⁶ В. Миллер, Терская область. Археологические экскурсии, стр. 77.

⁷ Л. И. Лавров, Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в., «Кавказский этнографический сборник», т. IV, М., 1969, стр. 71.

Баксана переправились в Чегемское ущелье. Они направились в аул, который уже тогда назывался Чегем, в котором жил какой-то народец с князем Берды (Берды-бей — князь Берды). Рассказчик предполагает, что народец этот были осетины (т. е., по-видимому, аланы. — *Б. К.*). Возле аула имеется камень, доселе называемый камнем Берды-бея. Когда братья прибыли в Чегем, они были приняты радушно Берды-беем. Как умные люди они понравились ему. По смерти Берды-бея остался малолетний сын Рачкау. Благодаря малолетству Рачкау, оба брата успели снискать расположение аула и захватили власть в свои руки. От народа, здесь жившего, остался ли кто до нашего времени — неизвестно. Народец, здесь живший, распался на два поселка; на левой стороне Чегема жил Берды-бей, у подножья скалы Бети-кочер, сохранивших следы башни, в которой он жил; башни, сложенной с помощью цемента. На правой стороне Чегема был другой поселок, который до сих пор называется Берды-бей. Оба поселка принадлежали Берды-бею»⁸.

Как видно из приведенного текста, следы прежних обитателей — алан еще хорошо сохраняются примерно в XVI в. Дольше всего аланы сохранили свою этническую самостоятельность в Черекском ущелье, близко примыкающем к Дигории. Здесь сохранилось множество осетинских топонимических названий и памятников материальной культуры алан. В 1966 г. только в сел. Каспарты («солнечная сторона») на левом берегу Череха, зафиксированы следующие топонимы: Шаудан (осет. Шаудон) — родник, Дорбун (осет. Дорбун) — пещера, Байрам (осет. Майрам) — Мария и т. д. До сих пор здесь помнят названия уже исчезнувших сел: Курноят (осет. Курой уат — место, где находится мельница) и др. Эти селения располагались по правому берегу Череха на верхней окраине теперешнего селения Верхняя Балкария. В том же районе имеется «городок мертвых» с большим количеством средневековых аланских склепов⁹.

О длительном сосуществовании в Верхней Балкарии (Черекское ущелье) тюркоязычного и аланского населения и их общении с жителями Дигорского ущелья говорит предание о происхождении родоначальников балкарских таубиев — Басиат и дигорских феодальных фамилий — Бадила. Басиат и Бадила считаются родными братьями. Покинув древний город Маджар на Куме, они сначала поселились в Дигорском ущелье, а затем Басиат поссорился с младшим братом Бадила и ушел в верховья Череха¹⁰.

Можно отметить большое количество браков между представителями осетин, балкарцев и карачаевцев. Многие осетинские семьи переселялись в Балкарию, так же как и балкарские в Осетию. Приведу лишь несколько примеров. По словам 80-летнего Юсупа Чочаева (с. Безенги), предок его рода — Чочай был выходцем из Осетии; он пришел в Балкарию вместе со своими братьями Чера и Миза, причем Чочай обосновался в Безенги, Чера в Верхней Балкарии, а Миза поселился в Верхнем Чегеме. Братья стали родоначальниками современных балкарских фамилий: Чочаевых, Чераевых и Мизиевых. До недавнего времени не допускались браки между выходцами из этих родственных семей.

Родоначальник фамилии Созаевых, составляющей более 100 семейств, которые живут в разных селах Балкарии, также считается выходцем из Осетии. 70-летний Кубати Созаев (с. Белая Речка) рассказал, что его предок пришел из Дигории со своим братом и обосновался в бал-

⁸ Архив АН СССР, ф. 103, оп. 1, ед. хр. 329, л. 35.

⁹ См.: Е. И. Крупнов, Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, стр. 359; Л. Семенов, Археологические разыскания в Северной Осетии, «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института», т. XII, 1947.

¹⁰ В. Миллер, М. Ковалевский, Указ. раб., стр. 535; Ф. Красницкий, Кое-что об Осетинском округе, газ. «Кавказ», 1865, № 30.

карском селе Хуламе. Балкарские и осетинские Созаевы до сих пор сохраняют родственные связи. Они посещают друг друга, особенно по случаю свадеб или похорон. Общение такого рода весьма характерно и для многих других осетино-балкарских родственных семей, носящих одну фамилию. Наконец, нередки случаи, когда в одном селении встречаются фамилии, ведущие свое происхождение из Осетии. В с. Гунделен, например, это фамилии Тюбесевых, Жантуевых, Балаевых, Хутуевых. Характерно и то, что у балкарцев, карачаевцев и осетин имеется много одинаковых фамилий (Абаевы, Базиевы, Балаевы, Газаевы, Касаевы, Тменовы и др.), появившихся, по-видимому, в течение нескольких столетий. Возможно, что некоторые из них существовали еще в период заселения половцами этих горных районов. В тот период и позднее под ударами миграционных волн разбивались компактно жившие роды (фамилии). Части этих родов затем, очевидно, вошли в состав разных народов. Иначе, например, трудно объяснить существование фамилии Касаевых на двух разных концах огромной территории — в Карачаевском селении Хурзук в верховьях Кубани и в Центральной Осетии в с. Нижний Пурият и в ряде мест Северо-Осетинской АССР. В Хурзуке Касаевы до недавнего времени составляли около 100 семейств, а в Осетии — несколько десятков дворов.

Для выявления осетино-балкаро-карачаевских связей интересен анализ этнонимов, которыми эти народы называют друг друга. Балкария издавна известна осетинам под именем «Ассы», отсюда «ассиаг», т. е. человек из страны Ассы. Это старое аланское самоназвание жителей Западной Алании сохранилось и в карачаево-балкарском языке, но в настоящее время оно означает — иноверец. «Ассыдан туугъан» — рожденный от безбожника, т. е. от человека другой веры, какими были аланы для турок. В языке балкарцев и карачаевцев есть слово «алан»: в значении «товарищ, друг». Такого толкования нет у других тюркских народов. Можно полагать, что, несмотря на сохранение ряда этнических особенностей, аланы, оказавшиеся среди пришлых тюркоязычных племен, сотрудничали с ними в мирное время и совместно отражали набеги врага.

Жителей Карачая, возникшего, по-видимому, не ранее XVII в. в результате переселения балкарцев в верховья Кубани¹¹, осетины называют хъарасе, хъарасиаг — из страны Карачая. Балкарцы именовали осетин «дигор». Карачаевцы именуют осетин-иранцев этнонимом «тегей»¹², а дигорцев — «дюгер».

Таким образом, можно констатировать сохранение в языке изучаемых народов аланских этнонимов «ассы» и «дигори» («дигорцы»), отмеченные еще в «Армянской географии» VII в.¹³, где под именем «дигор» выступают, по-видимому, обитатели современного Дигорского ущелья, «ассы» же — это жители остальных районов Западной Алании. Это дает основание предположить, что существовали два самостоятельных аланских племени.

Близость рассматриваемых народов прослеживается и в области материальной культуры. Несомненно, что половцы, попавшие в непривычные для них горные условия, унаследовали аланские сельскохозяйственные орудия, в том числе и пахотные, а также некоторые навыки и приемы хозяйства. Это положение подтверждается сравнительным изучением традиционных сельскохозяйственных орудий у осетин, балкарцев и карачаевцев. Балкаро-карачаевское пахотное орудие (сабан агъач) почти абсолютно идентично горному осетинскому пахотному орудью (дзыбыр)

¹¹ Л. И. Лавров, Указ. раб., стр. 80.

¹² Тегей — осетины-тагаурцы (В. И. Абаев, Указ. раб., стр. 280).

¹³ К. Патканов, Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому, «Журнал Министерства народного просвещения», 1883, март.

и особенно его дигорскому варианту. Однако мы не находим аналогии ему у других соседних народов — кабардинцев, ингушей, чеченцев. Две главные части этого орудия — ручка и дугообразная стойка — имеют осетинские названия; первая называется «гулос», а вторая «гина»¹⁴.

Общими у осетин, балкарцев и карачаевцев были своеобразная самодельная коса и деревянные грабли с вертящимися вокруг оси зубьями. Ни одно из этих орудий не применялось в Кабарде.

Повсеместное распространение имели в Осетии, Карачае, Балкарии земляные ямы, служившие для хранения зерна. Особенно много таких ям в средневековых поселениях¹⁵, в оборонительных и культовых сооружениях алан, например, в аланских соборах X—XI вв. в верховьях Кубани (Хумаринский, Сентийский). В с. Чегем нам рассказывали, что здесь до недавнего времени зерно хранили в глубоких земляных ямах. Это селение не составляло исключения. Той же традиции придерживались во многих других населенных пунктах Балкарии, Карачая и горной Осетии. Наконец, многие балкаро-карачаевские названия процессов уборки урожая и заготовки сена, а также связанные с ними предметы и орудия труда сходны с осетинскими. Они вошли в язык указанных народов.

Вот некоторые из этих терминов: гэстэ — полная горсть колосьев при жатве (осет. дастаг), дис — сноп (осет. идас); хастан — место, куда свозят копны сена (осет. хуасдона), куф — большая корзина для перевозки навоза в поле (осет. куф); балас — плетенка из ветвей молодых березок, на которой волокут сено с гор (осет. билас), толан — скатывание с горы массы сена (осет. толун); бардух, уадых — скрученный прут (осет. уардах); гэркэ, гэрка — деревянное кольцо для натягивания веревки (осет. гарка) и т. д.¹⁶

Большой интерес в скотоводческой практике балкарцев представляет широко применяемый до сих пор на колхозных животноводческих фермах осетинский парный счет, очень удобный, по словам местных жителей. «У балкарцев, — говорит 115-летний Кукуза Токуев (с. Верхняя Балкария), — не было другого счета, кроме осетинского». Как отмечал В. И. Абаев, этот счет у балкарцев ведется «по старой иранской десятичной системе, в то время как у самих осетин десятичная система замещена двадцатичной по примеру соседних яфетических языков»¹⁷.

Большое сходство у осетин, балкарцев и карачаевцев имеет и способ приготовления молочных продуктов, в частности сыра и масла.

Для приготовления масла применялась маслобойка одного типа, представляющая собой цельный деревянный ствол¹⁸. В качестве маслобойки и у балкарцев и у карачаевцев использовался еще и бурдюк, который носит дигорское название¹⁹ и воспринят, по-видимому, также у алан. В отличие от изучаемых нами народов, кабардинцам известны только копченый сыр и топленое масло. У них масло изготовлялось без применения маслобойки.

Сходство культуры осетин, балкарцев и карачаевцев не менее ярко проявляется в архитектуре этих народов. Встречающиеся на территории Балкарии и в Карачае сторожевые, оборонительные, жилые башни, а также целые замки типа осетинского галуана относятся по времени постройки к аланской эпохе и к периоду позднего средневековья. В настоящее время уцелели только некоторые из этих памятников.

Все башни, как правило, одного типа. Исключение составляет хорошо сохранившаяся трехэтажная сванская башня в Верхнем Чегеме, построен-

¹⁴ В. И. Абаев, Указ. раб., стр. 279.

¹⁵ Т. М. Минаева, Очерки по археологии Ставрополя, Ставрополь, 1965, стр. 64.

¹⁶ В. И. Абаев, Указ. раб., стр. 278, 279.

¹⁷ Там же, стр. 282.

¹⁸ Б. А. Калоев, Указ. раб., стр. 101—102.

¹⁹ По-дигорски — габат, у карачаевцев и балкарцев — гэбэт, тыбыт.

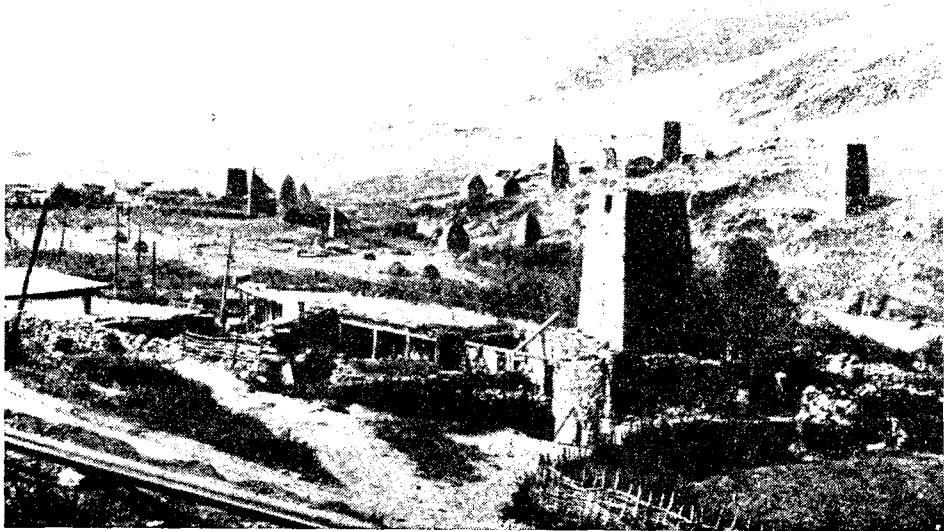

Рис. 1. Сел. Даллакау в Куртатинском ущелье в Северной Осетии

ная сванскими мастерами не позднее XVII в. Подобной башни на Северном Кавказе больше нет. Балкарские башни очень сходны с осетинскими, что не раз подчеркивалось исследователями. «Следует отметить,— писал В. Миллер,— башни, встречающиеся в этих местах не менее часто, чем в Осетии, в большинстве совершенно сходные с осетинскими по наружному виду. Некоторые из этих массивных сооружений, расположенные на удобных в стратегическом отношении местах, представляют целые крепости, как например, близ аула Хулам. Здесь на высоком, почти коническом холме виднеются величественные развалины замка, длиною около 6, шириной более двух саженей с остатками башен. Кто построил эту некогда неприступную крепость, сложенную весьма правильно из тесаного местного камня, неизвестно, об этом не сохранилось даже предания. На противоположной стороне долины виднеются развалины башни, которая должна была одновременно с первой защищать ущелье, так что неприступный подвергался перекрестным выстрелам. Обе башни по типической четырехугольной форме, суживающейся кверху, совершенно совпадают с осетинскими»²⁰. По мнению автора, башни эти, как и другие оборонительные сооружения, были воздвигнуты до появления в горах тюркоязычных предков балкарцев и карачаевцев. Сохранение целого комплекса крепостных сооружений аланского периода подтверждают и другие исследователи, в частности археологи Г. И. Ионе²¹ и И. М. Мизиев²², занимавшиеся специально изучением памятников средневековья Балкарии и Карачая. Крепостные сооружения позднего периода также имеют большое сходство с осетинскими; в них продолжают традиции средневековой архитектуры. Поскольку наиболее искусными в строительстве башен и замков подобного рода были осетинские мастера, то, как правильно от-

²⁰ В. Миллер, Терская область. Археологические экскурсии, стр. 73.

²¹ Г. И. Ионе, Верхние Чегемские памятники VI—XIV вв., «Уч. записки Кабардино-Балкарского НИИ» (далее — Уч. зап. КБНИИ), т. XIX, 1963; Г. Ионе, О. Опышко, Памятники рассказывают, Нальчик, 1965.

²² И. М. Мизиев, Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая (XIII—XVIII вв.), Нальчик, 1970.

мечают авторы²³, по-видимому, именно они воздвигали многие крепости на территории Балкарии.

Сходны также и склеповые сооружения осетин, балкарцев и карачаевцев²⁴. Особого внимания заслуживает «городок мертвых» в верховьях Черема, состоящий из множества полуподземных склепов, построенных, по-видимому, еще до водворения здесь тюркоязычных племен. Большой интерес представляет собой и группа надземных склепов в Верхнем Чегеме, относящихся к XVI—XVIII вв. Многие из них аналогичны подобным склепам в Дигории, и особенно в с. Дзинага и с. Хазнидон.

Это позволяет высказать предположение о том, что пришлые тюркоязычные племена, смешавшись с аланами, унаследовали существовавшую у них форму погребения.

Большую роль в общественной жизни как балкаро-карачаевского, так и осетинского села играл ныгыш (осет. ныхас) — место, где собирались мужчины, в особенности сельские старейшины. Здесь мирили поссорившиеся семьи, решали вопросы о постройке или ремонте дорог, мостов, найме общественных пастухов и т. д. Здесь же устраивали спортивные игры, пели песни, играли на музыкальных инструментах. В Осетии, так же как и Балкарии и Карачае, существовали сходные правила поведения в подобных местах²⁵. Дела решались главным образом стариками. Мужчины помоложе никогда не садились в их присутствии. Молодежь не имела права голоса, а женщины даже не могли пройти мимо ныгыша во время мужских собраний.

Ныгыш, как и осетинский ныхас, уходит корнями в аланскую эпоху²⁶. Участие алан в этногенезе балкарцев и карачаевцев прослеживается также на материалах жилых построек и убранства домов у этих народов. Главную часть балкаро-карачаевского дома составляла кухня. Подобно осетинскому хадзару она представляла собой огромное помещение, потолок которого поддерживал массивный столб, находившийся в центре комнаты. На этот столб обычно вешали предметы домашнего обихода. Один из передних углов кухни отгораживали и превращали в кладовую (гуму), куда вел низкий вход. Такое же назначение имела и кладовая (къабиц) в осетинском доме. Старшая женщина юйбийче (осет. афсин) всегда носила при себе ключи от кладовой и нож. Без ее разрешения никто из членов семьи не мог войти в гуму. Молодая невестка, пожелавшая побывать в кладовой, по обычаю должна была делать подарки ее хозяйке.

В кухне строили также яму (уруз) для хранения зерна. Особую роль играли очаг и очажная цепь, располагавшиеся в центре помещения или у стены при выходе. По словам местных жителей, очаг делил кухню на две половины: мужскую (правую) и женскую (левую); около очага на мужской половине стояло кресло (шиндик)²⁷ для старика — главы семьи.

В старину балкарцы и карачаевцы, как и осетины, почитали и свято оберегали очаг и очажную цепь. 115-летний Кукуз Такуев (с. Верхняя Балкария) рассказал нам, что человек, снявший и выбросивший очажную цепь, оскорблял весь род. Такой поступок непременно вызывал кровную месть.

У балкарцев и карачаевцев, как и у осетин, с очагом были связаны некоторые свадебные обряды. Так, например, девушка, выходя замуж, прощалась с очажной цепью; вокруг очага обводили молодую, приобщая ее

²³ П. Г. Акритас, О. П. Медведева, Т. Б. Шаханов, Архитектурно-археологические памятники горной части Кабардино-Балкарии, Уч. зап. КБНИИ, т. XVII, 1960, стр. 69.

²⁴ И. М. Мизиев, Указ. раб., стр. 56—81.

²⁵ Б. А. Калоев, Указ. раб., стр. 200, 201.

²⁶ Б. А. Калоев, Данные этнографии и фольклора о происхождении осетин, «Происхождение осетинского народа», Орджоникидзе, 1967, стр. 107.

²⁷ Шиндик (осет. сынтаг) — кровать.

Рис. 2. Сванская башня в сел. Верхний Чегем

ж новой семье. Наконец, проклятие «чтобы у тебя в очаге погас огонь» говорит о том значении, которое придавалось очагу.

Характерно, что многие важные элементы жилища балкарцев и карачаевцев имеют алано-осетинские наименования, усвоенные ими еще на заре становления этих народностей. Среди таких терминов «хэрэк» — большая продольная балка (осет. аххараг), «зэлмэ» — хворост, которым покрывают плоскую крышу дома (осет. анзалм), «чидинзди» — столб (осет., дигор. сагинза) и т. д. В Балкарии и Карачае существует немало осетинских названий предметов домашней обстановки и утвари: тэрхэк — каменная скамья (осет. тархаг), чэпдэк, чиндик — скамья, кресло (осет. сынтаг), кровать, кучтел — кадка (осет., дигор. кустела), чолпи — ковш, черпалка (осет. солпи) и т. д.²⁸

Большая общность обнаруживается и в традиционной пище у рассматриваемых народов. Наиболее распространенным и любимым блюдом являются пироги с мясом и пироги с сыром (у балкарцев и карачаевцев — хэчэн)²⁹, такие же пироги делаются с начинкой из картофеля, капусты, фасоли и т. д. Общие блюда для этих народов — это чэрна — своеобразная каша (осет. зерна, кэрзэн), гырджын, гыржын — хлеб, чурек (осет. карзын), а также распространенное, особенно у осетин, блюдо дзыгка — кашка, приготовленная из свежего растопленного сыра с добавлением небольшого количества муки.

Из национальных напитков балкарцы до недавнего времени предпочитали пиво³⁰ с хмелем — хумеллек (осет. хумаллаг). Его готовили в огромных медных котлах, особенно по случаю свадеб и других семейных торжеств. Как и у осетин, пиво наливали в деревянные пивные бокалы различной формы, изготовлявшиеся местными мастерами, а также воло-

²⁸ В. И. Абаев, Указ. раб., стр. 279.

²⁹ У осетин-иронцев пирог с мясом называется фыджын. У осетин-дигорцев пирог с мясом и пирог с сыром называется ахсин, а у балкарцев и карачаевцев, — хэчэн.

³⁰ У карачаевцев этот напиток исчез, по-видимому, давно; кабардинцам он был совершенно незнаком.

Рис. 3. Надземные склепы в сел. Верхний Чегем

вьи и туры рога. Можно полагать, что культура пива, принесенная на Северный Кавказ древними иранцами³¹, была воспринята балкарцами и карачаевцами от их аланских предков.

Близость осетин, балкарцев и карачаевцев проявляется в семейных обрядах, в частности, свадебных, а до принятия балкарцами и карачаевцами мусульманства сходство существовало и в похоронных обычаях. Свадебные обряды, записанные нами во многих селах Балкарии и Карачае, поразительно похожи на осетинские. Сходство проявляется во всем: в сватовстве, в заключении брака, в подборе дружков. Один из них (у балкарцев и карачаевцев он носит название улан-югер) играет такую же роль во всей свадебной церемонии, как в осетинской свадьбе къухыл-халцаг (букв. держащий за руку). Схожи в Балкарии и Карачае некоторые осетинские свадебные обычаи: «домаконд» — отправление невестки по воду и «хызисан»³² — снятие платка с ее головы. При совершении этого обряда желали молодой иметь девять мальчиков и одну девочку.

Можно упомянуть и о некоторых обычаях избегания, соблюдавшихся молодыми и их родственниками, но они характерны и для других народов Кавказа. Отметим лишь один из них: у балкарцев, карачаевцев и осетин молодая не разговаривала со своим свекром и старшими родственниками мужа до совершения обряда «раскрытия рта невесты» и вручения ей соответствующих подарков³³.

Полевой этнографический материал свидетельствует о том, что для принятия ислама балкарцы и карачаевцы хоронили покойника, соблюдая многие архаические обряды, совершенно аналогичные осетинским и уходящие своими корнями в древнеиранский³⁴ мир.

К таким обычаям относятся оплакивание покойника, устройство в его честь соревнований по стрельбе в цель (къараатыу — осет. хъабахъ), скачки и т. д.

³¹ В. И. Абаев, Указ. раб., стр. 338, 339.

³² Дж. Шанаев, Свадьба у северных осетин, «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. IV, 1870; Б. А. Калоев, Осетины, стр. 221, 222.

³³ Б. А. Калоев, Осетины, стр. 214.

³⁴ Там же.

Большой интерес представляют и домусульманские верования балкарцев и карачаевцев. У них много общих с осетинами святых: Жеорги (св. Георгий, осет., дигор Уасгергий), Тотур, Тотар (св. Федор, осет. Тутьр), Аш-Элия (св. Илья, осет. Илья), Байрам (св. Мария, осет. Майрам). Характерно, что до сих пор во многих селах Балкарии (Верхняя Балкария, Безенги, Верхний Чегем и др.) сохранились святилища в честь Байрам, куда еще не так давно приходили женщины с приношениями. К Байрам чаще всего обращались те женщины, которые не имели детей. Среди языческих божеств у балкарцев и карачаевцев особенно почитались Апсаты (осет. Афсати), обитавший по поверью, высоко в горах и зорко охранявший свои стада. У осетин это охотничье божество выступало в образе человека — старика с белой бородой, а у балкарцев и карачаевцев оно изображается в виде белого тура. Убить это животное считалось большим несчастьем для охотника. Наш информатор, 102-летний Кны Хазанов (с. Верхняя Балкария), бывалый охотник, утверждал, что он стрелял семь раз в белого тура и ни разу не попал.

Несмотря на отмеченную разницу между карачаево-балкарским Апсаты и осетинским Афсати, все поверья, связанные с этим божеством, очень похожи³⁵. Приведу несколько примеров. Вот один из магических приемов карачаевских и балкарских охотников, сходный с осетинским. Охотники приносили в намеченный для охоты район три удлиненных лепешки. После молитвы старшего, обращенной к Апсаты, эти лепешки съедали. Охотники пели специальные охотничьи песни, посвященные этому божеству. У него выпрашивали хотя бы одного тура или козла. По обычаю, старшему охотнику всегда предоставляли право стрелять первому³⁶. При разделе дичи ему отдавали голову и шкуру. Наконец, у балкарцев и карачаевцев существовал еще один охотничий обычай, аналогичный осетинскому, отдавать «встречную долю» первому, кто встретился возвращающимся с добычей охотникам.

Один из интересных пережитков языческих верований, сохранившихся у осетин, балкарцев и карачаевцев, — это стрельба в небо во время лунного затмения. По сведениям наших информаторов, в этот день в карачаево-балкарских селах стреляли в луну из всех видов оружия, чтобы разбудить ее охрану и отогнать дракона, который якобы собирается ее проглотить. Похожее поверье существует у осетин. Вот как описывал его очевидец в середине XIX в.: «Вся ночь под новый год проходит в подобной стрельбе без умолку. Осетины стреляют вверх, прицеливаясь в луну, с убеждением, что в эту ночь, раз в год, луна находится в крайней опасности от какого-то дракона»³⁷.

Некоторые близкие параллели в этикете, в частности соблюдения обычая старшинства за столом, выборе тамадой самого старшего, указывают на давнее родство рассматриваемых народов. Сходны также обычаи распределения мяса жертвенного животного. У балкарцев и карачаевцев перед старшим обязательно ставят правую половину головы и часть курдюка. Среди кавказских народов подобные обычаи существуют только у осетин. Однако у осетин ставят перед старшим голову целиком, курдюк, шею и некоторые другие части животного. Заметим, что этот обычай существует и у казахов в Средней Азии, в формировании которых принимали большое участие также ираноязычные народы — скифы, сарматы и аланы.

³⁵ Г. Цаголов, Охотничий язык и обряды у осетин (Этнографические заметки), «Терские ведомости», 1895, № 53; Б. А. Калоев, Осетины, стр. 92, 93.

³⁶ Н. П. Тульчинский отмечал по этому поводу: «По обычаю старший предлагает младшему первому стрелять, но это не больше как церемония: младший все-таки представляет старшему первый выстрел» (Н. П. Тульчинский, Пять горских обществ Кабарды, «Терский сборник», вып. 5, Владикавказ, 1903, стр. 205).

³⁷ «Кавказ», 1855, № 7, 8.

Близкое родство балкарцев, карачаевцев и осетин проявляется и в их музыкальном и хореографическом искусстве. Среди музыкальных инструментов особый интерес вызывает 12-струнная арфа, имевшая значительное распространение и на территории Балкарии. Еще в 80-х годах композитор С. И. Танеев видел этот инструмент у балкарцев-урусбийцев во время его путешествия по горам Центрального Кавказа³⁸. Арфа, занесенная на Кавказ скифами, широко бытовала и у алан, от которых она унаследована, упомянутыми народами. Отметим, что карачаево-балкарские танцы чрезвычайно похожи на осетинские и в то же время во многом отличаются от адыгских. Так, например, популярный старинный круговой хоровой танец (голлу) балкарцев и карачаевцев по манере исполнения очень близок к осетинскому танцу «чепена», широко известному из нартского эпоса. С большим искусством танцуют здесь и плавные танцы наподобие известных осетинских плавных танцев — «ханты кафт», «танец куртатинцев» и др.

* * *

Подводя итог, мы можем отметить, что пришлые тюркоязычные племена, поселившиеся в горах рядом с давно обитавшими там аланами, постепенно сближались с ними, передали им свой язык и некоторые обычаи, восприняв, в свою очередь, многие элементы аланской культуры.

Из синтеза этих различных по языку и культуре народов сформировались новые этнические общности — балкарцы, а затем и карачаевцы.

Приведенный в статье материал свидетельствует о большой общности в культуре осетин, балкарцев и карачаевцев, что, несомненно, объясняется активным участием алан в этногенезе этих народов. Это подтверждает выводы ряда дореволюционных и советских ученых³⁹.

OSSET-BALKAR ETHNOGRAPHIC PARALLELS

A part of the Polovs routed by the Mongols in the XIII and XIV centuries found shelter in the Central Caucasus mountains occupied at that time by the Alans. According to folk legends recorded already in 1880-ies by Vs. Miller and M. Kovalevsky but fully published for the first time only in the present article the settling of the Polov people (a part of whom became one of the ancestors of the Balkars and the Karachays) took place in a westward direction, i. e. from the Tcherek to the Baksan ravine. The legends mention a struggle of the newly arriving Turkic-speaking tribes with the indigenous Alan tribes who were ousted by them from their place of habitation. After mixing with the Polovs the Alans did not at once become, amalgamated with them but co-existed with them for a long period of time. At any rate complete assimilation of the Alans with the newly settled Turkic tribes did not take place before the XVI century. Those of the Alans who adopted a Turkic language from the ancestors of the Balkars and the Karachays transmitted to them, in their turn, many features of their culture. As is shown by our field data, an Alan substratum can be clearly traced in the economy, material and intellectual culture in early religious beliefs of the Balkars and the Karachays. Osset-Balkar parallels are noted in traditional agricultural implements, in the processing of milk products, in food and drink, in the architecture of defence buildings and dwellings, in family ritual, etc.

³⁸ С. И. Танеев, Заметка о музыке, танцах и песнях урусбиевцев, «Вестник Европы», 1886, январь.

³⁹ Л. И. Лавров, Указ. раб., стр. 70.

В. Б. Виноградов, Т. С. Магомадова

О МЕСТЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО РАССЕЛЕНИЯ ГРЕБЕНСКИХ КАЗАКОВ

В Центральном государственном архиве древних актов в Москве в фонде Г. Ф. Миллера имеется рукопись, озаглавленная «Описание гребенских казаков». Этот документ был опубликован М. О. Косвеном¹, который установил его приблизительную датировку. «Описание...» было составлено, по мнению М. О. Косвена, русским офицером, квартировавшим в гребенском селении примерно в 40-х годах XVIII в. Исследовательская работа над документом затрудняется тем, что это не оригинал, а незаверенная копия. Тем не менее «Описание...» представляет большую ценность, так как дает историко-этнографическое описание одной из групп русского народа. М. О. Косвен писал, что «иных подобных документов, относящихся к русскому народу, литература XVIII века не знает». «Описание гребенских казаков» имело приложение из планов и рисунков, которые, к сожалению, не сохранились.

Документ состоит из двух частей — исторической и этнографической. Нас в данном случае больше интересует историческая сторона «Описания», точнее — приведенные в ней географические названия местностей, где первоначально поселились «беглые российские люди» — гребенские казаки. Поскольку поселились они «не на тех местах, где они ныне имеют свое жительство, но за Терком в гребнях [то есть в горах]² и в ущельях, а именно в урочищах голого гребня, в ущелье в Павловом, при гребне и ущелье ж Кашлауавском и при Пименавском дубе, который и донныне ниже Балсур или Ортан реки, при Терке реке ж, по коим местам гребенскими казаками и проименовались. Но по частым и усиленным на них тамо от соседственных горских народов нападениям и причиняемым им всегда беспокойствам, со ущербом людей и скота, принуждены были оттоль вытти и переселиться по Терку реке деревнями, а именно Курдюкова, Глаткова и Шадрина, по прозваниям отсадчиков (отселившихся)³ своих. На вышеописанных же местах по их выходе поселились и завладели балсурцы, или карабулаки, чеченцы и гребенчуки».

Документ достаточно широко известен и неоднократно цитировался⁴. Но хотя достоверность его содержания не подвергалась сомнению и ценность его очевидна, никто не занимался его анализом, который, возможно, прояснил бы некоторые неясные вопросы о «первоначальном жителстве» беглых российских людей на территории Чечено-Ингушетии. Мы впервые попытались предпринять это.

¹ М. О. Косвен, Описание гребенских казаков XVIII века, «Исторический архив», 1958, № 5, стр. 181—184; его же, Этнография и история Кавказа, М., 1961, стр. 245—248.

² В квадратных скобках даны пояснения самого автора «Описания гребенских казаков».

³ В круглых скобках — пояснение М. О. Косвена.

⁴ См., например: Б. А. Калоев, Из истории русско-чеченских экономических связей, «Сов. этнография», 1961, № 1, стр. 43; Н. П. Гриценко, Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII — первой половине XIX в., «Труды Чечено-Ингушского НИИ», т. IV, Грозный, 1961, стр. 16; его же, Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом, Грозный, 1965, стр. 13; Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII веках, М., 1963, стр. 292, и др.

М. О. Косвен с сожалением констатировал: «Автор „Описания гребенских казаков” на документе не обозначен и установить его сейчас нет возможности». Полагаем, что это заключение неоправданно пессимистично. М. О. Косвен, опираясь на содержание документа, его язык и стиль, подчеркивал, что автор — хорошо образованный человек, вероятно, русский офицер. Кроме того, он, по-видимому, умел хорошо рисовать (в документе читаем: «мушину на татарское обыкновение платья носят, как значат приложенные при сем рисунки»), а особое внимание к архитектуре и планировке гребенских поселений, которое выразилось не только в подробных словесных описаниях, но и в соответствующих чертежах («понеже весьма не регулярно строено, как значится на приложенных при сем планах»), выдает в нем человека, хорошо знакомого с принципами современного ему домо- и градостроительства различных областей России. Это весьма существенно.

М. О. Косвен склонялся к мысли, что автор документа — офицер, «квартировавший в гребенском селении». Думаем, что скорее — это человек, хорошо знавший быт гребенцов, но постоянно живший не среди них, а в Кизляре. Не случайно, начиная свой рассказ о гребенцах, он подчеркивает, что они «находятся в кизлярском ведомстве» и что о месте их первоначального поселения «при Кизляре... никакого письменного известия не имеется». Кроме того, не нужно забывать, что вместе с «Описанием гребенских казаков» в портфеле Г. Ф. Миллера имеются еще три документа («Об андреевских и аксайских владельцах», «О народах степных», «О городе Терках») и был еще один («О князьях Евгалычевых»), упоминание о котором сохранилось в архивном перечне. М. О. Косвен неоспоримо доказал, что написаны они тем же автором, что и первый документ. Подобная широта интересов, подкрепленная солидной эрудицией, свидетельствует о незаурядной информированности автора относительно положения дел на всем Северо-Восточном Кавказе. Это было доступно скорее обитателю местного административного центра, нежели «квартиранту» рядовой казачьей станицы.

Мы согласны с датировкой документа, предложенной М. О. Косвеном («В тексте записки „О Терках” содержится упоминание царицы Анны Иоанновны, с поминальным ее титулованием. Это заставляет датировать наши документы временем после смерти Анны Иоанновны, т. е. после 1740 года»)⁵. Документы известны в копии, писанной «почерком середины XVIII века», и можно думать, что подлинники были чуть древнее, но не ранее 1735 г. (времени построения Кизляра). Известно, что так называемые «портфели» Г. Ф. Миллера укомплектовывались копиями архивного материала в 1733—1743 гг.⁶ Учитывая все сказанное, можно считать, что копия «Описания гребенских казаков» была снята в 1741—1743 гг.

Полагаем, что документы, копии которых попали в архив Г. Ф. Миллера, были написаны А. Ригельманом, одним из ранних знатоков истории казачества. А. Ригельман — офицер русской армии, инженер по специальности (он вышел в отставку в чине инженер-генерал-майора и кавалера)⁷. В 1735 г. А. Ригельман руководил строительством города Кизляра, который в политико-административном отношении заменил г. Терки на р. Тюменке. Образованнейший офицер своего времени, А. Ригельман не ограничивался лишь выполнением своего служебного

⁵ М. О. Косвен, Указ. раб., стр. 247—248.

⁶ См.: «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР», Указатель, т. I, М., 1962, стр. 453.

⁷ См.: А. Ригельман, История или повествование о донских казаках, отколь и когда они начало свое имеют, и в какое время и из каких людей на Дону поселились, какие их были дела и чем прославились и проч. Собранная и составленная из многих вернейших российских и иностранных историй, летописей, древних дворцовых записок и из журнала Петра Великого чрез труды инженер-генерал-майора и кавалера Александра Ригельмана 1778 года. М., 1846.

долга: он тщательно собирал разнообразные материалы по истории казачества, в том числе гребенского и терского. В 1758 г. он подготовил книгу «Изъяснение о Кизлярской крепости». К сожалению, она не была издана, и рукопись ее пока не найдена. Однако ясно, что, говоря о предыстории строительства Кизляра, автор не мог не коснуться различных сторон местной истории и, конечно же, истории города Терки. А именно эти сюжеты и составляют содержание упомянутых выше документов.

Позднее А. Ригельман скрупулезно собирал и изучал материалы о казачестве юга России. Итогом его этой многолетней работы стал труд, заверченный им в 1778 г., но опубликованный лишь в 1846 г.⁸ Эта работа давно уже стала настольной книгой исследователей истории гребенского и терского казачества⁹. Но никто из историков, занимавшихся этим вопросом после упомянутой публикации М. О. Косвена, не обратил внимания на поразительное сходство, легко обнаруживаемое при сопоставлении текстов раздела книги А. Ригельмана «Гребенские казаки» и рукописного «Описания гребенских казаков», а также на оформление обоих источников. А. Ригельман в своем сочинении о донских казаках приводит рисунки с изображением одежды казаков и казачек, а также план и карту стольного города донской земли — Черкаска. Подобные приложения (касающиеся гребенцов и города Терки) упоминаются и в тексте «Описания гребенских казаков». А насколько сходны тексты источников, можно судить по следующему сопоставлению.

«Описание гребенских казаков»

«По объявлением же настоящих терских старых жителей или старожилов сказано... что первоначальное жительство свое имели не на тех местах, где они ныне имеют; но за Терком в Гребнях [то есть в горах] и в ущельях, а именно в урочищах голого гребня, в ущелье Павловом, при гребне и ущелье же Кашланавском и при Пименавском дубе, который и доныне ниже Балсур или Ортан реки, при Терке реке ж, по коим местам гребенскими казаками и проименовались.

Но по частым и усиленным на них тамо от соседственных горских народов нападениям и причиняемым им всегда беспокойствам, со ущербом людей и скота принуждены были оттоль вытти и переселиться по Терку реке деревнями, а именно Курдюкова, Глаткова и Шадрина, по прозваниям отсадчиков (отселившихся) своих... А потом прибавилось их и от беглых стрельцов и тако наконец, за утеснением их жилищ, хотя и целыми городками те деревни сделались принуждены были еще два городка построить. Новоглаткой и Червленной, с которого времени стало их пять станиц... Ныне ж числом их комплекта в пяти городках состоит кроме неслужащих пять сот человек при одном атамане и обыкновенных старших своих...».

«...Какие ж воровские казаки были, тем свидетельствуют их известным и доныне именами, находящиеся по Терку, Аксаю, Канбулату и прочим рекам запустелые городишки, яко от Сеньки Разина, Андриюшки Килбака, Костека (Костек был атаман разбойничей из беглых донских казаков,

«Гребенские казаки»

«...первоначальное убежище таковых беглецов было по объявлению гребенских старожилов за Терком в самой нынешней Кабарде и части Кумыцкого владения в гребнях, в урочищах: Голого гребня, в ущельях в Павловом при Гребне и ущелье Кашлаковском и при Пимоновом Дубе. Оные урочища звания свои получили от начальников тех беглецов.

После того, когда по частным на них от живущих близ их горских людей набегам чинились им беспокойства и ущерб людям и скоту принуждены из тех мест вытти и поселились на сей стороне реки Терка ж, тремя деревнями: Кордюкова, Гладкова и Шадрин по названиям осадчиков своих. Потом для лучшей безопасности своей огородили и укрепили деревянными заплатами и именовать стали их городками. По сем, когда их приумножилось... за утеснением к житию их жилищ, построили еще два городка Новогладкой и Червленной, и с оного времени стало их пять станиц, и доныне находятся. Их на жалованье состоит 500 казаков при одном войсковом атамане со старшинами...»

«...сам Заруцкий с Маринкою и с сообщенниками своими бежал на Яик, а прочие за Волгу и там за Терком рекою в Гребнях, т. е. в горах и ущельях, с такими же воровскими гребенскими казаками поселились, а потом от разбойника Андриюшки Килбака, затем от бежавших же с До-

⁸ А. Ригельман, Указ. раб.

⁹ См., например, В. А. Потто, Два века терского казачества (1577—1801), т. 1, Владикавказ, 1912; И. Кравцов, Очерк о начале Терского казачьего войска, Харьков, 1882; Л. Б. Заседателева, К истории формирования терского казачества, «Вестник Московского ун-та», 1969, № 3, и др.

который по указу полковником Тушевым, купно с терским атаманом Федором Киреевым с командой 1697 году пойман с немалым числом шайки его разбойников и отведен до Астрахани, а городок разорен) и протчих разбойников, притом и бывшие кумские казаки, где нынче состоит неизвестно...» и т. д.

ну 1620-го и 1658-го, для раскола, также от шайки разбойника Стеньки Разина, от 1671-го и от оставшейся артели разбойника ж, бывшего в 1687 году, на Куме реке, потом близ Каспийского моря на Есулаке, Костюка, и от бывших в 1698 годах, ушедших же бунтовщиков стрельцов, наконец бежавших же для раскола же с Дону кумских казаков...» и т. д.

Сразу же оговорим, что орфографические (Кашлановское — Кашлаковское, Пименав — Пимонов, Новоглаткой — Новогладкой, Курдюкова — Кордюкова и т. д.) и стилистические несоответствия можно отнести за счет переписчиков, позднейшей авторской правки, а также, возможно, правки редактора середины XIX в., готовившего к изданию рукопись А. Ригельмана.

Объяснимы и некоторые смысловые различия текстов. Так, мы думаем, что в книге А. Ригельмана исчезли слова, поясняющие местоположение Пименова дуба, потому что дуб, существовавший еще в 40-е годы XVIII в., мог не уцелеть в последующие сто лет.

Более обстоятельное в книге Г. Ригельмана описание, насыщенное датами и «праведным» гневом к «разбойникам», «шайкам», «бунтовщикам», «раскольникам» и т. п., пополнявшим ряды гребенцов, станет понятным, если учесть, что труд А. Ригельмана был завершен в 1778 г., т. е. буквально вслед за казачье-крестьянским движением Пугачева, потрясшим основы Российской империи. Верноподданный генерал-помещик не мог не связать эту грандиозную вспышку борьбы с «извечными» казачьими бунтами.

Все историки признают уникальность источников и сведений А. Ригельмана о гребенцах. И все это вместе позволяет нам считать, что неизвестный переписчик середины XVIII в. сохранил для архива Г. Ф. Миллера копию тех сведений, которые собирал и записывал А. Ригельман, намеревавшийся впервые написать историю казачества.

Напомним о высокой и справедливой оценке «Описания гребенских казаков», данной М. О. Косвеню, и сопоставим ее с мнением И. Кравцова о труде А. Ригельмана: «...эта история тем драгоценнее в данном случае, что она написана, или материалы для нее, по крайней мере, собраны были автором во время построения Кизлярской крепости..., когда от появления гребенцов за Тереком прошло... не более полтора века...»¹⁰. Оба исследователя правы: в 30—40-е годы XVIII в. память о событиях XVI в. была хотя и сглажена временем, но еще достаточно свежа, чтобы предания старожилов могли рассматриваться как правдивый рассказ о первых годах истории их предков на Северном Кавказе¹¹. Заметим вместе с тем, что и сведения А. Ригельмана и в существенной части дублирующие их более ранние сообщения И. Г. Гербера¹² отражают события давно прошедшие, о которых гребенские старожилы судят лишь по передаваемой из поколения в поколение фольклорной информации. Они отражают период, намного предшествовавший появлению казачьих «деревень» на Тереке. Но эти последние (городки Червленной, Курдюков и более десятка других) упоминаются в русских источниках на левом

¹⁰ И. Кравцов, Указ. раб., стр. 10, 11.

¹¹ Мы покажем ниже несостоятельность попыток разместить искомые ориентиры в междуречье Терека и Сунжи, к чему, пусть с осторожностью, но все же склоняются Г. А. Ткачев, В. А. Потто, И. Кравцов и др. Не кажется нам удачной и интерпретация их в новейшей статье Л. Б. Заседателевой. Впрочем, она ближе предыдущих исследователей стоит к истине, пытаясь обосновать расположение первых «достаничных» поселений русских людей на правом берегу Сунжи.

¹² См.: И. Г. Гербер, Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, 1728 г., Сб. «История, география и этнография Дагестана. XVIII—XIX вв.», М., 1958, стр. 60—61.

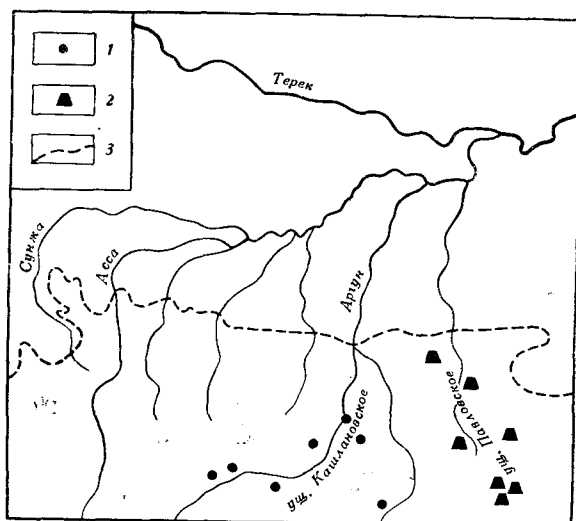
берегу Терека по крайней мере с 20-х годов XVII в.¹³ Следовательно, «первоначальное жительство» в гребнях и ущельях соответствует XVI в., ко второй четверти которого и появились на территории Чечено-Ингушетии «беглые российские люди». Фольклорная хронология тут полностью совпадает с исторической.

Но где же все-таки находились первоначальные места жительства беглых русских людей, ориентиры которых А. Ригельман узнал от старожилов, помнящих еще названия тех урочищ и ущелий, где поселились впервые их предки?

Прежде всего, источник говорит — «за Терком в гребнях [то есть в горах] и в ущельях, а именно в урочищах голого гребня». После этих общих сведений в обеих редакциях источника в определенной последовательности перечислены ориентиры, названные старожилами «первоначальным жительством» своих предков. Думается, что человек, объясняющий панораму местности, перечислил бы пункты слева направо, т. е. если стоять лицом к горам Кавказа, то с востока на запад¹⁴. Так поступили, по-видимому, и хорошо знающие местность информаторы А. Ригельмана.

В литературе утвердилось мнение, что название «гребенские казаки» произошло от Терского хребта, где якобы поселились первоначально русские люди. В более поздних источниках и литературе о гребенском казачестве невысокий хребет, протянувшийся по правобережью Терека, действительно часто называли Гребнем. Но в свидетельствах А. Ригельмана, очевидно, не случайно «за Терком» называется не гребень, а «гребни», «горы», «ущелья» во множественном числе. Поневоле приходится думать, что речь здесь идет отнюдь не о заурядной гряде возвышенностей Терского хребта, а о подлинных и многочисленных «гребнях» — хребтах северных отрогов Кавказских гор, лежащих южнее Сунжи. Однако соответствует ли наше понимание «гребней» тому, которое бытовало в XVI — начале XVII в. (а не позднее!) и отразилось в источниках?

Как выясняется, вполне соответствует. В документе 1589—1590 гг. о русском посольстве в Грузию упоминаются Батцкие и Метцкие гребни¹⁵. Наименование Батцкие исследователи сопоставляют с национальным наименованием цова-тушин — бац-би, а Метцкие — с названием одного из вайнахских обществ в верховьях Аргуна¹⁶. Следовательно, в

Расселение гребенских казаков

1 — топонимы с «каш» в Аргунском ущелье; 2 — ба-уф в ущелье реки Хулхулау; 3 — граница Черных гор

¹³ См., например: «Кабардино-русские отношения XVI—XVIII вв.», т. 1, М., 1957, стр. 215, 226, 228, 256, 302, 303, 305, 315; «Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в.», Махачкала, 1958, стр. 192, и др.

¹⁴ В подтверждение приведем первую известную русскую карту Северного Кавказа 1719 г., выполненную именно по такому принципу (см. «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. 1, вклейка между стр. 388 и 389).

¹⁵ С. А. Белокуров, Сношения России с Кавказом, М., 1889, стр. 128.

¹⁶ Е. Н. Кушева, Указ. раб., стр. 67, 68 (она приводит мнение ряда авторов).

обоих случаях подразумеваются высокогорные районы у перевалов через Главный Кавказский хребет. Хорошо известные терским служилым людям по посылкам в Мезежи 1618 г. мезезинские (мерзойские в верховьях Фортанги) селения («кабаки») находились «в Пребнях под снежными горами»¹⁷.

В январе 1617 г. в степной части Кумыкии (Северный Дагестан), куда Терский хребет не заходит, собрался съезд местных феодальных владетелей «под Гребнями на подах»¹⁸. Ни одно из названных и других известных нам синхронных упоминаний гребней (вопреки разъяснениям Е. Н. Кушевой, данным в «Указателе географических названий»)¹⁹ не относится и не может относиться к Терскому хребту. В русских документах и представлениях второй половины XVI — начала XVII в. «гребни» («гребени») — это высокогорье, и чаще всего — северные склоны Кавказского хребта. Обитателей этих гор сами вайнахи²⁰ называют ламароями, что в переводе означает горцы. И в нашем документе, отражившем предания XVI в., одна из групп вайнахов, вытеснившая первоначальных русских поселенцев, именуется «гребенчуки» (ламарои, горные вайнахи), т. е. называется термином, тождественным в географическом (но не в этническом!) смысле наименованию «гребенские казаки»²¹. Потому-то в документе хорошо осведомленного автора внесено в квадратных скобках важное уточнение «в Гребнях [то есть в горах]». Ясно, что в контексте записанного А. Ригельманом предания гребенских казаков под термином «Гребни» скрываются отроги собственно Кавказского хребта, лежащие южнее Сунжи.

Жилы русские беглые люди в частности в «урочищах голого гребня». Первый этнограф-чеченец У. Лаудаев, руководствуясь преданиями предков, упоминает о границе между чеченскими племенами и русскими поселениями, проходившей по северным отрогам Кавказских гор, где имеются «обнаженные вершины», которые по-русски можно назвать «лысыми горами»²². Он приводит народную версию о том, что нынешние так называемые Черные горы не всегда были покрыты лесом и лишь спустя некоторое время на них стали расти деревья, «обратившиеся в непроходимые леса». Если учесть, что аналогичные предания бытуют в народе до сих пор и их рассказывали нам, например, в Ножай-Юртовском и Шалинском районах²³, где информаторы связывали возникновение лесов со временем вторжения в равнинную Чечню калмыков (конец XVII — начало XVIII в.), то можно думать, что они отражают картину, реальную для XVI в. И «голый гребень» является воспоминанием, отголоском того времени, когда часть этих гор могла быть действительно «лысой».

Первым названным ориентиром является «ущелье Павлово при гребне», что сразу же вызывает ассоциации с источником святого Павла близ станицы Петропавловской. Однако, он лежит на левом берегу Сунжи и потому в данном случае не может быть нашим ориентиром. Впрочем, источник святого Павла был в Чечено-Ингушетии не один. Под таким названием известны источники в 18 км к северо-западу от Гроз-

¹⁷ А. Н. Генко, Из культурного прошлого ингушей, «Записки коллегии востоковедов», т. V, М., 1930, стр. 685, 686, Е. Н. Кушева, Указ. раб., стр. 73—74.

¹⁸ Е. Н. Кушева в, Указ. раб., стр. 57.

¹⁹ Там же, стр. 356.

²⁰ «Вайнах» — дословно «наш народ» (чеченск. и ингушск.). В научной литературе термин введен для обозначения всей группы в целом.

²¹ В более поздней литературе XVIII в. гребенчуками иногда называли обитателей крупного вайханского аула Герменчук. Здесь налицо искажение названия (нужно: герменчуковцы). Но эти последние также выходцы из глубины гор, т. е. первоначально все-таки ламарои (горцы).

²² У. Лаудаев, Чеченское племя, «Сборник сведений о кавказских горцах», VI, Тифлис, 1872, стр. 2, 32, 33.

²³ Во время археолого-этнографических изысканий 1966—1971 гг.

ного близ Мамакай-Юрта, а также близ Брагунов. Разве исключено, что были и другие?

Но, может быть, прототипом названия данного ориентира послужил некий созвучный местный топоним? С большой осторожностью выскажем предположение, что Павловым ущельем могло именоваться у первых русских поселенцев ущелье реки Хулхулау. К такой мысли можно прийти, если учесть, что Ичкерия, т. е. восточная часть горной Чечни, в целом очень бедна позднесредневековыми вайнахскими башнями, особенно боевыми. Их тут практически нет. И лишь в районе ущелья Хулхулау исторически, лингвистически и археологически засвидетельствованы боевые башни у Ца-Ведено, Харачоя, Эрсеноя, Хоя, Кезеноя и в других местах. Здесь известны топонимы, прямо связанные с боевыми башнями, как Б'ав-корт, Б'ав-г'а и т. д. К слову сказать, ущелье Хулхулау и идущие из него в горный Дагестан перевальные дороги стали очень рано известны русским; еще во второй половине XVI в. этими путями осуществлялись связи и контакты с Аварией, ее ханом и родственником его Черным князем. Нет ничего невероятного, что сравнительно богатая боевыми башнями долина Хулхулау могла именоваться у части вайнахов «Б'авлой-ч'ож» — «Б'авлойское» ущелье. Несомненно близкое созвучие названия «Б'авлойское» лично-именному топониму «Павловское», возможно, вызвало появление данного ориентира в преданиях гребенцов и в исследуемой рукописи.

Подобных примеров переосмысления русскими туземных топонимов и стремления связать их с личными именами истинных и легендарных первопроходцев на Северном Кавказе можно найти множество, и едва ли не самый яркий (и к тому же географически близкий нашему) из них — это превращение названия кумыкского аула Эндери («место обмолота зерна») в аул Андрей²⁴.

Но есть ли основания предполагать наличие русского населения в какой-либо части ущелья Хулхулау (Б'авлойского — Павловского) на заре истории гребенских казаков? Думаем, что есть. Известны многочисленные и разнообразные предания (казацкие и чеченские), суть которых сводится к бесспорному признанию необычайно тесных, длительных отношений гребенцев станицы Червленной и чеченцев-гуноевцев, живших по водоразделу Хулхулау и Гумса. Не станем пересказывать эти предания, многократно записанные и у тех, и у других²⁵. Отметим только: тесные родственные связи гуноевцев и гребенцев-червленцев — общеизвестный факт. Сто лет назад потомки гуноевцев составляли около половины всех казаков, живущих в Червленной²⁶. К сожалению, изначальные предания об установлении родственных взаимоотношений между гребенцами и гуноевцами были затемнены позднейшими сообщениями о постоянном бегстве чеченцев к казакам. В тех фольклорных вариантах, от содержания которых веет древностью, мы находим важные указания на то, что гуноевцы поддерживали дружественные связи с предками червленцев еще до того, как первые стали исповедывать ислам²⁷. Если учесть, что обитатели Ичкерии предстают в русских письменных источниках конца XVI в. мусульманами, то установление связей между гу-

²⁴ См., например: В. Броневский, История Донского войска, ч. 1, СПб., 1834, стр. 61; И. Дебу, О Кавказской линии, СПб., 1829, стр. 90.

²⁵ См., например: И. М. Попов, Ичкерия, «Сборник сведений о кавказских горцах», IV, Тифлис, 1870, стр. 12—13; У. Лаудаев, Указ. раб., стр. 58; С. Головинский, Записки о Чечне и чеченцах, «Сборник сведений о Терской области», вып. 1, Владикавказ, 1878, стр. 245; Н. Семенов, Письмо к редактору газ. «Терские ведомости», 1887, № 34; Б. А. Калоев, Указ. раб., стр. 49—51; Н. П. Гриценко, Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом, стр. 30—32; А. А. Саламов, Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом, «Изв. Чечено-Ингушского НИИ», т. III, вып. 1, Грозный, 1963, стр. 28, и другие работы.

²⁶ И. М. Попов, Указ. раб., стр. 12, 13.

²⁷ Б. А. Калоев, Указ. раб., стр. 50, 51.

ноевцами и гребенцами придется отнести ко времени более раннему. И это соответствует времени, когда, согласно нашему документу, гребенцы жили в некоем Павловском ущелье.

Особые взаимосвязи гуноевцев и гребенцов, на наш взгляд, подтверждают гипотезу о том, что вайнахи приютили первых русских поселенцев в родном ущелье, которое русские стали называть «Павловское».

Правда, приводя сведения из книги А. Ригельмана, И. Кравцов отождествляет «ущелье Павлово» с урочищем Павлова-щель и Павловкамень, которые известны во второй половине XVIII в. в районе Терского хребта²⁸. Топонимы эти явно связаны с русским именем Павел. Но ведь и сам А. Ригельман полагал, что «конные урочища звания свои получили от начальников тех беглецов». Не нужно, однако, забывать: в топонимии широко распространен принцип переноса традиционного названия села, местности или реки на новые места, освоенные людьми одной и той же этнической группы. Так что вполне возможно предположение: первоначальный «гребенской» (горский) ориентир, осмысленный в связи с именем Павла (Бавловское — Павловское ущелье) переносился затем неоднократно казаками на новые места их жительства. Надо отметить, что нигде больше на территории Чечено-Ингушетии не встречается такое частое повторение (перенос) наименований населенных пунктов, как в Ичкерии и прилегающих к ней с севера районах.

Мы привели свои соображения в пользу отождествления топонима «Павлово ущелье» с долиной реки Хулхулау. Думаем, что они достаточно основательны, особенно если сопоставить их с последующими соображениями анализируемого нами источника.

Второй «именной» ориентир в документе — ущелье Кашланавское, которое мы склонны считать Аргунским ущельем. Оно также стало известно русским одним из первых в Чечено-Ингушетии.

В отписках русских воевод и в делах о посольских сношениях русского правительства с Кавказом часто упоминаются «горские землицы» и, в частности, Шибуты (Шатоевская котловина южнее слияния рек Шаро и Чанты-Аргуна называется аварцами Шубути, так же называли Шатой старики-чеченцы) и Мулки (тайповое название жителей Гухойского ущелья, расположенного южнее Шатоя по левой стороне реки Чанты-Аргуна).

Е. Н. Кушева приводит ряд документов, где в челобитных и различных отписках конца XVI — начала XVII в. речь идет о землях шибутов и мулков²⁹.

Грузинские послы в 60-х годах XVII в. проезжали мимо заброшенного города Чечен, расположенного у реки Чечени, о котором рассказывали в Москве, что там был город — «великие государей ...российских», но не могли сказать, когда. Послы сообщили, что находится город в двух с половиной днях пути от тогдашнего Терского города и в одном дне пути от «Туш», т. е. Тушетии. Е. Н. Кушева, подчеркивая, что другие осведомленные источники не упоминают город Чечен, предполагает, что он был построен еще при Иване Грозном во время одного из длительных походов русских войск 1563 или 1566 г. как опорный пункт для отношений Москвы с Кахетией³⁰. Но, возможно, этот «город» (неизвестный русским официальным документам) был построен или освоен русскими людьми до того, как «великие государи российские» наложили свою руку на все русские поселения в Чечне?³¹

²⁸ И. Кравцов, Указ. раб., стр. 14, 15.

²⁹ Е. Н. Кушева, Указ. раб., стр. 61, 62, 72, 73.

³⁰ Там же, стр. 241.

³¹ М. А. Полиевктов осторожно склонялся к этой мысли, полагая, что «город Чечен» указывает «на одно из поселений гребенских казаков» (см.: М. А. Полиевктов, Экономические и политические разведки Московского государства XVI в. на Кавказе, Тифлис, 1932, стр. 23).

И не был ли он одним из тех, самых ранних русских поселений XVI в., о которых У. Лаудаев писал: «весьма вероятно, что окопы (рвы и валы.— В. В., Т. М.) эти сооружены русскими. Чеченцы вполне в этом уверены. Так, например, курган Гойтен-Корта, около Аргуна, в Большой Чечне, коего окопы совершенно и теперь целы. Говорят, что он был сосредоточением для русских, оставшихся долее других в Чечне (речь идет о времени, предшествующем уходу русских на Терек.— В. В., Т. М.). В Мартаганском и Гойтенском ущельях тоже существовали их окопы, чеченцы находили в них серебряные и медные деньги»³².

Возможно, что рвы Гойтен-Кортинского городища и сопоставляются с остатками «города Чечен».

О том, что чеченцы Аргунского ущелья довольно рано познакомились с русскими, говорит и тот факт, что до сих пор сохранились предания о варандийцах (Варанды — селение в Аргунском ущелье, засвидетельствованное письменными источниками XVI—XVII вв.), как о потомках некоего русского населения, жившего прежде в этих местах. Чеченцы породнились с этими христианами-русскими и поддерживали с ними дружбу и родственные связи столь крепкие, что когда их начали силою «приводить» в мусульманство, то варандийцы дали жестокий бой и, потерпев поражение, частично переселились в гребенские станицы к прежним своим русским соседям, друзьям и родичам³³.

У. Лаудаев, в свою очередь, приводит предание о некоем русском первопроходце в Чечне Тарасе, который остался здесь и не ушел со всеми русскими на Терек. Он был убит двумя зумсоевцами (из высокогорных аргунских фамилий)³⁴.

В «Описании...» сказано, что после ухода русских перечисленные в документе места заняли чеченцы (первоначально — жители Чечен-Аула) и гребенчуки, под которыми скорее всего подразумеваются ламаройцы, т. е. горцы — жители Аргунского ущелья. Но как объяснить попавшее в документ название «Кашланавское ущелье»? В этом наименовании мы видим топоним, возникший на основе термина «каш», издревле заимствованного горцами у тюркоязычных народов³⁵. «Каш» — могила, «ла» — вайнахский словообразовательный суффикс, «н» — суффикс родительного падежа, «овск» — русское окончание. Следовательно, это название можно перевести как ущелье «могильников».

В Аргунском ущелье по сравнению с другими ущельями необыкновенное множество разнообразных могильников и кладбищ со склепами, пещерными усыпальницами и т. д.³⁶. В местной топонимике мы находим небывалое для Чечено-Ингушетии обилие названий, которые связаны со словом *каш* (могила): Кешты (Зумсой), Кашите (Терлой), Кеш-ын (Шатой), Кеш-ын (Гатын-Кале), Кашнехъ (Малхиста), Кешите (Шарой) и т. д.³⁷. Обилие подобных топонимов могло породить своеобразное общее название для всего Аргунского ущелья — Кашланавское (русский вариант). Это наименование, возможно, не было широко распространено, но запало в память тех русских, что некогда забрели сюда. Так, по нашему мнению, решается вопрос о локализации Кашланавского ущелья.

³² У. Лаудаев, Указ. раб., стр. 43.

³³ Предание записано В. Б. Виноградовым в 1959 г. Оно подтверждено информацией ст. научного сотрудника Чечено-Ингушского НИИ, этнографа А. А. Исламова и теми краткими публикациями, что имеются в старой кавказоведческой литературе.

³⁴ У. Лаудаев, Указ. раб., стр. 43.

³⁵ А. Н. Пенко относит это заимствование к половецкой эпохе (указ. раб., стр. 714).

³⁶ В. Б. Виноградов, В. И. Марковин, Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР, Грозный, 1966.

³⁷ См., например: «Чеченская автономная область. Основные статистические данные и список населенных мест на 1929—1930 гг.», Владикавказ, 1930.

Определить местонахождение «Пименавского дуба» затруднительно. Л. Б. Заседателева отождествляет его с селением Дуба-Юрт. Отождествление, прямо скажем, спорное. По-видимому, автора ввело в заблуждение созвучие этих названий. Но Дуба — это личное имя легендарного основателя селения и к русскому названию породы деревьев никакого отношения не имеет. В документе же, очевидно, речь идет о реально существовавшем дереве, возможно, называвшемся по имени некоего Пимена. Ведь приведена же У. Лаудаевым чеченская легенда о гибели русского Тараса у векового дуба. В подобных трагических или каких-либо иных ситуациях дерево и могло получить свое название. К тому же в документе Пименавский дуб хотя и назван вслед за Кашланавским ущельем, но далее следует пояснение: «который и доньне ниже Балсур или Ортан реки». Два последних ориентира имеют для нас принципиальное значение. И вот почему. Они, как и названия чеченских групп, поселившихся на местах прежнего обитания русских, недвусмысленно указывают на правобережье Сунжи. Необходимо отметить, что соображения о первоначальном поселении гребенских казаков на правом берегу за Сунжей высказывались в различных трудах по истории казачества³⁸, впрочем без серьезной аргументации. По-видимому, ни один из этих авторов не располагал достаточно достоверными данными по этому поводу, и конкретных сведений, за исключением У. Лаудаева, привести не мог. Что же дает нам право уверенно отстаивать правильность данного тезиса?

Бесспорно, что Ортан-река — это река Мартан. Потеря первого носового звука «м» вполне естественна при восприятии иноязычного слова на слух. Что же за река Балсур? Интересно, что в «Описании...» название этой реки присутствует еще в слове «балсурцы» — горцы, те, что вытеснили гребенских казаков из мест изначального обитания. Тут же поясняется — «балсурцы, или карабулаки». Здесь и таится ключ к решению задачи.

С. С. Броневский пишет: «...однако Татары и Черкесы зовут их (карабулаков.— В. В., Т. М.) Бальсу (сыта, медовая вода). Они имеют в своем владении шесть речек, впадающих в Шадьер и Фартам или прямо в Сунжу. Бальсу есть одна из тех речек, и, как выше сказано, при ней построена была церковь и подворье нашими духовными... В их же землях находятся ручьи Ашган, Валарек и Чалаш, впадающие в правый берег Сунжи, ниже Фартама, по оным карабулаки свои выгоны для скота имеют»³⁹. Названные реки Шадьер, Фартам, Чалаш, Валарек и др. представляют собою речную систему правобережья р. Сунжи, т. е. р. Ассу с ее притоком Фортангой, реки Шалаш, Валарек и др. Имя Бальсу обозначает у С. С. Броневского также одну из рек этой системы, причем скорее всего пограничную для земель карабулаков (как погранична с запада Шадьер-Асса), ибо иноязычное наименование племени (Бальсу — балсурцы) было порождено, вероятно, названием пограничной реки, а Бальсу — тюркско-кумыкский гидроним, свидетельствующий о близости объекта наших поисков к зоне кумыкской активности. Этой характеристике ближе всего отвечает река Гехи — крупный правый приток Сунжи в среднем ее течении — и самая восточная из всех речек в границах исторических владений карабулаков.

Однако наша догадка так и осталась бы в сфере предположений, если бы мы не располагали доказательством этого тождества. Его представляет нам «Карта реке Терку и по части Малой Кабарды и Грузии»⁴⁰,

³⁸ См., например: У. Лаудаев, Указ. раб.; И. Д. Попко, Терские казаки с стародавних времен, СПб., 1880; В. А. Потто, Указ. раб., Л. Б. Заседателева, Указ. раб.

³⁹ С. С. Броневский, Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, М., 1823, ч. II, стр. 167, 168.

⁴⁰ В. Н. Гамрекели, Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII веке, Тбилиси, 1968, стр. 118—119 (карта).

составленная в 1733 г. Ее значение для нас особо велико потому, что карта составлена приблизительно в одно время с «Описанием...». Указанная на карте Сунжа принимает с правого берега три притока. Два крайних притока, не имеющие на карте наименования, представляют собой две реки: Ассу, течение которой несколько изменено, и Аргун, где автор помещает «чеченцев», явно имея в виду жителей селения Чечен-Аул, расположенного на этой реке. Где-то в середине между этими реками обозначена «река Балсу, на которой 100 деревень». Из всех многочисленных притоков Сунжи, принимаемых ею в этом районе, с правой стороны под названием Балсу может фигурировать только р. Гехи — самая полноводная и протяженная — располагающаяся как раз посередине между Ассой и Аргуном. Таким образом, на наш взгляд, подтверждается тождество упоминающейся в «Описании...» речки Балсур с нынешней рекой Гехи ⁴¹.

Перечисление всех разобранных выше ориентиров завершается в «Описании...» словами «при Терке реке же». На первый взгляд, они как будто бы противоречат нашим построениям о локализации пунктов первоначального расселения гребенцов к югу от Сунжи (ведь сама Сунжа в источнике не упоминается!). Но в документе отсутствует название Сунжи и как южной границы гребенцев. Да и вовсе не обязательно было упоминать Сунжу, если все остальные ориентиры указывают на земли, лежащие в бассейне крупнейшей реки края — Терека, притоками которого были и Сунжа, и все прочие реки и речки.

«За Терком» — значит к югу от прославленной реки. «В Гребнях» — значит (в понимании первопроходцев) в горах, что вздыбились над южными притоками Терка. А все иные более частные названия — они и есть «при Терке реке ж».

Главная река, вокруг которой группируются все прочие местности, как бы олицетворяет весь близлежащий край. Ведь не случайно в древнейшей гребенской песне Ивану Грозному приписаны слова:

«Подарю вас, моих казаченьков,
Быстрым Терком со притоками,
Ай, быстрым Терком со притоками,
Ай, до синя моря до Каспийского» ⁴².

Не случайно и то, что в 1570 г. русскому послу в Константинополе Новосильцеву для характеристики обширности земель большого князя Кабарды Темрюка, охватывавших кстати и часть правобережья Сунжи, достаточно было сказать: «По Терке по реке и до моря» ⁴³.

⁴¹ Нас не должно смущать, что тот же С. С. Броневский в другом контексте называет р. Гехи, не именуя ее Балсу. Здесь мы имеем дело с ошибкой автора, ибо по его характеристике р. Гехи является левым притоком Русского Мартана и на нем названо всего 5 деревень. Но левым притоком Мартана, причем как раз небольшим, является р. Рошня, название которой отсутствует у С. С. Броневского. Река Рошня находится близко от Гехи и путаница тут у С. С. Броневского вполне возможна. Знакомство же его с вайнахским названием Гехи несколько не противоречит тому, что эта же самая река (подобно Ассе и многим другим) имела два разных названия: одно чеченское (Гехи), другое тюркское (Балсу).

Здесь же нужно вспомнить и о некой неизвестной нам речке Топли, упомянутой в сочинении И. Дебу (Указ. раб., стр. 154, 155). По словам этого автора, «... При нем (р. Топли. — Авт.) жили прежде гребенские казаки». Ценность этого сообщения состоит в том, что местность р. Топли названа между Чалаш (Шалажа) и Гехи, т. е. все в том же районе близлежащих окрестностей Балсур (Гехи) и Ортан-реки (Мартан). «Окопы» первых русских поселенцев упоминает в Мартанском и соседнем ему Гойтинском ущельях и У. Лаудаев. Возможно, что все эти глухие отголоски подлинного пребывания гребенцов в данном районе в какой-то мере объясняют и упорное наименование Мартана «русским» (Русский Мартан, а в тюркском произношении — Урус-Мартан).

⁴² Б. Н. Путилов, Песни гребенских казаков, Грозный, 1946, стр. 63.

⁴³ См.: Е. Н. Кушев, Указ. раб., стр. 92.

Сведения А. Ригельмана восходят к самым ранним пластам гребенского фольклора и к самым первым представлениям русских об освоенной ими местности. Пройдет совсем немного лет, и представления эти расширятся, станут более конкретными, подробными, полными. На страницах официальных документов, на картах найдут свое место и Сунжа, и Аргун, и Хулхулау и многие традиционные и более верные названия местных рек и урочищ. Но долго еще будут (реже или чаще) употребляться и «не стандартные» названия (то Аргун назовут Быстрой, то Джалку — Камышовой, то Хулхулау — Белкой и т. д.). И эти кажущиеся вольности простительны и объяснимы, ибо они — отголосок первых контактов с объектами, тех контактов, которые определили появление в посольском статейном списке 1589 г. и в еще более раннем изустном гребенском предании таких не прижившихся впоследствии названий местностей, как Нижняя и Ровная Луки, Холоповевское городище, Павловское и Кашланавское ущелья, Пименавский дуб. Но, кроме всего остального, в этом и состоит ценность проработанных нами источников. Они донесли до нас память о давно и полностью забытом, позволили (пусть лишь едва!) приобщиться к той далекой эпохе, в которую возникли на земле вайнахов первые русские хутора; когда по горам и весям Чечено-Ингушетии прокладывали тропы первые русские люди. Они позволили нам еще раз задуматься над всей глубиной тех взаимосвязей с горцами, что определили своеобразие истории, быта, культуры, облика гребенцов, о которых Л. Н. Толстой, опираясь на их же собственный фольклор, писал: «Очень, очень давно предки их... бежали из России и поселились за Терекон, между чеченцами на Гребне, первом хребте лесистых гор Большой Чечни... Живя между чеченцами, казаки породнились с ними, но удержали и там христианскую веру и русский язык. Еще до сих пор казачьи роды считаются родством с чеченскими»⁴⁴.

ON THE ORIGINAL AREA OF SETTLEMENT OF THE GREBEN COSSACKS

«Description of the Greben Cossacks» (a manuscript in the custody of the Central State Archive for ancient documents in Moscow) is analyzed in the article for the first time. This document is kept in the G. F. Miller fund. It belongs to the 1740-ies but is based on earlier folklore material. Analysis has made it possible to ascertain the authorship of the document (which turned out to be by A. Riegelman, the first historian of the Cossacks) and also to determine the area originally settled by the «runaway people from Russia». It appears that they did not reside along the Tersk ridge but in the foothill zone of the modern Tchetchnia to the south of the Sunzha River.

⁴⁴ Л. Н. Толстой, Собр. соч., т. 3, стр. 164.

Е. Е. Неразик

ИЗ ИСТОРИИ ХОРЕЗМСКОГО СЕЛЬСКОГО ЖИЛИЩА

Археологические и этнографические работы все больше подтверждают мысль о несомненном влиянии древних традиций на формирование культуры населения Средней Азии в настоящее время. Археологи вскрыли обширные участки застройки на руинах древних городов и сельских поселений. В ряде случаев поэтому удастся проследить связь между древним и современным среднеазиатским жилищем. Наиболее изученным в настоящее время является, пожалуй, сельское жилище Хорезмского оазиса. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР дали материалы, позволяющие проследить в общих чертах историю формирования сельского жилища Хорезма, которому и посвящается данная статья. Основным объектом нашего исследования являются жилища узбеков южного Хорезма, характерные для конца XIX — начала XX в. (их строили там в середине 40-х годов XX в.). Планировка этих жилищ сложилась, как мы постараемся показать, на протяжении веков и стала традиционной для Хорезмского оазиса. В несколько измененном виде эта планировка легла в основу строительства современных колхозных домов¹.

Исследователи хорезмского южноузбекского жилища уже давно обратили внимание на его сходство с древними хорезмскими постройками. Однако поскольку самые эти древние постройки до последнего времени были еще недостаточно изучены ввиду отсутствия многих промежуточных звеньев, сопоставление древнего и современного жилища носило общий характер.

Так, В. Л. Воронина еще в 1949 г. считала, что «особый, весьма любопытный в архитектурном отношении тип жилья представляют укрепленные усадьбы Хорезма, сохранившие почти нетронутыми черты глубокой архаики и раннего средневековья»².

М. В. Сазонова детально сопоставила небольшой дом Якуббая Джуманиязова из Турткульского района Каракалпакской АССР с домом XII в., открытым в средневековом Кават-Калинском оазисе на территории той же республики, отметив как сходство плана в целом, так и сходство в размещении одинаковых по назначению помещений³ (рис. 1).

В. А. Лавров примерно в эти годы попытался проследить эволюцию хорезмского жилища, начиная с глубокой древности. Полной и законченной картины, однако, не получилось ввиду недостатка материала. По существу тогда было известно лишь несколько жилых башен в усадьбах Беркут-Калинского оазиса (VII—VIII вв.) и одна усадьба в Кават-Калинском оазисе (XII — начало XIII в.). Всего этого было явно недостаточно для того, чтобы составить полное и четкое представление о древнем жилище, не говоря уже о создании эволюционного ряда. К то-

¹ А. Н. Жилина, Традиционные черты в современном жилище Хорезма, «Сов. этнография», 1969, № 3.

² В. Л. Воронина, Узбекское народное жилище, «Сов. этнография», 1949, № 2, стр. 81, 82.

³ М. В. Сазонова, К этнографии узбеков южного Хорезма, «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М., 1952, стр. 283.

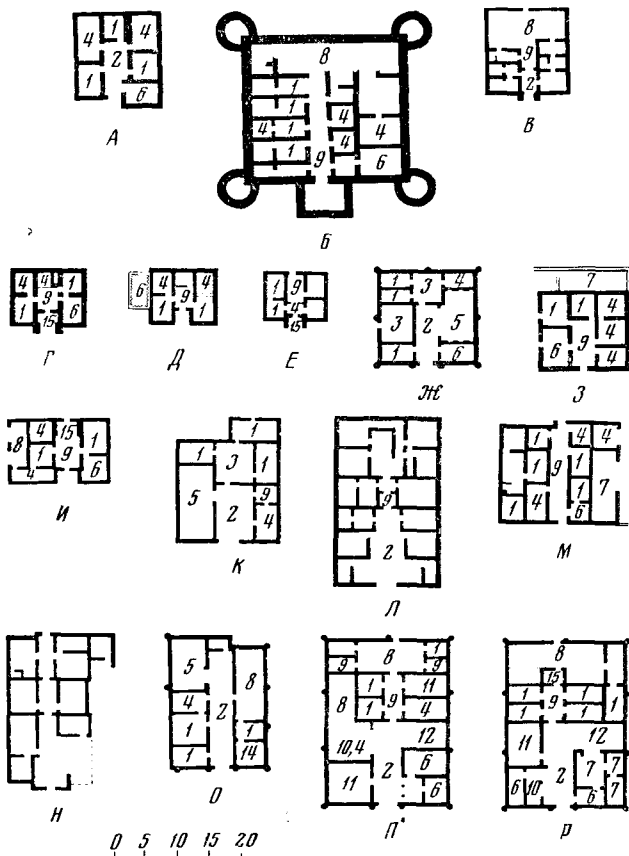

Рис. 1. Сельское жилище Хорезма VII—начала XX в.: А—В—Беркут-Калинский оазис, VII—VIII вв., замки №№ 92, 28 и 136; Г—Е—дома XII—начала XIII в.; Г и Д—№№ 1 и 60 в Кават-Калинском оазисе; Е—дом в урочище Айгельды в левобережном Хорезме; Ж—дом Якуббая Джуманиязова в Турткульском районе; З—дом в поселении XII—начала XIII вв. близ Замахшара; И—дом середины XIV в. у Акча-Геллина; Н—дом XII в. в районе ДAUDAN-калы; Л—дом XII в. в Кават-Калинском оазисе; М—дом середины XIV в. близ Шехрлика; К, О—Р—дома начала XX в. в Хорезмском оазисе.

1—жилое помещение, 2—широкий коридор (далан), 3—высокий закрытый айван, 4—кладовая, 5—конюшня, 6—михман-хана, 7—помещение для скота и кормов, 8—открытый дворик с летними айванами, 9—коридор в жилой части дома (дализ), 10—помещение для сбрун, 11—помещение с маслобойкой, с мельницей, 12—скотный двор, 13—мастерская, 14—кухня, 15—телек-кладовая в верхнем этаже

му же полностью отсутствовали данные о жилище Хорезма эпохи Золотой Орды и некоторых других периодов⁴.

В 50—60-х годах нашего столетия сведения о древних сельских жилищах Хорезма очень пополнились. В результате многолетних работ в Беркут-Калинском оазисе выявлен облик раннесредневекового дома и внесены серьезные коррективы в существовавшие прежде представления⁵. В 1966—1969 гг. отрядом Хорезмской экспедиции обследованы многие сельские постройки XII—XIV вв., причем некоторые из них полностью раскопаны. Впервые стали известны сельские дома XIV в. Мы не касаемся эпохи античного Хорезма, поскольку жилища этого времени недостаточно изучены. По имеющимся сейчас сведениям, ощу-

⁴ В. А. Лавров, Градостроительная культура Средней Азии, М., 1950, стр. 124 и сл.

⁵ Е. Е. Нерзик, Сельские поселения афригидского Хорезма, М., 1966.

тимая связь южноузбекских сельских домов с древними постройками начинает прослеживаться только с эпохи раннего средневековья.

Прежде чем начать изложение результатов нашего исследования, необходимо сказать несколько слов о самом южноузбекском хорезмском жилище. Ученые обычно приводят описание одного и того же типа дома с членением на внешнюю, хозяйственную (*дечан-хаули*) и внутреннюю, жилую (*ичан-хаули*) половины. Этнографические материалы между тем показывают, что такое членение необязательно. В зависимости от благосостояния семьи можно выделить три типа домов (к ним по существу сводятся все наблюдающиеся варианты). Наиболее подробное описание этих построек имеется в статье М. В. Сазоновой, причем первый тип представлен, по нашему мнению, домом Якуббая Джуманиязова; *хаули* (усадьба) с членением на жилую и хозяйственную половины составляют второй; к третьему же мы относим жилища зажиточных семей Максумляр и Матраим-бая⁶. Постройки двух последних типов являются жилищами больших семей. О том же, как выглядели дома малых семей, сведений нет, вероятно потому, что в Хорезме, согласно существующим представлениям, в XIX — начале XX в. преобладали крупные семейные коллективы. Естественно, что внимание исследователей сосредоточивалось преимущественно на больших семьях. Однако есть основания считать, что дома малых семей подобны жилищам первого типа, которые почти вдвое меньше остальных. Кроме того, М. В. Сазонова сравнивает уже упоминавшийся дом Якуббая Джуманиязова с усадьбой № 1 Кават-Калинского оазиса (XII — начало XIII в.); судя же по ее размерам и планировке, она могла вмещать только небольшое число человек.

Даже беглого взгляда на планы перечисленных типов жилищ достаточно, чтобы увидеть большое сходство между ними. Первые два типа представляют собой близкие варианты. Различия этих типов заключаются в усложнении их плана по мере увеличения состоятельности и численности семьи. Жилая ячейка, основой которой являлись центральный коридор и высокое помещение — *айван* (терраса), почти без изменения повторяется в обоих случаях, только во втором случае под общую кровлю подводится и хозяйственная ячейка. В домах первого типа по обеим сторонам коридора находились и жилые, и хозяйственные комнаты, и помещения для скота. Над частью коридора или над входом устраивали *телек* — помещение для хранения продуктов. Иногда — это особое двухэтажное сооружение при входе.

Дом для зажиточной семьи также представляет собой одну или несколько жилых ячеек с центральным коридором, только зачастую более усложненных, с двух- или трехкомнатными секциями для хозяина дома и других членов его семьи. Однако план этих *хаули* иной. Это подчас громоздкая система дворов с периметральной застройкой и жилых ячеек также центрического плана.

Обратимся теперь к истории формирования всех трех типов жилищ. Археологические работы показали, что дома с центральным коридором были широко распространены в Хорезме в XII—XIV вв., сама же композиционная схема, положенная в основу их строительства, складывается раньше. Так, некоторые постройки Беркут-Калинского оазиса (VII—VIII вв.) можно считать прототипом этих жилищ. Одна из таких построек, так называемый замок № 92, представляет собой укрепленное здание, вокруг которого некогда располагались не дошедшие до нас мелкие усадебные постройки. Почти квадратное в плане, здание делилось на две половины коридором; из него арочные проемы с крутыми пандусами-спусками вели в располагавшиеся вокруг жилые и хозяйственные комнаты. У входа помещалась несколько выдвинутая за пределы внешних стен здания двухэтажная башня с кладовой — хранилищем продук-

⁶ М. В. С а з о н о в а, Указ. раб., стр. 283—287.

тов в верхнем этаже и обширной сводчатой комнатой с широкой глинобитной суфой — в нижнем. Комнаты расположены правильно и симметрично. Эта планировка похожа на уже неоднократно упоминавшийся дом Якуббая Джуманиязова (рис. 1, А).

Усадьба № 136 почти без изменений повторяет этот тип с той только разницей, что центральный коридор перегороден тонкой стенкой с небольшой дверкой. К сожалению, эта постройка не раскопана (рис. 1, В). Примерно та же схема лежит в основе планировки усадьбы № 28, только застройка обеих ее половин менее симметрична, чем в описанных выше жилищах. Кроме того, в этом доме-массиве хозяйственные помещения сосредоточивались преимущественно по одну сторону коридора, а жилые — по другую. У входа с правой стороны находилось обширное, очень чистое помещение без бытового очага, с широкими суфами у стен, являвшееся, надо полагать, *михман-ханой* (парадная комната). Интересной деталью следует признать помещение над воротами, остатки которого зафиксированы во время раскопок⁷ (рис. 1, Б). Сельские постройки Хорезма IX—XI вв. неизвестны, но в XII—XIII вв. мы вновь встречаемся с описанным типом домов в еще более близком к рассматриваемым южноузбекским жилищам варианте.

Так, раскопанный в 1966 г. дом в Кават-Калинском оазисе состоял из четырех комнат и центрального коридора, торцевая часть которого отделена тонкой пахсовой перегородкой с продухами. Вход в дом оформлен в виде двухэтажного сооружения типа упоминавшихся выше *телеков* в южноузбекских домах, поскольку утолщенные стены входной комнаты позволяют предполагать, что существовал несохранившийся второй этаж. Комнаты по правую и левую стороны от входа в дом почти аналогичны по плану: посредине каждого помещения находился круглый керамический очаг для приготовления пищи, в одном из углов — умывальник — *ташна* (водослив), закрытый обожженными кирпичами или мраморной плитой с рельефным изображением восьмиконечной звезды. В торцевой части дома друг против друга располагались кладовая с многочисленными врытыми в пол кувшинами и комната, скорее всего предназначавшаяся для отдыха (рис. 1, Г).

Очень близок к описанному по назначению и распределению помещений дом, раскопанный в урочище Айгельды в левобережном Хорезме. Его особенность — наличие в коридоре перегородки, выделявшей узкий предвходной тамбур. Коридор служил одновременно и кладовой, где в ямах и сосудах, врытых в пол, хранились продукты и зерновые запасы. Над входом, выделенным утолщенными стенками, возможно, как и в Кават-Калинском доме, существовал второй этаж (рис. 1, Е). Дом № 20 в поселении близ Замахшара в левобережном Хорезме значительно усложнен в сравнении с этими постройками. Здесь уже не четыре, а восемь помещений, хотя общие черты планировки повторяются. Коридор в центральной части связан с комнатой в торце, примыкающей к внешней стене дома. Вся западная половина занята кладовыми с ямами и закромами для хранения продуктов. Коридор также был хранилищем. Восточную часть дома занимали две похожие друг на друга жилые комнаты с керамическими круглыми очагами и вымостками из обожженных кирпичей. Большое помещение в северной части, имевшее только один широкий выход наружу, служило, видимо, для хозяйственных целей. Поскольку весь пол истоптан, обмазки отсутствуют, можно предположить, что в них содержали молодняк скота (рис. 1, З).

Остатки поселений последующего периода (XIV в.) сохранились только на западных окраинах Хорезма. Однако и там, с известными отклонениями, связанными с иными, чем в центральных районах государства,

⁷ Подробнее описание этих построек см.: Е. Е. Неразик, Указ. раб., стр. 70, 76—78.

хозяйственно-географическими условиями, а в некоторых случаях и без влияния новых пришлых этнических групп, прослеживается тот же тип сельского дома. При этом если на дальних западных окраинах, возле Ак-Калы и Шехрлика, дома с центральным коридором встречаются относительно редко, то по мере продвижения на восток, ближе к Амударье, количество их возрастает. Наиболее выразительные виды этого типа жилья обнаружены в поселении близ развалин античного городища Акча-Гелин, по имени которого оно и названо.

Поселение протянулось на несколько километров вдоль русла большого канала; оно состояло из нескольких крупных групп — своеобразных хуторов, включавших и жилые дома и хозяйственные постройки. Интересующий нас тип дома повторялся в каждом хуторе. Как и в доме № 20 из замахшарского поселения, одну половину подобной постройки составляли две одинаковые по плану жилые комнаты, а другую — хозяйственные. Облик жилых комнат также не отличается от открытых в домах XII — начала XIII в. По-видимому, одна из них, расположенная непосредственно у входа, являлась *михман-ханой*. В коридоре, на этот раз сквозном, обнаружен *тандыр* для выпечки лепешек и отопительный очаг в виде круглой выемки в невысокой глинобитной суфе. Характерной особенностью плана является выделение центра коридора благодаря изменению толщины стен, которое можно рассматривать как попытку придать плану центрическую композицию. Над входной частью коридора возможен второй этаж (рис. 1, И).

Сопоставляя эти в общем-то однотипные дома XII—XIV вв. с домами узбеков южного Хорезма, нельзя не видеть в них большого сходства как с точки зрения общей композиции, осью которой являлся центральный коридор, так и расположения жилых и хозяйственных помещений. В исследованных нами домах нет разделения на жилую и хозяйственную части, что характерно, как мы видели, для небольших домов узбеков южного Хорезма. Далее можно думать, что уже в жилищах VII—VIII вв. существовали такие выразительные элементы планировки хорезмских южноузбекских жилищ как двухэтажные *телеки*. Наличие же их в домах последующих периодов несомненно. Труднее установить время возникновения высоких *айванов*, столь характерных для архитектуры хивинского жилища. В развалинах сельских домов Хорезма XII—XIV вв., где сохранились в основном только фундаменты стен, выделить высокие помещения трудно. Тем не менее можно доказать, что в некоторых хорезмских постройках, например в донжоне Якке-Парсана, имелись высокие двусветные помещения. Центральная комната этого донжона выделена стенами значительно большей толщины, нежели в других комнатах здания. Расчеты показали, что центральное купольное помещение по высоте превышало остальные. Есть некоторые основания предполагать, что такие *айваны* имелись и в крупных домах XII—XIV вв., тем более что центральные двусветные залы были неотъемлемой чертой многих крупных жилых построек VII—XII вв. на территории южной Туркмении, архитектура которой развивалась сходными с хорезмийской путями⁸. Вообще же высокий двусветный зал часто встречается в архитектурных сооружениях стран Востока начиная с глубокой древности⁹. В жилом народном строительстве узбеков южного Хорезма высокий центральный айван более характерен для городского жилья, в сельских же домах его строили сбоку от коридора, занимавшего, как мы видели, центральное положение в планировке. Можно, однако, думать, что строились и сельские дома, подобные городским, тем более что дома с центральным *айваном* есть в современных сельских поселках и существовали, как показано выше, в Хорезме еще в давние времена.

⁸ Г. А. Пугаченкова, Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, М., 1958, стр. 206—208.

⁹ См. Г. А. Кошелев, Культура Парфии, М., 1966, стр. 121—130.

Итак, к XII в. в Хорезме уже складывается тот тип дома, который затем прочно вошел в народное строительство. Важно заметить, что 50% из обмеренных нами 190 домов XII — начала XIII в. составили постройки площадью до 200 м². В последующий период (конец XIII—XIV в.) это соотношение при том же количестве обмеренных домов возрастает до 73%. Анализ внутренней планировки этих домов и сопоставление их площади с площадью современного хорезмского сельского жилища для семьи в 7—8 человек дает основание говорить, что они были предназначены для небольшой семьи. Это подтверждается также и подсчетом численности семьи в средневековой Варахше¹⁰.

Материалы по хорезмскому жилищу XII—XIV вв. позволяют заключить, что в этот период небольшие семьи здесь получили значительное распространение, тогда как в VII—VIII вв. основной ячейкой социальной структуры были крупные большесемейные общины. Однако так называемое гнездовое расположение построек в селениях XII—XIV вв. показывает, что семьи, выделившиеся из большесемейной общины, оставались в системе патронимических связей.

Эволюция семьи, прослеживаемая по изменению облика поселений и жилищ, объясняется социально-экономическими переменами в стране. Вслед за бурной, насыщенной междоусобными распрями и кочевническими вторжениями эпохой раннего средневековья, в XII—XIII вв. наступает эра расцвета экономики и культуры Хорезма, который стал центром обширного государства могущественных Хорезмшахов. Относительно высокий уровень благосостояния населения и его безопасность, обеспеченная политическим положением страны, способствовали разложению крупных семейных коллективов, характерных для Хорезма VII—VIII вв.¹¹ Не имея возможности останавливаться здесь подробно на вопросе о развитии семьи и семейно-родственных групп в древнем Хорезме, укажем лишь, что исследование жилищ и поселений, по-видимому, опровергает существовавшую ранее точку зрения о стабильности большесемейной общины на всем протяжении существования Хорезмского государства. Есть основания говорить, что семья развивалась сложным путем с периодами реставрации крупных семейных общин и их распада на более мелкие ячейки.

Вероятно, в силу преобладания небольших домов в средневековом Хорезме пока археологически слабо выявляются жилища, подобные южноузбекским *хаули* второго типа с их характерной планировкой. В то же время известно, что дома с внутренним членением на две части уже существовали в VII—VIII вв. Вспомним усадьбу № 136 в Беркут-Калинском оазисе. Несколько подобных ей синхронных построек обнаружены в соседних районах. К сожалению, они не раскопаны и назначение комнат точно не установлено.

В связи с историей крупных хаули большой интерес представляют раскопки обширного дома в уже упоминавшемся поселении близ Замахшара (рис. 2). Это постройка величиной 26×27 м. Самой яркой особенностью ее планировки является отчетливо выраженное членение на две половины проходящей посредине дома стенкой. Единственная дверка у самого края этой стены соединяла часть комнат одной половины с изолированным комплексом другой. Южная, видимо жилая, половина состоит из трех двухкомнатных секций и одной более крупной, также жилой ячейки. Двухкомнатные секции единообразны, или, используя современную терминологию, построены «по единому типовому проекту». Одна из комнат каждой секции была жилой, с керамическим или сделанным из талька круглым очагом для приготовления пищи, а другая — кладовой, где продукты хранились в больших кувшинах и в ямах. Более

¹⁰ В. А. Шишкин, Варахша, М., 1963, стр. 106.

¹¹ Подробнее см.: Е. Е. Нерзик, Указ. раб., стр. 112—120.

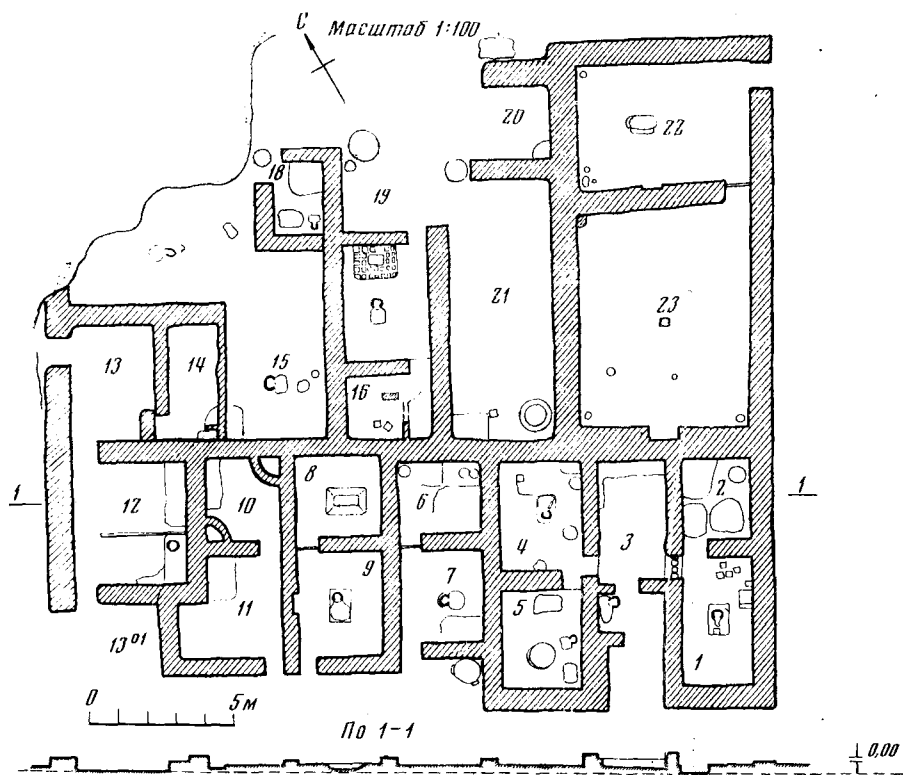

Рис. 2. Дом XII — начала XIII в. в поселении близ Замахшара. (Цифрами обозначены номера комнат).

крупная жилая ячейка имела центральный коридор и четыре комнаты, располагавшиеся попарно в каждой половине. По существу, это тот же описанный выше тип дома для небольшой семьи, но включенный как органическая часть в состав более крупной жилой постройки. Одна из комнат этой ячейки была жилой с обычным кухонным очагом, две — кладовыми для хранения продуктов и одна была предназначена для отдыха: в ней был переносный отопительный очаг. Другая половина дома также разграничена параллельными стенками на двух-трехкомнатные секции, но помещения здесь очень велики — 40—50 м². Назначение их угадывается с трудом, так как они лишены какой-либо «мебели», а слой, накопившийся над полом, совершенно стерилен и очень невелик. Можно предположить, что это и внутренние дворики и комнаты для хранения какой-либо хозяйственной утвари. Здесь же находилась трехкомнатная секция, отделанная гораздо богаче аналогичных секций южной половины дома. Очаг и *ташна* в ней облицованы обожженными кирпичами, кое-где обожженными кирпичами выложен пол. находка прекрасного поливного люстрового сосуда, скорее всего привозного, усиливает впечатление парадности этих комнат. Вероятно, эта секция была *михман-ханой*. В описываемой половине обнаружено несколько кладовых с многочисленными ямами в полу.

Нам кажется несомненным, что этот дом был разделен на жилую и, вероятно, хозяйственную части. Его планировка заставляет вспомнить описание дома хивинцев, данное М. И. Иваниним, посетившим Хивинское ханство в середине прошлого столетия. По его словам, «каждый хозяин вокруг своего двора делает глиняную стену или вал толщиной 1 саж., а вышиной 1, 2 саж. и более. Двор бывает разгорожен надвое: в передней части, т. е. в примыкающей к дороге или к каналу, устраива-

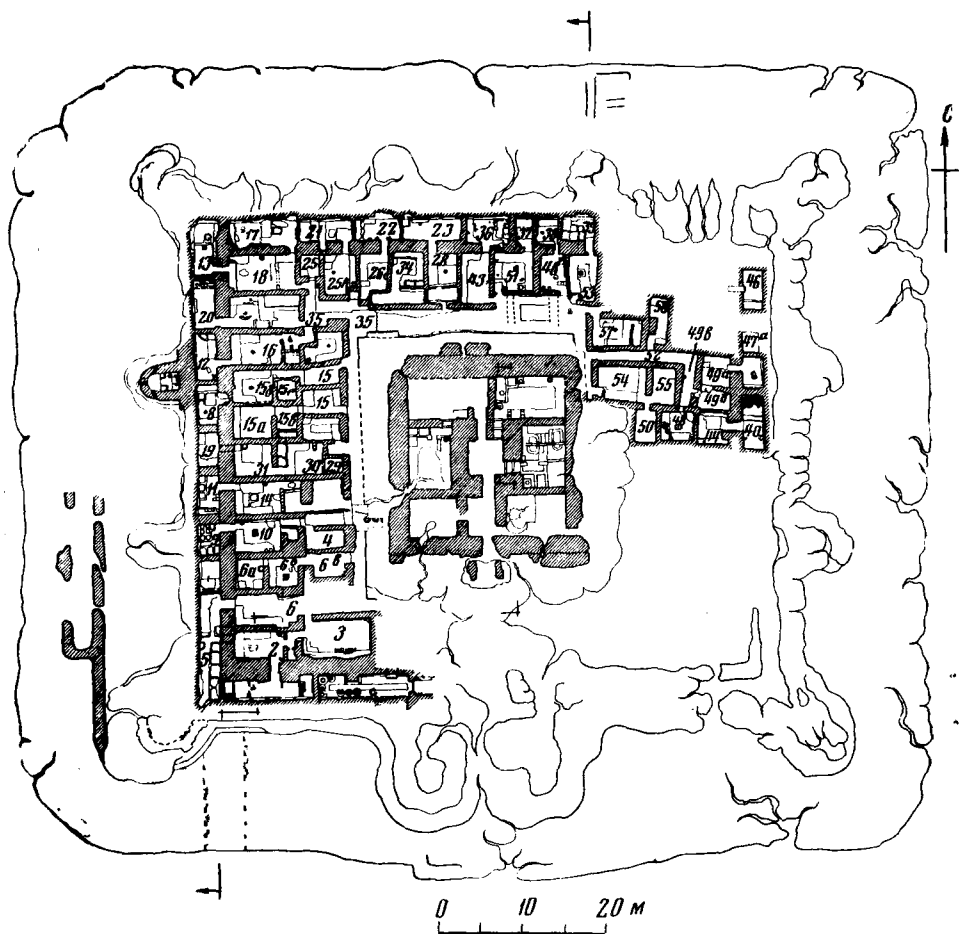

Рис. 3. Раннесредневековый хорезмский замок Якке-Парсан. (Цифрами обозначены номера комнат).

ется дом для гостей, конюшня, сарай, помещаются скот и повозки. В заднем строится дом для хозяина и жен его, кладовые или, если место высоко, то роются ямы для складки зернового хлеба»¹².

В последней фразе перечислены все те элементы, которые мы видели в южной половине дома. Кстати, она тоже является «задней»: к каналу, русло которого зафиксировано рядом с домом, обращена его северная половина. Вероятно, М. И. Иванин описал жилище состоятельной семьи, поскольку он упоминает жен хозяина дома, а возможность иметь несколько жен, как известно, являлась прерогативой богатых людей. Наличие разноплановых жилых ячеек, жилых секций, поставленных в один ряд, сближает замахшарский дом, с одной стороны, с жилищами больших состоятельных семей типа упоминавшейся выше семьи Максумляр, а с другой стороны, с жилищем хорезмского феодала VII—VIII вв. — замком Якке-Парсан, хотя, конечно, замахшарская постройка гораздо скромнее (рис. 3). В самом деле, уже в Якке-Парсане мы наблюдаем те же основные элементы композиции, что и в перечисленных выше постройках: трехкомнатные секции, состоявшие из жилого и складского помещений и, может быть, *айвана*; жилой дом с центральным коридором, только многокомнатный в отличие от замахшарского, но

¹² М. И. Иванин, Сведения о Хивинском ханстве, «Журнал мануфактуры и торговли», 1843, № 4, стр. 111.

Рис. 4. Башня в хаули Авез-Макрама близ Хивы.

также органически входивший в общую застройку; обширные залы или внутренние дворики. В то же время расположение всех этих элементов во всех случаях различно. В Якке-Парсане застройка огромного дома-массива, каким был замок, лимитировалась крепостными сооружениями: мощными стенами с оборонительными башнями и жилой башней-донжоном, узкое пространство между которыми и отводилось под застройку.

Нельзя не сравнить донжон, мощно высящийся на огромном пахсовом цоколе, над жилыми и хозяйственными комплексами, с любопытными башнями, обнаруженными в загородных хивинских постройках, например в хаули Авез-Макрама¹³ (рис 4). Эти башни очень похожи на раннесредневековые донжоны своими очертаниями, конструкцией, а также расположением в системе общей планировки усадьбы. Однако в стенах одной из комнат каждой из этих башен имеются многочисленные мелкие нишки, имевшие декоративное значение, что вызывает ассоциации уже с другими постройками — *каптар-хана* (буквально — голубятня) сельских усадеб Хорезма XII—XIII вв. Впрочем, полагают, что каптар-хана в архитектурном отношении прямо продолжают донжоны VII—VIII вв. и, следовательно, в появлении в XIX—XX вв. таких «гибридов», как хивинские башни, нет ничего удивительного. Добавим, кстати, что донжон Якке-Парсана представляет ту же центрического плана ячейку, которая в разных сочетаниях повторяется в крупных загородных сельских комплексах и хаули состоятельных людей в Хивинском оазисе. Центрическая планировка была столь широко распространена в разные времена на Востоке, что на этом не стоит специально останавливаться, достаточно вспомнить скромные месопотамские жилые постройки с внутренним двориком¹⁴ и обширные дворцы, такие как сасанидский дворец в Фирузабаде¹⁵ или гораздо более поздний Таш-Хаули в Хиве¹⁶,

¹³ На эти своеобразные сооружения наше внимание обратил Г. П. Снесарев; мы пользуемся случаем принести ему свою искреннюю признательность.

¹⁴ F. Cumont, *Fouilles de Doura-Europos*, Paris, 1926, p. 20; C. Woolley, *Excavations at Ur*, 1930—31, «The Antiquaries Journal», vol. XI, № 4, 1931, p. 360—362 и др.

¹⁵ O. Reuther, *Sasanian architecture*, «Survey of Persian Art», v. I, London — New York, 1938, p. 535, fig. 150.

¹⁶ В. А. Лавров, Указ. раб., стр. 126, рис. 240.

средневековые феодальные замки XII—XIII вв. или такие общественные сооружения, как *медресе*, *караван-сарай*, *ханак* (помещение для молений)¹⁷.

Четкое членение замахшарского дома на две половины дает основание сравнить его и с южнохивинскими большесемейными *хаули* второго типа, широко распространенными в XIX — начале XX в. Сходство между этими двумя сооружениями — в членении на две половины и в наличии жилой ячейки с центральным коридором. В остальном они несопоставимы. Прежде всего, совершенно различна композиция обеих половин сравниваемых зданий: в жилой половине замахшарского дома, которую можно рассматривать как прообраз *ичан-хаули*, секции расположены не по осевой системе, а в ряд. В другой половине, которую можно предположительно сопоставлять с *дечан-хаули*, отсутствует *далан* (крытый проезд и большой коридор), столь обычный для рассматриваемых хорезмских *хаули*. Застройка слитная, также секционная, в то время как в *дечан-хаули* помещения зачастую расположены произвольно¹⁸. Большую площадь там занимали скотный двор, конюшня и прочие хозяйственные помещения, соединенные одной крышей с жильем. Даже в небольших жилищах узбеков южного Хорезма конюшня и помещения для скота включались в общую систему и объединялись с остальными комнатами общим коридором. В то же время мы пока не имеем основания предполагать такое соединение в обследованных нами средневековых постройках — мелких и крупных, в том числе и в замахшарском доме. Лишь в некоторых домах XII—XIV вв., например в окрестностях Шехрлика (рис. 1, М), можно усмотреть помещение для скота, которое располагалось сбоку, изолированно от жилья, с отдельным выходом. Но чаще всего для скота предназначались отдельные постройки. При этом следует учитывать, что район Шехрлика, который мы привели в пример, находился в совершенно иных географических условиях, чем ядро Хорезмского оазиса; там в хозяйстве населения большее значение имело скотоводство. Возможно также, что население там состояло из полуоседлых в недавнем прошлом групп, роль которых в истории Хорезма всегда была значительной. Широко распространенными были поселения разбросанного типа, постройки обычно располагались группами, причем каждая из них выглядела отдельным небольшим хутором, иногда довольно далеко отстоявшим от соседнего. Эта особенность зафиксирована на всей территории левобережного Хорезма, но в оазисах, расположенных ближе к центральным районам страны (т. е. в современной культурной зоне), поселения такого типа становятся компактнее, хотя и в них можно различить отдельные группы построек.

Вернемся, однако, к помещениям для скота. Хорошо известно, что в истории поселений земледельцев (да и полуоседлых скотоводческих племен по мере их оседания) вне зависимости от местожительства прослеживается тенденция изолировать помещения для скота от жилья. Если на ранних стадиях развития жилища скот помещался там же, где и хозяева дома, то по мере усвершенствования жилища место для скота отделялось перегородкой, на следующем этапе для скота делалась пристройка сначала с общим входом, а затем с отдельным. Наконец, у

¹⁷ В. А. Лавров, Указ. раб., стр. 86—89, 140, 141.

¹⁸ Несколько большее сходство с рассматриваемым типом южнохорезмских *хаули* наблюдается в одном из раскопанных в последние годы в Кават-Калинском оазисе крупном по размерам (50×25 м) жилище с отчетливо прослеживающимся делением на две части, вытянутые по продольной оси. Одна из них представляет собой хорошо известную жилую ячейку с центральным коридором. В примыкавшей к ней слитной застройке выделяется большой зал, двор и ряд жилых и хозяйственных помещений. Однако подобия *дечан-хаули* нет и в этом случае.

наиболее состоятельных хозяев появлялись отдельные постройки для скота¹⁹.

В то же время в истории хорезмского жилища пока нет данных о таком прямом развитии. Если в XII—XIV вв. в ряде селений зафиксированы пристройки к дому или отдельные постройки для скота, то в XIX—начале XX в. помещения для скота объединены с жильем общей кровлей, составляя единый организм. Не в необходимости ли такого объединения кроется одна из причин появления жилищ типа южнохорезмских большесемейных *хаули*? Другой причиной было новое укрупнение семей, которое, вероятно, произошло позже XII—XIV вв., когда жилища, подобные рассматриваемым *хаули*, были мало распространены.

В XV—XIX вв. на территории Хорезмского оазиса появились узбеки Дештикипчакских степей, начались бесконечные междоусобные распри внутри государства, борьба узбеков и туркмен. С оседанием туркмен в исконно земледельческих оазисах связано разорение многих прежде цветущих областей Хорезма и определенный упадок культуры. В этот период усиливается кочевническо-скотоводческое направление хозяйства, при этом полагают, что большую часть страны в XVI—XVII вв. составляли кочевники-скотоводы, главным образом туркмены²⁰. Даже земледельческое население вело полукочевой образ жизни. По словам Абульгази, «из города люди кочуют в летнее время по степи»²¹. Воспринимая более высокую культуру аборигенов, пришельцы могли привить им и некоторые свои традиции. Тревожные времена вызывали стремление обезопасить себя и свое хозяйство от внезапных разорительных набегов. Упадок экономики должен был способствовать реставрации больших патриархальных семей, ибо так легче было просуществовать. Вышеуказанные обстоятельства могли привести к формированию крупных укрепленных *хаули*, где жилые и хозяйственные постройки подведены под одну крышу и окружены крепкой глинобитной стеной. Но, как мы уже видели, эти *хаули* создавались на основе задолго перед тем сложившихся строительных традиций. Большесемейные *хаули* узбеков южного Хорезма, несомненно, свидетельствуют о высокой строительной культуре их создателей.

Мы попытались проследить на более широком материале, чем это можно было сделать раньше, преемственность архитектурных традиций в народном зодчестве Хорезма и выявить древние прототипы существующих ныне жилищ. Из приведенных в статье материалов ясно, что истоки основных планировочно-композиционных идей, положенных в основу народного строительства, уходят в эпоху раннего средневековья. Уже к XII в. складывается тот тип дома, который в измененном виде бытует и теперь.

Мы ограничились рамками Хорезма, так как хорезмское жилище глубоко своеобразно и не имеет прямых аналогий в сопредельных областях. Однако это, конечно, не означает, что оно развивалось совершенно изолированно, но сходные черты хорезмских построек и построек соседних областей прежде всего выявляются в архитектуре сложных дворцовых сооружений или вообще крупных по размеру зданий в городском жилище. Сельские постройки, особенно жилища рядовой семьи, гораздо меньше подвержены влияниям извне и несут на себе печать своеобразия, являясь наиболее ярким и полным отражением местных национальных традиций.

¹⁹ «Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы», М., 1968, стр. 83, 116, 122 и др.; Н. Г. Б о р о з н а, Узбеки-дурмены долины Кафирнигана и Бабатага, «История материальной культуры народов Средней Азии и Казахстана», М., 1966, стр. 110; В. А. Л а в р о в, Указ. раб., стр. 131, 133.

²⁰ «История народов Узбекистана», т. I, кн. 1, Ташкент, 1955, стр. 424.

²¹ Там же.

ON THE HISTORY OF THE KHOREZM RURAL HABITATION

Many years of activity of the Khorezm archaeological-ethnographic expedition of the USSR Academy of Sciences have resulted in the accumulation of vast material which permits us to trace the history of the formation of the South Uzbek Khorezm rural dwelling beginning with the VII—VIII centuries. In the XII—beginning of the XIII centuries the main dwelling nucleus was formed with a central corridor and a store room (*telek*) on the upper storey; this became a component of the most widespread type of the South Uzbek extended family dwelling (*khauli*). However the *khauli* themselves with their characteristic division into an inner (*ichan-khauli*) and an outer (*dechan-khauli*) part are formed much later, not before the XVI—XVIII centuries, in connection with important changes in the social-economic and political life of the country.

An analysis of the peculiar features in the evolution of habitation and settlement planning in the course of many centuries have permitted the author to pose the problem of an uneven development of the family in Khorezm, of the possible resurrection at times of the extended family community and an important role of patronymic links over the whole of the period under research.

Л. Б. Теплинский

РАСИЗМ В ПОЛИТИКЕ ИЗРАИЛЬСКИХ СИОНИСТОВ

Сионизм является господствующей идеологией реакционных сил Израиля. Одновременно сионизм — государственная политика правящих кругов Израиля и, как следствие этого, находит свое выражение во внутри- и внешнеполитическом курсе израильского правительства.

За годы существования израильского государства сионизм как политика наглядно проявил свою реакционную сущность, в том числе и такую черту, как расизм. Истоки расизма в политике израильских сионистов заложены в одном из основных постулатов сионизма — о наличии «всемирной» или «единой еврейской нации». Возводя в абсолют «единство еврейской нации» и ее всемерное обособление, сионистские политики пытаются осуществить на практике идею «избранности» еврейского народа, принадлежности его к «высшей расе». В этом отношении правящие круги Израиля следуют средневековой религиозной теории, один из приверженцев которой, Иегуда Бен Галеви, изрекал, например, такие «истины»: «Рассеяние израильского народа является удивительным божественным установлением, созданным для того, чтобы народы Земли прониклись духом, который дарован ему»; «Род человеческий, подготовленный христианством и исламом, когда-нибудь признает значение еврейского народа как носителя божественного света»; «Еврейскому народу и стране ханаанской присуща особая божественность»¹.

Расистскую проповедь «превосходства» евреев над другими народами продолжают современные идеологи сионизма: «Средний еврей от родителей до ребенка: ты исключителен — ты еврей», — заявляет один из сионистов, А. Лилиенталь². Ему вторит другой сионист, В. Шебле: «Поскольку Израиль призван соединять воедино род человеческий и народ-божий, он (Израиль) пока еще представляет собой нечто исключительное в семье народов»³.

В связи со всеми подобными высказываниями уместно вспомнить, что В. И. Ленин еще в 1903 г. писал в своей статье «Положение Бунда в партии»: «Совершенно несостоятельная в научном отношении идея об особом еврейском народе реакционна по своему политическому значению»⁴.

Шовинистический характер присущ целому ряду законодательных актов, принятых в Израиле. Одним из таких законов является «Дополнение к Закону об израильском гражданстве», принятое кнессетом (парламентом) в мае 1971 г.⁵ Суть этого документа в следующем. Отныне министру внутренних дел Израиля предоставлено право по своему усмотрению «жаловать» израильское гражданство любому еврею, где бы он ни находился, т. е. еще до того, как он окажется на территории из-

¹ Цит. по: Г. Герцц, История евреев, СПб., 1902, стр. 142, 143.

² A. L i l i e n t a l, What price Israel, Chicago, 1953, p. 180.

³ W. S c h ä b l e, Brennpunkt Palästina. Wuppertal, 1957, S. 78.

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 8, стр. 74.

⁵ «Wored-wide Israeli citizenship — an elaboration in Zionist ideology», «Supplement to the „Information bulletin“, Communist Party of Israel». Tel Aviv, 1971, № 6, p. 1.

раильского государства. Руководящие сионистские деятели афишируют это «Дополнение к Закону об израильском гражданстве» как «историческую» акцию, способную внедрить, проташить в международную практику расистскую идею «исключительности» евреев и развернуть в еще больших масштабах клеветническую кампанию в отношении Советского Союза.

Судя по всему, сионистские правящие круги Израиля намерены на «основе» «Дополнения к Закону об израильском гражданстве» по своему усмотрению объявлять израильскими гражданами граждан любой страны, хотя бы они обвинялись в совершении преступлений и нарушении законов. Эти новоявленные «израильские» граждане оказываются, таким образом, как бы под «законным» покровительством Израиля и под его защитой, как израильские граждане, находящиеся за границей.

«Дополнение к Закону об израильском гражданстве» — это не что иное, как попытка «узаконить» мнимое превосходство Израиля над другими государствами: оно игнорирует обычные общепринятые нормы получения гражданства и устанавливает, что еврей — гражданин любой страны — становится гражданином Израиля по решению израильского министра, независимо от того, какие законы существуют в стране, где живет этот еврей. Так израильские правящие круги ставят себя над международным законом и практикой.

Израильские сионисты делают новые шаги в развитии своей теории «двойной лояльности». До сих пор сионисты рассматривали еврейские общины, где бы они ни находились, как органическую часть одной всемирной нации, но допускали возможность существования «двойной лояльности», т. е. по отношению к Израилю и к стране проживания. Отныне сионистские лидеры хотят, чтобы мир признал, что Израиль — это государство «всемирной еврейской нации», и что еврей, где бы он ни находился, должен быть лоялен прежде всего по отношению к «всемирному еврейскому государству» и что это «всемирное еврейское государство» распространяет свою власть над евреями независимо от границ и без ограничений.

Совершенно очевидно, что только расистский подход к вопросам гражданства мог продиктовать такое «Дополнение к Закону об израильском гражданстве». История знает лишь один подобный пример: фашистская Германия в свое время провозгласила «покровительство» над всеми немцами, независимо от того, где они живут. Под предлогом «защиты» этих немцев фашистская Германия и совершала акты агрессии.

В одном ряду с этим «Дополнением к Закону об израильском гражданстве» находится принятый в марте 1970 г. кнессетом закон, который определяет принадлежность граждан Израиля к еврейской национальности по «расовым» и религиозным признакам. На практике такие расистские принципы осуществлялись в Израиле уже давно, и, прежде чем стать формальным законом, они были в 1960 г. закреплены правительственным постановлением. Суть нового закона в том, что в Израиле евреем может считаться только рожденный матерью-еврейкой или принявший иудаизм.

Таким образом, в Израиле действует закон, который опять-таки можно сравнить с практикой фашистской Германии. Как известно, в гитлеровские времена там существовали «расовые паспорта» с их пресловутым принципом «чистоты крови». Здесь же в законодательном порядке провозглашен расистский принцип деления израильтян на полноправных и неполноправных, на «чистых» и «нечистых». Французская буржуазная газета «Монд» 10 марта 1966 г., когда религиозные и другие ультрареакционные круги еще только требовали законодательного оформления расистской «доктрины» гражданства, опубликовала следующее заявление члена Верховного суда Израиля Х. Когена: «Горькая

ирония судьбы захотела, чтобы те самые биологические и расистские тезисы, которые пропагандировали нацисты и которые вдохновили позорные «нюрнбергские законы», послужили основой при официальном определении гражданства внутри Израиля».

Израильское законодательство установило ряд норм, практически не отличающихся от тех, которые сейчас существуют в расистской Южно-Африканской Республике. Так, браки между представителями различных национальностей и религий в Израиле запрещены. Гражданские браки евреев с лицами других национальностей, заключенные до приезда в Израиль, считаются недействительными, а дети, рожденные от смешанных браков, рассматриваются как «незаконнорожденные».

О том, что израильское законодательство о гражданстве пропитано духом расизма и шовинизма, говорят и многие другие законы. Принятый 5 июля 1950 г. «Закон о возвращении» автоматически признает израильское гражданство за каждым евреем, иммигрировавшим в Израиль, и в то же время «Закон о гражданстве» от 1 апреля 1952 г. гласит, что арабы, родившиеся и всю жизнь прожившие в Палестине, не могут получить израильское гражданство, если в установленную дату — 8 ноября 1948 г. — они не жили там, где родились.

Расовыми предрассудками пронизана вся система воспитания подрастающего поколения, которому внушается идеология «сверхчеловеков». Израильскую молодежь воспитывают в духе культа грубой силы, расовой и национальной исключительности, ненависти и презрения к арабам.

Летом 1967 г. в израильской газете «Ламерхав» было опубликовано письмо одной учительницы, встревоженной обликом молодого израильтянина, созданным школой и всей атмосферой, царящей в стране. Она писала: «Вот мы создали для себя образ «нового еврея», и я думаю, что есть в нем немало позорного подражания тому, что боготворили враги наши. Вот он перед нами, „идеальный сабра“ (сабра — на языке иврит „кактус“). Так называют уроженцев Палестины, выходцев из семей первых евреев-переселенцев из европейских стран. — Л. Т.), он улыбается с каждого щита, он украшает каждую иллюстрированную газету. Юноша со светлой шевелюрой, у него голубые глаза, в лице его высокомерие человека дела, питающего отвращение к мысли и интеллектуальному анализу. Он стоит твердо, насмехаясь над миром, он ничего не страшится и ни в чем не сомневается... Этот образ был неотъемлемой частью сионистской пропаганды десятки лет, он представлен в бесчисленных статьях, брошюрах, рассказах... Он очень похож на юношу гитлеровской Германии, ибо демонстрирует те же качества грубой физической силы, безграничной наглости».

Правящие круги Тель-Авива усиленно пытаются представить миру Израиль как образец государства демократий. Действительность убедительно показывает, что обещание, данное Еврейским агентством в 1946 г. — «евреи не будут иметь больше прав, чем неевреи» в израильском государстве, — осталось пустой фразой.

Имеется более чем достаточно фактов, подтверждающих, что в Израиле процветает расовая и национальная дискриминация в самых разных формах. Наиболее ярко она проявляется в отношении арабского меньшинства, проживающего в Израиле. Даже тель-авивская буржуазная газета «Гаарец» была вынуждена признать, что «в Израиле политика в отношении арабов может быть сравнима только с политикой, которая проводилась США в прошлом веке по отношению к индейцам»⁶. Израильский гражданин арабского происхождения С. Джирьис пишет, что в этой стране имеется 150 дискриминационных законов в отношении арабов⁷.

⁶ См. «Der Spiegel», 1967, № 48, S. 142.

⁷ S. G. y r i e s, *Arabe in Israel*, Beirut, 1968.

Эти законы на деле служат главным орудием угнетения и дискриминации арабского населения. По этим законам военные губернаторы имеют право использовать меры «коллективного наказания», ограничивать свободу передвижения, подвергать домашнему аресту, объявлять целые районы или ряд деревень «закрытыми зонами», что фактически превращает их жителей в заключенных. В таком положении и находятся сейчас все арабские деревни. Характерно, что нынешний министр юстиции Израиля Шапиро, один из видных сионистских лидеров, в 1946 г., когда эти законы были приняты британскими колониальными властями, говорил: «Режим, установленный в результате принятия этих законов, не имеет прецедента ни в одной цивилизованной стране... Таких законов не принимали даже в нацистской Германии». Однако израильское правительство не только сохраняет эти законы, но и применяет их в отношении арабов.

Обычно сионистские идеологи и политики остро реагируют на любые обвинения их в антигуманизме. Однако теперь израильская пропаганда вынуждена оправдывать проявления расовой дискриминации. «До тех пор, пока строительство государства еще не завершено,— писал израильский автор Шабатай Тибет в газете „Гаарец“ 3 февраля 1970 г.,— я не вижу для нас другого пути, кроме расизма... Если сегодня я отвергну религиозные учения, которые определяют, кто является евреем, и при помощи которых он завоевал свое право, то я внезапно почувствую, что всю свою жизнь совершал преступления — изгонял фермеров и городских жителей» (имеется в виду арабов.— Л. Т.).

Для подобного заявления у сионистского журналиста есть все основания. Еще задолго до возникновения государства Израиль сионистские организации стали осуществлять планы захвата земель арабских крестьян и изгнания их из Палестины. С помощью английских колониальных властей в 1925 г. были захвачены участки более 1270 арабских семей в плодородной долине Мардж Ибин Амер, в 1929 г. свыше 2 тыс. арабов заставили уйти из долины возле Тулкарем Вади Элхаварет. После создания Израиля в 1948 г. сионистская политика экспроприации арабских земель получила новый размах. Кнессет принял целый ряд расистских законов, направленных на изгнание арабов из родных мест: о чрезвычайных мерах и районах безопасности (1949 г.); о собственности отсутствующих (1950 г.); о земельном контроле (1953 г.); об израильских землях (1960 г.); о централизации земель (1965 г.)⁸.

На основе этих и других законов израильские власти лишили арабских крестьян большей части их земли (свыше 120 тыс. га); жители 16 деревень полностью потеряли свои земли. Вокруг Назарета было конфисковано 225 га земли, чтобы воспрепятствовать расширению этого арабского города. В Галилее власти отобрали 510 га территории, принадлежащей трем арабским деревням, чтобы построить еврейский город Кармель. Еще 355 га угодий было изъято у 25 арабских деревень в той же Галилее и передано сионистской организации «Хакерен Хакай-емер».

Чем же отличаются эти действия сионистских правителей Израиля от практики, царящей в ЮАР, где африканцев изгоняют из «белых» районов, составляющих 87% территории страны, хотя бы они жили в течение столетий на земле своих предков?

Известно, что арабы составляют в Израиле свыше 12% населения — 320 тыс. человек. Однако в кнессете они имеют только 7 депутатов, и лишь 1% арабов занят на государственной службе. В течение ряда лет арабские рабочие не имели доступа в «Гистадрут» — Всеобщую федерацию труда Израиля. Даже сейчас, когда в результате длительной

⁸ Д. Туби, Сионизм и расовая дискриминация, «Проблемы мира и социализма», 1971, № 12, стр. 68.

борьбы трудящихся арабов этот запрет отменен, они все еще лишены права избирать профсоюзные советы почти во всех арабских населенных пунктах. Некоторые отрасли промышленности целиком закрыты для трудящихся-арабов.

Большую часть безработных в Израиле составляют арабы. Они получают, как правило, лишь тяжелую и низкооплачиваемую работу. Согласно официальным данным, средний годовой доход арабского рабочего составляет 62% среднего годового дохода еврейского рабочего. Можно предположить, что фактически он еще ниже. Большинство арабских рабочих фактически лишено элементарных социальных прав, в частности права на отдых, выплату пособия при увольнении с работы. И в области медицинского обслуживания проводится дискриминация арабского населения. Даже по официальным данным, менее 40% арабских семей имеют возможность пользоваться медицинской помощью, в то время как среди еврейских семей — 97%. Из 112 арабских деревень большинство вообще не имеет пунктов медицинского обслуживания.

Жестокая дискриминация арабов царит в системе образования, о чем говорят такие цифры: школьного образования не имеют 42,8% арабов и лишь 10,4% евреев; среднее образование получили 28,1% евреев и только 11,5% арабов; высшее образование — 11,9% евреев и 1,4% арабов. Наблюдается нехватка начальных школ и учителей для арабских детей, поскольку израильские власти ассигнуют на эти цели крайне малые средства. О том, что в данном случае имеет место преднамеренная политика сионистского правительства, свидетельствует, например, заявление бывшего советника премьер-министра по делам арабского населения Лубрани: «Было бы лучше, если бы среди арабов вообще не было учащихся. Ими было бы легче управлять»⁹.

Одним из проявлений шовинизма в политике израильской верхушки служат действия Израиля на оккупированных арабских землях. Захватив 63 тыс. км² чужих земель — территорию, более чем втрое превышающую свои собственные размеры, Израиль повсюду преднамеренно совершает преступления в отношении местных жителей — арабов.

Заместитель Генерального комиссара Ближневосточного агентства ООН по оказанию помощи беженцам и организации работ (ЮНРВА) Джон Реддвэй направил в лондонскую газету «Таймс» открытое письмо, которое было опубликовано 3 ноября 1969 г. В этом письме, в частности, говорилось: «С самого начала завоевания израильское правление сопровождалось массовыми убийствами. Например, в конце июня 1967 г. ранним утром часть лагеря беженцев в Рафахе, состоявшая из 60 домов, была уничтожена вместе с находившимися там мужчинами, женщинами и детьми. Израильцы взрывали дома, бросая гранаты и взрывчатку». В этом же письме ответственный чиновник ООН рассказал, что ему лично пришлось присутствовать вместе с группой других официальных лиц при вскрытии одной из нескольких общих могил убитых арабов — в ней оказалось 23 трупа.

Израильские власти установили на оккупированных землях режим жесточайшего террора и репрессий. Они заимствовали у гитлеровцев и упорно внедряют в практику доктрину так называемых «коллективных репрессий», в соответствии с которой массовому наказанию подвергаются все, кто даже только заподозрен в связях с палестинскими партизанами. Для того чтобы стать жертвой произвола израильских оккупационных властей, арабу достаточно совершить самое ничтожное нарушение: в Рафахе расстреляли араба «за нахождение на улице в неподобающее время», в Газе — несколько арабов — за «нарушение комендантского часа».

Население оккупированных районов переживает трагическое время, когда без всякой причины каждый араб может быть арестован, выслан,

⁹ Д. Т у б и, Указ. раб., стр. 68.

а его дом взорван. Цели, которые преследуют израильские сионисты на оккупированных землях, раскрыл в своем заявлении, опубликованном в израильской газете «Гистадрут», высокопоставленный деятель сионистского движения, выполнявший одно время функции советника премьер-министра Израиля по делам арабского населения: «Для нас должно быть предельно ясным,— утверждал он,— что в этой стране нет места для двух наций... Единственным решением является освобождение от арабов хотя бы Западной Палестины, для чего необходимо всех без исключения арабов переместить в соседних страны. Здесь не должно остаться ни одного араба»¹⁰.

Израильская лига защиты прав человека и гражданских свобод — одна из немногих существующих ныне демократических организаций Израиля — в июне 1970 г. направила Меморандум Комиссии ООН по расследованию деятельности Израиля на оккупированных территориях¹¹. В этом документе приводятся многочисленные факты, подтверждающие, что арабское население, находящееся под израильской оккупацией, лишено всех демократических, даже в буржуазном понимании, свобод: запрещены политические организации, демонстрации, собрания и все другие виды общественной ненасильственной деятельности. Дело дошло до того, что оккупанты запретили Организацию взаимопомощи учащихся средних школ и ученические советы. Израильская газета «Зугадерех» сообщила, например, что несколько арабских учителей были брошены в тюрьму за участие в Организации взаимопомощи...

В этом же Меморандуме Израильская лига защиты прав человека и гражданских свобод осуждает израильские власти за то, что они систематически арестовывают и высылают арабских профсоюзных деятелей.

Преступные действия Израиля на оккупированных землях с особой настойчивостью проводятся в незаконно захваченном Иерусалиме, которому оккупанты хотят придать «чисто израильский характер». План изгнания из этого города арабского населения осуществляется тель-авивскими властями в несколько этапов. Сейчас город окружается кольцом израильских военных поселений с тем, чтобы «утопить» его в «территории Израиля». Одновременно из самого Иерусалима арабы изгоняются, а их жилища ликвидируются под предлогом расчистки места у памятника иудейской религии — Стены плача. Но бульдозеры действуют и в других районах города. В результате всех этих мер в Иерусалиме сейчас осталось не более 70 тыс. арабов, в то время как до начала июньской агрессии 1967 г. в городе их жило 300 тыс. Израильским сионистам нет дела до того, что Иерусалим почитается «святым городом» последователями трех религий — христианства, мусульманства и иудаизма. Тель-Авив считает, что только Израиль вправе претендовать на Иерусалим. Невзирая на то, что 29 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о будущем статусе Иерусалима как отдельной единицы, пользующейся особым международным режимом, кнессет 23 января 1950 г. провозгласил Иерусалим столицей Израиля, а во время агрессии 1967 г. Израиль оккупировал восточную часть города. Израильские правители, создавая «большой Иерусалим» с еврейским населением в 900 тыс. человек, рассчитывают поставить мир перед свершившимся фактом.

Тель-Авив разработал «операцию», в ходе которой из оккупированной Газы должны быть изгнаны 300 тыс. арабов. Эти люди насильственно перемещаются на север Синай, в район Эль-Ариша. По сообщению

¹⁰ «Правда», 18 июля 1971 г.

¹¹ «Memorandum to the UN commission on the Israeli practices in the occupied territories, N. Y., USA and the International League for the rights of man, N. Y., USA from the Israeli League for Human and Civil Rights», Tel Aviv, 8.VI.1970.

газеты «Нью-Йорк таймс», только в течение августа 1971 г. «в целях безопасности» из района Газы было депортировано свыше 13 тыс. арабов и разрушено 1857 жилых домов.

Одновременно израильские оккупанты пытаются изолировать от внешнего мира оставшихся в Газе палестинцев. С этой целью вокруг района лагерей беженцев и города Газы возведен барьер трехметровой высоты из колючей проволоки. В этом огромном концентрационном лагере, устроенном на нацистский манер, израильские власти рассчитывают заключить около 400 тыс. палестинских беженцев, проживающих в этом районе.

Варварское обращение с арабским населением оккупированных земель преследует наряду с другими цель запугать арабов, заставить их смириться с господством оккупантов, подавить волю к борьбе и сопротивлению. Именно поэтому арабские демонстрации подавляются крупными нарядами полиции, а иногда и армейскими соединениями.

Время от времени официальный Тель-Авив подвергает критике тех израильских оккупантов, злодеяния которых становятся известны мировой общественности. За гибель людей, мародерство, насильственное изгнание и избиение мирных жителей на виновных накладывают лишь «дисциплинарные взыскания», т. е. фактически лишний раз показывают, что все, что творится на оккупированных землях, — это государственная политика, взятая на вооружение сионистами.

Международная комиссия ООН по расследованию нарушений Израилем прав человека на оккупированных арабских территориях установила многочисленные факты полного или частичного уничтожения оккупантами отдельных арабских деревень, а сирийский город Кунейтра превращен в «город-призрак»: улицы вымерли, дома стоят с выломанными дверями и с пустыми глазницами выбитых окон. Процветавший сирийский город, в котором проживало 25 тыс. человек, объявлен оккупантами «запретной зоной»; здесь сейчас осталось полтора десятка арабов.

Всего, по данным печати, в 1967—1970 гг. на оккупированных израильскими войсками территориях было разрушено более 7 тыс. домов, 5 тыс. мирных жителей убито, около 16 тыс. ранено, подверглось пыткам в тюрьмах и концлагерях или пропало без вести.

Глубокое проникновение расизма в политическую, общественную, экономическую, да и во все другие области жизни израильского общества с наибольшей наглядностью проявляется в том, что даже еврейское население Израиля фактически разделено на несколько каст.

Высшую привилегированную касту составляют «сабра». Эта каста по существу и вершит всеми делами государства. «Те, кто достиг видного положения, добились этого не благодаря своим личным заслугам или способностям, а в результате протекции старожилов-вельмож», — писал израильский журналист Амос Илон¹².

Ниже этой группы находятся израильские евреи «ашкенази» и еще ниже — «сефарды». «Ашкенази» — выходцы из стран Центральной Европы — смотрят свысока, пренебрежительно на «сефардов» — евреев, прибывших из арабских и африканских стран. Бывший премьер-министр Израиля Бен-Гурион называл «ашкенази» и «сефардов» «человеческой пылью», а их языки — «мешаниной, кормом для скота».

«Сефарды» — это настоящие парии среди израильских евреев. В 50-х годах сотни тысяч евреев стекались в Израиль из Алжира, Египта, Туниса, Ливии, Марокко, Турции, а также Ирана, Афганистана и Индии. Ныне «сефарды» составляют 42% населения страны, именно они являются наиболее обездоленными и политически бесправными среди евреев.

¹² «Литературная газета», 17 ноября 1971 г.

Когда «сефарды» прибывали в Израиль, их селили в палатках, в шатках сборных домах и бывших английских казармах, они снимали крохотные квартирки, углы. Надеясь на то, что со временем их положение улучшится, они не роптали, не отказывались от самой тяжелой и грязной работы, становились чернорабочими, дворниками, обрабатывали целинные земли, строили города в пустыне.

Шло время, а положение «сефардов» нисколько не улучшалось. Половина «сефардов» по-прежнему неквалифицированные рабочие, они зарабатывают в среднем на 20—30% меньше, чем израильтяне западноевропейского происхождения или те, что приехали из Америки. Из каждой трех семей «сефардов» только одна получает помощь в какой-либо форме, хотя доход «сефардов» составляет лишь три четверти среднедушевого дохода в стране.

Весьма показательно, что дети «сефардов» составляют 60% учащихся начальных школ, 25% учащихся средних школ и лишь 8% студентов высших учебных заведений. Практически это означает, что почти 80% детей «сефардов» бросают школу, не получив среднего образования. Именно об этих детях, живущих в иерусалимском гетто Катомон, заведующий городским отделом социального обеспечения Елизар Яффе сказал: «От шести до десяти детей живут в одной или двух комнатах в плохих санитарных условиях и у них нет ни покоя, ни комнаты, чтобы учиться»¹³.

Расовая дискриминация «сефардов» в вопросах управления страной настолько очевидна, что один из видных деятелей основной правительственной партии МАПАИ, выходец из Марокко, заявил: «Вы подвергаете нас дискриминации, потому что ненавидите тех, кто родился на Востоке. Не забывайте того, что произошло в Лос-Анджелесе и Алабаме» (имеются в виду массовые выступления американских негров.— Л. Т.)¹⁴.

Подтверждением этих слов могут быть, например, такие факты. Хотя «сефарды» составляют почти половину населения страны, в государственном аппарате они представлены весьма незначительно. В кнессете Израиля, насчитывающем 120 депутатов, им принадлежит всего 18 мест. Из 18 министерских портфелей на долю «сефардов» приходится два.

Во всем мире вызвали возмущение открытые проявления расовой дискриминации властями Израиля в ноябре 1971 г. в отношении негров-евреев, пожелавших иммигрировать из США. Когда в Израиль пришла заявка от 200 евреев из Чикаго с просьбой разрешить им постоянное проживание на «земле обетованной», иммиграционные власти дали согласие. Когда же эти 200 человек прибыли в Израиль и все увидели, что они негры, израильские сионисты оказались в сложном положении: их пропаганде «чистоты еврейской расы» был нанесен ощутимый удар. Специальная делегация израильского правительства попыталась уговорить евреев-негров вернуться в США. Руководители негров в этой связи заявили: «Израиль — расистское государство»¹⁵.

Если древнюю мудрость «скажи, кто твой друг, я скажу кто ты» применить к Израилю, то расизм в политике сионистов никому не покажется противоестественным. Вспомним, например, широко известное сотрудничество сионистов с нацистской Германией. Ведь это факт, что во время второй мировой войны нацисты осуществляли массовую ликвидацию европейских евреев, а венгерский сионистский лидер Э. Кастнер тесно сотрудничал с нацистским палачом Эйхманом, который отвечал за осуществление плана «окончательного решения» еврейского вопроса. В своей автобиографии президент Всемирного еврейского конгресса Наум Гольдман рассказывает, что американские сионисты отказывались уча-

¹³ Цит по: «Observer», 21.III.1971, p. 8.

¹⁴ Цит. по: «Международная жизнь», 1971, № 7, стр. 153.

¹⁵ «Правда», 14 ноября 1971 г.

ствовать в борьбе против гитлеровской Германии, поскольку «еврейские фирмы выступали в роли контрагентов немецких компаний»¹⁶.

Сионисты не изменили своего благосклонного отношения к расистам и после того, как было создано израильское государство. На этот раз близкими друзьями Израйля стали правящие круги ЮАР — единственного в мире государства, где расизм в его худшей форме — в виде апартеида — открыто провозглашен государственной политикой. Председатель Всемирной сионистской организации Луис Пинкус в интервью для печати в апреле 1969 г. откровенно сказал, что Израиль и ЮАР поддерживают хорошие отношения и понимают позицию друг друга.

Развитию связей Израйля и ЮАР, несомненно, способствует то обстоятельство, что среди руководящих деятелей израильской верхушки есть немало выходцев из ЮАР. Среди них министр иностранных дел Израйля Абба Эбан, председатель Всемирной сионистской организации Луис Пинкус, бывший представитель Израйля при ООН Майк Комэй и др. С другой стороны, в ЮАР проживает одна из самых больших (более 120 тыс. человек) и самых богатых в мире еврейских общин. Лидеры этой общины поддерживают Израиль; община оказывает израильским сионистам крупную материальную помощь и является одним из главных кредиторов сионистского движения.

Для укрепления и расширения сотрудничества между Израилем и ЮАР в Тель-Авиве создана «Лига Израиль — Южная Африка», которую возглавляют депутаты израильского кнессета Шостак и Тамир. Руководители Лиги утверждают, что Израиль и ЮАР «имеют общие проблемы и интересы», что «официальные отношения между Израилем и ЮАР не только возможны, но и абсолютно необходимы». Шостак и Тамир образовали в израильском кнессете группировку, в которую входят «на индивидуальной основе» представители различных политических партий. Еще в январе 1968 г. в Израиле было учреждено общество израильско-южноафриканской дружбы, которым руководит крайне правый израильский деятель Бегин.

В свое время в Израиль нанес официальный визит премьер-министр Южно-африканского государства Малан. Видные израильские сионисты в свою очередь посещают ЮАР; среди них, например, бывший премьер-министр Бен-Гурион. Весной 1970 г. в ЮАР с целью сбора средств находился известный израильский деятель Гольдштейн, руководитель «Объединенного еврейского призыва», — организации, играющей заметную роль в политической жизни Израйля.

Правительство Форстера, начиная с июня 1967 г., на всем протяжении израильской агрессии выступает в поддержку Тель-Авива. (Стоит вспомнить, что и в 1956 г. ЮАР поддержала англо-франко-израильскую агрессию против Египта.) Когда Израиль развязал агрессию в 1967 г., ЮАР объявила себя «нейтральной». Но вскоре обнаружилось, что «нейтралитет» этот фальшивый и ЮАР делает все, чтобы обеспечить успех агрессии. Видный южноафриканский деятель, бывший начальник штаба обороны ЮАР генерал Мартин, например, публично одобрил варварский налет израильтян на Бейрутский аэродром в декабре 1969 г.

Претория сняла какие-либо финансовые ограничения на экспорт капиталов из ЮАР в Израиль. И когда южноафриканские сионисты собрали, например, в июне 1967 г. 10 млн. фунтов стерлингов, власти беспрепятственно разрешили перевести их в Израиль. Министр финансов ЮАР Дидерихс в феврале 1970 г. цинично заявил, что речь идет о деньгах, собранных с «гуманными и благотворительными» целями.

Но помощь Израилю идет из ЮАР не только от местных сионистских организаций. По свидетельству южноафриканской прессы, «внушитель-

¹⁶ «The Autobiography of Nahoum Goldmann. Sixty years of Jewish life», N. Y., 1969, p. 153.

ную финансовую помощь» израильским агрессорам оказала фашистская секретная организация «Брудербонд», стоящая за правящей в ЮАР Националистической партией.

Особенно значительный размах приобретают израильско-южноафриканские связи по военной линии. Еще в сентябре 1967 г. командующий израильскими военно-воздушными силами генерал Мордехай Ход посетил ЮАР. В результате встреч с высшими военными деятелями расистского режима Претории была достигнута договоренность об обмене военной информацией, а также опытом борьбы против «партизанских отрядов». С тех пор обмен подобными визитами между Тель-Авивом и Преторией не прекращается.

ЮАР в начале 1970 г. приступила к производству танков, которые Претория планирует поставлять в Израиль. Не остается в долгу в свою очередь и Израиль. Он активно поставляет оружие правительству ЮАР.

Израиль и ЮАР сближает их совместное участие в борьбе против национально-освободительного движения на территории португальских колоний: в Анголе, Мозамбике, Гвинее — Бисау, а также в Родезии. Разница лишь в том, что если участники «дьявольского» союза Претория — Солсбери — Лиссабон — южноафриканские расисты — открыто посылают свои войска и вооружение для борьбы с патриотами, то израильское правительство делает это тайно. Алжирская газета «Эль-Муджахид» сообщала, что в отрядах португальских карателей есть много израильских военных специалистов. Кроме того, некоторые португальские военные проходят в Тель-Авиве подготовку для борьбы против партизан¹⁷.

Все более широкие масштабы принимает израильско-юаровская торговля. На ЮАР приходится подавляющая часть торгового обмена между Израилем и всей Африкой. Только в 1969 г. экспорт из Израиля в ЮАР по сравнению с предыдущим годом увеличился на 147%, значительно возрос также экспорт ЮАР в Израиль. Стоит вспомнить, что именно ЮАР является основным поставщиком для Израиля необработанных камней для алмазной промышленности Израиля, одной из ведущих в израильской экономике. Шлифовка и продажа южноафриканских алмазов занимают в экономике Израиля почти вдвое большее место, нежели традиционная торговля цитрусовыми.

Чтобы прикрыть свои истинные цели в Африке и связи с ЮАР, израильская дипломатия иногда демонстративно заявляет, что Израиль отмежевывается от ЮАР и осуждает политику апартеида. Однако практические дела правительств Израиля и ЮАР, этих союзников сил реакции и империализма, опровергают эту ложь и показывают подлинное лицо как израильских сионистов, так и южноафриканских расистов — этих врагов свободы Африки.

Расовая дискриминация в политике израильского правительства встречает растущее сопротивление внутри страны и на территориях, оккупированных Израилем. Против дискриминации и бесправия растет движение в разных слоях населения.

Депутат израильского кнессета Ури Авнери признал: «Редко где встретишь людей столь нерелигиозных и даже столь антирелигиозных, как подавляющее большинство израильтян. Но редко в какой другой стране организованная религия может держать жизнь такой мертвой хваткой, как в Израиле»¹⁸.

Арабское население Израиля и «сефарды» не склонны мириться с существующим положением. Борьбу против расовой дискриминации «сефардов» возглавила созданная ими организация «Черные пантеры», ныне именуемая «Бело-голубые пантеры». Эта организация сумела в трудных условиях жестоких репрессий укрепить свои ряды и завоевать боль-

¹⁷ «Известия», 6 февраля 1969 г.

¹⁸ Цит. по: М. Беленький, Что такое Талмуд, М., 1970, стр. 205.

шой авторитет в стране. Под ее руководством и по ее инициативе в Израиле неоднократно происходили массовые митинги и демонстрации, в которых принимали участие сотни лиц еврейской национальности, прибывших в Израиль из Северной Африки и стран Ближнего Востока. Главные требования организации «пантер»: прекращение расовой дискриминации, улучшение жилищных условий, введение справедливой оплаты труда.

Решительными противниками сионизма и расовой дискриминации выступают израильские коммунисты. Генеральный секретарь КПИ М. Вильнер от имени своей партии заявил в 1969 г.: «Коммунисты и все прогрессивные круги Израиля будут неустанно бороться против политики правительства, так как считают, что она коренным образом противоречит делу мира и жизненным интересам народа Израиля»¹⁹. Коммунистическая партия Израиля поставила свою подпись под Основным документом Московского Совещания коммунистических и рабочих партий (1969 г.), в котором, в частности, есть такие слова: «Мы, коммунисты, вновь обращаемся ко всем честным людям земли с призывом объединить усилия в борьбе с челоноконанавистической идеологией и практикой расизма. Мы призываем развернуть самое широкое движение протеста против постыднейшего явления современности — варварского преследования 25-миллионного негритянского населения в США, против расистского террора в Южной Африке и в Родезии, против преследования арабского населения на оккупированных территориях и в Израиле, против расовой и национальной дискриминации, сионизма и антисемитизма, которые разжигаются капиталистическими реакционными силами и используются ими для политической дезориентации масс»²⁰.

RACISM IN THE POLICY OF ISRAELI ZIONISTS

This article examines one of the aspects in the reactionary policy of the Israeli Zionists — that of racism. It is shown on factual material that many important legislative acts of the State authorities are imbued with a racist spirit and serve as a «basis» for Israel's government in implementing policies of racial discrimination both within the country and in the unlawfully occupied lands of the Arab states.

The article shows that the ruling circles of Israel who pose as adherents of «liberty» and «democracy», in reality are allied to South African racists, who have openly proclaimed as their state policy apartheid — a variety of racism and colonialism that has been condemned by the United Nations as a crime against humanity.

The progressive forces within Israel headed by the Communist Party of the country are conducting a determined struggle against racism and Zionism for a genuine democracy and socialism.

¹⁹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий», М., 1969, стр. 672

²⁰ «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий всех антиимпериалистических сил», М., 1969, стр. 40.

И. М. Золотарева

ГЕНОГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОНГОЛИИ ПО СИСТЕМЕ КРОВИ АВО

Территория Центральной Азии и в том числе Монголии все еще слабо изучена в антропологическом отношении. Это положение справедливо и по отношению к исследованиям распределения всех групповых факторов крови. В литературе имеются данные по отдельным контингентам монголов-халха, обследованных в разное время, в основном до второй мировой войны¹. Эти данные приведены в сводном труде А. Моурента с соавторами. Из новейших работ следует отметить исследование Ч. Шарав, представившего материалы по нескольким групповым факторам крови у монголов². Однако по этим суммарным данным нельзя составить представление о пространственной вариабельности генных частот в Монголии. Наши материалы рассматриваются именно с точки зрения их территориального распределения.

Группы крови определялись автором у представителей разных территориальных групп монголов в 1965, 1966 и 1968 гг. во время антропологических экспедиций. Серологический раздел был лишь частью обширной антропологической программы, чем и следует объяснить небольшую численность обследованных в локальных группах. Собранные материалы, относящиеся к разным территориальным группам монголов, имеют значение для составления геноеографической карты Азии, а также могут использоваться как дополнительные материалы при решении этногенетических вопросов.

Определение групп крови проводилось нами в центрах следующих аймаков: Кобдоском (Джаргалант), Убсунурском (Улангом), Хубсугульском (Мурен), Южногобийском (Далан-Дзагадад), Центральном (Дзун-Мод), Восточном (Чойбалсан), Гоби-Алтайском (Юсун-Булак), а также в столице МНР Улан-Баторе³. Данные обследований в Улан-Баторе разработаны в соответствии с местом рождения обследованных лиц.

Были обследованы главным образом халха-монголы разных аймаков, а также и монголы-ойраты, живущие на западе страны. И в этнографическом и лингвистическом отношении ойраты отличаются от халха-монголов и таковыми себя не считают. В ойратскую группу вошли лица, показавшие свою принадлежность к дэрбэтам, байтам, торгутам, олэтам, захчинам⁴. По территориальному признаку ойратская группа разделена на две: 1) условно «дэрбэтскую», включающую дэрбэтов и байтов, обследо-

¹ А. Е. Mourant, Ada C. Korpés, K. Domaniewska-Sobczak, The ABO blood groups, Oxford, 1958.

² Ч. Шарав, Группы крови у монголов, «Тезисы докладов XII Международного конгресса по переливанию крови», М., 1969.

³ Во время моей работы в МНР большую помощь как организатор, переводчик и лаборант оказал мне научный сотрудник АН МНР Л. Намсарайнайдан. Пользуюсь случаем принести ему глубокую благодарность. В исследованиях среди восточных монголов принимал участие сотрудник Института этнографии АН СССР А. А. Воронов, которому я также выражаю свою признательность.

⁴ Транскрипция этнонимов, а также названия аймаков приведены по статье «Народы МНР» в томе «Народы Восточной Азии» (серия «Народы мира, этнографические очерки»), М.—Л., 1965.

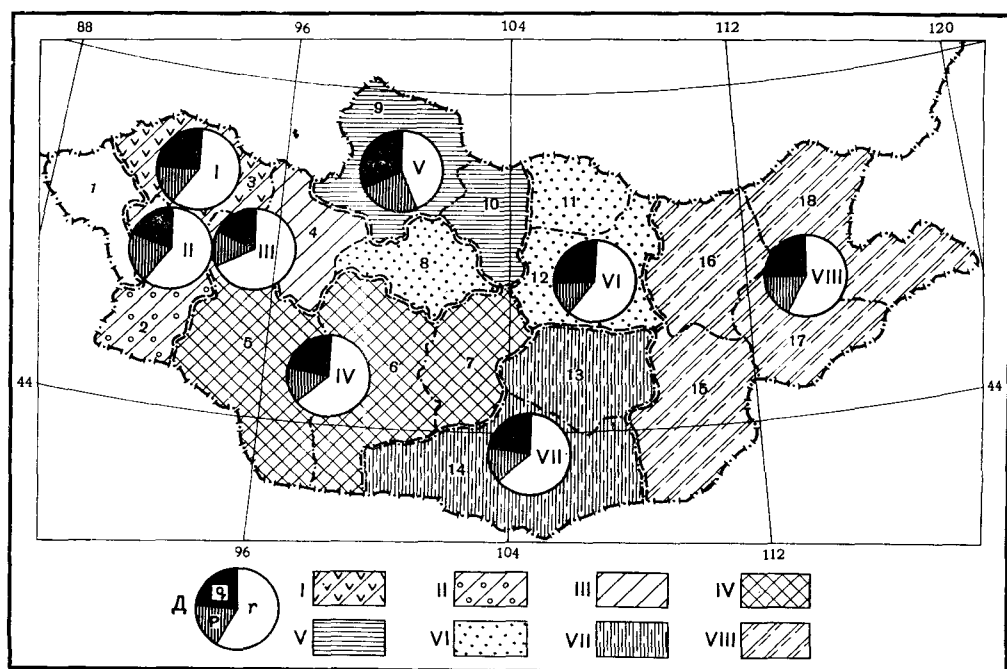

Рис. 1. Частоты генов, r , p , q (группы крови O , A , B) у разных групп монголов территории МНР; Д — диаграмма генных частот, выраженных в частях площади круга ($r+p+q=1$; 1 — дэрбаты; II — «ойраты» Кобдские; III — халхи западные; IV — халхи юго-западные; V — халхи северо-западные; VI — халхи центральные, VII — халхи южные; VIII — халхи восточные.

1—18 — административные области (аймаки) МНР: 1 — Баян-Улэгэйский; 2 — Кобдоский; 3 — Убсунурский; 4 — Дзабханский; 5 — Гоби-Алтайский; 6 — Баянхонгорский; 7 — Убур-Хангайский; 8 — Ара-Хангайский; 9 — Хубсугульский; 10 — Булганский; 11 — Селенгинский; 12 — Центральный; 13 — Средне-Гобийский; 14 — Южно-Гобийский; 15 — Восточно-Гобийский; 16 — Хэнтэйский; 17 — Сухэ-Баторский; 18 — Восточный.

дованных в Убсунурском аймаке; 2) ойратов Кобдо, обследованных в Кобдоском аймаке — захчинов, олётгов, торгутгов.

Халха-монголы представлены шестью группами (в скобках указаны названия аймаков, уроженцы которых вошли в территориальные группы): 1) западные (Кобдоский, Дзабханский, Убсунурский); 2) северо-западные (Хубсугульский, Булганский); 3) юго-западные (Гоби-Алтайский, Убур-Хангайский, Баянхонгорский); 4) южные (Южно-Гобийский, Средне-Гобийский); 5) центральные (Центральный, Селенгинский, Архангайский); 6) восточные (Восточный, Хэнтэйский, Сухэ-Баторский, Восточно-Гобийский).

Таким образом, серологические материалы по монголам представляют восемь этнотерриториальных групп (рис. 1).

Сыворотки $A\beta$, $B\alpha$ и $O\alpha\beta$ получены от Московской городской станции переливания крови. Групповая принадлежность образцов крови определялась на плоскости.

В табл. 1 представлены абсолютные численности, процентные частоты групп O , A , B и AB , эмпирические и скорректированные (теоретические) частоты генов r , p , q . Наблюдается высокая степень соответствия между эмпирическими и теоретическими частотами во всех группах.

В целом монголы, изученные нами, характеризуются высокой частотой группы O , превышающей A , и относительно очень высокой частотой группы B , что хорошо согласуется с данными других авторов. Тем самым подтверждается включение территории Монголии в ареал максимальных частот гена q (группа B) в Азии.

Частоты факторов системы АВО в этнотерриториальных группах монголов МНР

Этнические группы	0		А		В		AB		r		p		q		$\frac{D}{2}$	
	числ. %		числ. %		числ. %		числ. %		эмп. теор.		эмп. теор.		эмп. теор.			
Халха-монголы МНР Суммарно N=692	259	37,43	147	21,24	235	33,96	51	7,37	.6118	.6111	.1551	.1550	.2340	.2339	—	.0005
	54	48,21	20	17,86	29	25,89	9	8,04	.6943	.6769	.1392	.1378	.1872	.1853	—	.0103
Западные N=112	35	38,46	20	21,98	33	36,26	3	3,30	.6202	.6379	.1356	.1371	.2226	.2250	+	.0108
	10	16,67	18	30,00	25	41,67	7	11,66	.4082	.4358	.2363	.2409	.3139	.3230	+	.0193
Северо-западные N=60	50	39,68	21	16,67	42	33,33	13	10,32	.6299	.6100	.1455	.1437	.2494	.2463	—	.0123
	53	41,73	25	19,68	40	31,50	9	7,09	.6460	.6406	.1443	.1438	.2163	.2156	—	.0033
Южные N=127	57	32,39	43	24,43	66	37,50	10	5,68	.5691	.5855	.1640	.1657	.2462	.2488	+	.0104
	130	37,25	84	24,07	111	31,81	24	6,87	.6103	.6134	.1690	.1693	.2169	.2173	+	.0019
Ойраты МНР Суммарно N=349	56	38,36	29	19,86	50	34,25	11	7,53	.6193	.6159	.1479	.1476	.2370	.2365	—	.0021
	74	36,45	55	27,09	61	30,05	13	6,42	.6037	.6103	.1845	.1854	.2029	.2038	+	.0044

Суммарно группы халха-монголов и монголов-ойратов имеют весьма близкие значения частот генов r , p и q при соотношении: $r > q > p$ (табл. 1).

Для оценки степени различий использован критерий согласия χ^2 , показавший недостоверность разниц в частотах генов в сравниваемых группах халхов и ойратов, т. е. генная характеристика ойратской группы (по r , p , q) практически могла бы быть с высокой степенью вероятности (в 99% случаев при $\chi^2=0,26$) встречена в халхасской выборке. Таким образом, система крови АВ0 не дает веских оснований для противопоставления ойратов и халха-монголов.

Более мозаична картина соотношения серологической характеристики (по АВ0) локальных групп халха-монголов. В большинстве случаев обнаруживаются весьма близкие значения генных частот. Возможно, что имеющиеся различия могут обуславливаться небольшими численностями некоторых выборок. Так, некоторое исключение составляет группа северо-западных халхов, существенно отличающаяся от всех остальных наибольшей частотой гена q (группа В) и значительным понижением частоты группы 0 (ген r). Недостаточная численность обследованных не позволяет настаивать на своеобразии этой группы, однако нам кажется целесообразным привести в таблице ее характеристику для возможных дальнейших уточнений.

Далее, в этом же направлении, однако не столь резко, как северо-западная группа, от остальных групп отличаются восточные монголы — у них также понижена частота гена r и высок уровень q . Эти две указанные области, может быть, провизорно следует выделить в некоторые условные субпровинции в общем монгольском ареале. Дальнейшие более полные материалы позволят уточнить их реальность.

Целесообразно сопоставить полученные материалы с территории МНР с генными частотами областей, зарубежных по отношению к Монголии (см. табл. 2, где приведены данные по разным этническим группам Центральной Азии и Сибири).

Результаты исследований разных авторов, изучавших систему АВ0 у монголов, в целом весьма близки к полученным нами.

Исключение составляет характеристика монгольской группы, исследованной в Китае (в Мукдене) Янгом в конце 20-х годов, в которой группа В отмечена реже, а группа А чаще (соответственно более низка частота q и выше частота p), чем в других монгольских выборках. Возможно, что эта группа с меньшими основаниями, чем другие, может характеризовать монголов в целом.

Из числа монголоязычных народов приведены материалы по бурятам и даурам. Буряты (табл. 2) представлены двумя контингентами. Первый — группа забайкальских бурят численностью 241 человек (преимущественно из Бичурского, Тарбагатайского районов, вероятнее всего, хоринцы по происхождению), исследована Г. М. Давыдовой и В. К. Жомовой; данные по системе АВ0 опубликованы в статье В. В. Бунака⁵. Второй контингент бурят характеризуется суммированными материалами из нескольких выборок прибайкальских и забайкальских бурят, исследование которых было проведено различными авторами в разные годы⁶.

При сравнении с монголами буряты по приводимым данным обладают еще более высокой частотой группы В (и соответственно гена q), причем это повышение значительно. У дауров (табл. 2), обследованных в Китае (Цицихар), обнаружен сдвиг в частоте группы А (ген p) в сторону увеличения его, по сравнению с монголами МНР, но по этому фактору

⁵ В. В. Бунака, Русское население в Забайкалье, «Антропологический сборник IV», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 82, М., 1963.

⁶ Суммированные данные взяты мной из неопубликованных сводных материалов В. В. Бунака, за что приношу глубокую благодарность.

Таблица 2

Сравнительная таблица частот фенотипов системы ABO и генов *r*, *p*, *q* у народов Центральной и Восточной Азии

Этнические группы	Авторы исследований или публикаций	Число обследованных	0	A	B	AB	<i>r</i>	<i>p</i>	<i>q</i>
Монголы-халхи (суммарно по МНР)	Золотарева	692	37,4	21,2	34,0	7,4	.611	.155	.234
Монголы-ойраты (запад МНР)	Золотарева	349	37,2	24,1	31,8	7,9	.613	.169	.218
Монголы (суммарно по МНР, преимущественно центр и запад)	Шарав, 1969	2000	39,2	22,9	30,9	7,0	.626	.162	.212
Монголы (Мукден, КНР)	Yang*, 1928	1620	36,1	28,5	27,7	7,7	.603	.201	.196
Буряты (Забайкалье)	Бунак, 1963	241	32,8	14,5	45,6	6,1	.573	.120	.312
Буряты (Прибайкалье и Забайкалье)	Бунак***	5706	30,7	21,0	39,3	9,0	.554	.165	.283
Дауры (Цицикар, КНР)	Kunifusa* and Makino, 1938	595	27,1	29,9	32,3	10,7	.521	.229	.245
Нанайцы (Приамурье, суммарно)	Бунак***	854	31,0	22,7	38,3	8,0	.557	.176	.275
Маньчжуры (Цицикар, КНР)	Kunifusa* and Makino, 1938	206	28,1	28,2	36,9	6,8	.551	.196	.253
Маньчжуры (Мукден, КНР)	Fukamachi*, 1923	199	26,6	26,6	38,2	8,6	.530	.197	.273
Китайцы (Мукден, КНР)	Mori**, 1931	655	21,9	26,2	33,1	8,7	.566	.198	.241
Корейцы (к северу от Сеула)	Sarkisian*, 1956	1000	27,0	32,0	29,0	12,0	.517	.251	.232
Японцы (Токио)	Furuhata**, 1933	29799	30,1	38,4	21,9	9,7	.549	.279	.172
Тибетцы	Büchi*, 1952	150	42,0	20,0	30,7	7,3	.641	.147	.212
Уйгуры (вост. Казахстан)	Исмагулов, 1968	164	25,3	27,2	35,3	12,3	.503	.222	.275
Казахи (вост. Казахстан)	Исмагулов, 1968	205	33,7	26,8	30,9	8,6	.580	.182	.238
Киргизы (Тянь-Шань)	Либман, 1934	1288	29,5	25,4	37,8	7,3	.543	.190	.269
Тувинцы (центр. Тува)	Рычков и др., 1969	148	44,6	31,8	16,2	7,4	.656	.218	.126
Алтайцы	Бунак***	1121	34,0	28,6	27,1	8,8	.592	.208	.200
Якуты (суммарно по Якутской АССР)	Золотарева, Башлай, 1968	935	37,5	25,0	30,0	7,5	.613	.178	.209

* Материалы приведены по А. Мэриант, А. Корсес... «The ABO blood Groups», Oxford, 1953.

** Материалы цитируются по кн.: «Die neue Rassenkunde» (под ред. Y. Schwidetzky), Stuttgart, 1962.

*** Суммированные данные, полученные от В. В. Бунака. По бурятам использованы материалы Жинкина, Годинцева, Мелких, собственные данные. По нинцзятам использованы материалы Липского и Бойда. По алтайцам суммированы данные Едлингтей и Рычкова.

отмечается сближение с данными по монголам, полученными Янгом в Мукдене. Возможно, что это распределение генных частот отражает характеристику монголов Внутренней Монголии, которые географически близки к даурам.

Рассмотрение генных частот системы ABO в восточном от халха-монголов направлении — у маньчжуров, дауров, северных китайцев, нанайцев и далее — у корейцев и японцев приводит к выводу, что, по сообщаемому

мым в литературе данным, наибольшая концентрация гена q из указанных этнических групп обнаруживается у маньчжуров, нанайцев и дауров и, возможно, у северных китайцев. Корейцы и японцы, особенно последние, имеют заметное понижение гена q и увеличение гена p .

В западном от халха-монголов направлении отмечаются следующие закономерности: очень высокая частота группы В (и гена q) на уровне бурятской выборки, у уйгуров ($q=0,275$), у киргизов Тянь-Шаня⁷. Несколько меньшие частоты q отмечаются у восточных казахов. Что же касается северо-западных соседей монголов — тувинцев и алтайцев (под «алтайцами» понимается дисперсная выборка из разных этнографических групп), то имеющиеся материалы указывают на близкие частоты r , p и q на Алтае и в Монголии; тувинцы имеют иное генное распределение (табл. 2). Материалов по тувинцам пока недостаточно, но если судить по характеристике группы центральных тувинцев, обследованных под руководством Ю. Г. Рычкова⁸, у тувинцев и тоджинцев отмечается несомненное понижение гена q до частоты 0,126, что характерно для коренного населения Северной и Центральной Сибири, самодийских, тунгусских и юкагирских групп, как показали исследования этих народностей М. Г. Левиным, И. М. Золотаревой и Ю. Г. Рычковым⁹. У якутов наблюдается приближение частот к бурятскому распределению, однако ни в одной из исследованных территориальных групп нет столь высокой частоты гена q ¹⁰.

Таким образом, обследовав систему крови АВ0 на территории Монгольской Народной Республики, мы получили возможность дополнить новыми материалами геноеографический ареал, протянувшийся в широтном направлении от Алтая до Приамурья. Нам представляется существенным выделить две зоны по концентрации гена q . Зона максимальной частоты этого фактора в Центральной Азии, как об этом можно судить по имеющимся данным, занимает Маньчжурию, среднее и нижнее течение Амура, южное Забайкалье, южное Прибайкалье и этнически связана с бурятами, маньчжурами, нанайцами. Дауры занимают промежуточное положение. К западу от Монголии эта высокая частота обнаруживается у восточных казахов, киргизов, уйгуров.

Непрерывность зоны максимальной концентрации гена q от Тянь-Шаня до Амура нарушается лишь территорией Тувы, где, по имеющимся пока данным, довольно низка частота гена q .

Интервалы ареальности генной частоты, принятые в картах наиболее полной сводки материалов по АВ0¹¹, следовало бы уточнить в соответствии с новыми данными по народам Южной Сибири и Монголии. По отношению к Сибири это исправление в известной мере было сделано Ю. Г. Рычковым (1965 г.). Наши материалы показывают, что территория МНР не входит в область максимальной концентрации группы В в Центральной Азии, будучи с запада, севера и востока окаймлена зоной более высокой частоты гена q .

Исследованные контингенты монголов имеют частоты группы В от 28 до 34% (соответственно частоты q от 0,196 до 0,236). В группах бурят,

⁷ О. Исмагулов, Материалы по группам крови у населения юго-восточного Казахстана, «Вопросы антропологии», вып. 30, 1968.

⁸ Ю. Г. Рычков, И. В. Перевозчиков, В. А. Шереметьева, Т. В. Волкова, А. Г. Башлай, К популяционной генетике коренного населения Сибири. Восточные Саяны, «Вопросы антропологии», вып. 31, М., 1969.

⁹ М. Г. Левин, Новые материалы по группам крови у эскимосов и ламутов, «Сов. этнография», 1959, № 3; И. М. Золотарева, Распределение групп крови у народов Северной Сибири, «VII Междунар. конгресс антропологических и этнографических наук», т. I, М., 1968; Ю. Г. Рычков, Особенности серологической дифференциации народов Сибири, «Вопросы антропологии», 1965, вып. 21.

¹⁰ И. М. Золотарева, А. Г. Башлай, Серологические исследования в Якутии, «Сов. этнография», 1968, № 1.

¹¹ А. Е. Морганти др., Указ. раб.

маньчжуров, нанайцев эти частоты варьируют в пределах: В — от 37 до 46% и q — от 0,253 до 0,312 (табл. 2). Даурская группа по частоте тяготеет к маньчжурам.

У Моурента максимальная частота группы В принята 25—30%. Как видно из приведенных выше значений частот В, халха-монголы в основном попадают в следующий класс с частотами 30—35%, а буряты, маньчжуры, нанайцы, уйгуры, киргизы — в интервал 35—40%, который мы считаем максимальной концентрацией гена q в Азии.

Южную границу частоты q за пределами территории МНР наметить трудно, так как недостает материалов по Западному и Центральному Китаю.

Из приводимых в работах Моурента и Швидецкой¹² материалов по китайцам (главным образом восточных и юго-восточных провинций) и тибетцам (табл. 2) можно сделать заключение о близком характере распределения фактора АВ0 среди монголов и тибетцев. По данным 1952 г. у тибетцев группа В отмечена в 31% случаев, что дало частоту $q=0,212$, т. е. значения, почти идентичные с монгольскими.

Территория МНР отделена от Тибета провинциями КНР — Синьцзяном и Внутренней Монголией. Серологическая характеристика тюркоязычных народностей Синьцзяна (уйгуров, казахов, киргизов) и некоторых групп монголов Внутренней Монголии в общих чертах известна и близка к отмеченной у монголов МНР. Можно предположить, что по характеру распределения групповых факторов системы АВ0 территории МНР и Тибета входят в один ареал.

A GENOGEOGRAPHICAL DESCRIPTION OF MONGOLIA ACCORDING TO THE AB0 BLOOD SYSTEM

Blood groups according to the AB0 system have been determined for 1041 Mongols of the Mongolian Peoples' Republic. Eight territorial groups have been characterized in all. The distribution of gene frequencies r , p , q throughout the territory of the Republic is homogenous ($X^2=26$). The q gene has a high frequency.

Within the area from the Altay to the Amur Valley region including the Mongolian Peoples' Republic, two zones may be distinguished: the first zone, where the B group is highest (37—46 p. c., or q — from .253 to .312) is located to the north of Mongolia in the Baikal and Amur regions and in Manchuria — among the Buryats, the Nanays and the Manchus; to the west of Mongolia an equally high frequency of q is displayed among the Uighurs and the East Kirghiz.

The second zone — with a lower frequency of B (28—34 p. c. q — from .126 to .236) embraces the territory of the Mongolian People's Republic and Tibet. These data show that the B group area (in the compendium by A. Mourant a. o. — «The AB0 blood system groups») should be differentiated.

¹² I. Sch w i d e t z k i, Die neue Rassenkunde, Stuttgart, 1962.

К. В. Чистов

ЭТНИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ, ЭТНИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Общая теория этноса и этнических процессов стала разрабатываться советскими этнографами сравнительно недавно. Читателям «Советской этнографии» хорошо известны статьи Ю. В. Бромлея, В. И. Козлова, Н. Н. Чебоксарова, Л. В. Хомич, В. В. Покшишевского, Ю. В. Арутюняна, М. Н. Губогло и других авторов, появлявшиеся на страницах журнала в 1967—1971 гг. и затронувшие весьма важные теоретические вопросы¹. И все же до сих пор не возникло достаточно отработанной системы терминов и понятий, не выработалась необходимая однозначность их употребления. Кроме того, в большинстве статей почти не затрагивались проблемы духовной культуры.

В связи с этим нам представляется полезным подвергнуть рассмотрению некоторые термины и понятия («этнос», «этническая общность», «этнические признаки», «этническое сознание», «этнические процессы» и т. д.) в приложении к специальному кругу проблем духовной культуры, понимаемой как один из объектов этнографического изучения. При этом мы не будем здесь останавливаться на уже предлагавшихся формулировках ради позитивного изложения взаимосвязи, которая может быть обнаружена между этими терминами и понятиями на современном этапе развития теоретических воззрений советских этнографов. Мы предполагаем при этом, что читатель, внимательно следящий за ходом дискуссии, легко различит наши попытки обобщить уже высказывавшиеся идеи и некоторые новые мысли, содержащиеся в статье.

О длительности истории этносов и о сложности их генезиса, который обычно представлял собой процесс внутренних и внешних перегруппировок этносов или их составных частей, свидетельствует то, что подавляющее большинство существующих этнических общностей неоднородно в антропологическом отношении. Именно поэтому этнические категории, как правило, не совпадают с категориями антропологическими. Однако объективная сложность этногенетических процессов не мешает людям, причисляющим себя к отдельным этносам, считать, что им свойственна общность происхождения или, по крайней мере, сродство, они — «соплеменники», члены одной общности — народа. И все же этнос — не только категория человеческого сознания. Возникнув под влиянием объективных (экономических, социальных, политических и т. д.) причин, этнос существует столь же объективно, как и причины, его создающие. Субъективен (в том смысле, в каком субъективным может быть процесс выработки коллективного сознания) только способ осознания общности, т. е. осмысление экономических, социальных, политических, религиозных и т. д. связей как связей этнических, как связей по родству или по происхождению. Поэтому под «этносом» («этнической общностью», «народом»), по нашему мнению, следует понимать исторически сложившуюся и относительно устойчивую социальную общность, которая, однако, осознается

¹ См. журнал «Сов. этнография», 1967, № 2, 4; 1968, № 1, 4; 1969, № 2, 5, 6; 1970 № 1, 3, 6; 1971, № 6.

людьми, причисляющими себя к ней по рождению, прежде всего как общность внесоциальная.

Подобная форма осознания социальных связей оказывается возможной прежде всего потому, что они обладают относительной устойчивостью и, с другой стороны, потому, что каждый вновь родившийся член этноса застаёт их уже существующими, как бы наследует их от родителей, по рождению оказывается принадлежащим к тому или иному народу (этносу). Более того, как бы ни был сложен или неоднороден тот или иной этнос по происхождению, однажды сформировавшись, он выделяет себя тем самым из окружающей среды, и если и не становится просто эндогамным, то, по крайней мере, приобретает тенденцию к эндогамности и тем самым к относительной антропологической однородности (пусть и не первичной!).

Совершенно аналогично этому формирующийся или уже сформировавшийся этнос стремится к выработке относительной однородности и в культурно-бытовой области, к обобщению локальных форм культуры и их социальных вариантов или, по крайней мере, к осознанию их общих черт как специфических, а различий — как несущественных или же доступных в рамках этнического единства.

Существование этнической общности и ее историческое развитие предполагает наличие (и соответственно историческое развитие) внутри-этнических связей, объединяющих людей, причисляющих себя к ней. Известно, что эти связи могут выражаться в осознании общности происхождения и исторической судьбы, общности языка и связанных с языком форм мышления, обрядах и обычаях, традиционных формах материальной и духовной культуры (и смене их), традиционных формах социальной организации (и смене их) и т. д.

Очень важно, что этнические связи в классовом обществе не развиваются самостоятельно. Они — производные (или один из аспектов) связей экономических, социальных, политических, культурно-бытовых. С другой стороны, этнические связи и этническое самосознание, коль скоро они возникают и существуют, имеют свои внутренние закономерности и типичные формы и оказывают в свою очередь влияние на другие формы социальных, экономических, политических и других связей.

И наконец, этническое сознание является одной из форм социального сознания наряду с классовым (сословным), государственным, локально-географическим, конфессиональным, расовым, профессиональным и другими формами сознания и с ними не только сосуществует, но и непрерывно взаимодействует, возникает из них или в них переходит (трансформируется); в отдельные периоды истории того или иного народа (этноса) оно может совпадать с ними или им противопоставляться². В связи с этим, наряду с общностями, которые можно охарактеризовать как этнические, сосуществуют и подчас не менее важную роль играют общности этнолингвистические, этносоциальные, этнорелигиозные, этнокультурные, локально-этнические и т. д. Они соотносятся как пересекающиеся окружности, границы которых не совпадают ни друг с другом, ни с социальными границами.

Этнические общности формируются под влиянием определенных социальных причин на определенной территории и охватывают все или (если этническая общность находится в процессе формирования или дробления) часть социальных слоев или локальных групп, составляющих в своей совокупности социальный организм (племя, союз племен, государство или один из народов, входящих в состав государства).

² Так, например, можно было одновременно быть и одновременно осознавать себя рыбаком, государственным крестьянином, батраком, помором, жителем Зимнего берега Белого моря, северянином, русским, подданным Российской империи, европейцем, православным (или старообрядцем) и т. д.

Вместе с тем, этнос осознается как общность не только внесоциальная, но и одновременно как надсоциальная (суперсоциальная). Он осознается как общность культурно-бытовая, причем тоже надсоциальная, охватывающая будто бы все слои социального организма (так называемый образ жизни, свойственный этносу и проявляющийся в различных социальных (сословных), возрастных, профессиональных и т. д. вариантах). Таким образом, какова бы ни была степень социальной и культурно-бытовой дифференциации того или иного общества, этническая общность внешне выступает как группа людей, действующая на определенной территории, осваивающая или эксплуатирующая определенную природную среду, коллективно противостоящая этой среде. Однако остановиться на этом при определении «этноса» или отрицать объективность всех других его показателей значит, по существу, отрицать социальную и историко-культурную природу этноса или, как говорил А. М. Горький, «вторую природу».

В процессе освоения среды этнос создает свою культуру в широком смысле этого слова, т. е. традиционные, но вместе с тем исторически меняющиеся способы добывания средств существования, традиционную материальную и духовную культуру, определенные социальные отношения и систему социальных коммуникаций.

Относительное единство и относительная устойчивость этноса могут выражаться в многочисленных и многообразных по своему характеру и форме языковых, антропологических, психологических и культурно-бытовых особенностях, т. е. так называемых «этнических признаках», отличающих данный этнос в тот или иной исторический период от других этносов, и прежде всего от тех, с которыми он непосредственно контактирует.

Проблема характера и значения этнических признаков (по другой терминологии «этнических определителей») в советской этнографической литературе разработана недостаточно. На наш взгляд, очень важно различать два аспекта.

С одной стороны, для того чтобы этнос существовал как целое, минимально необходима хотя бы относительная устойчивость социального организма, в рамках которого он существует, хотя бы относительная общность территории, общий язык (который вместе с тем может распадаться на близкие или родственные диалекты) и хотя бы минимальный набор примерно общих черт психического склада и культуры³.

С другой стороны, этносы отличаются друг от друга в одних случаях целым комплексом устойчивых и взаимосвязанных признаков, образующих определенную структуру, в других случаях даже одним определяющим признаком. Хорошо известно, что процесс национальной консолидации, характерный для позднефеодального, капиталистического и социалистического периодов и происходивший или происходящий во всех районах земного шара, вместе с тем парадоксальным образом сочетался (и сочетается) со значительной активизацией межнациональных экономических и культурных связей и, что особенно важно, постепенным переходом от локальной замкнутости, характерной для натурального хозяйства докапиталистического периода, к развитым торговым связям и к современному широкому потреблению продуктов индустриального производства и, как следствие, уменьшением количества этнодифференцирующих признаков, нивелировкой ряда отличий материальной и духовной культуры, еще недавно столь ярко отличавших этносы (ср., например, унификацию одежды и жилища в пределах широких районов, падение

³ Насильственно отнятая или исторически разреженная территория, распавшийся социальный организм, ослабление связей между диалектами и т. д. при сохранении этнического самосознания могут какое-то время не препятствовать существованию этноса. Однако и в этом случае предполагается наличие перечисленных выше минимальных условий в относительно недавнем прошлом.

значения религиозных отличий, выравнивание современных форм профессиональной литературы, искусства, науки и т. д.).

Разнообразие современных этнических ситуаций таково, что даже самое поверхностное их обозрение позволяет сделать вывод: любой из признаков этноса, который обычно фигурирует в перечислениях (общность языка, территории, экономических связей, культурного уклада, религии, самосознание, и т. д.), не должен абсолютизироваться. Каждый из них может, при определенной ситуации, оказаться и самым важным и второстепенным или даже вовсе не играть никакой роли.

Так, например, общность происхождения (и соответственно языка) не препятствовала формированию сербского, хорватского и черногорского народов как родственных, но самостоятельных этносов. В этом случае причины политические и религиозные (сербь и черногорцы — православные, хорваты — католики, боснийцы — мусульмане) оказались сильнее. В то же время в соседнем районе Балканского полуострова различие религии (часть болгар, так называемые «помаки» — мусульмане) не привело к распадению болгар на два этноса.

Общность языка не препятствовала параллельному существованию немецкой и австрийской или английской и американской наций. С другой стороны, различие языков, на которых говорят четыре группы швейцарцев (германо-швейцарцы, франко-швейцарцы, итало-швейцарцы и ретоманцы), не мешает им чувствовать свое единство.

Чересполосное расселение народов (т. е. отсутствие общности территории) не приводит автоматически к распадению этносов (ср., например, район Карпат, Поволжье, Приуралье и другие подобные районы). Но и наоборот, существование в рамках одного государства и единой экономической системы (при отсутствии других условий) еще не влечет за собой обязательного возникновения единого этноса. Известна в этом смысле судьба Австро-Венгрии. Политическая и этнокультурная ситуация, которая существовала в этом многонациональном государстве, способствовала не затуханию, а наоборот, укреплению и росту этнического самосознания австрийцев, венгров, чехов, словаков, украинцев, словенцев, хорватов, итальянцев, поляков и др.

Общность или, по крайней мере, явное сближение культурно-бытового уклада многих современных европейских народов не приводит пока ни к ослаблению этнического самосознания, ни к ликвидации этносов и национальных государств.

И, наконец, религия, оставаясь до сих пор для некоторых районов мира существенным этническим показателем, сама по себе еще не определяет консолидации этносов, их слияния или размытия. Так, хорошо известно, что крупнейшие «мировые» религии охватывают значительное число народов, не превращая их вместе с тем в единую этническую общность. И наоборот, консолидации целого ряда этнических общностей не препятствовали религиозные различия, которыми характеризуются составные части некоторых этносов (например, немцы — католики и лютеране, латыши — лютеране, католики и православные, эстонцы — лютеране и православные, абхазы — православные и мусульмане, курды — мусульмане и езиды и т. д.).

Однако все это не означает, что ни один из этих признаков не играет существенной роли, и проблема внутренних связей и единства этноса есть проблема преимущественно психологическая или только антропо-географическая. В зависимости от конкретной этнической (политической, культурной, социальной и т. д.) ситуации каждый из этих признаков может самостоятельно либо в сочетании с другим признаком или в составе целого комплекса признаков играть определенную этнодифференцирующую роль⁴.

⁴ Подобно тому, как любой звук, а не только специальные звуки могут в системе какого-то определенного языка стать фонемой, т. е. смыслодифференцирующим звуком.

Это обстоятельство создает значительные трудности, когда исследователь стремится выделить среди многих черт культуры народа такие, которые могли бы считаться преимущественно этническими. Некоторые из них оказываются как бы недостаточно устойчивыми, другие как бы недостаточно этническими, так как имеют явный экономический или социальный смысл или происхождение, либо находятся в прямой зависимости не столько от этнических традиций народа, сколько от уровня его социально-экономического развития, либо границы их распространения не совпадают с границами одной этнической общности или даже группы родственных этнических общностей.

Важно подчеркнуть, что в конечном счете нет таких этнических признаков, которые были бы порождены спонтанными этническими причинами или имели бы только этнический характер. Все они в конечном счете порождены социально-экономическими, географическими или другими историческими причинами и только приобретают этническое значение под воздействием этнических, региональных или иных традиций и в определенной этнической ситуации.

Таким образом, на весьма существенный для нашей темы вопрос — какие же собственно особенности культуры (в том числе и духовной культуры) могут и должны считаться этническими, мы отвечаем следующим образом: те из них, которыми этносы при данной конкретной ситуации объективно объединяются или же отличаются от других этносов, или те, которые субъективно осознаются как отличающие.

Этническое сознание и этнический аспект социального бытия могут приобретать вполне самостоятельное значение только на уровне теоретического осознания национальных различий, хотя, разумеется, и в этом смысле национальные (обычно превращающиеся в националистические) теории есть сублимация явлений и факторов классовых, социальных, политических и т. п.

Этносы могут объективно различаться по тем или иным признакам, но этим признакам (комплексу признаков) по тем или иным причинам субъективно может приписываться или не приписываться этнодифференцирующая роль. Так, например, объективное представление об этническом облике любого народа в прошлом невозможно без учета его религиозной принадлежности и степени воздействия религии на его быт (семейные отношения, отношения между полами, формы брака и свадебной обрядности, пищевые запреты и т. д. и т. п.). Между тем представители двух народов, исповадовавших одну религию, как мы уже говорили, могли не различать себя по этому признаку (или, точнее, по этой группе признаков). Отсюда следует, что этнический (этнокультурный) облик народа на определенной ступени исторического развития может находиться в сложных соотношениях с состоянием этнического сознания этого народа.

Этнический (этнокультурный) облик народа — это его индивидуальность, неповторимое сочетание форм его культуры (каждая из которых может иметь свой ареал бытования, не совпадающий с границами расселения этноса) в определенный период его развития.

В нем объективно отражается уровень его социально-экономического развития, степень этнической консолидации и культурно-бытовой дифференциации социальных слоев, из которых он образуется, характер его хозяйственной деятельности, взаимоотношение с родственными и соседними народами и т. д.

В противоположность этому этническое сознание — категория социально-психологическая; оно отражает состояние и формы осознания общности этноса, его взаимоотношений с другими этносами, способы самовыделения этноса. Этническое сознание зависит не только от длительных по времени действия социальных и экономических причин, но и от причин более непосредственных, совокупность которых формирует

определенную этническую ситуацию (с каким или какими этносами находится интересующий нас этнос в экономических, социальных, политических, культурных, религиозных и других взаимоотношениях и связях, принимают ли эти связи характер сближения или отталкивания и т. д.). Очень важно при этом, идет ли речь об обостренном, напряженном или ненапряженном, слабо выраженном этническом сознании, об этническом сознании стихийном или приобретающем теоретический и организуемый (политический) характер.

Эта интересная проблема не может быть рассмотрена здесь даже в ее основных аспектах. Ограничимся тем, что подчеркнем необходимость ее конкретного исследования для объяснения того, почему в каждом отдельном случае та или иная черта или особенность культуры (этнического облика) народов имеет или не имеет значение для их взаимного различия, становится не только объективно, но и в субъективном смысле этническим, т. е. этнодифференцирующим признаком.

Таким образом, следует различать этнические признаки как определенные более или менее устойчивые черты культурного облика данного народа в данный исторический период и субъективно осознаваемые этнические различия.

Чрезвычайно существенно, что духовная культура каждого народа есть не только органическая составная часть его культуры как целого, т. е. его этнического облика, но и находится под сильнейшим и непосредственным воздействием того, что мы называем этническим сознанием. Так, например, те или иные обряды могут совершаться по традиции, но могут приобретать и демонстративный характер, если их исполнение подчеркивает этническую принадлежность участников обряда, выделяет их из окружающей иноэтнической среды. Давно замечено, что иноэтническое окружение, особенно при наличии конфликтной ситуации, способствует консервации традиционных форм и духовной, и материальной культуры⁵. Именно это обстоятельство делает так называемые этнические острова предметом особенно увлекательным для этнографического исследования.

Таким образом, этническое сознание, особенно если оно напряжено, может стать частью духовной культуры народа и вместе с тем способствовать идеологизации других форм как материальной, так и, особенно, духовной культуры (язык, религия, обряды, этногонические предания, эпос, исторические песни; на более поздней стадии — литература, искусство, национально-политические теории и движения и т. д.) и тем самым способствовать консервации или обновлению традиций, закреплению или размытию тех или иных этнических признаков. Или иначе — этническое сознание является не только результатом, но и одним из факторов, воздействующих на этнические процессы (их направление, темп, содержание и т. д.), особенно в области духовной культуры. Вместе с тем граница между явлениями материальной и духовной культуры в этническом аспекте оказывается при таком понимании условной, так как всякое осознание элементов материальной культуры как этнодифференцирующих может придать им идеологический характер, т. е. превратить их одновременно в явления духовной культуры.

Этнические признаки могут охватывать различные стороны культуры этноса. Вместе с тем они обладают разной степенью устойчивости и динамичности, они с разной степенью «жесткости» формируются (детерминируются) и эволюционируют в ходе исторического развития народа.

Вопрос этот требует специального и детального рассмотрения. Предварительно отметим, что по сравнению с большинством форм материаль-

⁵ Такова, например, была группа русских казаков «некрасовцев», ушедшая в Турцию после восстания 1707—1708 гг. и сознательно стремившаяся «не потуречиваться» (см.: Ф. В. Тумилевич, Казаки-некрасовцы, журн. «Дон», 1958, № 8, стр. 134—146; его же, Сказки и предания казаков-некрасовцев, Ростов-на-Дону, 1961).

ной культуры (одни из которых весьма жестко детерминированы развитием производительных сил — например, сельскохозяйственные орудия; другие относительно слабее — например, пища, женские украшения и т. д.) формы духовной культуры, как правило, значительно «свободнее» в своем развитии, дают большой простор для выбора, возникновения параллельных и примерно равноценных в историко-культурном отношении форм. Этот выбор собственно и составляет основу этнических различий в области духовной культуры, когда речь идет о народах, стоящих на примерно одинаковом уровне развития.

Разумеется, этот выбор осуществлялся не произвольно и не отдельными представителями той или иной этнической среды, а складывался в результате коллективной деятельности ряда поколений. Так, например, свадебная обрядность у народов, живущих в примерно одинаковых природных условиях и находящихся на примерно одинаковой ступени общественно-экономического развития, может существенно различаться, по крайней мере, значительно больше различаться, чем свойственные им формы материальной культуры⁶.

Традиционный выбор той или иной формы или шире — системы форм, связанных со спецификой исторического развития идеологии, этнических вкусов, ценностной ориентации той или иной этнической общности и т. д., собственно и определяет возникновение, распространение или изживание этнических различий в области духовной культуры, их относительную устойчивость или динамичность.

Этнические признаки, находящие свое выражение в явлениях духовной культуры (впрочем, так же как и материальной культуры) любого народа, прошедшего больший или меньший исторический путь, не могут быть ему изначально (т. е. генетически) и навеки присущи. Все они возникают в какой-то период жизни этноса, развиваются вместе с ним и могут быть утрачены. Ни один этнический признак не бывает в этом смысле обязательным и потеря его сама по себе не ведет еще к распаду или трансформации этноса (денационализации), ибо, как мы уже говорили, и средоточием этнического сознания, и этнодифференцирующим признаком может быть в равной степени любой другой действительный или даже иллюзорный признак.

С другой стороны, ни один этнический признак теоретически не может быть абсолютно уникальным по своей функции, форме и содержанию, т. е. непредставимым в системе культуры какого-нибудь другого этноса. Уникальными, по-видимому, могут быть только конкретные формы явлений, представляющие собой определенные сочетания признаков, и, разумеется, этнические структуры целых культур. Этнический облик культуры народа формируется обычно из элементов, которые при сопоставлении их с равнофункциональными элементами культуры других народов оказываются либо глобально распространенными, либо присущими ряду народов на определенной ступени развития, либо этническими вариантами этих элементов и каких-то элементов, которые свойственны только конкретной группе народов, определенной историко-этнографической области, или реже — отдельному народу. Поэтому этнические общности, расселенные в отдаленных друг от друга районах, как правило, резко различаются, чем соседи или народы, живущие в более сходных условиях и находящиеся в длительном контакте друг с другом.

Итак, этнические признаки, этнические различия или шире — этнический облик духовной культуры того или иного народа в каждый период его истории формируется весьма сложным путем в ходе социально-экономического развития и в результате взаимодействия этносов, находящихся в культурном контакте.

⁶ Ср., например, сельскохозяйственные орудия и жилище казанских татар и окружающего русского населения и свадебный обряд у тех и других.

В соответствии со сказанным под «этническими процессами», видимо, целесообразно понимать процессы, связанные с изменением этнического (этнокультурного) облика какого-либо народа (т. е. изменение этнического самосознания, социальной структуры, степени однородности, уровня развития, характера и особенностей культуры, интенсивности и механизма контактов с другими этносами и т. д.). Разумеется, изменения эти могут развиваться как в масштабах одного этноса, так и в масштабах группы народов или целых историко-этнографических областей и регионов. Этнические процессы, таким образом, имеют два основных аспекта. Первый из них связан с внутренними изменениями этноса и его культуры по мере развертывания его истории. Второй — с изменениями этнического облика народа в связи с его взаимоотношениями с другими этносами, с которыми он контактирует (взаимодействует или воздействию которого он подвергается). Развитие второго аспекта тесно связано с конкретными этническими ситуациями и с состоянием этнического сознания контактирующих народов.

Духовная культура — это практическое проявление коллективной психологии этнической общности, система форм ее сознания и самосознания. Именно поэтому своеобразие отражения этнических процессов в области духовной культуры определяется помимо иных факторов теснейшей связью большинства форм духовной культуры с языком. Очень важно подчеркнуть, что язык принадлежит к числу наиболее устойчивых этнических признаков, наименее жестко детерминированных социально-экономическими или политическими факторами. С другой стороны, несомненно и элементарно и то, что язык (и прежде всего его социальные функции и лексика) отражает историю народа, характер и интенсивность его связей с соседями, степень его единства (ср. существование или отсутствие наддиалектного литературного языка, его взаимоотношение с диалектами), его социальную дифференциацию, степень его культурного развития, следовательно, этнический облик культуры в конкретный период развития того или иного этноса.

Усвоение «чужих» форм и культурных ценностей (если оно не связано с ассимиляцией этносом значительной этнической группы, способной изменить «естественное» течение процесса), как правило, осуществляется в тех случаях, когда та или иная среда исторически готова сама создать новые формы либо усвоить (переработать) уже готовые, существующие, созданные в сходной ситуации другим этносом. Способность к усвоению иноэтнических культурных достижений повышается в некоторых специфических ситуациях, например, в условиях контакта генетически родственных народов и их культур или народов, находящихся на примерно одинаковой стадии исторического развития.

Взаимообмен культурными достижениями в сфере духовной культуры по сравнению с материальной культурой одновременно и облегчен и затруднен. «Облегчен» потому, что производство или усвоение отдельных форм духовной культуры не связано столь непосредственно с уровнем развития производительных сил и способом производства; «затруднен», так как при этом возникает необходимость преодоления «языкового барьера» и, при известных обстоятельствах, барьера психологического, связанного с культурной, социальной, политической ориентацией этноса в целом или каких-то его составных частей или слоев.

И наконец, необходимо отметить, что отдельные формы духовной культуры по своей природе отличаются большей или меньшей проницаемостью (например, так называемые бытовые сказки, лирические песни и т. д.) или герметичностью (архаические формы героического эпоса, волшебные сказки, календарные обряды и т. д.).

Не подлежит сомнению, что этнические процессы оказывают влияние на определенные формы материальной культуры (поселения, жилище, одежда, пища и т. д.) или выражаются в них. Что же касается духовной

культуры, то она находится в постоянном взаимодействии со всем кругом факторов, которые на данном отрезке истории народа приобретают этнический характер или этническое значение. Примечательно, что целый ряд явлений современной материальной культуры бытует в глобальном масштабе или, по крайней мере, в пределах весьма широких историко-этнографических регионов. В то же время, несмотря на наличие весьма активного обмена в области духовной культуры, многие явления, приобретая интернациональный характер, одновременно не теряют способности сохранять национальную форму или воплощаться в более или менее выразительных национальных вариантах. С наибольшей отчетливостью это наблюдается именно в формах духовной культуры, связанных с языком (фольклор, литература, театр, художественная кинематография, современная пресса, система народного образования и т. д.) или более непосредственно обусловленных специфическими психологическими особенностями народа (орнамент, хореография, музыка) и менее ощутимо в формах, которые хоть и используют язык, но не связаны с ним внутренне и поэтому легче допускают возможность перевода в другую языковую систему (например, эстетическая теория в отличие от поэзии, научная историография в отличие от исторического романа, «деловая» проза в отличие от художественной и т. д.).

В сфере духовной культуры параллельно с современным процессом глобальной стандартизации и нивелировки и, несмотря на непрерывное нарастание интенсивности межэтнических связей, развивается процесс развертывания интернациональной культуры в ее национальных вариантах. Помимо прямого усвоения многих явлений и форм, постоянно имеет место создание параллельных (подобных, сходных и т. д.) и типологически близких форм.

Все это обуславливает значительные сложности не только для детализированного исследования, но даже и для простого различия форм, воспринятых у другого этноса, и национальных вариантов интернациональных форм (как возникших конвергентно, так и под иноэтническим влиянием).

Отмеченная выше тесная связь явлений духовной культуры с языком определяет еще одну очень важную особенность ее — возможность возникновения при определенной ситуации культурного двуязычия (в отдельных случаях даже трехязычия), т. е. параллельного использования двух (или более) языков в различных формах духовной культуры одного народа.

Культурное двуязычие этноса следует отличать от индивидуального двуязычия или двуязычия в какой-либо специальной профессиональной области (например, в прошлом — профессиональное двуязычие врачей). Оно означает ситуацию, при которой в развивающейся и единой системе духовной культуры народа определенные функциональные и структурные элементы обслуживаются разными (по крайней мере двумя) языками. Подобная ситуация как бы переносит межэтнические отношения внутрь культуры этноса, превращает их в структурные элементы этнического облика народа.

Изучение современных этнических процессов в СССР в области духовной культуры сопряжено со значительными трудностями не только теоретического, но и практического характера. Рассмотрим некоторые из них.

Современные этнографические описания народов СССР, по вполне понятным причинам, уделяют значительно больше внимания общим культурно-бытовым изменениям и их сопоставлению с традиционными формами культуры того или иного народа, чем рассмотрению этих изменений в этническом аспекте. Характерно, что в обширных томах серии «Народы мира», посвященных народам Советского Союза, описание отдельных народов сочетается обычно с общими очерками этнической

истории в масштабе региона или группы народов (Сибирь, Кавказ, Средняя Азия, Европейская часть СССР), причем этническим особенностям материальной культуры уделяется здесь значительно больше места, чем аналогичным чертам духовной культуры. Что же касается этнических проблем духовной культуры, то дело обычно ограничивается самыми общими соображениями, разрозненными наблюдениями или предварительными впечатлениями, которые мало помогают уяснению основных закономерностей. Систематическая же разработка этой проблемы, по существу, не велась.

Возможно, что известную роль при этом сыграло весьма решительное мнение П. И. Кушнера, сформулированное им в его заслуженно авторитетной книге «Этнические территории и этнические границы»: «Так же (как в области общественных отношений) неустойчиво и малодоказательно для установления этнических различий большинство явлений духовной культуры»⁷. П. И. Кушнер возлагал надежды на развитие этнографического картографирования. Он констатировал: «...этнографы накопили большой описательный материал о самих этих явлениях, но не уделяли особого внимания выяснению точных границ распространения»⁸. С тех пор положение почти не изменилось. Картографирование явлений духовной культуры по-прежнему лишь значит в перспективных планах этнографических учреждений Советского Союза. Впрочем, если можно надеяться, что в некоторых случаях ареалы бытования отдельных явлений хорошо впишутся в границы территорий этнических общностей или покажут их членение, то в других случаях они, несомненно, охватят целые группы народов и границы их распространения не совпадут с этническими границами (ср., например, широкую область распространения колядования, охватывающую значительную часть славян, румын и балканских народов неславянского происхождения, область распространения нартского эпоса, «Кёроглы» — «Гуругли», области распространения наиболее популярных сюжетов сказок, эпоса и т. д.). Одним словом, как ни полезно этнографическое картографирование для выяснения вопросов этнической истории, оно не снимает проблему, которой мы уже касались, — соотношения динамики отдельных этнических признаков и этнического облика культуры народов в целом. Кроме того, до сих пор не выяснены возможности применения картографического метода для изучения отражения именно современных этнических процессов в области духовной культуры. Может оказаться, что они весьма ограничены.

К сожалению, мало дают в этом отношении и материалы этнографических экспедиций последних лет. Изучение этнических процессов в области современной духовной культуры народов СССР не формулировалось как специальная задача, и собирание материалов не велось по единой продуманной системе.

Отметим также, что собранные факты очень часто касаются таких этнических групп и этнических общностей, для которых характерна большая или меньшая неустойчивость этнического сознания или самоопределения. Что же касается наиболее крупных наций, особенно наций, расселенных компактно, отличающихся определенностью и устойчивостью этнического сознания и переживающих процесс дальнейшей этнической консолидации (в том числе и повышения степени культурной однородности и разветвления современных форм культуры), то факты, важные для характеристики процесса изменения их этнического облика и характера взаимоотношений с другими этническими общностями в сфере духовной культуры, собираются еще менее систематично. Видимо,

⁷ П. И. Кушнер, Этнические территории и этнические границы, М., 1951, стр. 9

⁸ Там же.

здесь сказались неоднократно формулировавшаяся точка зрения, согласно которой этническими можно назвать только процессы, связанные с изменением этнического самосознания (в конечном счете, этнической принадлежности) или приводящие к подобным изменениям. Сторонники такого подхода считают, что нет оснований говорить об этнических процессах, когда речь идет, например, о русских после XVI—XVII вв., самосознание и самоназвание которых с тех пор не менялось.

Такая точка зрения расходится с нашим пониманием проблемы. Известно, что за последние столетия, так же как и раньше, продолжала изменяться этническая территория русских, характер их расселения по отношению к другим народам, структура и степень единства самой этнической общности в локальном и социальном плане, характер и тип связи с другими народами, как соседними, так и более отдаленными, соотношение городского и сельского населения, соотношение локальных и общерусских форм культуры, активность вступления в браки с представителями других национальностей, роль русского языка и русской культуры в дореволюционных общероссийских и общесоветских рамках и, наоборот, степень участия представителей других наций и народностей в создании русской культуры.

Значительно больше для изучения этнических процессов в области духовной культуры сделано фольклористами (словесниками и музыковедами), специалистами по народному искусству и представителями наук, занимающихся изучением профессиональных форм культуры — литературоведами, искусствоведами, театроведами. Однако если можно констатировать, что в литературоведении в последнее десятилетие возрос интерес к межэтническим связям, влияниям и взаимоотношениям (вышло несколько книг и несколько десятков теоретических статей), то в фольклористике, несмотря на заметное оживление историко-сравнительных исследований, они пока почти не затрагивают современности.

Так же как в диалектологии (и до сравнительно недавнего времени в этнографии), изучение современной этнокультурной ситуации обычно приносится в жертву историческим реконструкциям фольклорной традиции в ее «нормальном», классическом, «чистом» виде. Элементы иноэтнические, где только возможно, экстраполируются, хотя никто еще не доказал, что когда-либо существовала этнически «чистая» традиция. Примерно так же оцениваются и факты явного влияния профессиональной литературы и музыки на современные фольклорные формы. Впрочем, и в области изучения традиционного фольклора можно констатировать атрофию интереса к этнической проблематике. Разочарование в компаративистских методах, популярных в XIX в., или в методах старой так называемой финской историко-географической школы привело в советской фольклористике (впрочем, так же как и в фольклористике большинства европейских стран) к формированию двух в равной степени односторонних направлений. Сторонники одного из них заняты изучением фольклора одного народа и практически игнорируют наличие в нем элементов интернациональных, региональных или просто заимствованных. Сторонники другого направления склонны трактовать глобальные сюжеты как сюжеты вненациональные. И наконец, несмотря на многократные дискуссии, до сих пор появилось очень мало работ, которые рассматривали бы современные фольклорные явления не изолированно, а на более или менее широком фоне литературных, полулитературных или гибридных форм, получивших распространение в быту народов СССР в ходе культурной революции. Между тем именно в этих формах с наибольшей отчетливостью отражаются современные этнические процессы.

В самые последние годы появился целый ряд работ в смежных с этнографией науках — философии, лингвистике, социологии, которые содержат некоторые обобщения, важные для осмысления современных

этнических процессов в области духовной культуры. Однако в работах философов мы встречаемся, как правило, с общей теорией развития социалистических наций или общей теорией развития духовной культуры народов СССР в период строительства социализма и перехода от социализма к коммунизму, а не с исследованием реальных процессов этнического развития и межэтнических отношений в их действительной сложности и многообразии этнических вариантов проявления закономерностей, общих для всех народов.

Особенно значительны успехи современной социалингвистики. Здесь можно говорить о возникновении современной теории функционального развития языка, диглоссии и билингвизма (т. е. различных видов двуязычия) и начале более или менее широких работ по изучению современных этносоциально-языковых процессов. Эти работы чрезвычайно важны для уяснения общих закономерностей отражения этнических процессов в духовной культуре народов СССР.

Что же касается работ этносоциологического плана, то они сравнительно недавно начались и первые результаты их только начинают публиковаться. Можно надеяться, что в ближайшем будущем будет создана более или менее надежная база для изучения социального аспекта этнических процессов, в том числе и в интересующей нас сфере духовной культуры, хотя бы для некоторых районов Советского Союза (Татария, Удмуртия и др.).

Издающиеся статистические сборники как всесоюзного, так и республиканского характера помогают получить представление об общем ходе, о некоторых сторонах и особенностях развития духовной культуры народов СССР (например, показатели выравнивания уровня развития народного образования, состояние учреждений культуры, национальный состав кадров и т. д.), однако обычно все ведущие показатели обобщены по республикам и областям и не дифференцированы по отдельным народам. Между тем для изучения современных этнических процессов чрезвычайно важна именно подобная общая этническая характеристика. Так, например, этнический облик современной культуры армян не может быть охарактеризован цифровыми показателями, относящимися к Армянской ССР, хотя бы потому, что более 40% армян живет за ее пределами. Без детальных обследований на местах невозможно собрать также, например, достаточно достоверные данные о национальном составе деятелей культуры — учителей, культпросветработников, артистов, художников, писателей и т. д. в отдельных республиках, областях и районах, выяснить соотношение национальных языков и двуязычия в различных сферах духовной культуры.

Большим достижением в этом смысле явилось включение в перепись 1970 г. специальных вопросов, которые позволяют судить об общих масштабах распространения двуязычия в нашей стране.

Если этнические (национальные) взаимоотношения в области современных профессиональных форм культуры в некоторых своих аспектах изучаются (литература, искусство, процесс формирования национальных кадров и т. д.) и отчасти отражаются в текущей статистике, то значительно хуже мы знаем состояние массовых (бытовых) форм создания и особенно «потребления» духовной культуры, которые особенно важны в системе этнографического исследования современных этнических процессов.

Общественное разделение труда в области духовного производства и вычленение определенных форм духовной культуры из быта привело к возникновению специфического культурного дуализма, т. е. параллельного существования бытовых и профессиональных форм культуры (народные знания и наука, фольклор и литература, народное искусство и профессиональное искусство, верования и теология, бытовые обряды и церковь и т. д. и т. д.). При подобной ситуации, которая характерна в

настоящее время для большинства народов мира, очень важной становится проблема функциональных взаимоотношений бытовых и профессиональных форм культуры. Именно типы этих взаимоотношений в конечном счете характеризуют структуру духовной культуры каждой этнической общности, ее социальный и этнический облик, роль ее во внутренней жизни этноса и в механике межэтнических связей и отношений, т. е. в процессах, которые мы называем этническими.

Известно, что в ходе исторического процесса могут возникать и при некоторых ситуациях возникали обобщенные формы духовной культуры бытового уровня, охватывавшие всю этническую общность (народность, нацию). Таковы, например, так называемые интрадиалекты, наддиалектные формы устной речи (койнэ), общий фольклорно-сюжетный репертуар, общие черты народного изобразительного искусства и т. д. Только более или менее развитым профессиональным формам духовной культуры удастся выработать действительно обобщенные формы, обретающие значения для всего этноса. Именно они, особенно при определенных социально-политических и этнокультурных ситуациях, играют весьма важную роль в процессе формирования этнического сознания современных наций и в процессе этнической консолидации духовной культуры, т. е. выработки однотипности форм духовной жизни этноса. Вспомним, например, какую роль играли в процессе консолидации ряда европейских народов проблемы национального литературного языка и национальной литературы (финны, чехи, словаки, венгры, литовцы и т. д.). В то же самое время роль профессиональных форм духовной культуры в прошлом резко ограничивалась неграмотностью наиболее многочисленных социальных слоев этноса, сосредоточенностью профессиональной культуры в городах, элитарностью ее и другими факторами, которые еще предстоит систематически исследовать. Сейчас же важно подчеркнуть, что для характеристики типа духовной культуры той или иной этнической общности важно выяснить не только общие очертания структуры духовной культуры, но и степень и характер проникновения достижений профессиональной культуры в быт народа, т. е. функциональные взаимоотношения бытовых и профессиональных форм не только в сфере «производства», но и в сфере «потребления» духовной культуры.

Таков наш взгляд на некоторые теоретические и практические вопросы, возникающие в связи с поставленной темой.

ETHNIC UNIT ETHNIC CONSCIOUSNESS AND CERTAIN PROBLEMS OF INTELLECTUAL CULTURE

The concepts of «ethnic unit», «ethnic features» and «ethnic consciousness» are examined in the article in application to problems of intellectual culture. Objective indicators distinguishing the ethnos — unity of origin, of territory, of economic ties, of language, forms of culture — may, in various ethnocultural situations, appear in complex combinations or be reduced to a minimum. Any one of them may become ideologized, i. e. become an element of ethnic consciousness and play the role of ethnic differentiation.

The author particularly stresses the importance of language and forms linked with language in the modern system of intellectual culture. Two parallel processes are taking place here — a world-wide levelling of forms of culture and a development of its national variants. A modern typology of forms of intellectual culture should also take into account the role, degree and character of culture, bilingualism and the functional interrelation of professional and traditional forms.

Ю. В. Бромлей

ЕЩЕ РАЗ О СООТНОШЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТЕЙ

Понятие «этнос» может употребляться как в узком, так в широком значении этого слова.

В первом случае имеется в виду исторически сложившаяся совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (включая язык), а также сознанием своего отличия от других таких же совокупностей. В современном русском языке такому пониманию термина «этнос» в известной мере соответствует слово «национальность».

Во втором случае предполагается сочетание собственно этнических свойств с социальными (в узком смысле последнего слова, т. е. относящимися к производственной, классово-профессиональной сфере). Характер этого сочетания во многом зависит от пространственных параметров этноса: территориально однородного (компактного) или гетерогенного (дисперсного) размещения самих носителей этнических свойств. Среди однородных этнических образований особое место, несомненно, занимают образования, сопряженные с так называемыми социальными организмами, под которыми понимаются отдельные общества, самостоятельные единицы общественного развития (родоплеменные в первобытном обществе, социально-политические в классовом)¹. Возникающие в результате взаимопроникновения этносов и социальных организмов особые «синтетические» образования могут, на наш взгляд, быть определены как этносоциальные организмы².

Составляя, как известно, базис всех общественных явлений, в том числе этнических, социально-экономические факторы значительно подвижнее последних. Относительной консервативностью, а также определенной самостоятельностью собственно этнических свойств и обусловлена возможность сохранения одного и того же по своим основным параметрам этноса (в узком смысле слова) на протяжении нескольких социально-экономических формаций. Именно поэтому, например, мы говорим об украинцах применительно и к феодальной, и к капиталистической, и к социалистической эпохам.

Что же касается этносоциального организма, то его характер зависит от принадлежности к той или иной формации. Этот факт по существу и лежит в основе обычного для нашей научной литературы последних лет выделения таких типов этнических общностей (по нашей терминологии — этносоциальных организмов), как племя, народность, буржуазная и социалистическая нации³.

¹ См.: Ю. И. Семенов, Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки, «Вопросы истории», 1966, № 8.

² Подробнее см.: Ю. В. Бромлей, Этнос и этносоциальный организм, «Вестник Академии наук СССР», 1970, № 8; его же, К характеристике понятия «этнос», в кн.: «Расы и народы», М., 1971.

³ Данная типологизация не до конца последовательна, ибо она объединяет в один тип (народность) этносоциальные организмы двух формаций — рабовладельческой и феодальной, а, как уже справедливо отмечалось в литературе, это «разные типы этнических общностей» (С. А. Токарев, Проблема типов этнических общностей, «Вопросы философии», 1964, № 11, стр. 52).

Разграничение понятий «этнос» (в узком смысле слова) и «этносоциальный организм» проливает дополнительный свет на остающийся все еще дискуссионным вопрос о соотношении этнической и экономической общностей. Существующий до сих пор в нашей литературе разноречивый по данному вопросу⁴, несомненно, в значительной мере объясняется смешением двух значений, вкладываемых в термин «этнос».

В самом деле, если иметь в виду этнос в узком значении слова, то, какой бы смысл мы ни придавали понятию «экономическая общность», все равно нет никаких оснований говорить, например, о наличии такой общности у одного этноса, находящегося в составе разных государств. Эта несовместимость понятий «экономическая общность» и «этнос» (в узком смысле слова) недавно убедительно продемонстрирована В. И. Козловым в специальной статье о соотношении этноса и экономики⁵.

Иное дело этносоциальный организм. Весьма показательно в данной связи, что, как правило, в нашей литературе «экономическая общность» считается важнейшим признаком такого этносоциального организма, как нация. Правда, в понятие «экономическая общность» вкладывается при этом самое различное содержание. Весьма наглядно это проявилось во время недавней дискуссии по теории наций, в ходе которой неоднократно предпринимались попытки уточнить понятие «общность экономической жизни», уже давно выступающее в нашей литературе в качестве одного из основных признаков нации. Одни участники дискуссии предлагали понимать такую общность, как «устойчивую общность хозяйственной жизни (при наличии рабочего класса)»⁶, другие — как «общность экономических связей»⁷, третьи — как «единство промышленной экономики»⁸, четвертые — просто ссылались в данной связи на «экономику»⁹, предоставляя читателям самим догадываться о вкладываемом в это понятие содержании.

Как справедливо замечает в данной связи В. И. Козлов, наличие различных точек зрения «в значительной степени обусловлено терминологическо-понятийной нечеткостью»¹⁰. И это делает необходимым рассмотрение в первую очередь вопроса о трактовке самого понятия «экономика». Как известно, оно имеет два основных значения: политэкономическое и экономгеографическое. В первом случае имеются в виду преимущественно или даже исключительно производственные отношения¹¹, то есть отношения людей друг к другу в процессе производства¹². При экономгеографическом определении под «экономикой» прежде всего подразумевается совокупность отраслей хозяйства какой-то территории (например, «экономика СССР») ¹³, народное хозяйство данной страны, данного района¹⁴.

⁴ Последний обзор соответствующих точек зрения см. в статье: В. И. Козлов, *Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности*. «Сов. этнография», 1979, № 6, стр. 47—48.

⁵ Там же, стр. 49.

⁶ П. М. Рогачев, М. А. Свердлов, *Нации — народ — человечество*, Л., 1967, стр. 12; и х же, *О понятии нация*, «Вопросы истории», 1966, № 1, стр. 45.

⁷ С. Г. Калтахян, *Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей*, М., 1969, стр. 190.

⁸ Г. Ю. Бурмистрова, *Некоторые вопросы теории нации*, «Вопросы истории», 1966, № 12, стр. 109.

⁹ А. Г. Агаев, *Нация, ее сущность и самосознание*, «Вопросы истории», 1967, № 7.

¹⁰ В. И. Козлов, *Указ. раб.*, стр. 48.

¹¹ Обзор различных точек зрения по этому вопросу см.: И. И. Кузьминов, *Очерки политической экономики социализма. Вопросы методологии*, М., 1971, стр. 28—57.

¹² К. Маркс, Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 13, стр. 6—7.

¹³ В. И. Козлов, *Указ. раб.*, стр. 48—49.

¹⁴ П. М. Рогачев, М. А. Свердлов, *Указ. раб.*, стр. 18.

Совершенно очевидно, что при экономгеографическом определении экономики понятие «экономическая общность» приложимо к любому ареалу (даже расчлененному политическими границами)¹⁵. Следовательно, оно ни в коей мере не выражает своеобразия нации по сравнению с любой другой группой людей, занимающей определенную территорию¹⁶. Не случайно сторонники трактовки «экономической общности» как «общности хозяйственной жизни», в конечном счете рассматривают последнюю как хозяйственные связи¹⁷. Но хозяйственные или экономические связи — это уже компонент производственных отношений, т. е. категория не экономгеографическая, а политэкономическая.

Если, конечно, иметь в виду этнос в узком смысле слова, то, как уже говорилось, к нему не приложимо представление о любом виде «экономической общности», в том числе «общности экономических связей». Но этнос в широком значении слова, т. е. этносоциальный организм, несомненно, обладает определенной общностью экономических связей. Правда, для разных исторических типов этносоциальных организмов степень таких связей не одинакова. Но для нации они особенно характерны.

Таким образом, казалось бы, вполне логичным сводить «экономическую общность» нации (пока мы рассматриваем лишь этот тип этносоциального организма) к «общности экономических связей»¹⁸.

Однако экономиста в политэкономическом ее понимании, т. е. производственные отношения, далеко не исчерпывается экономическими связями. Ядро производственных отношений составляют, как известно, отношения собственности на средства производства. Стало быть, с позиций политэкономии «экономическую общность» следует, прежде всего, рассматривать как совокупность людей, объединенных едиными производственными отношениями. Иначе говоря, это определенная социальная целостность, состоящая из связанных производственными отношениями классов. В данной связи естественно возникает вопрос: представляет ли нация такого рода совокупность, или другими словами социально-экономическое целое?

Понимая нацию как этносоциальный организм, мы, очевидно, должны положительно ответить на этот вопрос. Даже в том случае, когда нация не имеет «своего» государства, для нее характерен определенный господствующий тип производственных отношений (например, для украинской нации в составе Российской империи конца XIX — начала XX в.). Правда, нам могут возразить, что, если нация расчленена политической границей (т. е. находится в составе других государств), ей могут быть присущи разные типы господствующих производственных отношений. Однако нам уже приходилось отмечать, что в таком случае мы имеем два этносоциальных организма и, стало быть, не одну нацию в нашем понимании этого термина, а две нации, принадлежащих к одному этносу в узком значении этого слова¹⁹.

Таким образом, «экономическая общность» нации, на наш взгляд, — это не только «общность экономических связей», но и социально-экономическое целое.

Однако «экономическая общность» нации не просто единство любых связанных производственными отношениями классов. Это, как известно, классовая структура совершенно определенного уровня — уровня капиталистической и социалистической формаций. В данной связи нельзя

¹⁵ Например, можно говорить об определенной экономической общности скандинавских стран, стран Латинской Америки, стран Тропической Африки и т. п.

¹⁶ Ср.: В. И. Козлов, Указ. раб., стр. 50.

¹⁷ П. М. Рогачев, М. А. Свердлов, Указ. раб. стр. 14.

¹⁸ Иногда эти два понятия полностью отождествляются. Так, В. И. Козлов пишет: «Экономической общностью является общность людей, основанная на экономических (или хозяйственных) связях между ними» (В. И. Козлов, Указ. раб., стр. 51).

¹⁹ Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 53.

не отметить, что именно это и попытались учесть в своей трактовке «экономической общности» авторы, предложившие при ее расшифровке указывать на наличие рабочего класса²⁰. Это предложение довольно точно отражает одно из основных отличий классовой структуры нации от предшествующих ей исторических типов этносоциальных организмов. Вместе с тем, очевидно, что расшифровка «экономической общности» как «наличие рабочего класса» с точки зрения логики далеко не безупречна. Следовательно, либо необходимо помимо «экономической общности» указывать отдельно на наличие рабочего класса, как на характерную черту нации (фактически, это, собственно, и делают рассматриваемые авторы), либо понимать «экономическую общность» как определенную классовую структуру, включающую рабочий класс. Мы отдаем предпочтение последнему варианту, хотя бы потому, что в противном случае подчеркивается лишь общее в классовой структуре буржуазных и социалистических наций. В частности, при характеристике «общности экономики» или «общности экономической жизни» буржуазной нации, на наш взгляд, речь должна идти прежде всего о двух классах-антагонистах — рабочем классе и капиталистах, связанных в ее рамках единым способом производства²¹. Определяя же «экономическую общность» социалистических наций, видимо, следует указывать на два дружественных класса соответствующей формации: рабочих и крестьян²².

После всего сказанного о соотношении «экономической общности» и нации решение аналогичного вопроса применительно к остальным историческим типам этносоциальных организмов представляется достаточно тривиальным. Хотя у докапиталистических этносоциальных организмов (народности и племена) общность внутренних экономических связей значительно слабее, чем у нации (особенно у племена), тем не менее относительно этих образований можно, очевидно, также говорить, что у них имеется «экономическая общность», поскольку все они (в отличие от этносов в узком смысле слова) представляют определенную социально-экономическую целостность.

ONCE AGAIN ON THE INTERRELATION BETWEEN ETHNIC AND ECONOMIC UNITS

The controversial problem of the interrelation between the ethnic and the economic units is discussed in the article. The author stresses the point that the concept of «ethnos» may be used both in a narrow and in a wider sense. In the narrow sense it means «nationality» as an ethnic unit characterized by common stable traits of culture and ethnic selfconsciousness. In the second case the term embraces ethnosocial organisms always characterized by a certain degree of economic unity since each of them (as distinct from ethnoses in the narrow sense of the term) constitutes a certain social-economic entity.

²⁰ П. М. Рогачев, М. А. Свердлов, Указ. раб., стр. 12, 15—17.

²¹ В частности, при такой трактовке «общности экономической жизни», вряд ли есть основания опасаться, что эта формула может дать повод думать, будто при капитализме существует общность интересов эксплуататоров и эксплуатируемых (см. С. Т. Калтачян, Указ. раб., стр. 189—190).

²² Кстати, указание при характеристике «экономической общности» нации на ее классовую структуру (капиталистическую или социалистическую) делает совершенно излишним специальное упоминание о наличии промышленности.

И. Я. Фроянов

СЕМЬЯ И ВЕРВЬ В КИЕВСКОЙ РУСИ

(ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Ю. М. РАПОВА)

Род, семья, община — сюжеты, относящиеся к числу наиболее популярных в русской исторической науке. Эти понятия рассматривались в трудах многих поколений дореволюционных и советских историков. В новейшей историографии Древнерусского государства вплоть до недавнего времени преобладала точка зрения Б. Д. Грекова, согласно которой господствующей формой семейных отношений на Руси X—XII вв. являлась малая, индивидуальная семья, а в сфере общинных связей доминировала территориальная община, подобная германской марке — вервь Русской Правды¹. Но вот М. М. Фрейденберг, обратившись к полицкой верви, сведения о которой послужили Б. Д. Грекову существенным подспорьем в его суждениях о древнерусской верви, указал на неправомочность отождествления вервной организации Полицкого статута с соседской общиной. «Подлинный характер верви, — отметил он, — можно понять, только угадывая в вервном коллективе общину, скрепленную как поземельными (соседскими), так и родственными связями»². Несколько позднее М. О. Косвен, заново пересмотрев материалы, касающиеся русской и полицкой верви, заявил, что и та, и другая — патронимия³, т. е. родственная группа, состоящая «из меньшего или большего числа отдельных, все же связанных между собой родственных семей, ведущих свое происхождение от одного общего предка, носящих общее патронимическое название и пр.»⁴. Патронимия, по словам М. О. Косвена, сохраняет известное хозяйственное, общественное и идеологическое единство и насчитывает две-три тысячи человек⁵.

Статья Ю. М. Рапова как раз и направлена против гипотезы М. О. Косвена, приравнявшей вервь Русской Правды к патронимии⁶. Автор уверен, что в домонгольской Руси не было ни патриархально-семейной общины, ни патронимии, а существовали малые семьи, объединявшиеся в соседские территориальные общины, именуемые вервью⁷. Ю. М. Рапов отрицает существование у восточных славян больших семей и патриархальных общин начиная с VI в. нашей эры⁸. Здесь он шагнул даже дальше Б. Д. Грекова, не рискуя его полностью перечеркнуть патриархально-семейный быт у восточнославянских племен в период, предшествовавший образованию Древнерусского государства⁹.

¹ Б. Д. Греков, Киевская Русь, М., 1953, стр. 87, 95.

² М. М. Фрейденберг, «Вервь» в средневековой Хорватии, «Уч. записки Велюкского пединститута», вып. 15, 1961, стр. 38.

³ М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963, стр. 133—160.

⁴ Там же, стр. 4.

⁵ Там же, стр. 4, 97.

⁶ Ю. М. Рапов, Была ли вервь «Русской Правды» патронимией? «Сов. этнография», 1969, № 3.

⁷ Там же, стр. 114—117.

⁸ Там же, стр. 113.

⁹ Б. Д. Греков, Указ. раб., стр. 79.

Какие факты позволили Ю. М. Рапову сделать столь решительный шаг? Оказывается, гипотезу о малой семье он построил, опираясь почти исключительно на археологические данные. Прежде чем разбираться в существе привлекаемого археологического материала, познакомимся с избранной Ю. М. Раповым методикой его использования. Забегая вперед, скажем, что по этой части мы находим здесь немало примеров, имеющих, к сожалению, не положительный, а отрицательный смысл.

Вооружившись находками, сделанными И. И. Ляпушкиным при раскопках городища Новотроицкого, Ю. М. Рапов пишет: «В ряде домов и хозяйственных помещений были найдены орудия сельскохозяйственного производства (сошники, косы, мотыги, топоры), что свидетельствует в пользу принадлежности орудий производства отдельным домохозяевам, а не коллективу обитателей городища¹⁰. Совершенно непонятно, откуда Ю. М. Рапов взял этот «ряд домов». Перечисленные им орудия сельскохозяйственного производства были в массе своей обнаружены вне полуземлянок и связанных с ними хозяйственных ям¹¹. Серпы же, о которых автор почему-то умолчал, все находились за пределами жилых и хозяйственных сооружений¹². Не случайно сам И. И. Ляпушкин, завершая обзор находок из железа, подчеркивает: «Все описанные выше вещи из железа были найдены в самых различных уголках территории поселения. В размещении их никакой закономерности не прослеживается, кроме разве одной: почти все они (за исключением нескольких вещей) найдены в культурных отложениях, вне границ жилых и хозяйственных построек»¹³.

Ю. М. Рапов утверждает: «К каждому жилищу примыкали одна или несколько хозяйственных ям, а также хозяйственные постройки небольших размеров»¹⁴. Достаточно даже беглого взгляда на общий план раскопа, чтобы убедиться в поспешности такого заключения. Некоторые жилища (например, № 13, 17, 27 и др.) вовсе не имеют ни ям, ни построек, другие (№ 12, 25, 22, 15) располагают одной лишь ямой¹⁵.

Далее Ю. М. Рапов продолжает: «Ярким свидетельством индивидуализации малых семей данного (Новотроицкого.—И. Ф.) городища являются клейма, нанесенные на донца глиняных лепных сковородок, найденных при раскопках»¹⁶. Если бы автор внимательнее отнесся к археологическому материалу, он непременно узнал бы, что сковородки с крестами были замечены в разных местах городища, что аналогичные сковородки встречались археологам в пунктах, отстоящих друг от друга на сотни километров¹⁷. Трудно поэтому поверить в одинаковые знаки собственности, сделанные разными хозяевами не только одного городища, но и других поселений, разбросанных на большом пространстве. Нельзя считать знаками собственности и отметины на пряслицах из поселений улицей на р. Тясмине, зарегистрированных Д. Т. Березовцом, поскольку не все они имеют эти отметины¹⁸. Если согласиться с Ю. М. Раповым, то как объяснить существование пряслиц, на которых нет никаких знаков? Кстати, Ю. М. Рапов знаком с книгой Г. Б. Федорова о населении Прутско-Днестровского междуречья в I тысячеле-

¹⁰ Ю. М. Рапов, Указ. раб., стр. 110.

¹¹ И. И. Ляпушкин, Городище Новотроицкое, М.—Л., 1958, стр. 15, 18, 20—21, 150.

¹² Там же, стр. 18.

¹³ Там же, стр. 24.

¹⁴ Ю. М. Рапов, Указ. раб., стр. 110.

¹⁵ И. И. Ляпушкин, Указ. раб., стр. 143 (см. также общий план раскопа, приложенный к книге).

¹⁶ Ю. М. Рапов, Указ. раб., стр. 110.

¹⁷ И. И. Ляпушкин, Указ. раб., стр. 42, 71, 98, 140.

¹⁸ Д. Т. Березовец, Поселения улицей на р. Тясмине, «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее МИА), вып. 108, М., 1963, стр. 167.

тии н. э. Он мог бы там, между прочим, почерпнуть следующее: для славян Поднестровья VI—IX вв. характерно именно «отсутствие клейм мастеров и других знаков собственности»¹⁹. Однако Ю. М. Рапов не принял во внимание это весьма красноречивое указание.

Методика Ю. М. Рапова не меняется и при интерпретации археологических сведений, отображающих картину более позднего времени, — XI—XIII вв. Опираясь керамикой с клеймом, открытой В. В. Седовым на территории предполагаемого древнего села Дросенского, Ю. М. Рапов видит в этом лишнее доказательство существования частной собственности малых семей²⁰. Между тем В. В. Седов пишет: «Небольшая площадь раскопа, разновременность вскрытых построек, их небольшое число — все это не позволяет окончательно решить вопрос о значении гончарных клейм вообще. Во всяком случае, нет каких-либо серьезных оснований ни для отрицания вывода Б. А. Рыбакова, считающего их знаками гончаров-ремесленников, ни для утверждения, что это метки собственности владельцев сосудов»²¹. Сам В. В. Седов склонен толковать клейма как ремесленные знаки²². Но у Ю. М. Рапова об этом опять-таки нет ни слова.

Приведенные выше примеры приемов, используемых Ю. М. Раповым при исследовании и обобщении археологических данных, вынуждают признать его методику использования археологических источников неудачной, поскольку она страдает односторонностью (выборочностью), а в некоторых случаях даже искажением (возможно невольным) археологических данных.

Теперь о существовании археологического материала. Когда И. И. Ляпушкин, к которому безоговорочно присоединяется Ю. М. Рапов, доказывал, что восточные славяне накануне образования Древнерусского государства группировались в малые семьи (4—5 чел.) и соседские общины, он приводил два основных аргумента: небольшой размер жилых полуземлянок (10—20 м²), поставленных отдельно друг от друга, и малую, «миниатюрную» (выражение И. И. Ляпушкина) величину хозяйственных построек, примыкавших к жилищам²³. Но такое осмысление археологических памятников нам представляется формальным, потому что незначительные размеры жилых строений никоим образом не значат, что в них должны размещаться только самостоятельные малые семьи. В самом деле, как объяснить, к примеру, встречающиеся у трипольцев жилища-полуземлянки, сходные по площади с восточнославянскими? На ранне-трипольских поселениях попадаются полуземлянки размером 3,5×2,2; 6×3,8; 3,4×4 м и т. п.²⁴ По мнению Т. С. Пассек, полуземляночный тип жилища преобладал у ранних трипольцев, являясь пережиточной формой жилья еще со времен неолита²⁵. Во многих полуземлянках обнаружен богатый набор бытовых предметов и орудий труда. Для формальных обобщений всех этих признаков оказалось бы предостаточно, чтобы

¹⁹ Г. Б. Федоров, Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э., МИА, вып. 89, М., 1960, стр. 226.

²⁰ Ю. М. Рапов, Указ. раб., стр. 113.

²¹ В. В. Седов, Археологические разведки древнерусской деревни в Смоленской области, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры» (далее КСИИМК), вып. 68, 1957, стр. 110.

²² Там же.

²³ И. И. Ляпушкин, О жилищах восточных славян Днепровского Левобережья VII—X вв., КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 13; его же, Городище Новотроицкое, стр. 224; его же, Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства, Л., 1968, стр. 166.

²⁴ Т. С. Пассек, Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья, МИА, вып. 84, М., 1961, стр. 43—44. У ранних трипольцев имелись одновременно и большие жилые сооружения как полуземляночные, так и наземные, но это отнюдь не снимает вопроса о малых полуземлянках.

²⁵ Там же, стр. 39; Т. С. Пассек, Периодизация трипольских поселений, МИА, вып. 10, М.—Л., 1949, стр. 41.

пуститься в рассуждения о малой семье со всеми ее индивидуальными свойствами.

Возьмем другой пример, касающийся зарубинецкой культуры. Ее поздние представители (I—II вв. н. э.) обитали в жилищах полуземляночного вида, размеры которых колебались от 10 до 20 м² ²⁶. Тем не менее социальные отношения у зарубинецкого населения развивались еще в рамках первобытнообщинного строя ²⁷.

Не подводит к однозначному решению и планировка восточнославянских жилых помещений, стоявших врозь, не соединяясь никакими переходами. Большая семья, по наблюдениям Д. Я. Самоквасова, И. В. Лучицкого и А. Я. Ефименко, могла жить в нескольких стоящих отдельно домах ²⁸. У кочевых и полукочевых народов прослеживается то же ²⁹. Это происходит в результате складывания в семейной общине малой семьи, которая в недрах большесемейного коллектива получает известную самостоятельность, как бы обособляясь внутри родственного ей союза ³⁰. Ее индивидуализация сопряжена с «локальным выделением в общесемейном жилище. Малая семья получает либо отдельное помещение в общем доме, что составляет более архаическую форму, либо более изолированное помещение в виде пристройки к основному жилищу, либо, наконец, отдельное строение на общесемейной усадьбе» ³¹.

Если к сказанному добавить, что обособление малой семьи совершается сперва по линии потребления, тогда ни маленькие полуземлянки с очагами, ни сопутствующие им хозяйственные ямы не предопределяют исключительности каких-либо выводов, напротив, они дают равные основания для заключений как о большой семье, так и о малой. Примечательны в этой связи суждения Т. Н. Никольской, обследовавшей древнерусское селище Лебедку с его полуземляночными (4×4; 4×5; 3×2,2 м) и наземным (4×5 м) жилищами ³². Отвечая на вопрос, кто владел домами на селище, она пишет: «... первоначально они принадлежали ближайшим родственникам, а впоследствии просто соседям» ³³. Иначе, в них могла проживать как большая семья, так и малая. А это значит, что на основе одних лишь археологических источников воссоздать картину семейного быта у восточных славян VI—IX вв. и в Древней Руси X—XII вв. не представляется возможным ³⁴.

Древние письменные памятники сохранили список названий родственников, входивших в восточнославянскую и древнерусскую семью. В недатированной части «Повести временных лет», где летописец бичует пороки древлян, северян, радимичей и вятичей, упомянуты родичи, образующие семейный круг. Перед нами проходят отец, мать (свекровь), сноха, деверь, т. е. большая семья ³⁵. Контуры подобной семьи уверенно очерчивает церковный Устав Ярослава. Б. А. Романов, вникая во внутрисемейные раздоры и аморальные казусы, преследуемые по

²⁶ В. И. Бидзиля, С. П. Пачкова, Зарубинецкое поселение у с. Лютеж. МИА, вып. 160, Л., 1969, стр. 53; Ф. М. Заверняев, Почепское селище, там же, стр. 92.

²⁷ «Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР», М., 1956, стр. 526—527.

²⁸ Д. Я. Самоквасов, Семейная община в Курском уезде, «Записки Русского географического общества по отд. этнографии», т. 8, отд. III, СПб., 1878, стр. 12; И. В. Лучицкий, Сябры и сябринное земледелие в Малороссии, «Северный вестник», 1889, № 1, стр. 74; А. Я. Ефименко, Южная Русь, т. I, СПб., 1905, стр. 372.

²⁹ Н. А. Кисляков, Очерки по истории семьи и брака у народов Свелней Азии и Казахстана, Л., 1969, стр. 24, 26, 27.

³⁰ М. О. Косвен, Указ. раб., стр. 61.

³¹ Там же, стр. 62.

³² Т. Н. Никольская, Древнерусское селище Лебедка, «Сов. археология», 1957, № 3, стр. 177—178.

³³ Там же, стр. 197.

³⁴ Ю. М. Рапов, к сожалению, опустил другие источники, что, конечно, нельзя признать правомерным.

³⁵ «Повесть временных лет», ч. I (далее ПВЛ, ч. I), М.—Л., 1950, стр. 14, 15.

Уставу, замечает: «Когда дерутся свекровь со снохой, деверь с ятровью,—это неразделившаяся по смерти отца семья в составе вдовы и взрослых сыновей, остающихся под одной крышей. Когда „блудят“ отец с „дщерью“, пасынок с мачехой („кто с мачехой впадает в блуд“), свекор со снохой или деверь не только с ятровью, но и с „падчерицею“,—то перед нами жив еще и отец, а выросло уже третье поколение»³⁶. По предписаниям первой статьи Краткой Правды, за убийство «мужа» полагается «мстить брату брата, или сынову отца, либо отцу сына, или брату чаду, либо сестрину сынову»³⁷. Еще К. С. Аксаков за составом кровных мстителей видел семью³⁸. Современный исследователь «Русской Правды» А. А. Зимин, комментируя эту статью, верно указывает, что «основой общества является уже не род, а большая семья»³⁹.

Обилие родственной терминологии, тщательная разработка названий родства, с какими мы сталкиваемся, изучая древнерусский период нашей истории, давно воспринимались учеными как явный признак бытования на Руси крупных родственных объединений⁴⁰.

Из статей «Пространной Правды», устанавливающих порядок наследования, явствует, что до смерти отца взрослые сыновья жили одной семьей с родителями⁴¹. В современной этнографической литературе подобные семьи именуются неразделенными, относящимися к переходной форме от больших семейных организаций к малым⁴².

Каждому типу семьи соответствуют определенные семейно-брачные отношения. Зная особенности последних, мы можем судить о характере первой. По уверению летописца, восточнославянские племена, за исключением «кротких» полян, брака не знали, «но умыкиваху у воды девица»⁴³, причем держали «по две и по три жены»⁴⁴. Б. Д. Греков усматривал в этом указание на «полигамную патриархальную семью. а может быть и парный брак»⁴⁵. Не надо думать, будто похищение женщин и многоженство исчезли с образованием Древнерусского государства. Церковный Устав князя Ярослава специально останавливается на случаях многоженства, многомужества, умычке «девок», нередко практиковавшихся в обществе, ставшем на путь христианизации, но не желавшем отказываться от прежних форм брачных связей⁴⁶. Памятник более поздний — уставная грамота князя Ростислава — тоже содержит сведения о тех, кто «водит две жоне» или «уволочет девку»⁴⁷.

Расхваливая полян, иннок-летописец с удовлетворением говорит: «брачный обычай имяху: не хожаше зять по невесту, но приводяху вечер, а заутра приношаху по ней что владуче»⁴⁸. В. О. Ключевский, оперируя Ипатьевским вариантом «Повести временных лет», выражение «на ней» переводил как «за нее»⁴⁹. Если полагаться на Ипатьевский список,

³⁶ Б. А. Романов, Люди и нравы Древней Руси, М.—Л., 1966, стр. 199.

³⁷ «Правда Русская», т. I. Тексты, М.—Л., 1940, стр. 70.

³⁸ К. С. Аксаков, Полн. собр. соч., т. I, М., 1889, стр. 105.

³⁹ А. А. Зимин, Феодалная государственность и Русская Правда, «Исторические записки», т. 76, 1965, стр. 231.

⁴⁰ См., например: П. А. Лавровский, Коренное значение в названиях родства у славян, СПб., 1867, стр. 4.

⁴¹ «Правда Русская», т. I, стр. 114—116.

⁴² Н. А. Кисляков, Указ. раб., стр. 20, 21; Я. Р. Винников, Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР, М., 1969, стр. 228.

⁴³ ПВЛ, ч. I, стр. 15.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Б. Д. Греков, Указ. раб., стр. 79; М. М. Ковалевский толковал эти факты как пережиток матриархата и свидетельство существования полигамии у древних славян (М. М. Ковалевский, Очерк происхождения и развития семьи и собственности, М., 1939, стр. 44, 97).

⁴⁶ «Памятники русского права», вып. I, М., 1952, стр. 267, 268.

⁴⁷ «Памятники русского права», вып. II, М., 1953, стр. 41.

⁴⁸ ПВЛ, ч. I, стр. 14, 15.

⁴⁹ В. О. Ключевский, Соч., т. I, М., 1956, стр. 122.

нужно признать, что в нем имеется древнейшее сведение о вене — выкупе, уплачиваемом за невесту. Но «брак покупкой — классическая форма брака периода господства патриархальных семейных общин; эта форма брака продолжает в какой-то мере сохраняться и позднее, при разложении патриархальной общины и становлении малой семьи»⁵⁰. К какому же периоду следует отнести брак покупкой, засвидетельствованный летописью? Очевидно, к первому, ко времени господства патриархальных семейных общин, ибо летописец подает нам эту форму брака как наиболее типичную, даже всеобъемлющую.

Ю. М. Рапов убежден, будто «под термином „дым“, по крайней мере у тех славян, которые жили на юге Восточной Европы, мог подразумеваться только отдельный дом малой семьи с печью (больших домов на юге при раскопках обнаружено не было), независимый в хозяйственном отношении от других таких же домов-хозяйств»⁵¹. Собранные выше показания источников о больших семейных объединениях в восточнославянском обществе делают это предположение М. Ю. Рапова спорным⁵². И уже совсем неверным является утверждение автора, что де «дань с восточнославянских племен в IX—X вв. собиралась как на юге, так и на севере с отдельных „дымов“»⁵³, ибо, по рассказу «Повести временных лет», хазары брали дань с вятичей от «рала»⁵⁴. А. Л. Шапиро, изучавший единицы обложения в Древней Руси, пришел к обоснованному выводу, что первоначальные соха, плуг и выть были единицами обложения больших или неразделенных семей⁵⁵.

Итог всех предшествующих рассуждений недвусмыслен: большая семья на Руси X—XII вв. — заурядное явление. В этом отношении Русь не отличалась своеобразием. В средневековой Норвегии XI—XII вв. большие патриархальные семьи, вбивавшие в себя представителей трех поколений, встречались часто⁵⁶. Рядовым явлением они были также в Византии⁵⁷ и византийских областях Южной Италии⁵⁸, в Болгарии⁵⁹, Хорватии⁶⁰. Большесемейные объединения превосходно известны варварским Правдам, и письменная история застаёт их у алеманнов и баваров⁶¹, бургундов⁶², лангобардов⁶³, саксов⁶⁴, салических франков⁶⁵.

Помимо большой семьи, Древняя Русь создала вервную организацию — вервь «Русской Правды». Длительное время наши историки эволюцию общины изучали по двум звеньям: общине кровнородственной и соседской⁶⁶. Благодаря работам отечественных медиевистов, в

⁵⁰ Н. А. Кисляков, Указ. раб., стр. 66.

⁵¹ Ю. М. Рапов, Указ. раб., стр. 112.

⁵² Термин «дым», как известно, обозначал и большесемейную домовую общину. См.: М. О. Косвен, Указ. раб., стр. 48.

⁵³ Ю. М. Рапов, Указ. раб., стр. 111, 112.

⁵⁴ ПВЛ, ч. I, стр. 47.

⁵⁵ А. Л. Шапиро, Средневековые меры земельной площади и размеры крестьянского хозяйства в России, «Проблемы отечественной и всеобщей истории», Л., 1969, стр. 59—79.

⁵⁶ А. Я. Гуревич, Большая семья в северо-западной Норвегии в раннее средневековье, «Средние века», вып. VIII, М., 1956, стр. 76.

⁵⁷ А. П. Каждан, Деревня и город в Византии IX—X вв., М., 1960, стр. 32—35.

⁵⁸ М. Л. Абрамсон, Крестьянство в византийских областях Южной Италии, «Византийский временник», VII, 1953, стр. 166—168.

⁵⁹ Г. Г. Литаврин, Крестьянство Западной и Юго-западной Болгарии в XI—XII вв., «Уч. записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. XIV, 1956, стр. 230.

⁶⁰ Ю. В. Бромлей, Становление феодализма в Хорватии, М., 1964, стр. 127—197.

⁶¹ А. И. Неусыхин, Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII вв., М., 1956, стр. 56, 58, 328—330.

⁶² Там же, стр. 285—287.

⁶³ Там же, стр. 233.

⁶⁴ Там же, стр. 155.

⁶⁵ Там же, стр. 76—77.

⁶⁶ Б. Д. Греков, Указ. раб., стр. 73—96; В. В. Мавродин, Очерки истории СССР. Древнерусское государство, М., 1956, стр. 47—49; П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, М., 1953, стр. 260—296; С. В. Юшков, Общественно-полити-

литературе стала утверждаться теория о трех этапах в развитии общинного строя: община кровнородственная, земледельческая (сельская) и марка⁶⁷. Что касается кровнородственного союза, то он распадается в свою очередь на два типа: общину родовую и большесемейную⁶⁸. В связи с этими переменами, происшедшими в советской исторической науке, В. В. Дорошенко справедливо заметил, что ныне было бы анахронизмом говорить «о прямом переходе от родовой общины к соседской (минуя стадию „земледельческой общины“, по терминологии Маркса)...»⁶⁹.

О верви «Русская Правда» говорит скупым языком, но общий тон, впрочем, позволяет предположить, что вервный союз — учреждение, корнящееся в обычаях⁷⁰. Вервь занимала пространную территорию, принадлежащую ей как самодовлеющему организму. Последнее непосредственно вытекает из слов: «... вивевную платити, в чьей верви голова лежить»⁷¹. Однако несколько странное впечатление оставляет эта обобщенная формула, если ее рассматривать под углом зрения соседской общины. Ведь в соседской общине часть земли находится в частной собственности. Поэтому достаточно было обнаружить труп на этой земле, чтобы стало ясно, кого подозревать. «Русская Правда», как видим, не учитывает такого варианта. Что это — несовершенство юридического мышления или же нечто другое, предостерегающее нас от отождествления верви с соседской общиной?!

Учеными давно замечено, что в «Русской Правде» термин «вервь» и «люди» порой совпадают друг с другом. Уже этого на поверхности лежащего факта достаточно, чтобы отложить мысль о верви как коллективе исключительно семейном и родственном. Лексика древнерусских памятников для обозначения родственных отношений в аспекте собирательном предоставляет понятия «род»⁷², «родин»⁷³, «ближние»⁷⁴. Следовательно, термин «люди», обращенный кодификатором к верви, затрудняет ее разумение только в родственном смысле. Но мы поспешим, если станем изображать вервь сугубо территориальной организацией. Этому препятствует принцип коллективной ответственности, пронизывающий красной нитью законоположения о верви. Конечно, сама по себе коллективная ответственность, круговая порука не разрешает загадку о древнерусской верви, так как и позднейшая община хорошо с ней знакома. Весьма существенно то, что в «Русской Правде» эта ответственность выступает с одним любопытным свойством: вервь помогает «головнику», изблеченному в преступлении, чего не заметно в последующих юридических памятниках, устанавливающих индивидуальную ответственность преступника. «Русская Правда» постановляет: «Будет ли головник их в верви, то зане к ним прикладывает, того же деля им помагати головнику, либо си дикую виру, но сплатити им вообчи 40 гривен, а голозничество, а то самому головнику, а 40 гривен ему заплатити ис дружины свою часть»⁷⁵. Вот эта помощь в уплате виры при наличии самого убийцы

ческий строй и право Киевского государства, М., 1949, стр. 86—88; «Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР», М., 1958, стр. 831—878; «История СССР», т. 1, М., 1966, стр. 354—359.

⁶⁷ См.: А. И. Неусыхин, Структура общины в Южной и Юго-Западной Германии в VIII—XI веках, «Средние века», вып. IV, 1953, стр. 35.

⁶⁸ Л. С. Васильев, Социальная структура и динамика древнекитайского общества, «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. I, М., 1968, стр. 471—474.

⁶⁹ В. В. Дорошенко, З. К. Янель. Заметки о новой литературе по истории феодальной России, «История СССР», 1968, № 5, стр. 152.

⁷⁰ См.: Ф. И. Леонтович, О значении верви по Русской Правде и Полицкому статуту сравнительно с задругою юго-западных славян, «Журнал Министерства народного просвещения», 1867, вып. IV, стр. 2.

⁷¹ «Правда Русская», т. I, стр. 115.

⁷² ПВЛ, ч. I, стр. 51.

⁷³ Там же, стр. 119.

⁷⁴ Там же, стр. 37; «Правда Русская», т. I, стр. 115.

⁷⁵ «Правда Русская», т. I, стр. 104.

и отличает круговую поруку, которую осуществляла вервь, от круговой поруки соседской общины последующих времен.

Чем же объяснить такую особенность? Не чем иным, как сохранением в верви родственных связей. Не противоречит ли этому предположению статья 8 Пространной Правды, в соответствии с которой «людье» должны помогать лишь тому, кто «вложиться в дикую виру»⁷⁶. Ю. М. Рапов усматривает в данной статье «право каждого члена верви отказаться от вклада в «вервную кассу»⁷⁷. Нам кажется более правдоподобной иная ситуация, когда принятый в общину чужак не успел или не сумел «вложиться» в «дикую виру» и тем самым заручиться поддержкой верви на случай необходимости платы штрафа. Проникновение в вервь чужеродцев нарушало ее кровнородственную схему, приравнивая родственную вервь к соседским интересам. В старой общине происходила перегруппировка составных элементов, что находило отражение в функционировании коллективной ответственности: суживаясь, она постепенно превращалась в паллиативную меру. В этой фазе, вероятно, мы и застаем круговую поруку в Пространной Правде.

Стало быть, проявление коллективизма выражало специфику социальной структуры верви, объясняемую кровнородственными отношениями, определявшими в немалой мере строй древнерусской верви⁷⁸. Но упомянутый коллективизм ко временам Пространной Правды утратил былую первозданность и под напором новых течений, прибывавших к верви чужаков, которые разлагали ее кровную целостность, начал исчезать, пока не пропал окончательно. «Русская Правда» еще застигла его, но в половинчатом, стесненном договорными новшествами виде. Вервь Русской Правды, очевидно, сочетала в себе и родственные, и соседские связи, занимая промежуточное положение между общиной семейной и территориальной, т. е. была общиной сельской, а не соседской. Она совмещала признаки семейной и соседской общины, будучи переходной формой от общины родственной к общине территориальной.

THE FAMILY AND THE *VERV'* IN RUSSIA OF THE KIEV PERIOD

(APROPOS OF THE ARTICLE BY Yu. M. RAPOV)

Two important links in the social structure of Russia of the Kiev period are examined in the article: the family and the peasant community (*verv'*). A complex analysis of varied materials (data from written sources, ethnographical and archaeological materials) allowed the author to reach the conclusion that although the nuclear family existed in Russia of the Kiev Period, the joint family was the predominant form. The Early Russian community (*verv'*) combining both kinship and neighbourhood ties held an intermediate place between the family community and the territorial community and thus represented a transitional form

⁷⁶ Там же, стр. 105.

⁷⁷ Ю. М. Рапов, Указ. раб., стр. 116.

⁷⁸ Кровнородственной основе древнерусской верви несколько не противоречит и то, что в некоторых случаях преступник вместе с женой и детьми подвергается «поток и разграблению». Это предписание Пространной Правды может быть понято как свидетельство уже произошедшей индивидуализации малых семей в рамках родственного коллектива, что подтверждается и самим наказанием («поток и разграбление»), заключавшимся в сожжении или разрушении дома преступника и изгнании его из верви. См.: М. Н. Тихомиров, Пособие для изучения Русской Правды, М., 1953, стр. 89.

Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДСКОГО ЖИЛИЩА

(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДОВ СРЕДНЕЙ ПОЛОСЫ РСФСР)

Настоящая статья ставит своей задачей на материалах городов Калуги (областной центр), Ельца (Липецкая область) и Ефремова (Тульская область), которые были выбраны для проведения длительного этнографического изучения, осветить некоторые направления развития современного городского жилища и выявить факторы, наиболее активно воздействующие на этот процесс в малых городах средней полосы РСФСР¹. В работе затрагиваются некоторые специфические вопросы, не встававшие ранее перед этнографами, исследовавшими быт села, но неизбежно возникающие при этнографическом изучении городского населения.

* * *

Развитие городского жилища до Великой Октябрьской социалистической революции определялось главным образом тем, что оно находилось в частном владении. Судьбы жилища были тесно связаны с социальной средой, в которой оно было распространено. В зависимости от этого жилище во многом развивалось по-разному. Оно сильно различалось по своему внешнему облику, по конструктивным особенностям, удобствам, внутреннему устройству и заселенности.

Основная часть жилого фонда находилась в пользовании самих домовладельцев, и характер его определялся их социальным статусом. Изменения этого статуса влекли за собой и изменения в жилище, но поскольку в этих городах с их довольно слабыми темпами развития процессы социальной мобильности протекали медленно, жилище этого типа в течение длительного времени оставалось почти неизменным.

Другая, значительная часть городского жилья находилась в руках домовладельцев, сдававших квартиры внаем. Существовало множество различных вариантов сдачи и найма квартир. Например, сдавали часть занимаемой семьей квартиры, оставшуюся почему-либо свободной, или по какой-либо причине стесняли себя намеренно; сдавали квартиру или целый дом, построенный специально для сдачи; квартиры или комнаты сдавали без мебели или с мебелью на длительные или короткие сроки. Для некоторых групп городского населения сдача квартир была одним из источников дохода. Снимали квартиры, комнаты и углы некоторые чи-

¹ О принципах выбора городов см.: Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Задачи и методы этнографического изучения культуры и быта русского городского населения, «Сов. этнография», 1966, № 6, стр. 58—60.

новники, представители интеллигентных профессий, иногда офицеры городских гарнизонов, крестьяне-отходники, поступавшие на разные работы, люди, жившие на случайные заработки, т. е. самые разные слои городского населения.

Сдача-наем квартир в условиях дореволюционного города сказывалась на составе городского жилого фонда и приводила к появлению специфических форм жилья, рассчитанного на определенный спрос.

Для Калуги, Ельца и Ефремова особенно характерным было строительство многочисленных флигелей, загромаждавших усадьбы домовладельцев. Меньше строили большие многоквартирные дома (так называемые доходные), а также ночлежные дома, рассчитанные на кратковременное пребывание в них жильцов.

Этот жилой фонд находился в относительно свободном обращении, однако и он закреплялся за определенными социальными кругами, которые часто не совпадали с социальной средой самого владельца. Изменения в социальном положении домовладельца обычно не отражались на состоянии жилища, предназначавшегося специально для сдачи. Оно почти никак не контролировалось городским управлением. Отсутствие должного контроля, а также превращение сдачи квартир в источник дохода приводили к погоне за максимальным расширением жилой площади при минимальном вложении средств на ее благоустройство. Особенно это касалось тех домов, которые предназначались для «массового потребителя».

Небольшая часть жилых домов была казенной, т. е. находилась в распоряжении отдельных ведомств (военного, железнодорожного, внутренних дел и др.). В них жили в основном чиновники в соответствии с их служебным положением. Кроме того, в городах было небольшое число казарм, принадлежавших владельцам промышленных предприятий и предназначавшихся для рабочих. И тот и другой вид жилья носил ярко выраженный социальный характер. Таким образом, распределение жилого фонда между различными группами населения происходило стихийно. В условиях капиталистического города это приводило к большой неоднородности жилищных условий горожан, отражавшей социальную дифференциацию городского населения. Происходило выделение полярных форм жилища: с одной стороны, просторных домов буржуазно-дворянской верхушки, имеющих максимум различного рода удобств, с другой — примитивного жилья бедных слоев населения, построенного по самым низким строительным стандартам (в размерах, конструкции, планировке, благоустройстве), само существование которого можно рассматривать как отступление от исторически сложившихся традиционных норм, и возврат к пережиточным формам жилища (землянка, полуземлянка, однокамерные постройки временного типа).

После Октябрьской революции с отменой частной собственности на средства производства, с изменением социальной структуры общества развитие городского жилища пошло по новому пути. Первые мероприятия городских Советов были направлены на перераспределение наличного жилого фонда с учетом новой социальной структуры общества, на передачу части этого фонда в общественное пользование трудящихся. Были ликвидированы прежние контрасты в распределении жилища, которые особенно остро выявились в городах в предреволюционный период.

В 1930-е годы с созданием социалистической индустрии и бурным притоком населения в города началось массовое строительство, которое привело к заметному увеличению жилого фонда, однако в то время городское жилище еще не могло удовлетворить все возраставшие потребности населения. Это приводило к непрерывному увеличению численности квартир; широко распространились общие, так называемые коммунальные квартиры, в которых проживало по несколько семей. Высокие темпы индустриализации требовали быстрого возведения жилых построек. Поэтому наряду с фундаментальными зданиями возникло много жилых

домов временного типа — бараков, в которых сначала поселялись строители, а затем и рабочие промышленных новостроек. Бараки в большинстве своем впоследствии были заменены другими жилыми постройками и в настоящее время встречаются уже редко.

Кардинальное разрешение жилищного вопроса началось с середины 1960-х годов, когда развернулся новый этап массового строительства, продолжающийся и в наши дни. Он характеризуется быстрыми темпами и высоким техническим уровнем строительных работ. Основная задача — обеспечить каждую семью, нуждающуюся в жилплощади, отдельной благоустроенной квартирой.

Ежегодно в городах вступают в эксплуатацию десятки тысяч квадратных метров новой жилой площади. Одновременно много делается и для улучшения условий жизни в старых домах: ликвидируется перенаселенность квартир, по возможности их благоустраивают.

В настоящее время в городах увеличивается в основном жилой фонд, находящийся в общественном пользовании. В личной собственности граждан в Калуге, Ельце и Ефремове находится лишь $\frac{1}{4}$ часть всей жилой площади, хотя по числу домов индивидуальный сектор еще значителен. Так, в Калуге общественный жилой фонд составлял более 1 млн. м², индивидуальный — около 280 тыс. м².

В целом преобладающее большинство населения в изучаемых городах живет в домах, находящихся в общественном пользовании, и извлекло от многих забот, связанных с содержанием и эксплуатацией частных домов. Вопросами пополнения большей части жилого фонда городов, благоустройства и рационального распределения занимаются местные Советы. Во многом забота государства распространяется и на индивидуальные дома: так, застройщики получают помощь (денежными ссудами, материалами, технической консультацией и т. п.); осуществляется также разного вида надзор. В результате развитие современного городского жилища независимо от того, находится оно в общественном или индивидуальном пользовании, идет в основном в одном направлении, что способствует наиболее эффективной и экономичной эксплуатации жилого фонда, быстрейшему его усовершенствованию и прогрессу в целом. Но в настоящее время в городах еще не все группы населения одинаково удовлетворены своими жилищными условиями. Это пока что невозможно, поскольку расширение жилого фонда значительно отстает от роста потребностей. Распределение жилплощади происходит часто без учета возможности роста семьи. В не меньшей степени различия в жилищных условиях городского населения связаны и с особенностями самого наличного жилого фонда, который в городах отличается несравнимо большей сложностью чем сельские жилища, и исторической емкостью (сосуществованием зданий различных эпох).

Современный жилой фонд изучаемых городов, имеющих длительную историю развития (напомним, что сложение Ельца, Калуги и Ефремова как городских поселений относится к XII, XIV, XVII вв.), формировался постепенно. Наряду с домами, построенными после Октябрьской революции, здесь сохранилось много дореволюционных построек, относящихся к различным историческим эпохам. По большей части это малогабаритные деревянные дома массового строительства второй половины XIX — начала XX в. Встречаются и отдельные особняки, принадлежавшие дворянско-буржуазной верхушке городского общества. Среди них есть и более старые фундаментальные здания, выстроенные в начале XIX и даже в XVIII в. В этих старых домах многое изменилось; они, насколько возможно, были приспособлены к нуждам современного населения. Но это жилище доносит в известной степени и до наших дней некоторые свои особенности, связанные со временем возникновения и средой, в которой оно было распространено в прошлом. Большую часть жилого фонда составляют дома, построенные после 1917 г. Это и постройки 1920—

1930-х годов, 1940 — начала 1950-х годов и очень много зданий периода массового жилого строительства последних 10—15 лет. Все эти постройки по своему характеру очень разнородны: здесь и многоэтажные многоквартирные дома, построенные по современным типовым проектам, с квартирами в основном на одну семью, и сравнительно небольшие двух- и трехэтажные, иногда деревянные дома с отдельными и общими квартирами, и дома типа бараков, и маленькие, как правило, деревянные, дома на 1—2 семьи (в большинстве случаев недостаточно благоустроенные). Но в целом для жилищного строительства нашего времени характерно возведение типовых благоустроенных многоквартирных домов, которые постепенно приходят на смену старым. Именно в этом направлении и идет развитие современного городского жилища. Бытование мелких неэкономичных построек, которые не всегда можно благоустроить, связано в основном с индивидуальным сектором жилого фонда, но он за последние годы заметно сократился.

По данным нашего анкетно-статистического обследования, из отдельных квартир в коммунальных домах преобладают двухкомнатные квартиры (в Калуге из 1109 зафиксированных анкетой — однокомнатных — 33% (363), двухкомнатных — 57% (636), трехкомнатных — 10% (110)).

Большинство отдельных квартир имеет все современные удобства, но есть и менее благоустроенные (особенно в старых дореволюционных домах). При естественном разрастании семьи отдельная квартира может стать общей, но, как правило, новая семья, отделившаяся от родительской, стремится получить для себя другую жилплощадь. В результате, несмотря на процесс дробления семьи, число семей, пользующихся отдельной квартирой, не уменьшается. Более того, это число увеличивается, поскольку новые дома строят в основном с расчетом обеспечить каждую семью отдельной квартирой.

К отдельным квартирам можно отнести и собственные дома, в которых проживает в среднем 25% обследованного населения (в Калуге 20%, в Ельце 37%). Но они во многом уступают квартирам, находящимся в общественном пользовании. Частные дома, прежде всего, менее благоустроены; кроме того, в них много сложнее периодически устранять возникающую перенаселенность. С домовладением к тому же связано много забот по содержанию, ремонту дома и т. д.

В настоящее время общие квартиры встречаются главным образом в домах, построенных до революции и в 1920—1930-е годы. Число их постепенно сокращается. Правда, и в новостройках имеется некоторый процент общих квартир, но они обычно бывают малонаселенными.

Небольшое число всех обследованных временно живут на площади своих родственников. Обычно это или дети, обзаведшиеся своей семьей, или сельские жители, приехавшие на работу в город и желающие переселиться сюда на постоянное жительство.

В последнее время все меньше становится снимаемых и сдаваемых частным образом квартир и комнат. Этот вид жилища теперь не имеет и ярко выраженных специфических форм, как это было прежде. В условиях современного города сдача и наем квартир пока что поддерживаются общим недостатком жилого фонда.

Наиболее удобным видом временного жилища являются разного рода общежития. Их благоустройству и усовершенствованию придается большое значение, так как растущая промышленность городов заинтересована в постоянном пополнении предприятий рабочими и специалистами. Современные общежития чаще всего представляют собой дома гостиничного типа, имеющие полный комплекс бытовых удобств и обслуживания, с комнатами преимущественно на 2—4 человека.

Посмотрим теперь, как распределен в городах этот весьма разнообразный жилой фонд между отдельными группами населения.

Местное население находится в несколько лучших жилищных усло-

виях, чем приезжие. Самыми распространенными видами жилищ у них являются отдельные квартиры и собственный дом.

Среди приехавших из других городов больше распространены отдельные квартиры в государственных домах. Как показали уже публиковавшиеся подсчеты², в составе этой группы много квалифицированных рабочих и специалистов в различных областях трудовой деятельности, для которых в первую очередь создаются хорошие жилищные условия.

Для выявления обеспеченности жилищем городской семьи брались три признака: численность семьи, виды жилья, размер жилплощади.

Проанализированный материал показывает, что в изучаемых городах еще ощущается недостаток жилой площади, особенно если учесть постоянно растущий уровень требований, которые предъявляют семьи к своему жилью. Большие семьи лучше обеспечиваются более удобными видами жилища. Данные по видам жилища показывают четко выраженное повышение процента имеющих собственную жилплощадь по мере увеличения численности семьи, а также и процента имеющих отдельные квартиры в государственных и кооперативных домах. В отдельных квартирах полезная площадь часто увеличивается благодаря кухне, а иногда и прихожей, в собственных домах — путем использования подсобных и летних помещений (веранды, мезонина, сеней).

Рассмотренные материалы о распределении различных видов жилища между работниками, занятыми в различных отраслях народного хозяйства, представляют довольно пеструю картину. Причины этого более всего связаны с историей формирования городского населения и с особенностями развития отдельных отраслей народного хозяйства в данном городе. В соответствии с задачами этнографического изучения анкетное обследование в городах проводилось среди работников нескольких предприятий и учреждений (в Калуге 10, в Ельце 11), которые представляют основные отрасли народного хозяйства, развитые в этих городах. Опыт проведения такого обследования и общие его результаты уже освещались в печати³. Анкетно-статистическое обследование показало, что по обеспеченности различными видами жилища наиболее отчетливо выделяются две группы. Одна из них — группа школьных и медицинских работников. Эта группа хорошо обеспечена жильем, в том числе самым удобным его видом — отдельной квартирой. Отдельные квартиры в государственных или кооперативных домах имеют свыше 50% обследованных семей этой группы. Очень немногие из них живут в общежитиях, но зато сравнительно велик здесь процент проживающих на площади родственников. Причины лучшей обеспеченности этой группы во многом определяются ее профессиональным составом — большим числом в ней специалистов и вообще большей по сравнению с другими социальной продвинутой.

Вторая группа — работники строительных организаций. В этой группе населения самый высокий процент проживающих в общежитии (свыше 37%). Второе место занимают имеющие отдельную квартиру (свыше 34%). Вместе те и другие составляют более 70% всей этой группы. Из всех обследованных групп населения у строителей самый маленький процент имеющих собственные дома (6%). Все это определяется составом группы строителей, среди которых преобладают приезжие сравнительно молодого возраста, а также особыми (льготными) возможностями строительных организаций обеспечивать своих работников постоянным и временным жилищем.

² См. Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Использование анкетно-статистических данных при этнографическом изучении города, «Сов. этнография», 1969. № 3. стр. 23—25.

³ См. Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Использование анкетно-статистических данных при этнографическом изучении города, стр. 17; их же, К вопросу о классификации городского населения при этнографическом изучении города, «Сов. этнография», 1970, № 2.

Другие группы населения выделяются менее отчетливо, хотя и имеют свои, так сказать ударные, показатели, которые зависят от состава группы и от объективных возможностей тех или иных предприятий и учреждений. Так, например, среди работников промышленных предприятий различные виды жилища распределены значительно равномернее, чем среди работающих на других обследованных объектах. В этом сказывается устойчивость кадров, более планомерное пополнение их приезжими при наличии значительного слоя работников из местных жителей и постоянная забота об улучшении жилищных условий работающих.

Работники городского транспорта обеспечены жильем несколько хуже, чем строители: среди них тоже много приезжих, но значительно меньшие возможности, чем у строителей, получить жилплощадь.

Попытка рассмотреть обеспеченность жилищем отдельных социально-профессиональных групп городского населения, т. е. с учетом его принадлежности к группам квалифицированных и неквалифицированных рабочих, инженерно-технических работников, интеллигенции и служащих, не показала ярко выраженных различий. Причины этого кроются как в социальной неоднородности современной городской семьи, так и в принципах распределения жилого фонда, когда нужда населения в жилище учитывается независимо от социальной принадлежности людей. При выделении новой квартиры в первую очередь принимается во внимание численность и состав семьи, состояние здоровья ее членов; социальный же фактор выдвигается на первое место лишь в тех случаях, когда производство или какая-либо отрасль хозяйства города в целом нуждается в формировании или закреплении кадров определенной категории.

Все эти различия в обеспеченности городского населения жильем при той неоднородности жилого фонда, о которой здесь говорилось, создают картину значительной неоднородности в жилищных условиях горожан. Однако современный размах массового жилищного строительства и развитие в городах бытового обслуживания приводят к довольно быстрому их выравниванию.

Характер использования жилища, место его в повседневном быту городского населения, организация жилища определяется, с одной стороны, объективно существующими условиями (характером жилого фонда, принципами его распределения, уровнем благоустройства), с другой — духовными потребностями и запросами, которые сами зависят от социального состава населения, от структуры семьи, степени сохранности традиций, от личных вкусов людей и т. д. В результате взаимодействия этих факторов складывается много разных типов внутреннего устройства жилища. Наиболее показательным в этом отношении являются функциональное распределение жилплощади и характер интерьера, которые тесно связаны.

Собранный материал показывает, что при всем разнообразии типов внутренней организации городского жилища в их развитии прослеживаются общие тенденции. Прежде всего, обращает на себя внимание стремление к обособлению помещений с определенными функциями. В квартирах с одной жилой комнатой, которая служит и спальней, и рабочей комнатой, и местом отдыха семьи, а при необходимости гостиной и столовой, разделение происходит по условным зонам, состав которых определяется структурой семьи, ее интересами, традициями и проч., а также особенностями жилища. В отдельной квартире часть функций жилой комнаты переносится на подсобные помещения (кухня-столовая, прихожая), в условиях же общей квартиры — наоборот: многофункциональность жилой комнаты увеличивается.

В условиях многокомнатной квартиры и индивидуального дома функциональное распределение жилища происходит по отдельным помещениям. Функции группируются и привязываются к тому или иному помещению в соответствии с запросами и возможностями семьи. При этом у всех групп городского населения наблюдается тенденция к делению

жилых помещений на отдельные комнаты. Особенно ярко это проявляется в индивидуальных домах, где недостаточный профессиональный надзор за строительством подчас приводит к малорациональному дроблению жилплощади на маленькие комнаты.

Можно заметить и еще одну общую тенденцию в развитии современного городского жилища. В настоящее время в изучаемых городах стали нетипичны парадные, практически нежилые комнаты, подобные горницам или залам, используемым лишь время от времени, которые в прошлом были распространены в разных слоях населения и в городе, и в деревне. Все помещения постоянно эксплуатируются семьей. На первом месте стоят соображения удобства, и прежде всего создаются нормальные условия для детей.

Во временных жилищах эти общие тенденции проявляются несколько иначе. В общежитиях на характере использования жилища и его внутренней обстановке сильно сказывается общественное начало быта жильцов, во многом подчиняющее себе индивидуальное.

Кроме общих тенденций в функциональном распределении жилища можно заметить и другие специфические особенности, которые определяются социальной принадлежностью людей, их культурным уровнем, характером занятий, традициями и личными вкусами. Они выражаются в различии функциональных назначений отдельных помещений или зон, в предпочтении тех или иных функций в ущерб другим. Например, в одних семьях при планировке помещения предпочтение отдается функциям рабочей комнаты, в других комнате главным образом для повседневного отдыха, в третьих — для приема гостей и т. д.

Функциональное распределение жилплощади во многом определяет внутреннюю обстановку квартиры — ее интерьер. И здесь можно отчетливо наблюдать проявление специфических групповых и индивидуальных особенностей жилища. Например, интерьер, менее зависимый от характера самого жилища, его планировки, наличия удобств и пр., дает больше возможностей для проявления индивидуальных интересов и запросов людей. Этому способствует его относительная подвижность, позволяющая при желании или необходимости сравнительно легко изменять внутреннюю обстановку. Свободнее, чем в других сторонах жилища, здесь проявляются индивидуальные и групповые склонности людей.

Таким образом, развитие современного городского жилища по сравнению с прошлым имеет свою специфику. Она связана главным образом с преобладанием в городском жилище жилого фонда, находящегося в общественном пользовании. Развитие городского жилища происходит не стихийно, а в соответствии с планами развития народного хозяйства и с использованием современных методов строительства и передовой техники. Все это способствует быстрому прогрессу жилища, развитию его в едином направлении, исключающем появление контрастных различий в жилищных условиях отдельных групп городского населения. Способствует этому и иной принцип распределения жилища, при котором существующие в социалистическом городе социально-профессиональные различия не играют заметной роли. Различия в жилищных условиях горожан более всего связаны с неоднородностью жилого фонда и с особенностями формирования населения. В организации городского жилища отдельных групп населения, в его внутреннем устройстве прослеживается много общих черт: в планировке, в характере использования помещений, в функциональном их распределении. Но это не исключает и специфические индивидуальные и групповые черты, которые отчетливее всего проявляются в тех сторонах жилища, где материальные запросы людей теснее всего соприкасаются с запросами духовными.

В. А. Туголуков

ИНСТИТУТ «ДОХА» У УДЭГЕЙЦЕВ И ОРОЧЕЙ

В науке существует мнение, что социальная организация удэгейцев и орочей представляет собой родовое общество, состоящее из патрилинейных родов, сгруппированных в экзогамные союзы «доха».

А. М. Золотарев находил, в частности, у орочей «патриархальные строго экзогамные роды», которые членились на дочерние роды и объединялись в «родственные союзы с чужими родами»¹. Тот же взгляд на социальную структуру этих народов сохраняется и в работах более позднего времени². Составители сборника «Орочские сказки и мифы» В. А. Аврорин и Е. П. Лебедева пишут во введении, что пережитки «стадии разложения патриархально-родового строя» у орочей выражаются в «делении на родовые группы, в экзогамии родов и родовой взаимопомощи»³.

Как показали наши исследования, у удэгейцев и орочей не удастся выявить четкой родовой структуры. Нам не удалось обнаружить у них «родовых» этнонимов, образованных не от названия местности; очень мала численность групп, объединяемых «родовыми» этнонимами, тогда как самих этнонимов очень много. В связи с этим необходимо сделать уточнение, касающееся терминологии. Как будет видно из дальнейшего, употребление слова «род» по отношению к удэгейцам и орочам не совсем правильно. Более удобным представляется термин «фамилия», тем более что он широко употребляется и самим населением. Фамилии удэгейцев и орочей соответствуют небольшим по численности локальным группам этих народов, осваивавшим тот или иной промысловый участок.

Следует также иметь в виду, что в составе удэгейцев, орочей и тунгусо-маньчжурских народов Нижнего Амура есть общие по происхождению этнические компоненты. Это является предпосылкой существования у всех этих народов рассматриваемого нами социального института доха.

Суть социального института доха заключается в том, что члены какого-либо кровнородственного коллектива не вступали в браки не только друг с другом, но и с членами, некоторых других кровнородственных коллективов. Такие коллективы, разбросанные на обширной территории, иногда принадлежали даже к различным народам. Таким образом, институт доха можно рассматривать как отклонение от классической родовой экзогамии, выражающееся в расширении круга лиц, связанных экзогамными запретами.

Во время полевых работ 1966—1968 гг. автор настоящей статьи насчитал у удэгейцев 21 этническое наименование. Эти этнические наименования одновременно являются фамилиями в общераспространенном понимании этого слова и записаны у них в паспортах. Наибольшее число удэгейцев носит фамилии Канчуга (34 семьи), затем в убывающем

¹ А. М. Золотарев, Амурские орочи, «Советский Север», 1934, № 6, стр. 83.

² «Народы Сибири», М. — Л., 1956; В. Г. Ларькин, Орочи (историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней), М., 1964.

³ «Орочские сказки и мифы», Новосибирск, 1966.

порядке следуют: Кялундзюга (31 семья), Кимонко (20), Камандига (16), Суляйндзига (15), Пианка (9), Сигдэ (5), Амулинка (4) и т. д.⁴

Мы учли примерно 900 удэгейцев (в том числе метисов). Если принять, что семья состоит в среднем из четырех человек, то получится, что наиболее распространенные фамилии насчитывают по 80—90 человек, некоторые фамилии — по 8—10 человек. А 13 фамилий, которые мы не называли, носят еще меньшее число удэгейцев.

У орочей, по нашим данным, на 450 человек приходится 12 фамилий. Чаще всего встречаются следующие фамилии: Акунка (19 семей и одиночек), Еминка (10), Намунка (10), Мулинка (7), Пунэдинка (4), Ауанка (3) и т. д.⁵

За последние 50—70 лет численность орочей практически почти не менялась⁶. Между тем число фамилий у них в недавнем прошлом было значительно больше. У нас имеются сведения более чем о 20 исчезнувших орочских этнонимах. Если считать, что в то время существовали и современные фамилии, то средняя численность орочского «рода» того времени соответственно окажется еще меньшей, чем нынешняя. Мало-численность удэгейских и орочских фамилий заставляет сомневаться в том, что они представляют собой кровные роды.

Как известно, средний тунгусский род в XVII—XVIII вв. насчитывал, как правило, 200—400 человек (не считая женщин из чужих родов), или 50—100 семей. По численности самые крупные удэгейские и орочские фамилии соответствуют самым мелким тунгусским родам; большинство же фамилий по численности может быть сопоставлено лишь с кочевой общиной эвенков, состоявшей из нескольких семей, или с их большой (патриархальной) семьей⁷. Родовыми названиями у тунгусов чаще всего служили коллективные прозвища типа Баягир — от *баян* — «богатый», Шамагир — от *саман* — «шаман», Нанагир — от *наннā* — «шкура», Муеллагир — от *муёллэ* — «подшейный волос оленя», и т. д. Существовали также названия, связанные с местом расселения того или иного рода: например Сологон — от *солō* — «верхний» (по течению реки), Эдиган — от *эдэхэн* — нижний (по течению) и др. У эвенков родовые этнонимы, связанные с какой-либо конкретной местностью, встречаются редко; в большинстве случаев это поздние новообразования⁸.

Удэгейские и орочские этнонимы, как правило, являются видоизменениями соответствующих топонимов, чаще всего названий рек, на которых они жили. Так, удэгейский этноним Канчуга связывается удэгейцами с р. Кан (также Коу, Канчу), этноним Кимонко — с р. Кимун, Пианка — с р. Пия (Пя), Амулинка — с р. Амули, Сигдэ — с р. Сигдэму и т. д. Все перечисленные реки впадают в Японское море южнее устья Самарги.

⁴ Удэгейцы Канчуга, Суляйндзига и Пианка живут главным образом в пос. Красный Яр Пожарского района Приморского края, Кялундзюга и Кимонко — в пос. Гвасюги района им. С. Лазо Хабаровского края, Камандига — в пос. Агзу Тернейского района Приморского края, Сигдэ — в пос. Санчихеза Красноармейского района Приморского края, Амулинка — в пос. «Рассвет» Нанайского района Хабаровского края. Приведенные цифровые данные не претендуют на абсолютную точность. Написание удэгейских и орочских фамилий в разных районах разное; мы приняли за основу распространенную транскрипцию.

⁵ Подавляющее большинство орочей проживает в Советско-Гаванском районе Хабаровского края, в поселках Уська Орочская и Сельхоз на р. Тумнин; небольшая группа в пределах того же района (около 40 чел.) живет в устье р. Копи. Свыше 40 орочей проживают на р. Хунгари в Комсомольском районе и несколько человек в пос. Омми на Амуре, в Амурском районе Хабаровского края. Мы не рассматриваем группу амурских орочей, которая почти полностью слилась с ульчами. По данным А. М. Золотарева и В. Г. Ларькина, в этой группе численностью 55 чел. (в 1897 г.) в начале 1930-х годов было 9 этнонимов (см. В. Г. Ларькин, Указ. раб., стр. 20).

⁶ Сводка данных о численности орочей за различные периоды приводится в книге «Орочские сказки и мифы», стр. 5.

⁷ «Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII — начало XX в.», М., 1970, стр. 216, 217.

⁸ Там же, стр. 218.

Этноним *Акунка* орочи производят от р. Аку (Акур), *Мулинка* — от р. Мули, *Хутунка* — от р. Хуту (все — притоки р. Тумнин), *Копинка* — от р. Копи, *Бисянка* — от речки и бухты Биса (на побережье Татарского пролива).

Как уже было сказано, интересной особенностью социальной организации удэгейцев и орочей является запрещение брать жен не только из своей фамилии, но и из некоторых других фамилий. Например, удэгеец Амулинка не может брать жен из фамилий Геонка, Канчуга, Куинка, Кя, Суанка и в нанайском роде Бельды. Ороч Акунка не может взять жену из фамилий Самандига, Сенкиянка, Сиочонко, Хутунка, из удэгейских фамилий Кукчинка, Пудя, Суляйндзига, из нанайских родов Гаир, Самар и др.

В различных районах расселения удэгейцев и орочей «экзогамные цепочки» (термин А. М. Золотарева) выглядят по-разному: они то длиннее, то короче — в зависимости от состава местного населения. Удэгейцы и орочи, как правило, хорошо помнят об экзогамных связях с теми фамилиями, члены которых живут вместе с ними. Длительное отсутствие в данной местности носителей какой-либо фамилии обычно приводит к тому, что память о них как о «запретных» стирается и они выпадают из экзогамной цепочки.

Приводимые различными исследователями списки экзогамных цепочек не означают, что между любыми их членами действительно существуют брачные запреты. Такие списки включают фамилии, с которыми в отношениях доха состоит каждая отдельная фамилия, но это, по крайней мере в настоящее время, отнюдь не обязывает к тому же остальные фамилии. Иными словами, экзогамия в экзогамной цепочке не является обязательной для всех ее звеньев.

Ниже мы постараемся показать, что всеохватывающих «экзогамных цепочек» у удэгейцев и орочей не было, по-видимому, никогда.

Рассмотрим известия, относящиеся к одному из самых распространенных удэгейских этнонимов — Кялундзюга.

По мнению В. Г. Ларькина, «термин „Кялундзюга“ аналогичен древнему термину „Кяулунгихэ“, что в переводе означает „наши предки“, „люди удэ“»⁹. Как пишет Ларькин со слов своих информаторов, «раньше люди Кялундзюга сильно отличались от приморских людей Намунка. У них была разная одежда...». Ларькин склонен был отождествлять этноним Кялундзюга с этнонимом Кя (Кя), считая, что первым из них возник Кялундзюга¹⁰.

Можно привести также записанное нами сообщение анюйской удэгейки Ладики Кялундзюга (по отцу — Сигдэ), согласно которому раньше, когда люди Кялундзюга жили у моря, у них был другой говор и в ту пору их называли Намка, т. е. «приморские» (от *намй* — море). Те из них, которые там остались, до сих пор носят это название.

В настоящее время на морском побережье к югу от устья Амура имя Намунка сохраняет группа орочей, живущая в низовьях Тумнина.

Происхождение названия Намунка связано с морем, но подобный этноним мог возникнуть лишь в том случае, если бы часть некогда единого приморского народа переселилась в удаленную от моря горную область Сихотэ-Алиня. Действительно, иманские удэгейцы Кялундзюга помнят о своем былом разделении на «верхних» и «нижних» — на *солонкё* и *азанкё*.

Точно так же в XVII в. и позднее тунгусы, жившие на морском побережье в районе Охотска и севернее, назывались ламутами от тунгусского *лам* — море.

Существование особого говора у орочей Намунка и некоторые особенности их физического облика (бородатость отдельных мужчин) перекликаются с приведенными выше известиями об особенностях Кялундзюга и приводят нас к выводу, что обе группы — Кялундзюга и Намунка — составляли в свое время единое целое. Вероятным этническим именем этой группы было Кялундзюга. Переселившись с морского побережья на Амур и Анюй, удэгейцы Кялундзюга были частично ассимилированы нанайцами и образовали в их составе «род» Оненко (от удэгейского названия Анюя: *Уни*).

Мы слышали от удэгейцев различные версии о происхождении этнонима Кялундзюга. Анюйский удэгеец Бого Кимонко считает, что название произошло от небольшой бурной речки Кялуй на морском побережье возле р. Нахту (Нахтахэ), где раньше

⁹ В. Г. Ларькин, Удэгейцы, Канд. дис., М., 1959, стр. 180.

¹⁰ Там же.

обитали его сородичи. Другие наши информаторы слово *кялуй* не связывают с определенной рекой, а переводят как «сырое». В письме к автору, хорская удэгейка В. Т. Кялундзюга пишет: «*Кялу* — это обозначает „неспелое“. Значит, они что-то ели неспелое, и их стали называть Кялундига».

Мы склоняемся к тому, что Кялундзюга был одним из древних и основных этнонимов удэгейцев и орочей.

Существует интересная легенда, объясняющая происхождение удэгейских этнонимов Камандига (Камдига, Камидига) и Суляйндзига. Когда-то давным-давно Камандига и Суляйндзига представляли собой одно целое. Однажды два человека поспорили, кто из них поднимет берестяной лоток с рыбой. Тот, который хвастался, что поднимет и не сумел этого сделать, получил прозвище «Суляйндзига» (от удэгейского *сулай* — лисица или *сулайси* — врать, хвастаться). Того же, который поднял, но не хвастался, стали называть «Камандига» (от *камиси* — берестяной лоток). Рассказчик, престарелый Бого Кимонко, в то же время утверждал, что поначалу все эти люди, включая тех, которые стали Камандига, назывались Суляйндзига.

Согласно преданию, записанному В. А. Аврориным и Е. П. Лебедевой, удэгейцы Камидига и Суландига (т. е. Суляйндзига) раньше вместе обитали на р. Ботчи, к югу от р. Копи¹¹.

По преданиям, бытующим у иманских удэгейцев, среди которых не встречается фамилия Камандига, это название имеет отношение к каким-то событиям, связанным с историей политического возвышения маньчжуров. В древности, гласит одно из преданий (записанных нами в пос. Санчихеза), у удэгейцев был славный полководец Тоюн (другие называют его Коюн), живший на Уэсури. Он имел фамилию не то Кумдига, не то Камдига и считался *джамаси* (кровным родственником) людям Кялундзюга. Информаторы — Ф. Д. Кялундзюга и его жена Н. И. Канчуга — утверждали, что еще раньше люди Камдига назывались Калундзюга и получили новое название от р. Камā, на которой он жил. Под Камой, вероятно, подразумевалась р. Кемā, или Такемā (Великая Кема), впадающая в море к югу от Самарги.

Итак, согласно одному преданию, Камандига — ответвление Суляйндзига, а согласно другому — ответвление Кялундзюга. Это не противоречит одно другому, если считать, что две первые фамилии, носившие некогда общее имя Суляйндзига, еще раньше принадлежали к роду Кялундзюга. Можно построить следующую генеалогическую цепочку: Кялундзюга (первоначальный род) — Суляйндзига (дочернее ответвление) — Камандига (ответвление второго порядка). Так как разделение рода Кялундзюга произошло, по-видимому, достаточно давно, бывшая кровная связь между Кялундзюга, с одной стороны, и Суляйндзига и Камандига — с другой, была постепенно забыта и мужчины и женщины из обеих фамилий стали вступать во взаимные браки. Связь же между Камандига и Суляйндзига еще свежа в памяти поколений, и браки между ними запрещены. Однако в настоящее время отмирает и этот запрет.

Особый интерес вызывает орочский этноним Самандига. В основе его лежит слово *сама* — шаман. Суффикс *-дига*, обозначающий множественность, сближает данный этноним с тунгусским Шамагир (Самагир), у которого такую же функцию выполняет суффикс *-гир*. Группа эвенков-самагиров в конце XVII — начале XVIII в. пришла на Амур, и оттуда, вероятно, часть их по Аюню, а затем по Самарге (на что указывает название реки) вышла на морское побережье, где положила начало удэгейско-орочскому роду Самандига. Характерно оформление этого этнонима: судя по суффиксу *-дига*, он сначала появился у удэгейцев, а затем, видимо уже в недавнее время, попал к орочам и в настоящее время бытует преимущественно у них. Орочи произносят эту фамилию иначе, чем удэгейцы: Самантюка. В 1928 г. несколько орочей Самантюка вместе с эвенками рода Алян (Эдян) уехали с р. Тумнин на р. Бикин и теперь живут среди удэгейцев в пос. Красный Яр¹².

Этноним Самандига, восходящий к тунгусскому Самагир, также можно считать названием одного из первоначальных родов удэгейцев и орочей. Перечисление известных, подтверждающих это, мы начнем с изложения истории орочской фамилии Акунка.

Предание, записанное В. А. Аврориным и Е. П. Лебедевой, следующим образом рисует происхождение этих орочей: «В самом начале род Акунка возник на реке Аку, вышел из скалы Сидаки, что стоит в устье этой реки... Сначала был всего лишь один человек — Акунка — с двумя женами... Жили они очень давно, когда земля еще остывала...». Далее сообщается, что в семье Акунка родилось 11 сыновей — четверо от одной жены и семеро от другой. Они поженились и расселились по разным местам. «Среди Акунков жил один человек по имени Будэнгэри. Старик этот был у орочей старшиной, управлял всеми орочами, был их начальником»¹³.

¹¹ «Орочские сказки и мифы», стр. 182, 183.

¹² Здесь с этнонимом Самантюка произошла курьезная метаморфоза: он превратился в фамилию Симанчук. Только личные свидетельства бикинского ороча Сергея Самантюка и копинского ороча Савелия Хутунка (оба в преклонных годах) позволили разглядеть в «украинской» фамилии Симанчук чисто орочский этноним. Ввиду малочисленности его представителей большинство современных удэгейцев и орочей, как правило, вообще ничего не знают о существовании такого этнонима.

¹³ «Орочские сказки и мифы», стр. 174—175.

Ороч Будэнгэри — историческая личность, он умер в 1924 г. В свое время о нем писал В. К. Арсеньев¹⁴. По сообщению сына Будэнгэри, И. Ф. Акунка, у его отца было две жены, от одной из них он имел 10, а от другой — 11 детей. Эти дети, а также их потомство составляют в настоящее время большинство членов фамилии Акунка.

В. К. Арсеньев называл этого человека Федор Будунгари. Это, может обозначать, что в начале XX в. последний еще не носил этнического прозвища Акунка. Однако легенда относит появление данного этнонима к очень давним временам. Тот же И. Ф. Акунка сообщил нам, что раньше его сородичей, живших на Тумнинне, называли Суляки. Сейчас такого этнонима среди орочей нет, но факт его существования в прошлом — и не только у орочей, но и у ульчей — был косвенно зафиксирован в начале 1930-х годов А. М. Золотаревым. Золотарев сообщал о вымершем ульчском роде Суляки орочского происхождения¹⁵. В том, что это именно та самая фамилия, о которой нам говорил И. Ф. Акунка, не приходится сомневаться. В тексте цитированного выше предания имеется такое место: «Часть (Акунков.— В. Т.) перешла на Амур, часть пошла к югу, а часть так здесь и осталась, расселившись по всему Тумнинну»¹⁶.

Орочское *суляки* означает лисицу. По-удэгейски лисица — *сулэй*. Как мы помним, этноним Суляйндзига удэгейцы выводят именно от этого слова и его производных. Таким образом, орочская фамилия Суляки и удэгейская Суляйндзига имеют, по всей вероятности, общее происхождение.

У нас также имеется сообщение самаргинского удэгейца Андрея Самандига о том, что брат вышеуказанного Будэнгэри носил фамилию не Акунка, а Самантюка. Поэтому можно предположить, что Акунка и Самандига состояли в отношениях кровного родства (доха). Данное сообщение следует, возможно, понимать и как указание на то, что первоначальное этническое имя Будэнгэри было Самандига, а не Суляки, и что этноним Акунка появился лишь после того, как Будэнгэри поселился на р. Аку.

Изучение удэгейских и орочских этнонимов приводит нас к выводу, что первоначально оба народа состояли из весьма небольшого числа кровных родов, не считая иноязычных этнических групп, влившихся в их состав. В дальнейшем вследствие расселения и дробления этих первоначальных родов на их основе образовалось множество мелких локальных групп (фамилий) со своими собственными названиями, а прежние родовые этнонимы были постепенно забыты.

Процесс образования новых этнонимов, связанных с обитанием той или иной группы на определенной местности, происходил постоянно, отражая менявшиеся условия существования. Именно этим можно объяснить обилие как исчезнувших, так и действующих этнонимов у удэгейцев и орочей. Хорошей иллюстрацией этого процесса служит зарождение новых этнонимов внутри удэгейских фамилий Кялундзюга и Кимонко, носители которых жили в начале XX в. в верхнем и среднем течении р. Хор.

В составе хорских Кялундзюга в настоящее время выделяются следующие локальные группы: 1) Амбанка́ (этноним образован от протоки Хора — Амба), 2) Гвасинка́ (от одноименной протоки), 3) Гадынка́ (группа, переселившаяся от Анюя), 4) Котэнка́ (от притока Хора — р. Котэн), 5) Хамданка́ (от притока Хора — р. Хамды). В составе Кимонко: 1) Чжангонконко́ (от притока Хора — р. Чжанго) и 2) Догомунка́ (от притока Хора — р. Догомун). Члены перечисленных локальных подразделений, сознавая свое кровное родство, не вступают во взаимные браки, но в 1968 г. мы уже зафиксировали несколько случаев отклонения от этого правила.

В конце XIX — начале XX в. наряду с кровнородственными поселениями у удэгейцев и орочей существовали и поселения, жители которых были связаны чисто соседскими отношениями. Такие поселения зафиксированы, в частности, у орочей на р. Хунгари. Здешные стойбища включали представителей разных фамилий, притом не состоявших друг с другом в кровном родстве. Например, на стойбище Джуанко жили орочи:

¹⁴ В. К. Арсеньев, Соч., т. 2, Хабаровск, 1949, стр. 239.

¹⁵ А. М. Золотарева, Родовой строй и религия ульчей, Хабаровск, 1939, стр. 27.

¹⁶ «Орочские сказки и мифы», стр. 174, 175.

Иенка — 12 человек, Пуэлянка — 12, Самандига — 6; на стойбище Домоха — Вагла — 9 человек, Улянка — 12 и др.¹⁷

Орочи (а также нанайцы и ульчи) называют свои локальные группы термином *халā*, удэгейцы — термином *сэ (сэй)*. Для обозначения самой близкой родни по крови удэгейцы употребляют термины *доханй*, *дохаму-лā*, *хамулā*, которые переводят как «дети одних родителей». Главную смысловую нагрузку во всех этих терминах несет основа «ха»; соответственно *ханй* означает «кровный родственник»¹⁸. Более широкое родство, именуется удэгейцами *дзаламулā*, *дзамула*, *джамаси*. Нагрузкой термина служит основа «дза» (джа, дзя, дя); соответственно *дзанй* — «свой человек», «друг». Эти термины заменяют удэгейцам отсутствующий у них термин «доха».

По словам иманского удэгейца Ф. Д. Кялундзюга, *джамаси* обращались друг к другу со словом *джафй* — «товарищ», или *надяктā* — «брат».

В ороческом языке слово доха (духа) означает кровную родню. Примерно такое же значение оно имеет и в других языках тунгусо-маньчжурской группы.

Институт доха был обнаружен у ульчей Н. К. Карнуером в 1927 г., а в 1931 г. — К. М. Мыльниковой и В. И. Цинциус у негидальцев. Эти же ученые ввели в употребление и термин «доха». Все они указали один и тот же способ образования отношений доха — путем женитьбы на вдовах. Однако в объяснении причин появления таких отношений исследователи заняли диаметрально противоположные позиции. Каргер считал, что причиной возникновения «союзов родов», связанных отношениями доха, была необходимость объединения мелких родов в целях самозащиты. По Мыльниковой и Цинциус, такой причиной было разделение рода на ряд родственных групп, продолжавших воздерживаться от взаимных браков¹⁹. Каргер указал на некоторые внешние признаки объединения доха: помимо экзогамии, членов объединения связывают «установления социального и религиозного порядка», например медвежий праздник, который люди, связанные отношениями доха, проводят сообща²⁰.

Институтом доха специально интересовался А. М. Золотарев. Он установил, что «способностью к образованию экзогамных цепочек» обладали нанайцы, ульчи, орочи, ороки, негидальцы и что в эти цепочки «попадали тунгусские и гилацкие роды»²¹.

Образование цепочек доха у амурских орочей А. М. Золотарев объяснял как естественным дроблением первоначального кровного рода, так и «путем слияния совершенно чуждых друг другу родов», например на основе военного союза²². А. М. Золотарев пытался искать причины образования союзов доха также «в экономических отношениях», однако ему не удалось найти информатора, «точно знавшего нормы» таких объединений²³. Принципы, которые объединяли членов доха, сводились, по Золотареву, к трем главным пунктам: 1) они должны помогать друг другу при организации медвежьего праздника, 2) участвовать в мщении за сородичей, 3) не вступать во взаимные браки²⁴.

¹⁷ С. К. Патканов, Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, т. III, СПб., 1912, стр. 931 и сл.

¹⁸ Нанайское *халā* имеет и другое значение: «хомут собаки», т. е. ошейник. Удэгейское *халā* — одна из жердей, образующих остов традиционного жилища; также «рогулька», «развилка». Интересно сравнить этот термин с нивхским *кхал* — «род»; «чехол для ножа»; «ошейник упряжной собаки» (устное сообщение Ч. М. Таксами).

¹⁹ Н. К. Каргер, Предварительный отчет о поездке на Амур, Архив АН СССР, ф. 250, оп. 5, д. 40, л. 4; К. М. Мыльникова и В. И. Цинциус, Материалы по исследованию негидальского языка «Тунгусский сборник», I, М., 1931, стр. 113.

²⁰ Н. К. Каргер, Указ. раб., л. 5.

²¹ А. М. Золотарев, Родовой строй и религия ульчей, стр. 44.

²² А. М. Золотарев, Амурские орочи, стр. 83—85.

²³ А. М. Золотарев, Родовой строй и религия ульчей, стр. 47.

²⁴ Там же; е го же, Амурские орочи, стр. 85.

В последние годы институтом доха интересовались Ю. А. Сем, В. Г. Ларькин, А. В. Смоляк. Ю. А. Сем рассматривал доха у нанайцев как категорию, содержание которой менялось со временем в зависимости от состояния общества. Так, в раннем периоде родового общества доха — это «отношения между сородичами» (?), а в условиях разложения родового общества — отношения «между родами, отдельными территориальными группами, патронимиями, семьями», преследующие «определенные экономические или политические цели»²⁵. В. Г. Ларькин также видел в доха орочей объединение ради экономической и политической взаимопомощи, выражением чего служили «коллективные действия на рыбалке, охота, совместное участие в межродовых войнах, судебных заседаниях», обязанность совместной выплаты калыма, штрафа и т. д.²⁶. А. В. Смоляк высказала мнение, что «у всех народов Нижнего Амура институт доха — это не союзы, а отношения родов, характерные для периода распада их территориальной целостности, замены их соседскими отношениями»²⁷.

Во всех названных работах внутренняя сущность возникновения отношений доха не раскрыта. Внешние признаки доха частью списаны с рода, частью восстановлены гипотетически. Не объяснено, почему данный институт существовал на Нижнем Амуре и северной части Приморья, тогда как на территории остальной Сибири он неизвестен.

В данной статье мы попытаемся восполнить этот пробел. Народная традиция удэгейцев и орочей рисует два способа образования отношений доха: путем брака на вдове и путем присоединения одной фамилии к другой.

Версия о возникновении отношений доха благодаря бракам на вдовах особенно популярна у удэгейцев и орочей. Самаргинская удэгейка шаманка Арина Кимонко (по отцу — Камандига) нам рассказывала: «Раньше жил Камандига с женой, потом умер. На вдове женился Суляйндзига. Дети от Камандига и Суляйндзига — друг другу братья и сестры, жениться не могут. Называют друг друга *дзамула*».

Поскольку дети вдовы от разных мужей получали разные фамилии, речь, очевидно, может идти о патрилинейной филиации. Но при патрилинейной филиации кровные родственники, оказывающиеся в разных родах, могут вступать во взаимные браки, исходя из норм родовой экзогамии. Тунгусы, например, брали жену из рода матери, например, дочь ее брата (своего дяди), и такой брак даже считался предпочтительным. Почему же потомки Камандига и Суляйндзига избегали взаимных браков? И почему на вдове Камандига женился Суляйндзига, а не младший брат первого, по обычаю левирата?

В патрилинейном роде при заключении брака платился калым (а мы знаем у удэгейцев и орочей именно такой брак). Поэтому вдову, а стало быть, и детей покойного и его имущество должен был наследовать его младший брат или по крайней мере сородич. Так, анюйский удэгеец Тунси Амулинка взял в жены вдову умершего сородича, у которого не было младшего брата. В прошлом, по его словам, подобные браки были широко распространены.

Есть все основания допустить, что Суляйндзига, женившийся на вдове Камандига, был кровным родственником последнего и что поэтому обе эти фамилии были связаны экзогамным запретом. Это допущение с учетом сведений, приведенных нами выше о фамилиях Камандига и Суляйндзига, вполне обосновано.

²⁵ Ю. А. Сем, Родовая организация нанайцев и ее разложение, Владивосток, 1959, стр. 17.

²⁶ В. Г. Ларькин, Орочи, М., 1964, стр. 76.

²⁷ А. В. Смоляк, Социальная организация народов Нижнего Амура и Сахалина в XIX — начале XX в., в кн. «Общественный строй у народов Северной Сибири», М., 1970, стр. 289.

Однако, по утверждению удэгейцев и орочей, отношения доха возникают и в том случае, когда на вдове женится человек, не являющийся родственником покойного мужа. Говоря о предках, установивших эту традицию, один из наших информаторов выразился так: «Они по женщинам расходились». Смысл этого выражения следующий: потомки одной женщины считались кровными родственниками и брак между ними был исключен.

Эти новые обстоятельства в корне ломают наши представления о природе доха, исходящие исключительно из принципов патрилинейного рода. Только если допустить существование у удэгейцев и орочей в прошлом традиции материнского рода, можно понять, каким образом потомство одной женщины, восходящее к разным мужским предкам, образовывало «фамилии», связанные внутренним экзогамным запретом.

У нас нет возможности подробно останавливаться на вопросе о том, когда и каким образом счет родства трансформировался у удэгейцев и орочей из матрилинейного в патрилинейный. По нашему мнению, носителями материнской традиции в Приморье и Приамурье были айны и гиляки.

Как известно, Л. Я. Штернберг открыл у гиляков трехродовую систему брачащихся родов. Объясняя особенности этой системы, Штернберг указывал, что по гиляцким нормам «обмениваться женщинами, т. е. давать женщин в тот род, откуда мой род берет жен, воспрещается: все женщины из моего рода должны в свою очередь перейти в третий род, родоначальницами которого были сестры мужских предков моего рода»²⁸.

Из этого следует, что каждый гиляцкий род обладал как бы полуторной экзогамностью: он был экзогамен по отношению к самому себе и по отношению к роду, в который отдавал женщин, ибо брать жен из этого рода он не мог. Если кто-либо из рода А брал жену из рода Д, то для рода Д все женщины рода А становились запретными: последний включался в цепочку последовательно брачащихся родов²⁹.

Внутренний механизм практики заключения браков у гиляков состоял, по Штернбергу, в том, что «мужчины обязательно (разрядка Штернберга) женятся на дочерях брата своей матери»³⁰; иными словами, женщины становятся женами сыновей сестры своего отца. А так как гиляки отдавали женщин не в тот род, откуда брали жен, то обмениваться женщинами семьи брата и его замужней сестры не могли³¹.

Отметим, что такой «взаимный брак» (по тунгусской терминологии, *дапкй*) был запрещен и у тунгусов (например, сахалинских). Однако у них трехродовая система не зафиксирована.

По нашему мнению, причиной, вызвавшей образование сложной трехродовой организации общества у гиляков, была первоначальная матрилинейность их рода. Лишь благодаря взаимодействию материнского рода гиляков с отцовским родом тунгусов могла возникнуть система из трех брачащихся родов с «полуторной» экзогамностью каждого.

Вообразим себе следующую ситуацию: род А — материнский (гиляки), род Б — отцовский (тунгусы). В случае брака тунгуса на гилячке ее дети, согласно гиляцким нормам, не могут жениться в роде Б, а согласно тунгусским нормам — в роде А. Выходом из положения является либо переход потомства на единую систему родства (патрилинейную или матрилинейную), либо сохранение билинейности и установление брачных связей с третьим родом. В последнем случае и устанавливается компромиссная трехродовая система, в которой одинаково соблюдаются и час-

²⁸ Л. Я. Штернберг, Гиляки. Оттиск из журнала «Этнографическое обозрение», М., 1905, стр. 28.

²⁹ Там же, стр. 29.

³⁰ Там же, стр. 31.

³¹ Там же, стр. 30.

тично нарушаются нормы отцовского и материнского счета родства путем исключения из браков части родственников с обеих сторон. В процессе развития такой системы может теоретически возобладать любая линейность — как отцовская, так и материнская. Но поскольку гиляцкий род в конце XIX в. был, согласно Штернбергу, патрилинейным, можно говорить о победе тунгусской патрилинейной традиции. Перелом произошел вряд ли раньше XVII столетия, когда на Амур и Сахалин хлынули волны охотских тунгусов и ламутов, спасавшихся от обложения ясаком.

На практике трехродовая система вряд ли может долго сохранять свою устойчивость ввиду ее сложности. Уже во времена Штернберга не имело обязательной силы требование брать жену из рода матери. Запрещение отдавать женщин в род, из которого кто-либо из сородичей взял жену, сохранялось, но и оно действовало лишь в течение нескольких поколений³².

Можно думать, что вышеописанные брачные нормы у гиляков нашли отражение в традиционном объяснении запрета, существующего у тунгусо-маньчжурских народов Амура, Сахалина и Приморья, согласно которому экзогамные отношения доха возникают между двумя группами после того, как кто-либо из одной группы женился на «вдове» из другой. Это объяснение хорошо согласуется с общей картиной этнических взаимоотношений в указанном регионе за последние три столетия. Важнейшими партнерами здесь были гиляки и тунгусы. Удэгейцы и орочи — это потомки аборигенов бассейна нижнего Амура и Приморья, которых тунгусы ассимилировали, придя туда. В результате образовалось смешанное население, в социальной структуре которого наряду с характерной для тунгусов отцовской родовой организацией уживались принципы матрилинейности, унаследованные от местных аборигенов. Можно допустить, что на первых порах, когда тунгусы вступили в непосредственный контакт с этими аборигенами, счет родства у контактных групп был двойкий, т. е. велся и по мужской и по женской линии.

Об этом свидетельствуют воспоминания о счете родства по материнской линии, живущие среди удэгейцев и орочей по сию пору. На вопрос о том, какое родство важнее — по отцовской или по материнской линии — самаргинский удэгеец Сергей Самандига, не колеблясь, отвечал: «По материнской линии». Самаргинская удэгейка Арина Кимонко квалифицировала обе линии родства как равноправные. Нам приходилось также слышать следующий перевод удэгейского термина *хамула*: «брат с сестрой, от одной матери».

Исходя из приведенных фактов, можно было бы думать, что смысловая основа 'ха' принадлежит аборигенам Приморья и что она первоначально означала кровное родство по материнской линии. Однако дело обстоит не так. Основа 'ха' входит составной частью в ряд терминов родства у народов алтайской семьи языков, в том числе у маньчжуров. У последних употребление слов с основой 'ха' диаметрально противоположно их употреблению в тунгусо-маньчжурских языках Приамурья — Приморья: основа 'ха' у маньчжуров означает мужское начало, а женское начало передается основой 'хэ'³³. Данное обстоятельство приводит нас к заключению: трансформация смыслового значения основы 'ха' в Приамурье — Приморье произошла вследствие того, что пришельцы-тунгусы здесь попали в среду, где реальные кровнородственные отношения противоречили их собственным, и тунгусы должны были либо отбросить термины с основой 'ха' как бесполезные, либо приспособить их к новым условиям общественной жизни. Развитие языка, как мы видим, пошло по второму пути. То же случилось и с патрилинейной системой родства

³² Л. Я. Штернберг, Указ. раб., стр. 36.

³³ См.: В. И. Цинциус, Вопросы этимологии терминов родства и свойства у тунгусо-маньчжурских народов, «Языки и фольклор народов крайнего Севера», «Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена», т. 269, Л., 1965, стр. 211, 223 и др.

тунгусов: наряду со счетом родства по мужской линии они стали вести счет родства и по женской линии. Другими словами, у них развилась билинейная система родства.

Реальное бытование билинейной системы у удэгейцев и орочей в прошлом подтверждается сохранением в их языках терминов, наличие которых может быть удовлетворительно объяснено лишь из условий материнской родовой общины. Таковы термины: *кэй* — «мужья родных сестер», *ауси* — «мужья старших сестер», *туакā* — «дети родных сестер» и т. д. В категорию *туакā* первоначально включались дети всех «сестер». Этим словом называли друг друга в нашу бытность на р. Копи (в 1968 г.) ороч Савелий Хутунка и удэгеец Федор Пудя. По сообщению последнего, матери обоих происходили из одного «*халā* Огдонко». Можно думать, что удэгейско-орочское *туакā*, равно как и нанайско-ульчское *тувэ*, означающее то же самое, восходят к нивхскому *тувн* — «брат, сестра»³⁴.

В прошлом браки между *туака* были, надо полагать, запрещены. Однако в дальнейшем это запрещение свелось к исключению браков между детьми родных сестер.

Заслуживает внимания терминологическое выделение удэгейцами и орочами младшего брата матери. Старшие братья и сестры отца и матери именуются удэгейцами одинаково: *одō* — «дедушка» и *мамā* — «бабушка». Для младших братьев родителей существуют различные термины: *госō* — для младшего брата матери и *дзалā* — для младшего брата отца³⁵.

Как известно, обычай авункулата, пережитки которого встречаются у многих народов, восходит к периоду перехода от материнского рода к отцовскому. У удэгейцев и орочей (равно как у нанайцев и у ульчей) особые отношения существовали между племянником и его младшим дядей по матери. Последний в условиях материнского рода дольше оставался в семье родителей и ввиду этого мог принимать участие в воспитании детей своей старшей сестры. Именно этим можно объяснить не только то, что существует специальный термин, обозначающий младшего брата матери, но и те особо теплые отношения, которые связывали его с племянником — сыном сестры.

Гусйн — младший дядя по матери, согласно традиционным представлениям нанайцев, «делает людям счастье». В прошлом на нем лежала ответственная обязанность быть воспитателем и оберегать сына сестры. Он должен был « всю жизнь заботиться о племяннике ». Зато и племянник глубоко чтит своего дядю-гусина. « У нас в старину, если кто говорил „гусин“, то всегда становился на колени » — эти слова принадлежат одному из героев нанайского писателя Григория Ходжера³⁶.

Как уже говорилось, отношения доха складывались, согласно фольклору, и путем присоединения одной фамилии к другой.

В предании о роде Акунка говорится: « Жили-жили Акунки, стало их еще больше, и начали они подчинять себе другие роды, малочисленные и бедные. Кого подчинят, всем помогают, ловят рыбу, добывают зверей для пропитания, дают имущество. Эти роды стали Акункам духа. Духа у них такие: Хутунка, Пудя, ульчи, Сиочонко. Словом „духа“ орочи называют те роды, которые подчинялись другим »³⁷.

Слово «подчинение» неточно передает смысл предания. Рассказчик уточняет свою мысль: « С тех пор разные ороческие роды объединились:

³⁴ М. А. Каплан, Основные жанры нанайского (гольдского) фольклора «нингман» — сказки, «тэлунгу» — предания, Рукопись, Архив Ин-та этнографии АН СССР, № 58а, л. 14. См. также: Е. А. Крейнович, Гилякско-тунгусо-маньчжурские параллели, «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», 1955, VII, стр. 156.

³⁵ В настоящее время у хорских удэгейцев имеются также дополнительные термины китайского происхождения: *сусū* — для младшего брата отца и *гугū* — для младшей сестры отца.

³⁶ Гр. Ходжер, Амур — река родственников, Хабаровск, 1965, стр. 5.

³⁷ «Ороческие сказки и мифы», стр. 174, 175.

Акунка, Хутунка, Сиочонко с самого начала жили сообща. Все они духа Акунков. А вот Намунки, Тыктэмулки, Мулинки, Улэнки, Кадя, ульчи, нанайцы — те тоже сообща живут, они духа Намунков»³⁸.

Если верить преданиям, в отношении доха вступали соседи, но в них следует прежде всего видеть кровных родственников, которые первоначально жили все вместе, неподалеку друг от друга. Иначе невозможно объяснить, почему в отношениях доха состоят группы, расположенные далеко друг от друга. Логически развивая версию о «соседях», мы приходим к выводу, что все группы населения, осваивающие тот или иной район, должны оказаться вовлеченными в отношения доха благодаря постоянному перемешиванию и перемещению отдельных групп и семей. Если бы все соседи становились доха, появилась бы сложная проблема по части выбора жен и мужей, а об этом в удэгейских и ороческих преданиях не говорится ни слова. Иными словами, объединение соседей в союзы доха противоречило бы здравому смыслу и оно могло иметь место лишь в исключительных случаях.

Обычно имело место добровольное присоединение отдельных лиц и семей, лишившихся кровных родственников, к группам неродственного происхождения. Целью такого присоединения было облегчение условий существования и защита от нападения. В предании о роде Еминка рассказывается, что однажды по Тумнину вниз плыла лодка, в которой сидел пожилой ороч. Когда его окликнули и спросили, кто он такой, он назвал свой «род» и добавил: «Нет никакого рода, если есть всего один человек». Он «вошел» в «род» Еминка и стал называться Большой Еминка³⁹.

Наиболее же часто, как нам кажется, удлинение цепочки доха происходило за счет разделения больших локальных групп на более мелкие. Так, в предании о роде Бисянка говорится, что часть его членов жила в местности Асинкан, а часть — в местности Ненгненку. «Живущие в Ненгненку люди стали Ненгненкунками, а живущие в Асинкане — Асинканками... а род остался один — все они Бисанки»⁴⁰. Аналогичным образом отпочковались от удэгейской фамилии Кя группы Геонка, Канчуга, Куинка, Суанка. Как сообщил нам бикинский удэгеец Исула Сигде, все они раньше считались *джамулā* (т. е. доха) и не вступали во взаимные браки.

Как отмечалось выше, процесс разделения старых больших локальных групп на новые более молодые и мелкие продолжался у удэгейцев и орочей еще в сравнительно недавнее время. Он закончился в 1930-е годы, когда большинство удэгейцев и орочей вступило в колхозы и с их прежним полукочевым образом жизни, способствовавшим этому процессу, было покончено.

Суммируя все сказанное, можно сделать следующие выводы. Удэгейцы и орочи представляют собой народы, в социальном строе которых обнаруживаются черты как отцовской, так и материнской родовой организации. Скорее всего, это следы сравнительно недавнего контакта тунгусов с аборигенами Приамурья — Приморья, в которых с большой долей уверенности можно видеть айнов и нивхов. Образование отношений доха происходило, с одной стороны, на основе возникшего здесь билинейного счета родства, а с другой, в более поздний период, — на основе дробления прежних кровных родов и локальных групп. В конечном счете большинство перечисленных нами особенностей социального строя удэгейцев и орочей связано со сложностью их этногенеза. Аналогичным образом, как мы думаем, обстояло дело и у других тунгусо-маньчжурских народов Приамурья — Приморья.

³⁸ Там же.

³⁹ «Ороческие сказки и мифы», стр. 176.

⁴⁰ Там же, стр. 179.

И. И. Шангина

ИЗОБРАЖЕНИЕ КОНЯ И ПТИЦЫ В РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВЫШИВКЕ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Русская крестьянская вышивка XIX — начала XX в. — сложный комплекс разновременных напластований. В ее художественных образах нашли отражение представления, господствовавшие на разных этапах исторического прошлого.

Изучением русской вышивки, особенно сюжетной, т. е. с изображением человеческих фигур, животных, птиц, деревьев и т. д., занимались многие ученые. Наибольшее внимание исследователей привлекали две композиционные группы: всадники на конях около человеческой фигуры и птицы у дерева.

Анализируя эти сюжеты по археологическим, историческим и фольклорным материалам, ученые выяснили, что в их основе лежат очень древние мифологические представления¹.

В данной статье разбирается вопрос о взаимосвязи мотивов с конем и птицей, которые входят в состав этих двух композиционных групп. Прежде всего следует отметить, что вышеназванные композиционные группы тесно связаны друг с другом, переплетаются и часто переходят одна в другую. Нередко встречаются вышивки, на которых птицы располагаются около человеческой фигуры, а кони со всадниками около дерева; часто можно видеть вышивки, на которых птицы повернуты к центральной фигуре клювами, а за каждой из них в той же композиции располагаются кони с всадниками.

Иногда изображение в узоре располагается как бы двумя ярусами: наверху около человеческой фигуры всадники, внизу около дерева птицы.

Кроме того, изображение птицы почти неизменно сопутствует изображению коня. Чаще всего птичка помещается перед конем, у его ног, иногда же над конем, на голове коня, на крупе, на хвосте. Подчас само изображение коня включает квадрат с одной или двумя птицами, вышитыми около дерева. Очень часто птиц можно видеть в руках сидящего на коне всадника.

Однако в композициях вышивок происходит не только простая замена фигур или сочетаний разных мотивов в одной композиционной группе, но и смешение самих образов. Причем это смешение настолько сильное, что иногда бывает трудно определить, конь перед нами или птица. И поэтому прежде всего встает вопрос, по каким признакам можно отличить одну фигуру от другой.

Во-первых, на голове птицы всегда есть более или менее пышное украшение. У коней же всегда изображались уши и грива. Правда, в вышивке б. Сольвычегодского уезда Вологодской губернии встречаются

¹ В. В. Стасов, Русский народный орнамент. Ткани. Шитье. Кружево, вып. 1, СПб., 1872; В. А. Городцов, Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве, «Труды Государственного Исторического музея», вып. 1, Разряд археологический, 1926; Л. Динцес, Дохристианские храмы Руси в свете памятников народного искусства, «Сов. этнография», 1947, № 2; Г. С. Маслова, Народный орнамент верхневолжских карел, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XI, М., 1951; Б. А. Рыбаков, Древние элементы в русском народном творчестве, «Сов. этнография», 1948, № 1; А. К. Амброз, О символике русской крестьянской вышивки архаического типа, «Сов. археология», 1966, № 1.

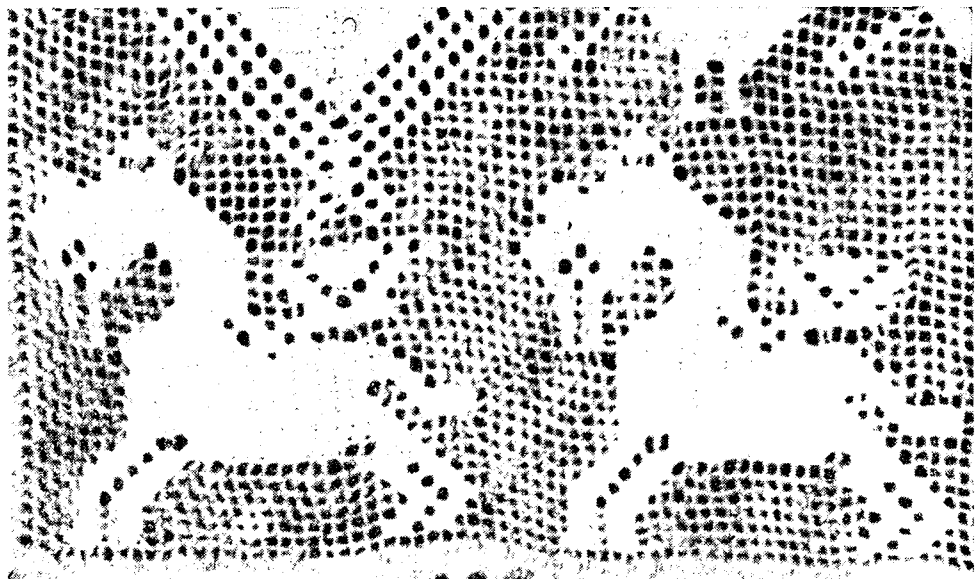

Рис. 1. Кони с крыльями и птичьим клювом. Фрагмент вышивки на полотнце. Бывшая Псковская губ., XIX в. (Собрание ГМЭ народов СССР, № 66—166).

изображения животных, на первый взгляд похожие на коней, но только без гривы. Однако нам представляется, что это изображение лося, а не коня. Это подтверждается самим характером вышивки, на которой мы видим горбоносых животных с массивной верхней губой.

Во-вторых, изображение хвоста у птицы стилизованное, растительно-геометрического характера, а у коней приближается к реалистическому.

В-третьих, птицы всегда изображаются с прямыми ногами, а кони — с согнутыми под прямым углом.

Распознать на вышивке коня и птицу трудно также из-за того, что грудь одного из видов птиц изображается в русской вышивке точно так же, как грудь коня — в виде трапеции. Подобное изображение птиц распространено как раз в тех районах, где наиболее часто встречается сходное изображение коня, т. е. в Архангельской, Новгородской, Псковской, Калининской областях и в Карельской АССР и др.

Но помимо того, в русской вышивке довольно часто конь принимает черты птицы, а птица некоторые черты коня. Вместо головы птицы вышивается голова коня, но с украшением, характерным для птиц².

Птицы изображаются с гривой³ или конским хвостом⁴, иногда с четырьмя ногами⁵, а кони с хвостом, характерным для птиц⁶, и двумя ногами, но согнутыми под прямым углом, т. е. как принято изображать их у коней⁷ (рис. 3).

Интересен и тот факт, что в вышивке встречаются крылатые кони. На одном из псковских подзоров изображены кони с большими птичьими крыльями⁸ (рис. 1). У многих коней на спине — своеобразный «отросток»⁹ (рис. 2). Можно предположить, что это рудимент крыла.

² ГМЭ, коллекция 3312—4.

³ ГМЭ, коллекция 3641—185, 450—9, 5032Т, 5058Т.

⁴ ГМЭ, коллекция 1742—143.

⁵ ГМЭ, коллекция 1742—153.

⁶ ГМЭ, коллекция 314—37, 358—5, 1868—44, 4918Т.

⁷ ГМЭ, коллекция 4916Т.

⁸ ГМЭ, коллекция 66—166.

⁹ ГМЭ, коллекция 324—38, 668—172, 975—7.

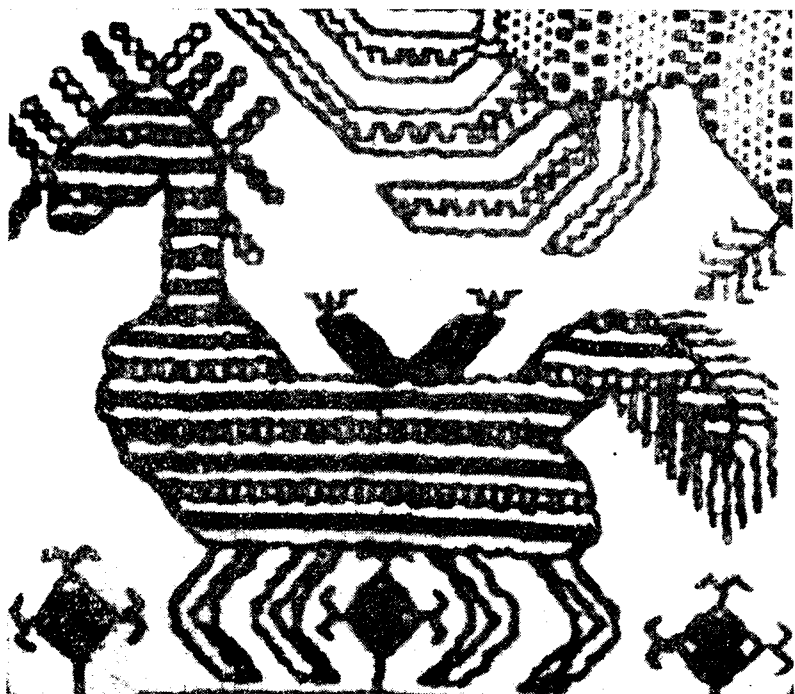

Рис. 2. Крылатый конь. Фрагмент вышивки на полотенце. Бывшая Новгородская губ., XIX в. (Собрание ГМЭ народов СССР, № 324—38)

По всей вероятности, такого типа «отросток» появился в процессе изменения и упрощения изображения птичьего крыла. Кроме того, такой же «отросток»-крыло можно видеть у птицы на одной из вышивок, опубликованной в работе Г. С. Масловой «Народный орнамент верхневолжских карел»¹⁰.

В русской вышивке также довольно часто встречается изображение птицы с всадником на спине, т. е. птица здесь выступает в роли коня¹¹.

Таким образом, в русской крестьянской вышивке происходит контаминация (взаимозаменяемость) образов коня и птицы. Это явление характерно не только для вышивки, но и имеет место в других видах народного искусства, а также в фольклоре.

Русская деревянная утварь также часто украшалась изображением коня и птицы, которые нередко смешивались. Скобкари для пива, ковши, солонки обычно делались в форме птицы. Тулово сосуда — туловище птицы, ручки — одна в виде головы птицы, по всей вероятности утки, другая — в виде расширяющейся, изогнутой к концу пластины, напоминающей утиный хвост¹². Иногда эту ручку делали в виде хвостовых перьев птицы¹³. Но нередко, особенно в скобкарях, ручки сделаны в форме конских голов. Встречаются также скобкари, в которых одна ручка имеет форму конской головы, а вторая — в форме птичьего хвоста¹⁴, или одна рукоятка — голова птицы, другая — голова коня¹⁵.

Солонки иногда делали в виде птицы, а ручку — в виде головы коня, ручкой на крышке служит фигурка конька¹⁶. Интересна солонка, тулово

¹⁰ Г. С. Маслова, Указ. раб., стр. 119, табл. III, рис. 1.

¹¹ ГМЭ, коллекция 6683—350.

¹² ГМЭ, коллекция 172—21.

¹³ ГМЭ, коллекция 1198—7, 1721—10, 1742—248, 1742—249.

¹⁴ ГМЭ, коллекция 2073—28, 29, 36, 176, 2827—1.

¹⁵ С. К. Просвирина, Русская деревянная посуда, М., 1957.

¹⁶ ГМЭ, коллекция 829—6.

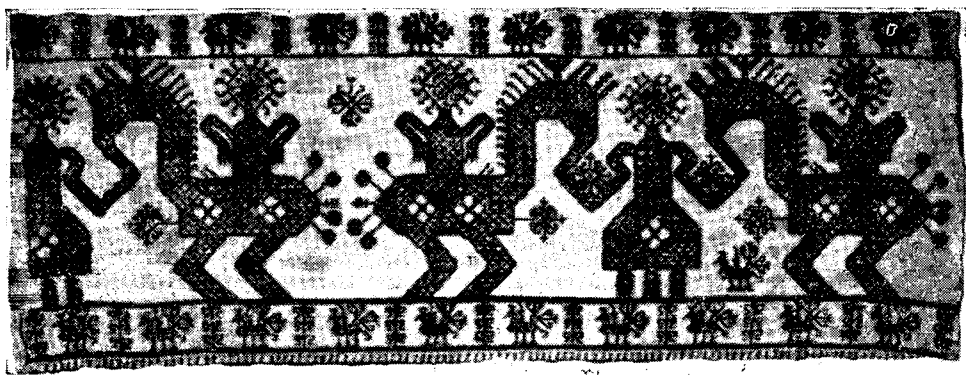

Рис. 3. Конь с птичьими ногами и хвостом. Фрагмент вышивки на полотенце. Бывшая Олонекская губ., XIX в. (Собрание ГМЭ народов СССР, № 4916Т).

которой в форме птицы, а одна из рукояток образована двумя стилизованными конскими головами с птичьей головой между ними¹⁷.

Коньки на крышах домов всегда делали или в виде коня или в виде птицы. Иногда образ настолько смешивается, что трудно определить, что изображено — птица или конь¹⁸.

Мотив всадника на птице встречается также в старинных резных изделиях пермяков, имеющих много общего в материальной и духовной культуре с русскими. Пермяки около домов на высоких шестах укрепляли изображения птиц. На некоторых птицах можно видеть изображение всадника¹⁹.

Контаминация образов птицы и коня наблюдается и в фольклоре, а именно в русской волшебной сказке.

Конь и птица в волшебной сказке исполняют роль помощников человека. Из сказки «Мария Моревна» мы узнаем о том, что Кашей убил Ивана Царевича, «изрубил его в мелкие куски и поклат в смоляную бочку, взял эту бочку, скрепил железными обручами и бросил в синее море». Зятья Ивана Царевича Орел, Сокол, Ворон спасли его. Орел вытащил бочку на берег, и с помощью мертвой и живой воды герой был оживлен²⁰. В сказке «Баба-Яга и Заморышек» конь играет роль спасителя. Он дает Заморышку хороший совет, воспользовавшись которыми, герой и его сорок братьев спасаются от неминуемой гибели²¹.

Птица и конь служат для переезда в «иное царство, в тридевятое государство». В сказке «Три царства — медное, серебряное и золотое» герой отправился верхом на коне в золотое царство за похищенной матерью²². А в сказке «О молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде» рассказывается, как молодец-удалец улетел вместе со своей невестой из подземного царства на «птице-колпалице»²³. Из сказки «Золотая гора» мы узнаем о том, как купец предложил работнику влезть на золотую гору. Тот отказался это сделать. Тогда купец убил лошадь, выпотрошил ее, положил спящего работника в лошадиную шкуру и зашил. Вдруг прилетели «вороны черные, носы железные, ухватили падаль, понесли на гору»²⁴.

¹⁷ ГМЭ, коллекция 2727—36.

¹⁸ А. Сыропятов, Отражение чудовищного стиля в архитектуре крестьянских построек Пермского края, Пермь, 1924, стр. 9.

¹⁹ Там же, стр. 18.

²⁰ А. Н. Афанасьев, Русские народные сказки, т. I, М., 1957, стр. 379.

²¹ Там же, стр. 167.

²² Там же, стр. 239.

²³ Там же, стр. 432.

²⁴ Там же, т. II, стр. 274.

В сказках очень часты превращения коня в птицу. Так, когда герой сказки «Волшебный конь» подъехал к высокой стене, ограждающей мраморный дворец, его конь превратился в сизокрылого орла²⁵.

Вообще в волшебной сказке герой очень часто переправляется с места на место с помощью птицы (сравните с изображением человека на птице в вышивке и резьбе)²⁶. В свою очередь конь может летать по воздуху, как птица «поднимается он выше дерева, стоячего, ниже облака ходячего и летит по поднебесью»²⁷.

Иногда сказочные кони крылаты. В сказке «Иван Царевич и Елена Прекрасная» у Кощея Бессмертного есть двукрылый конь, а Иван Царевич получил в дар от Бабы-Яги шестикрылого коня²⁸. Хорошего коня обычно сравнивают с птицей: «конь-летун»²⁹, «богатырский конь быстрее птицы пустился»³⁰.

Таким образом, взаимозаменяемость, смешение образов птицы и коня наблюдается не только в вышивке и в резной деревянной утвари, но также в русской волшебной сказке. Все это ясно говорит нам о том, что в русской вышивке смешение образов коня и птицы — явление не случайное. По всей вероятности, в основе его лежат изменения в тех мифологических представлениях, графическим воплощением которых являются образы русской крестьянской вышивки XIX — начала XX в.

²⁵ А. Н. Афанасьев, Указ. раб., т. II, стр. 274.

²⁶ Там же, т. I, стр. 230, т. II, стр. 27.

²⁷ Там же, т. II, стр. 456.

²⁸ Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Пермской губ., Пг, 1914.

²⁹ А. Н. Афанасьев, Указ. раб., т. II, стр. 274.

³⁰ Там же, стр. 118.

В. И. Драгун

**ДЕРЕВЯННЫЕ ЖИЛИЩА КРЕСТЬЯН ЗАКАРПАТЬЯ
КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XX ВЕКА**

(ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАКАРПАТСКОГО МУЗЕЯ
НАРОДНОЙ АРХИТЕКТУРЫ И БЫТА)

Закарпатский музей народной архитектуры и быта в Ужгороде был открыт в 1970 г. в честь 25-летия воссоединения Закарпатской Украины с Советской Украиной. Музей под открытым небом занимает территорию в 4 га и как бы воссоздает закарпатское село в прошлом. Устроители выставки решили показать подлинные жилые, хозяйственные, производственные сооружения, характерные образцы прикладного художественного творчества, т. е. все то, что наиболее ярко характеризует быт и культуру населения Закарпатья конца XVIII — начала XX в.

Работа по отбору, реставрации, перевозке и установке экспонатов была начата научными работниками Ужгородского университета и краеведческого музея, знатоками народного творчества еще в 1965 г. За пять лет напряженной работы их собрано более 4 тысяч. Ведется дальнейший сбор этнографических материалов, выявление памятников народного зодчества для перевозки в музей. В частности, сюда будут перевезены деревянная церковь и корчма.

Сейчас здесь экспонируются 11 крестьянских деревянных жилищ, гуцульская усадьба — «гражда», водяная мельница и кузница.

Жилище XVIII в. представлено домом из с. Ореховица Ужгородского района. Сруб площадью 5×11 м из тесаных бревен установлен на каменном цоколе, слегка углубленном в землю. Потолок настелен на одной продольной и пяти поперечных балках. Крыша довольно высокая, четырехскатная, покрытая снопами соломы, которые привязаны к рейкам комлем вниз. Дом состоит из комнаты, сеней и холодного чулана, пристроенного позже. Через дверь, расположенную в продольной стене, попадаешь в сени, а из них в жилую комнату и чулан. Все двери одностворчатые, невысокие, сколоченные из нескольких досок. На входной двери деревянный замок.

В комнате четыре окна размером 40×50 см. Два из них прорублены в поперечной стене, выходящей на улицу, а два — в продольной со стороны двора. Пол глинобитный. Перед праздниками его освежали, смазывая раствором глины. В жилой комнате почетное место в левом углу у входа занимает печь размером $2 \times 1,5 \times 1$ м. Устье печи повернуто в сторону поперечной, фронтовой стены. Дымоход, сплетенный из прутьев и обмазанный глиной, выведен в сени (рис. 1).

По диагонали от печи в углу стоит стол, а вдоль стен — две лавки. На одну из них складывали одежду. Подвешенное к глухой стене своеобразное приспособление «гряда» служит местом хранения одежды, рушников, ковриков и т. д. Под грядой — кровать из досок. Направо от входа, на стене — деревянный шкафчик для посуды — «мисник».

Сенями и холодным чуланом в этом доме пользовались как подсобными хозяйственными помещениями до конца XIX в. Такие дома освещались лучиной.

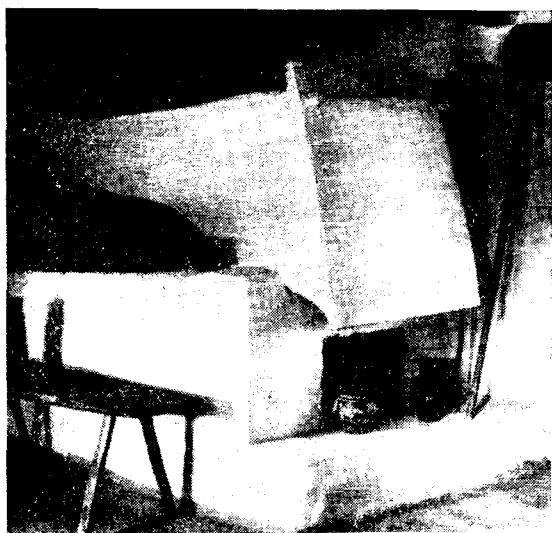

Рис. 1. Печь в доме из с. Ореховец Ужгородского р-на

В музее экспонируется также трехкамерное жилище (комната + сени + чулан) — наиболее распространенный тип постройки XIX — начала XX в. Чулан обычно был подсобным помещением, но в некоторых случаях жилым, тогда печь переносилась в сени, которые к началу XX в. превращаются в кухню. Подобное изменение происходило прежде всего в домах более зажиточного крестьянства. В качестве примера можно указать на крестьянские дома из сел Ракошино Мукачевского и Бедевля Тячевского районов. Экспонируемый в музее дом из Ракошино, построенный в 1869 г., покрыт двускатной крышей

из дранки. Цоколь дома — из камня, высотой 0,5—0,6 м. Вдоль поперечной и продольной стен со стороны двора — полуоткрытая галерея, опирающаяся на резные деревянные столбики. В сенях — четырехугольная каменная печь, служащая для приготовления пищи и обогрева помещения. Дымоход от печи выведен на чердак. Стены ракошинского дома оштукатурены внутри и снаружи, пол глинобитный. Конструкция дверей и необычно больших для крестьянских домов окон свидетельствует о проникновении в села равнинных районов Закарпатья некоторых элементов городской культуры. Об этом же свидетельствует и появление нетрадиционной по форме мебели.

На деревянных кроватях, застланных вышитыми покрывалами, лежат подушки. Над кроватью вдоль глухой стены — гряда для рушников. Между кроватями ларь-диван для сидения и хранения одежды. В правом углу у входа — комод. Стол и стулья находятся в центре комнаты. Кроме деревянной кровати, вдоль стен две скамейки, а в углу стол. Слева от входа, в углу, — шкафчик для посуды. Небольшая комната, где обычно живет семья, расположена слева от сеней.

Почти аналогично вышеописанному по архитектуре и строительной технике деревянное крестьянское жилище из с. Бедевля Тячевского района, построенное в 1888 г. в долине р. Тересвы. В парадной нежилой комнате-светлице имеется очень нарядная гряда, где размещаются вышивки, ковры, праздничная одежда. Вдоль глухой стены, как прежде, в один ряд стоят деревянные кровати, застланные вышитыми покрывалами, шерстяными коврами. Ларь-диван — «лада» и скамья накрыты ковриками. В малой комнате живет семья. Отапливается помещение большой каменной печью с плитой, установленной на высоком цоколе в сенях. Устье печи повернуто к входной двери, дымоход установлен вертикально. В сенях зимой выполняются разные работы. В отличие от ракошинского дома, бедевлянский снаружи не оштукатурен. Зазоры между плоскими плахами замазаны цветной глиной. Дом огражден плетнем.

Крестьянское жилище бойков Закарпатья начала XIX в. в музее представлено курным домом, перевезенным из с. Рекиты Межгорского района (рис. 2). Деревянный, на низком цоколе, сруб довольно массивен. Крыша четырехскатная, крыта соломой «под колос». Жилище имеет своеобразную внутреннюю планировку. Сени сообщаются с холодным чу-

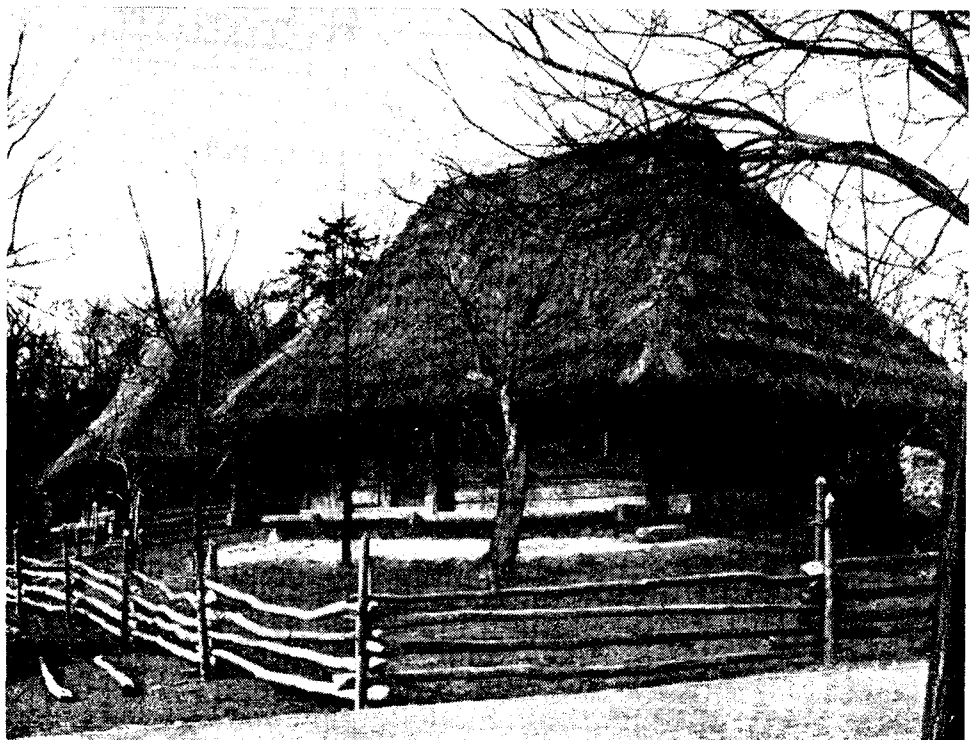

Рис. 2. Жилища закарпатских бойков. На первом плане — дом из с. Рекиты Межгорского р-на, на втором — дом из с. Гукливое Воловецкого р-на

ланом, в который можно попасть также и из галереи. Окна размером 35×40 см прорублены в двух смежных стенах сруба. Пол глинобитный. Стены дома не оштукатурены, щели между бревнами заложены мхом.

Четверть жилой комнаты занимает глинобитная печь длиной 1,5 м, шириной 1,5 м и высотой 1 м, которая топилась «по-черному». Дым вытягивался либо через дверь в сени, либо на чердак через специальное отверстие, прорубленное в потолке. У глухой стены устроены нары из досок, на которых спала семья, иногда 8—10 человек. Вдоль других стен под окнами поставлены большие деревянные лавки. На этих лавках ночью тоже спали, а днем выполняли разные работы. В углу — большой резной стол, имеющий форму ларя, за которым ели и внутри которого хранили продукты. Вся чистая одежда, изделия из шерсти, льна и конопли хранились в чулане. Здесь же — запасы продуктов, посуда, инструменты. В сенях — большая ступа для дробления зерна, бочки, упряжь. Напротив входной двери в задней стене — еще одна дверь, выходящая на хозяйственный двор.

Наиболее характерным типом усадьбы в горных районах, в частности у гуцулов Закарпатья, была «гражда». В усадьбе этого типа хозяйственные постройки группировались вокруг жилого дома, напоминая в плане квадрат — «венок»¹. Постройки соединялись между собой плотным бревенчатым забором.

Этот тип застройки представлен в музее гуцульской «граждой», широко распространенной в селах Раховского района Закарпатской области. Такие усадьбы характерны и для крестьянского строительства Ива-

¹ Л. А. Молчанова, Материальная культура белорусов, Минск, 1968, стр. 74, 75.

Рис. 3. Хозяйственный инвентарь из гуцульской «гражды»

Рис. 4. Изголовье и одеяло гуцульской «гражды»

но-Франковской, Черновицкой, Черниговской областей Украины, а также для большинства областей Белоруссии.

В замкнутом дворе на стороне, противоположной дому, и параллельно ему расположены срубные хлева, стены которых образуют одну сторону двора. Вокруг дома пристроены помещения для овец — «притулы», вдоль поперечной стены двора — навесы, где держат телегу, сани, хозяйственный инвентарь и т. п. (рис. 3).

Жилище в усадьбе имеет трехраздельную внутреннюю планировку. Сени соединяют два жилых помещения, каждое из которых имеет отдельную печь, дым из них выходит через горизонтальные дымоходы в сени, где отсутствует потолок. Кроме того, имеется галерея. Дом построен из тесаных брусев, крыша четырехскатная, крытая, как и крыша всех других построек усадьбы, дранкой. Дом не обмазан, щели в стенах заложены мхом. Пол деревянный. Печь на высоком деревянном цоколе установлена в правом углу у входа и устьем повернута в сторону боковых окон. Площадь печи $2 \times 1,5 \times 1,5$ м. Кроме печи, в комнатах деревянные кровати, вдоль стен лавки, а в центре — стол с табуретками. В одной из комнат установлен ткацкий станок. На грядах развешаны ковры, одежда, вышитые ткани (рис. 4). Описываемая усадьба принадлежала крестьянину-середняку, который в основном занимался скотоводством, в частности овцеводством.

В музее представлена также усадьба с однорядной застройкой, бытовавшая в начале XIX в. у лемков — народности северо-западной части Закарпатья. Появление усадеб такого типа было вызвано тем, что в середине XVIII в. власти отводили под крестьянские постройки мало земли². Подобная усадьба перевезена из с. Гусный Великоберезнянского района. Жилье состоит из сеней, комнаты и чулана. С фасадной стороны — открытая галерея, из которой можно попасть в сени и чулан. Между комнатой, сенями и чуланом — глухая стена. Под одной крышей с жильем — овин (стодола) и хлев. Четырехскатная крыша стропильной конструкции крыта соломой. Дом стоит на низком каменном цоколе. Стены довольно высокие, не оштукатурены, с тремя небольшими окнами. Печь на деревянном основании, без плиты, с дымоходом, выходящим в сени. Вокруг усадьбы — плетень. Усадьба принадлежала крестьянину среднего достатка.

Экспонируется и двухраздельный дом из с. Стеблівка Хустского района. Дом поставлен на каменный фундамент, имеет высокую крышу, покрытую дранкой. Со стороны улицы и двора к дому примыкает полуоткрытая галерея. Стены снаружи и изнутри обмазаны глиной и побелены известью. В помещении и галерее — глинобитный пол. Выходы из комнаты и чулана ведут на галерею. Чулан утеплен и может служить для жилья. Тенденция превращения чулана в жилое помещение, как уже указывалось выше, характерна для Закарпатья конца XIX в. Такая ее эволюция в крестьянском жилище наблюдалась у многих народов³.

В обоих помещениях стеблівского дома имеются печи с плитами и вертикальными дымоходами, выходившими на чердак. Устья печей повернуты в сторону входных дверей. Население района, откуда перевезен этот дом, занималось в основном плетением из лозы.

Очень сходны по конструктивным особенностям дома из с. Довге Иршавского и с. Тибава Свалявского районов (рис. 5). Жилища эти, их интерьеры характеризуют быт беднейшего крестьянства Закарпатья конца XVIII — начала XX в.

Социальная дифференциация крестьянства Закарпатья в прошлом отразилась в размерах строений, составляющих усадьбу, в интерьере ком-

² Н. Н. Грацианская, Жилище и хозяйственные постройки словацкого крестьянства в XIX — начале XX в., «Славянский этнографический сборник», т. XII, М., 1960, стр. 207.

³ Н. Н. Грацианская, Указ. раб., стр. 257.

Рис. 5. Дом из с. Тибава Свалявского р-на

нат и качестве строительных материалов. Жилища зажиточных крестьян состоят из двух хорошо обставленных мебелью комнат, кухни, галереи. Длина таких домов 12—14 м, ширина 6—7 м. Дома бедняков не превышают в длину 6—8 м, а в ширину 3—4 м. В них небольшая жилая комната с печью, дым из которой выходит на чердак. Продукты, одежду, сельскохозяйственные орудия хранили в небольших сенях или чулане. На грядах в домах из Тибавы и Довгого помещены полотенца, рушники, головные платки, скатерти, коврики. На стенах — разнообразная керамика.

В музее также экспонируется деревянный дом румынского крестьянина из Раховского района (юго-восточная часть области). Жилище, построенное в начале XX в., имеет высокий каменный цоколь, стены сооружены из плоских гладкотесаных дубовых плах. Крыша — четырехскатная, крытая буковой дранкой — «шинглами». К фасаду дома примыкает полузакрытая галерея с вертикальными дубовыми резными столбиками. В жилище — две комнаты и сени. Стены изнутри обмазаны глиной и побелены, пол в комнатах деревянный, а в сенях глинобитный. В просторной горнице — три больших окна. Вдоль глухой стены две кровати, а над ними гряды. Вдоль других стен — скамейки со спинками, а в центре стол со стульями. В этой комнате принимали гостей. Семья обычно жила в другой комнате и сенях, где стоит печь с плитой. В жилых комнатах выставлено много вещей, изготовленных из овечьей шерсти, что отражает традиционные занятия румын. Традиционна в усадьбе и деревянная ограда с резными воротами и калиткою.

В музее показано и жилище венгерского крестьянина из с. Вышково Хустского района, построенное в 1879 г. Дом длиной 14 м и шириной 7 м имеет четырехскатную, стропильной конструкции крышу, крытую

Рис. 6. Водяная мельница из с. Колончавы Межгорского р-на

шинглами. В доме большая и малая комнаты, сени. В сенях, которые раньше называли «питвор», устроена печь, дым из которой выходил в подвешенный над ней дымоход, сплетенный из прутьев и обмазанный глиной. Комната отапливается камином, встроенным в нишу, смежную с сенями каменной стены. Под деревянным полом малой комнаты — каменный подвал площадью $2 \times 1,5$ м. Из галереи двери ведут в каждое из трех помещений. В конструкции этого дома отразились некоторые усовершенствования строительной техники деревянных жилищ в Закарпатье, на севере Венгрии и в Трансильвании⁴. В стенах венгерского дома промежутки между стояками заполнены горизонтальными обтесанными четырехгранными брусками, заостренные концы которых входят в пазы столбов. Такая техника применялась в позднем средневековье при постройке деревянного дома у секлеров и палоцей в северных и северо-восточных районах Венгрии⁵.

На материальную культуру венгров оказали значительное влияние украинцы Закарпатья. Это влияние прослеживается в форме и покрытии крыш, а также во внутренней планировке.

В центре территории музея — водяная мельница, перевезенная из с. Колончавы Межгорского района (рис. 6). В сельской кузнице музея — инвентарь дляковки и ремонта сельскохозяйственных орудий. Перед кузницей — открытый навес на столбах — место дляковки лошадей и быков.

Предметы современного сельского быта и произведения народного искусства представлены также в залах административного корпуса музея.

Экспозиция является ценным источником для изучения истории, культуры и быта населения области, она рассказывает о художественной одаренности, жизнелюбии и стремлении народа к прекрасному. Собранные экспонаты иллюстрируют эволюцию быта крестьянства Закарпатья.

⁴ И. Н. Гроздова, Сельское жилище венгров, сб. «Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы», М., 1968, стр. 68.

⁵ Там же, стр. 64.

Э. В. Шавкунов

**О СЕМАНТИКЕ ТАМГООБРАЗНЫХ ЗНАКОВ
И НЕКОТОРЫХ ВИДОВ ОРНАМЕНТА НА КЕРАМИКЕ
С ШАЙГИНСКОГО ГОРОДИЩА**

В результате археологических исследований на Шайгинском городище, одном из крупных торгово-ремесленных центров второй половины XII в. в восточной части чжурчжэньской империи, было собрано большое количество материала, разносторонне характеризующего быт, культуру, хозяйство коренного населения Приморского края в эпоху раннего средневековья. Особый интерес представляет керамический материал, изучение которого порой дает весьма неожиданные результаты.

Так, рассматривая имеющиеся на чжурчжэньских сосудах знаки, мы пришли к выводу, что последние далеко не всегда являются тамгами и что в зависимости от целого ряда чисто внешних характеристик, в том числе и от места их расположения, они несут различную семантическую нагрузку.

По технике исполнения все тамгообразные знаки на керамических сосудах можно подразделить на две категории. К первой относятся знаки, оттиснутые на сосуде до обжига по сырой глине с помощью специальных штампов, а ко второй — выполненные техникой граффити, причем в последнем случае знаки наносились как до обжига, так и после обжига сосудов. Можно также систематизировать по трем группам все известные нам тамгообразные знаки по месту их расположения на сосудах.

К первой мы отнесли все знаки, которые нанесены на доньшки сосудов, ко второй те, которые нанесены на плечики вблизи горловины, а также на наиболее широкой части сосудов, т. е. в месте соединения стенок сосуда с плечиками. И наконец, к третьей группе мы отнесли знаки, которые нанесены на нижней или верхней части стенок сосудов.

Знаки первых двух групп отличаются исключительным однообразием, и почти все они нанесены до обжига сосудов по сырой глине. Анализ этих знаков показывает, что они имеют совершенно отличное от тамг происхождение и несут иную семантическую нагрузку.

Знаки третьей группы встречаются наиболее часто и характеризуются большим разнообразием рисунков. Знаки эти выполнены техникой граффити, причем в основном после обжига сосудов. Последнее обстоятельство позволяет отнести знаки третьей группы к тамгам, т. е. к личным клеймам хозяев этих сосудов, возможно, ремесленников-гончаров.

Рассмотрим знаки первой группы. Уже тот факт, что все они помещены на доньшках сосудов, говорит об их отличном от тамг назначении. Как известно, любая тамга удостоверяла принадлежность той или иной вещи конкретному лицу. В связи с этим ее, естественно, стремились поместить на самом видном месте, чего никак нельзя сказать о знаках первой группы. Следовательно, и назначение этих знаков должно быть совершенно иным. В пользу такого предположения свидетельствует характер знаков. Так, все известные к настоящему времени знаки на доньшках сосудов с Шайгинского городища представляют собой, за исключением двух (об одном из которых речь будет идти ниже), изображение

простого или усложненного креста. Изображение простого креста в виде двух взаимопересекающихся диаметров доньшка встречены на корчажке из жилища № 18 и, судя по сохранившимся фрагментам, на каком-то огромном сосуде из мастерской № 6. Изображение усложненного креста в виде двух взаимопересекающихся простых крестов (восьмилучевой крест) имеется на доньшке сосуда, обнаруженного на хозяйственном дворе жилища № 9. Еще один небольшой восьмилучевой крест, вокруг которого был прочерчен круг, имеется на доньшке сосуда из жилища № 21.

Изображения крестовидных знаков на доньшках сосудов распространены в древнем мире довольно широко. Они встречаются на керамике из Чардары¹, салтово-маяцкой и балкано-дунайской культур², на русской керамике XVI—XVII вв.³, а также на современной среднеазиатской керамике, на которой, по мнению Е. М. Пещеревой, эти знаки сделаны в качестве своеобразных оберегов от «глаза»⁴.

В. П. Даркевич на основании богатейшего археологического и этнографического материала показал, что аналогичную роль оберегов, начиная с эпохи бронзы, играли различные солярные знаки, в основе которых лежало изображение креста, являвшегося идеограммой огня и солнечного света⁵. Вместе с тем исследователи подчеркивают, что солярные знаки имеют прямое отношение к определенным религиозно-магическим представлениям древних, в основе которых лежала широко распространенная вера не только в охранную, но и в очистительную силу этих знаков⁶.

Из работы В. П. Даркевича видно, что существовало несколько видов солярных знаков, один из которых в виде заключенного в круг креста являлся наиболее распространенной идеограммой солнца, воплощающей в себе идею неразрывной связи небесного, т. е. солнечного (круг), и земного (крест) огня⁷. Именно такую идеограмму солнца мы находим и на чжурчженской керамике, где в роли солнечного круга выступает само дно сосуда с заключенным внутри него простым или усложненным (восьмилучевым) крестом. В тех же случаях, когда крест был значи-

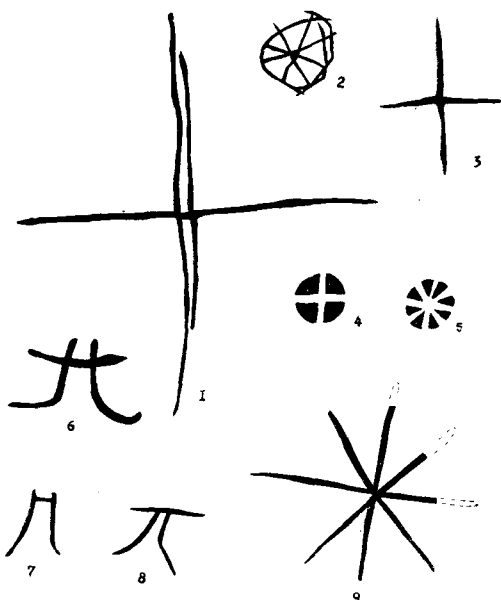

Рис. 1. Знаки на сосудах, найденных на Шайгинском городище: 1, 2, 3, 9 — простые и усложненные (восьмилучевые) кресты; 4, 5 — круглые штампы с простым крестом и восьмилучевой розеткой; 6, 7, 8 — различные знаки

¹ «Древности Чардары», Алма-Ата, 1968, стр. 200, табл. X, рис. 4.

² С. А. Плетнева, От кочевий к городам, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 142, 1967, стр. 126; И. Г. Хынку, Памятники балкано-дунайской культуры X—XIV вв. лесостепной полосы Молдавии, сб. «Археология, этнография и искусствоведение Молдавии», Кишинев, 1968, стр. 113, рис. 3, 4, 5.

³ В. А. Оборин, Орел-городок, «Сов. археология», 1957, № 4, стр. 144, рис. 3.

⁴ Е. М. Пещерева, Гонимое производство Средней Азии, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XLII, М.—Л., 1959, стр. 110.

⁵ В. П. Даркевич, Символы небесных светил в орнаменте древней Руси, «Сов. археология», 1960, № 4, стр. 57, 58.

⁶ С. А. Плетнева, Указ. раб., стр. 124—128; И. К. Свешников, О символике вещей Михалковских кладов, «Сов. археология», 1968, № 1, стр. 11—16; С. А. Есян, Амулеты, связанные с культом солнца из Армении, «Сов. археология», 1968, № 2 стр. 255.

⁷ В. П. Даркевич, Указ. раб., стр. 60.

тельно меньше перекрещивающихся диаметров дна сосуда, вокруг изображения креста, как это видно на примере сосуда из жилища № 21, очерчивался круг. И хотя это пока единичный случай, в нем со всей очевидностью проявилось стремление подчеркнуть солярный характер данного знака со всеми присущими ему магическими свойствами.

В свете всего сказанного можно объяснить смысл встречающихся на некоторых высоких тарных вазах с Шайгинского городища (жилища № 5, 22 и 28) одиночных оттисков круглого штампа с заключенным внутри него изображением простого креста. Подобные оттиски наносились лишь на плечиках сосудов у горловины. Знаки этого вида отнесены нами ко второй группе. Такое расположение солярных знаков далеко не случайно: приписывая знакам очистительные и охранные свойства, древние и средневековые гончары ставили их вблизи горловины, полагая, что это сохранит запасы пищи от порчи.

Нередко можно встретить также и оттиски круглых розеток с восемью лучами (фрагменты сосудов из жилищ № 10, 22 и 33). Поскольку подобные розетки также представляют собой символическую, хотя и несколько усложненную, идеограмму солнца⁸, а расположены они тоже только на плечиках сосудов вблизи горловины, они, несомненно, должны были нести ту же семантическую нагрузку, что и оттиски простых крестов в круге.

Кроме оттисков креста в круге и розеток (как восьми-, так и шестнадцатилучевых), на одной из тарных ваз (из жилища № 20) нам встретился знак, имеющий некоторое сходство с буквой π греческого алфавита, нанесенный вблизи горловины техникой граффити. Следует сразу же отметить, что π -образные знаки на чжурчжэньской керамике встречаются не реже солярных, но так как большинство из них представлено лишь на отдельных фрагментах керамики, то установить точное их месторасположение на сосудах не всегда представляется возможным. Тем не менее можно констатировать, что эти знаки встречаются примерно на тех же частях сосудов, где обычно мы находим и солярные знаки.

Если же теперь принять во внимание тот факт, что своими очертаниями π -образные знаки почти полностью тождественны чжурчжэньской цифре 8 (а такое число мы находим на солярных знаках в виде восьмилучевых крестов и розеток), то становится очевидной связь этого знака с солярными. Кстати, аналогичный знак был обнаружен Д. Л. Бродянским⁹ на донышке светильника во время раскопок им жилища № 10 в поселении Майхэ-1 (чапигоуская культура, конец I тысячелетия до н. э.). На наш взгляд, тот факт, что π -образный знак встречен именно на донышке светильника, да к тому же относящегося к периоду, когда ни о каком развитии гончарного ремесла как самостоятельной отрасли производства не может быть и речи и, следовательно, этот знак не является тамгой, лишь подтверждает возможную связь данного знака с культом огня и солнца. В свою очередь все сказанное выше относительно π -образного знака дает основание полагать, что последний, возможно, был включен в состав знаков большого чжурчжэньского письма в значении солнца, огня.

Таким образом, уже предварительный анализ тамгообразных знаков на керамике из Шайгинского городища показывает, что далеко не все из них могут быть отнесены к разряду тамг и что знаки первой и второй групп несут совершенно иную, чем знаки третьей группы, семантическую нагрузку и являются широко распространенными специальными знаками-оберегами.

В связи с рассмотренным выше вопросом о назначении одиночных оттисков восьмилучевых розеток на тарных вазах, небезынтересно будет

⁸ В. П. Даркевич, Указ. раб., стр. 60.

⁹ Пользуясь случаем, выражаю свою признательность Д. Л. Бродянскому за предоставленные мне сведения.— Э. Ш.

также отметить, что аналогичные розетки, но уже в виде целого орнаментального пояса, встречаются и на некоторых других видах сосудов. Число розеток в орнаментальных поясах, судя по сосудам, которые удалось реставрировать полностью, как правило, нечетное. Так, на небольшом сосудике из жилища № 10 Шайгинского городища орнаментальный пояс состоит из девяти оттисков шестнадцатилепестковых розеток. На корчаге из того же жилища оттиснуто 17 восьмилучевых розеток в сочетании с волнистой линией, заключенной между двумя параллельными прямыми, а на корчаге из жилища № 28 их 11. Но волнистая линия в орнаментике народов Сибири и Дальнего Востока обычно символизирует небо, небесную сферу¹⁰. Следовательно, в данном случае сочетание волнистой линии, символизирующей небо, с розетками, символизирующими солнце, отнюдь не случайно, а их наличие на корчагах, использовавшихся в качестве тарной посуды для хранения продовольственных продуктов, говорит о магическом характере данного орнамента, с помощью которого содержимое корчаг защищалось от сглаза или порчи со стороны злых духов.

Говоря о магическом характере орнамента из розеток, нельзя не обратить внимание на их количественный состав. Так, число девять (а именно такое количество розеток на сосудике из жилища № 10) несомненно обладало, по представлениям чжурчжэней, какими-то магическими свойствами. В этой связи не случаен, очевидно, тот факт, что амбары-летники на Шайгинском городище поставлены на девяти столбах. Число девять встречается и в письменных источниках. Так, желая подчеркнуть богатырскую силу одного из чжурчжэньских предводителей, Хорибу, летописец пишет, что «девять человек, убитые его рукою, попадали ...один на другого. Все удивились этому»¹¹. Далее сообщается о том, что чжурчжэньские полководцы «девять раз врезывались в толстые ряды» киданьского войска¹². Число девять всегда фигурировало и у нанайцев, потомков чжурчжэней, при исполнении различных магических обрядов шаманами¹³.

Такое отношение к числу девять следует, очевидно, связывать с определенными астральными представлениями, широко бытовавшими в свое время у народов алтайской языковой семьи, отражение чего мы находим в обширном этнографическом материале. Алтайцы, например, верили, что небо, как и подземный мир, состоит из девяти слоев (по другим данным — из семи), причем девятый являлся местом обитания *Илькон ээзи*, грозного божества, творца огня и охранителя семьи и ско-

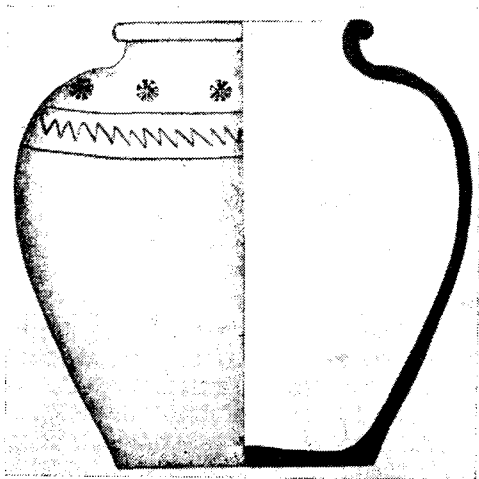

Рис. 2. Корчага с семнадцатью розетками и линейно-волнистым орнаментом из жилища № 10 Шайгинского городища.

¹⁰ С. В. Иванов, Орнамент народов Сибири как исторический источник, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. 81, М.— Л., 1963, стр. 14, рис. 5.

¹¹ «История дома Цзинь, царствовавшего в северной части Китая с 1114 по 1233-й год». Архив Ин-та востоковедения АН СССР (Ленинградское отделение), раздел 1, оп. 1, № 3, стр. 15а.

¹² Там же, стр. 40б.

¹³ П. П. Шимкевич, Материалы для изучения шаманства у гольдов, «Записки Приамурского отдела имп. Русского географического общества», т. I, вып. 2, Хабаровск, 1896, стр. 15, 26, 48, 49.

та¹⁴. Это, несомненно, то же самое, что и хакасский *Ульгень*, дух-хозяин Неба. Если же к сказанному добавить, что у кудинских бурят солнце и луна обычно изображаются в виде девяти концентрических кругов¹⁵, то связь числа девять с древним культом солнца и неба становится более или менее очевидной. Объяснения этой связи, по-видимому, следует искать также в древних космогонических представлениях, согласно которым солнце — это женщина, а луна — мужчина¹⁶. Последнее обстоятельство и дает объяснение, почему у многих народов алтайской языковой семьи, в том числе у кудинских бурят, солнце изображается, как правило, в виде девяти концентрических кругов, которые, судя по всему, соответствуют девятимесячному циклу беременности. Данный вывод, в свою очередь, дает ключ к пониманию этимологии маньчжурского слова «элгень» и нанайского «элгин», означающих обилие, изобилие, достаток, богатство¹⁷, так как связь этих слов с именем центральноазиатского духа-хозяина Неба *Ульгень* (*Ялькон*), который, надо полагать, в более отдаленные времена являлся божеством женского пола, не вызывает сомнений ни с семантической, ни с фонетической стороны.

Таким образом, исходя из всего сказанного, можно заключить, что орнамент из 9 розеток был не только своеобразным оберегом от порчи для содержимого сосуда, но и должен был способствовать тому, чтобы продуктов всегда было в изобилии. Вполне возможно, что с этой же целью амбары-летники, в которых хранились запасы пищи, чжурчжэни устанавливали на девяти свайных столбах.

Рассмотрим теперь орнамент из 17 розеток на второй корчаге. Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что при нанесении оттисков чжурчжэньский гончар, по всей вероятности, немного просчитался и оттиснул на корчаге лишь 16 розеток, расположенных примерно на одинаковом расстоянии друг от друга. Но поскольку по каким-то соображениям требовалось именно 17 розеток, мастер, вовремя заметив свою оплошность, оттиснул еще одну розетку, пожертвовав ради нее строгой симметрией рисунка. Наряду с этим можно допустить, что 17-ая розетка дополнительная, в связи с чем ее и оттиснули, умышленно нарушив симметрию рисунка, между двумя последовательно расположенными розетками орнаментального пояса. Как бы ни было, несомненно одно: орнаментальный пояс из $16 + 1 = 17$ розеток был крайне необходим. Но для чего?

Ответ на данный вопрос можно получить, если обратиться к существовавшим еще сравнительно недавно у нанайцев, ульчей¹⁸, тувинцев¹⁹ и таджиков²⁰ системам времяисчисления, по которым сутки делились

¹⁴ Л. Э. Каруновская, Представления алтайцев о вселенной (Материалы к алтайскому шаманству), «Сов. этнография», 1935, № 5, стр. 174, 178.

¹⁵ Б. Э. Петри, Орнамент кудинских бурят, сб. МАЭ, т. V, вып. I, Пг., 1918, стр. 228.

¹⁶ Е. А. Крейнович, Очерк космогонических представлений гилак о-ва Сахалина, «Этнография», 1929, № 1, стр. 84.

¹⁷ И. Захаров, Полный маньчжурско-русский словарь, СПб., 1875, стр. 77; Т. И. Петрова, Нанайско-русский словарь, Л., 1960, стр. 161.

¹⁸ Т. И. Петрова, Времяисчисление у тунгусо-маньчжурских народностей, сб. «Памяти В. Г. Богораза», М.—Л., 1937, стр. 113.

¹⁹ Л. П. Потапов, Материалы по этнографии тувинцев районов Монгун-Тайги и Кара-Холя, «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции», т. 1, М.—Л., 1960, стр. 195, 196. Здесь необходимо отметить, что 1-я и 17-я части суток в записи Л. П. Потапова имеют одинаковое название, в связи с чем, казалось бы, сутки у тувинцев состоят не из 17, а из 16 частей. Однако часть суток, обозначенная Л. П. Потаповым шестой, в действительности состоит из двух частей: *хүн үйүрлен кельди* (солнце поднялось от горизонта) и *пиче түүш* (малый полдень, время от восхода солнца над горизонтом до большого полудня). Отсюда следующая часть суток — *улуг түүш*, т. е. большой полдень, по счету будет уже не седьмой, а восьмой и т. д.

²⁰ М. Р. Рахимов, Исчисление времени у таджиков бассейна реки Хингоу в XIX — начале XX в. (В связи с народным земледельческим календарем), «Сов. этнография», 1957, № 2, стр. 82.

на 17 частей. Обращает также на себя внимание и то обстоятельство, что записанные А. Л. Бельковичем названия месяцев у удэгейцев дают основание считать, что у последних год когда-то состоял из 17 месяцев ²¹.

Наконец, следует отметить, что во время раскопок жилища № 2 был найден бронзовый предмет с 17 отверстиями, который мы склонны считать древнейшим сезоннохозяйственным календарем народов Дальнего Востока. Точно такой же предмет был обнаружен и на поселении Синие Скалы (V—VIII вв.) в Ольгинском районе Приморского края Г. И. Андреевым и Ж. В. Андреевой ²². И хотя «календарик» из Ольгинского района старше шайгинского на 500—700 лет, однако они до мельчайших деталей тождественны друг другу, что, безусловно, указывает на их чисто утилитарное назначение в качестве сезоннохозяйственных календарей.

Таким образом, у нас есть все основания считать, что в орнаменте на корчаге из жилища № 10 отразилась древняя система счисления времени, известная чжурчжэням в XII в. и широко распространенная в их повседневной жизни. С помощью этого орнамента, очевидно, охранялись от преднамеренной порчи хранящиеся в корчаге запасы пищи, если можно так выразиться, «ежечасно», т. е. в течение круглых суток, состоящих из 17 частей-часов.

К сожалению, мы пока не можем объяснить значения орнамента, состоящего из 11 розеток, оттиснутого на корчаге из жилища № 28. Основываясь на результатах анализа орнамента из девяти и 17 розеток, можно лишь предположить, что и это число имеет какую-то связь с космогоническими представлениями чжурчжэней.

В заключение отметим, что раскрытие семантики тамгообразных знаков и некоторых видов орнамента на керамике с Шайгинского городища со всей очевидностью показывает существование у чжурчжэней в XII в. ранних форм религиозных верований, теснейшим образом связанных с культом солнца и огня, с поклонением небу и небесным светилам, что и нашло свое отражение как в археологическом материале, так и в материалах письменных источников ²³.

²¹ С. Н. Браиловский, Тазы, или удихэ, «Живая старина», вып. 3—4, СПб., 1901, стр. 408.

²² Г. И. Андреев, Ж. В. Андреева, Работы Прибрежного отряда Дальневосточной экспедиции в Приморье в 1959 г., «Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР», вып. 88, М., 1962, стр. 98, рис. 31 (5).

²³ М. В. Воробьев, Религиозные верования чжурчжэней. В кн. «Географическое общество СССР, Отделение этнографии. Доклады по этнографии», вып. 4, Л., 1966, стр. 62.

Г. В. Цулая

КАВКАЗСКИЕ СКАЗАНИЯ О ПЕТРЕ I*

Политические связи с Кавказом поддерживало еще Древнерусское государство. Общеизвестно, что отдельные представители кавказских народов принимали активное участие в политической жизни Киевской Руси. Незадолго до монгольского нашествия связи между Грузией и Русью были дважды скреплены династическими узами¹. После свержения монгольского ига и образования Русского централизованного государства вновь были восстановлены тесные взаимоотношения между Россией и Кавказом. В XVI—XVII вв. Русское государство стало искать и находило среди подавленных турецкими и персидскими поработителями народов Кавказа активных союзников в восточной политике. Однако это были в основном узкополитические связи. Отношения между государствами осуществлялись преимущественно правящими верхами и в основном оставались вне поля зрения народных масс. Так, например, в приведенных ниже фольклорных сказаниях о русско-кавказских отношениях нет никаких сведений о России этого периода.

С начала же XVIII в. положение меняется. Возрастает роль России в международных делах. Несмотря на преимущественно европейские интересы, Кавказу во внешней политике Петра I всегда отводилось особое место. Государственная деятельность Петра I оказала сильное влияние на жизнь кавказских народов и во многом определила их историческую перспективу. Политика Петра I на Кавказе расшатывала здесь вековое господство турецких и иранских захватчиков. Антитурецкие и антииранские акции Петра находили глубокое понимание на Кавказе в самых широких слоях населения. Возникло своеобразное народное представление о великой стране России.

Во всех кавказских сказаниях, которые будут приведены, выражается прежде всего народное отношение к результатам политики Петра I на Кавказе. Одним из любопытных примеров положительной оценки деятельности Петра Великого является грузинская легенда, в которой русский царь изображен выходящим из народа. Непосредственным толчком для возникновения легендарного образа Петра I в самой России исследователи считают разрушение им староукладного патриархального быта. «Петр впервые спустился с заоблачной высоты, на которой скрывались его предшественники,— писал В. О. Ключевский,— ...перестал быть для народа политическим мифом, каким представлялись ему прежние цари... При виде такого необычного царя, совсем не похожего на прежних благочестивых московских государей, народ невольно задавал себе вопрос: да подлинный ли это царь?»². В ранних русских сказаниях о Петре I мы

* Предлагаемое сообщение является первой попыткой анализа образа Петра I в устном творчестве народов Кавказа и не претендует на полноту. Надо надеяться, что фольклористам Кавказа удастся обнаружить новые сказания и легенды, свидетельствующие об отношении кавказских народов к личности Петра I.

¹ См.: Ш. А. Месхия, Я. З. Цинцадзе, Из истории русско-грузинских взаимоотношений, Тбилиси, 1958, стр. 14—21 и др.; А. Н. Новосельцев, Русь и государства Кавказа, в кн.: В. Т. Пашуто, Внешняя политика Древней Руси, М., 1968, стр. 216, 217.

² В. О. Ключевский, Соч., т. 4, М., 1958, стр. 227; ср. К. В. Чистов, Русские народные социально-утопические легенды, М., 1967, стр. 91—112 и др.

встречаемся только с отрицательным его образом. Это была своеобразная форма протеста против политических и культурных реформ начала XVIII в., существенно преобразовавших общественный быт патриархально-феодальной России. Впоследствии народное творчество несколько переосмыслило образ Петра I, придав ему некоторые демократические черты. Петра стали изображать справедливым царем³. Однако эта идеализация никогда не была глубокой. Петра не считали ни крестьянским царем, ни выходцем из народных масс. «В русском фольклоре,— пишет В. К. Соколова,— нет преданий об избрании Петра в цари из бедняков»⁴.

Поэтому можно утверждать, что грузинская легенда о Петре Великом возникла независимо от русских преданий. Это объясняется прежде всего различием в исторических условиях. По словам В. К. Соколовой, грузинское «предание показывает, что образ Петра как „справедливого“ царя перешел и к другим народам, но таких конкретных представлений о нем, какие сохранились у русских, у них быть не могло, и поэтому рассказывали общие сюжеты»⁵.

Полный текст грузинской легенды гласит: «До Петра Великого в России не было царей. Долго жили русские, не имея у себя царя. Петр Великий сделался первым царем. Вот как это произошло. Вначале Петр Великий был кучером и прозывался просто „кучер — Петр“. Он был умным, религиозным, честным и трудолюбивым человеком; все, знавшие его, обращались к нему за добрым советом, а он каждому помогал в беде и несчастиях. Кучеру Петру первому пришло на мысль подать голос и посоветовать своим согражданам избрать, по примеру других, царя. Все согласились на это доброе, разумное предложение. Но вот беда: кого избрать царем? Долго думали русские об этом и, наконец, отличаясь религиозностью, решили прибегнуть к помощи божьей. Решено было, чтобы в соборе, в подсвечнике перед образом поставлена была свеча, и чтобы каждый приходил в собор и молился перед образом и свечой и если свеча загорится сама у кого-либо, то быть тому царем. В назначенный день народ со всех сторон стал собираться в собор: первыми приходили и молились вельможи; подходило к образу и молилось множество простого народу, но свеча ни у кого не загорелась; наконец, в числе простых своих сограждан вошел в собор кучер Петр: помолившись у дверей и поклонившись на все четыре стороны, Петр подошел к образу, перед которым стоял подсвечник со свечой, пал на колени и стал горячо молиться. Вдруг во время молитвы, когда взоры всех были обращены на подсвечник, свеча загорелась. Вельможи, бывшие в соборе, были очень поражены этим, и, не поверив этому чудесному явлению, выпавшему на долю простого бедного кучера, прогнали Петра. На следующий день еще более приходило народу в собор, но увы! свеча ни у кого не загоралась. Тогда вельможи согласились опять призвать кучера Петра, чтобы он помолился, не загорится ли свеча у него во второй, в третий раз. На третий день, когда призвали Петра, он, как в первый раз, помолвившись, подошел к подсвечнику, стал на колени, и свеча загорелась. Потушили свечу. Петр опять помолился, и свеча загорелась в третий раз. Тогда вельможи и народ, бывший в соборе, явно увидели в этом десницу и помощь Божию и решили избрать царем кучера Петра. Так был избран, указанный самим богом первый русский царь Петр Великий»⁶.

Прежде всего отметим, что текст приведенного народного повествования о Петре I является пересказом с грузинского. Главная его ценность в народности самого сюжета. Кроме того, запись легенды носит некоторые черты литературного стиля П. Прихни, опубликовавшего ее. Так,

³ См. В. К. Соколова, Русские исторические предания, М., 1970, стр. 97.

⁴ Там же, стр. 83; см. также: К. В. Чистов, Указ. раб., стр. 114.

⁵ В. К. Соколова, Указ. раб., стр. 83.

⁶ «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. X, отд. III, Тифлис, 1890, стр. 46, 47.

употребляется чисто русское междометие «увы!» или упоминается не свойственный грузинскому народному этикету обычай кланяться «на все четыре стороны». Эти детали несколько нарушили национальный колорит легенды.

Мотив об избрании «хороших царей» из бедняков широко распространен в народных преданиях. Грузинская легенда о Петре I вобрала в себя и ряд сказочных мотивов, в частности, «у кого свеча сама собой загорится». По наблюдению В. Я. Проппа, это один из любимейших элементов сказочного жанра⁷. Для новеллистических сказок характерен также сюжет о «дураке-удачнике», в котором чувствуется стремление к социальным оценкам⁸. Образцы этого жанра нередко встречаются в Грузии⁹.

Политика Петра I на Кавказе способствовала объединению передовых для того времени общественных сил в борьбе за независимость от восточных деспотий, поддерживавших на Кавказе феодальную раздробленность и работорговлю. Как свидетельствуют фольклорные материалы, стремление к объединению в борьбе за независимость преодолеvalo даже религиозные или тем более этнические барьеры. Сказания о Петре I закавказских мусульман рассматривали вмешательство русского царя во внутренние дела кавказских народов как залог избавления от главного для кавказских народов недуга — феодальных и религиозных распрей. Вот почему в мусульманских преданиях Петр появляется как герой, призванный восстановить нарушенную справедливость.

Народная легенда о Петре I повествует:

«Покорив Тифлис, Шах-Аббас устроил там друг против друга мечеть для магометан и церковь для христиан, а для обеспечения этих храмов приписал к ним по сороку лавок. Над мечетью шах сделал надпись: „Прошу тех царей-магометан, которые после меня будут в этом городе властвовать, чтобы они защищали права соседней церкви“. Над церковью же он сделал следующую надпись: „Прошу царей христиан, которые здесь будут владычествовать, защищать из уважения ко мне права соседней мечети“. Впоследствии, когда Тифлис освободился из-под власти Персии, церковь, построенная Шах-Аббасом, стала все более и более богатеть, мечеть же обеднела, так как христиане отняли у нее принадлежавшие ей лавки. Когда Петр Великий был в Тифлисе, то узнав историю этой мечети, немедленно возвратил ей данные Шах-Аббасом лавки, а право заведования ими предоставил тогдашнему муштеиду. С тех пор и мечеть уже ни в чем не нуждалась, благодаря милости Петра Великого»¹⁰.

Приведенная легенда представлена автором публикации как сказание «О Шах-Аббасе». Смысл самого текста противоречит такому толкованию. Нетрудно заметить, что сказание выдвигает на первый план Петра Великого, известного своей веротерпимостью, особо подчеркивая при этом его симпатии к мусульманам Кавказа, а образ персидского шаха играет в данном случае вспомогательную роль. Это сказание несомненно следует включить в цикл народных легенд о Петре I.

Легенда «О Шах-Аббасе» отражает ослабление на Кавказе, в частности в Грузии, мусульманского гнета. Правда, в эпоху Петра I зависимость Грузии, как и всего Кавказа, от мусульманских государств еще была достаточно сильна. Но сказание возникло, разумеется, значительно позже смерти Петра I, в эпоху, когда Кавказ уже составлял часть Российской

⁷ См. В. Я. Пр о п п, Морфология сказки, М., 1969, стр. 57.

⁸ См. В. П. А н и к и н, Русская народная сказка, М., 1959, стр. 190—195.

⁹ См. М. Я. Ч и к о в а н и, История грузинской народной словесности, Тбилиси, 1956, стр. 407 (на груз. яз.).

¹⁰ «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XIII, отд. II, Тифлис, 1892, стр. 161—162 (Мусульманские сказания о Петре I записаны воспитателем Закавказской учительской семинарии А. Бабалянцем со слов Бахиша Баграмова).

империи. Образ русского царя использован в данном случае вполне закономерно: именно в период его царствования на Кавказе стали складываться условия для успешной освободительной борьбы против Персии и Турции. Петра I, крупного государственного деятеля и союзника (между прочим, никогда не бывавшего в Тифлисе), народные массы (мусульмане) воспринимали в качестве защитника против наступавшего на них христианства, что и нашло свое отражение в сказании.

В этом отношении особый интерес представляет еще одно сказание кавказских мусульман о Петре I.

«Персидский шах Надир был сыном пастуха. Он отличался умом и храбростью и, благодаря им, достиг высших должностей в Персии. Современный же ему шах Тахмаз был слаб в управлении народом. Персидский народ, негодуя на него, единогласно просил Надира свергнуть с престола Тахмаза и принять на себя правление Персией. Надир долго отказывался, говоря:

— Как я дерзну, будучи сыном простого пастуха и одним из слуг своего государя, отнять у него престол?

Но народ настаивал на своей просьбе, да и сам шах, чувствуя свою слабость, стал просить Надира принять на себя его звание, говоря:

— Стократно лучше для меня лишиться престола и увидеть свой народ в благоденствии, нежели оставаться на престоле и видеть, как из-за меня народ страдает.

Надир принужден был принять престол. В это время, пользуясь внутренними смутами и слабостью Персии, хоросанский царь Мелик-Махмуд объявил ей войну. Персия, не будучи в состоянии одна справиться с неприятелем, обратилась к Петру Великому, царю русскому, и просила у него помощи, обещав ему за это земли до Аракса. Петр Великий обещал ей защиту и вскоре со своими войсками появился в Персии. Мелик-Махмуд, убоявшись могучего союзника Персии, покинул ее и возвратился в Хоросан. Надир тогда предложил Петру оставить Персию, говоря, что помощь его не нужна. Петр Великий, пораженный таким предложением своего союзника, ответил гневно:

— Как это так?! Я с дальнего севера пришел к вам на помощь, наведя на вашего неприятеля страх, удалил его из вашего отечества, а вы теперь забываете свое обещание! Нет, я этого вам не позволю!

Тогда Надир предложил Петру взять Кавказ, на что Петр ответил, что Кавказ не принадлежит Персии, а самостоятелен. После многих преканий Петр Великий получил от шаха огромную сумму денег, множество рогатого скота и лошадей и возвратился в Россию. На возвратном пути его радостно встретили жители Кубы, восклицая: „Царь лица земли взошел, царь лица земли взошел!“. Петр поблагодарил их и, сопровождаемый их благожеланиями, направился далее, в Россию»¹¹.

В сказании прежде всего чувствуется противопоставление Петра шаху Надиру (причем нарушена хронология, поскольку Петр умер в 1725 г., а шах Надир правил в Персии в 1736—1747 гг.) и явно выражены симпатии к Петру. Петр выступает как поборник истинной справедливости. Кавказ не принадлежит никому, а «самостоятелен» — эти слова, вложенные сказителем в уста своего героя, самого справедливого русского царя, — вызов колониальной политике царизма в XIX в. на Кавказе.

С большой симпатией выведен образ Петра I и в следующем насыщенном событиями мусульманском сказании:

«Кубинский Султан-Ахмед-хан, принадлежавший к шиитской секте, был женат на прекрасной дочери Гаджи-Гаиб-бека Алфанского, которая принадлежала к суннитской секте. Султан-Ахмед-хан несколько раз при жене оскорблял халифа Омара, считающегося у суннитов святым, выра-

¹¹ «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XIII, стр. 160, 161.

жаясь о нем неуважительно. Жена его не вытерпела и, наконец, довела это до сведения отца, который в свою очередь передал казию. Последний, услышав это, тотчас приказал собраться всем бекам суннитским, чтобы отомстить дерзкому хану. Немедленно собрались отовсюду сунниты и пошли против Султан-Ахмед-хана. Последний, видя, что противиться разъяренным суннитам он не в состоянии, переоделся в женское платье и скрылся между женщинами. Сунниты, как ни старались, не могли его сыскать. Наконец они заметили, что по полю идут несколько женщин, между которыми одна отличается мужскою походкою. Догнавши их, они увидели, что это сам хан и там же его и жен его изрубили на мелкие куски. Из всей семьи остался в живых один малолетний сын Ахмед-хана: один из верных слуг спас его, спрятав под шубою.

Во время этой страшной резни Петр Великий был на северном берегу Каспийского моря. Услышав об этих беспорядках, он со своими храбрыми воинами поспешил прекратить смуту, примирив противников. Подплыв к Таркам, он получил от шамхала Тарковского в подарок 800 голов крупного рогатого скота для войска, четыре лошади прекрасной породы для себя. Сам шамхал, выйдя к Петру навстречу, попросил его пожаловать в его дом и принять хлеб-соль. Петр принял предложение шамхала и послал письмо к мятежникам, приглашая их к примирению; письмо заключалось следующими словами: «Насколько великий я государь, настолько велики и мои милости для тех, которые слушаются меня и принимают мои советы; зато насколько я велик, велики и мои наказания для тех, которые не примут моего предложения». Благодаря письму и энергии Петра враги примирились. Петр вызвал сына Султан-Ахмед-хана и назначил его ханом в Кубе, а за малолетством последнего поставил опекуна над ним, которого все должны были слушаться до совершеннолетия юного хана. Таким образом, рассеяв всюду свои благодеяния, Петр возвратился в свое государство, приказав кубинцам жить мирно»¹².

Некоторые факты в сказании подтверждаются исторически и связаны с походом Петра I в Восточное Закавказье, предпринятым с целью присоединения к России прикаспийских провинций Дагестана¹³. Радующие, с которым в этой легенде шамхал Тарковский принял русского царя-полководца — хорошо известный в истории факт. Местные власти всячески облегчали продвижение русских войск по территории восточного Дагестана. Шамхал Тарковский (вместе с некоторыми другими владельцами) выразил преданность Петру, предоставив русской армии место для лагеря недалеко от Тарков, снабдил ее продовольствием, фуражом, водой и даже предложил русским военную помощь.

Таким образом, сюжеты всех приведенных выше кавказских сказаний о Петре I являются чисто фольклорными. Большую их часть (за исключением грузинской легенды) мы называем мусульманскими, тем более, что информировавший А. Бабалянца Бахиш Баграмов, судя по имени, мог быть азербайджанцем. Нет никаких сомнений в том, что эти сказания зародились и были особенно популярны именно среди мусульманского населения смежных районов Азербайджана и Дагестана.

Приведенные фольклорные материалы являются важными историческими источниками, свидетельствующими о положительном отношении различных кавказских народов к политическим акциям Петра I на Кавказе.

¹² «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XIII, стр. 159, 160.

¹³ См. «История Дагестана», т. I, М., 1967, стр. 344—351.

Л. Боглар

ИНДЕЙЦЫ НАМБИКВАРА — МАРГИНАЛЬНАЯ ГРУППА В БРАЗИЛИИ *

Индейцы намбиквара живут в Западной Бразилии, в северной части провинции Мату Гроссу, на берегах рек Журуэна, Рузвельт и их притоков. И хотя в этих местах много рек, они в основном представляют собой безотрадную, заросшую кустарником саванну. Почвы — сухая красная глина — почти полностью непригодны для обработки. Животный мир саванны также довольно беден. Более благоприятные экологические условия создаются в дождливый период в прибрежных лесах. Ни земля, ни животный мир этого района не могут прокормить много людей.

Малочисленные группы индейцев намбиквара большую часть года бродят в поисках пищи по саваннам и лесам. Это крайне затрудняет их исследование. Поэтому и в наши дни об индейцах намбиквара известно не очень много. В то же время их изучение могло бы помочь решить целый ряд важных проблем этнографии.

Как же приспособляются индейцы к этим невероятно трудным условиям?

В зависимости от времени года в хозяйстве намбиквара основную роль играют либо собирательство и охота, либо земледелие. В течение пяти дождливых месяцев они живут в поселках по берегам рек и обрабатывают небольшие участки земли. В это время собирательство и охота имеют второстепенное значение. В сухой же период они покидают поселки и небольшими группами (а иногда только малой семьей) бродят по саванне, занимаясь исключительно собирательством и охотой.

У намбиквара существует половое разделение труда: собирательством, разведением культурных растений и приготовлением пищи занимаются женщины, а мужчины главным образом охотятся и ловят рыбу. По мнению ряда ученых это, якобы, ведет к равноправию между мужчинами и женщинами. Однако в большинстве случаев мужчины занимают первенствующее положение. Например, важные ритуальные действия — дело исключительно мужчин (игра на священных свирелях в начале и конце сухого периода, имеющая в жизни индейцев очень большое значение)¹.

Хотя К. Леви-Стросс² тщательно рассмотрел этот вопрос, наши знания об общественной организации индейцев намбиквара (прежде всего

* Настоящее сообщение основано на литературных данных и на результатах полевой работы автора в Бразилии в 1959 г.

¹ L. B o g l á r, A nyugat-brazíliai nambikuara-indiánok néprajza, «Néprajzi Ertesítő», XLII, Budapest, 1961, с. 42.

² Общую организацию и систему родства намбиквара исследовали К. Леви-Стросс, К. Оберг и Л. Боглар: Cl. Lévi-Strauss, La vie familiale et sociale des Indiens Nambikuara, «Journal de la Société des Américanistes», t. XXXVII, Paris, 1948, p. 1—131; егo же, The Nambikuara, «Handbook of South American Indians», vol. III, Washington, 1948, p. 361—369; егo же, Sur certaines similarités structurales des langues Chibcha et Nambikuara, «Actes du XXVIII Congrès International des Américanistes (Paris 1947)», Paris, 1948, p. 185—192; егo же, Tristes tropiques, Paris, 1955; K. O b e r g, Indian tribes of Northern Mato Grosso, Brasil, «Institute of Social Anthropology, Publication 15», Washington, 1953; L. B o g l á r, Contributions to the sociology of Nambikuara Indians, «Acta Ethnographica», vol. 18, № 1—3, Budapest, 1969, p. 237—246; егo же, L'acculturation des Indiens Nambikuara, «Annals of the Náprstek Museum», I, Praha, 1962, p. 19—27.

из-за полукоочевого образа их жизни, о котором уже говорилось) довольно скудны. Во время поездки мне удалось вступить в контакт с тремя группами намбиквара, и я попытался выяснить, существует ли у них институт вождей и что он собой представляет. Оказалось, что каждая группа имеет своего главу (хорошего охотника). Кроме того, члены всех трех групп признают авторитет верховного вождя, формирующего охотничьи группы или группы для строительства хижин и т. п. Он же руководит обрядами и является лучшим знатоком традиций. Если принять во внимание, что во время сухого сезона группы распадаются, то можно представить себе, насколько незначительно и периодически воздействие верховного вождя на группу. Социальная организация намбиквара основана на родстве, прочность которого поддерживается кросскузенными браками. Счет родства ведется по материнской линии; брак патрилокальный, но девушки, достигнув брачного возраста, переходят в группу брата матери. Очень важно было бы выяснить состав локальных групп, но мы, к сожалению, не располагаем данными, достаточными для окончательных выводов.

Попытаемся определить этноисторическую специфику индейцев намбиквара среди других племен Южной Америки.

Первые связи с индейцами намбиквара были установлены экспедицией Рондона³. Е. Рокетт-Пинто, посетивший их в 1912 г., дал первое научное описание этой группы индейцев. Он старался прежде всего установить, к какой группе или культуре можно отнести тот или иной элемент культуры намбиквара. В целом он считал их культуру, родственной культуре бразильских индейцев племени *же*⁴. В. Крикеберг, исследовав так называемую амазонскую группу, отнес намбиквара к наиболее примитивным ее племенам — индейцам сирионо, мура, маку, шириана и др.⁵ К. Леви-Строс высказывал мнение, что культуру намбиквара можно причислить к культуре племен бассейна р. Гуапоре, хотя отмечал, что она по многим своим чертам (бродячий образ жизни, форма хозяйства, сон прямо на земле и т. д.) примитивнее последней⁶. Дж. Стюард по уровню развития техники и «первобытному укладу жизни» причисляет индейцев намбиквара к группе «маргинальных племен периферии района Южной Амазонки»⁷.

Говоря о классификации Стюардом племен индейцев Южной Америки, следует упомянуть о понятии «маргинальный», разделяемом многими учеными. Речь идет об архаическом субстрате, который можно проследить в культуре некоторых племен примитивных земледельцев тропических лесов (в основном на периферии бассейна Амазонки). Этот субстрат, изученный этнографами в последние десятилетия, определяется наличием или отсутствием некоторых черт культуры.

Начиная с 1920-х годов этнология со все возрастающим интересом обращалась не только к жизненному укладу земледельцев или скотоводов, но и к менее известным и изученным культурным типам примитивного, присваивающего хозяйства. Однако духовная культура общества собирателей и охотников исследована меньше, чем духовная культура земледельцев. Еще в 1930-х годах В. Крикеберг сравнивал различные явления культуры северо- и южноамериканских индейцев и пришел к выводу, что наиболее архаичный «слой» культуры аборигенов американского континента в целом обнаруживается на окраинных territori-

³ С. М. da S. Rondon, *Ethnographia*, Rio de Janeiro, 1910.

⁴ E. Roquette-Pinto, *Os índios Nhamiquara de Brasil Central*, «International Congress of Americanists», vol. II, London, 1913, p. 382—397; *еrо же*, Rondonia, San Paulo, 1938, p. 310.

⁵ W. Krickeberg, *Amerika (die Grosse Völkerkunde)*, III, Leipzig, 1939, S. 128.

⁶ Cl. Levi-Strauss, *The Nambicuara*, p. 362.

⁷ J. H. Steward, *Culture areas of the tropical forests*, «Handbook of South American Indians», vol. III, Washington, 1948, p. 897, 898.

ях обжитого ареала. Этот слой культуры он называл субарктическим⁸. По его мнению, группы людей — носителей субарктического культурного слоя, в ходе внутриконтинентального передвижения с севера на юг дошли до Огненной Земли и расселились также во внутренних областях континента.

Изучение этих групп — дело сложное. Следует иметь в виду в первую очередь тот факт, что Америка является континентом, довольно поздно заселенным и поэтому молодым с точки зрения культуры. Сравнивая Америку с другими континентами, мы можем установить, что отдельные этапы изменения культуры здесь следовали друг за другом быстрее, результатом чего явилось возникновение многочисленных переходных или «смешанных» форм. Такие переходные формы культуры в других местах обычно не встречаются вследствие более замедленного и четко распадающегося на этапы процесса культурных изменений. Примеры таких переходных форм культуры О. Церрис находит в ранних обществах собирателей-охотников, перешедших к земледелию. По его мнению, у этих народов занятие земледелием привело главным образом к экономическим изменениям и лишь незначительно затронуло их мировоззрение. Сказанное относится прежде всего к племенам примитивных земледельцев, живущим в долине Амазонки в тропических лесах.

При характеристике и изучении этих культур перед нами на каждом шагу возникают вопросы, связанные с терминологией и классификацией. Дж. Купер, изучая первобытные племена лесной зоны Южной Америки, выдвинул весьма важный вопрос о вторичной примитивности намбиквара¹⁰.

Мёрдок обратил внимание на то обстоятельство, что многие ученые, в том числе и Стюард, анализируя этот культурный слой и составляя свою классификацию, учитывали главным образом отсутствие некоторых признаков, а не своеобразные черты культуры данного племени¹¹. Мёрдок отбросил термины Стюарда «маргинальный» и «субмаргинальный»; индейцев намбиквара он относил к культурной области, представленной земледельческими племенами, живущими у истоков р. Шингу.

Стюард в одной из своих работ, написанной вместе с Л. Фароном, принял во внимание критические замечания Мёрдока и сформулировал такое определение: «Культуры неземледельческих групп индейцев маргинальны только в том отношении, что они имеют очень небольшое число элементов, общих с элементами сложных культур. Это является негативной характеристикой, констатацией отсутствия многих элементов и черт». К этому он еще прибавил определение: «бродячие охотники и собиратели»¹².

О. Церрис в одной из своих работ более или менее четко сформулировал данный вопрос: «Концепция — может быть ее лучше назвать «концепцией маргинальности» — Купера и Крикеберга о наличии примитивного субстрата в тропической Южной Америке не может быть удовлетворительно объяснена, исходя из наличия лишь охотничьего хозяйства; если придерживаться этой концепции, то характерные черты принадлежности к этой форме культуры следует, в любом случае, оценивать положительно. В то же время несомненно, что племена, обозна-

⁸ W. Krickeberg, Beiträge zur Frage der alten kulturgeschichtlichen Beziehungen zwischen Nord- und Südamerika, «Zeitschrift für Ethnologie», Bd. 66, H. 4/6, Berlin, 1934, S. 345.

⁹ O. Zerries, Wild- und Buschgeister in Südamerika, «Studien zur Kulturkunde», II, Wiesbaden, 1954.

¹⁰ J. M. Cooper, Areal and temporal aspects of aboriginal South American culture, «Primitive Man», 1942, vol. — V, № 1—2, p. 1—38.

¹¹ G. P. Murdock, South American culture areas, «Southwestern Journal of Anthropology», vol. 7, № 4, 1951, p. 415—426.

¹² J. H. Steward, L. C. Faron, Native people of South America, New York — Toronto — London, 1959.

чаемые Купером и Стюардом как «маргинальные», не представляют собою однородный культурный слой; многие племена значительно различаются друг от друга... Прежде всего следует отметить, что чисто охотничьи племена в южноамериканских лесах в наши дни практически вряд ли встретишь»¹³.

Исходя из приведенных фактов и концепций, мы попытаемся дать общую характеристику «маргинальных групп». Я думаю, одной из отличительных черт таких групп является то обстоятельство, что это полуседлые примитивные земледельцы с рыхлой, непрочной общественной организацией. Для относимых в эту группу племен маку, сирионо и других характерно то, что они — бродячие охотники и что земледелие у них является временным занятием. Заслуживают внимания исследования Хоэнталя¹⁴, по которым 83% так называемых маргинальных групп в какой-то форме выращивают растения. Несмотря на различие черт культуры, бродячий, присваивающий образ жизни является общим признаком наиболее примитивных групп индейцев Южной Америки.

Стоит перечислить факторы, содействовавшие формированию такого своеобразного уклада жизни.

Группы охотников-собирателей в большинстве случаев занимали пустынные территории, мало пригодные для земледелия, особенно при первобытной технике. Вследствие этого они жили изолированно от племен земледельцев (этой обособленности содействовала также языковая изоляция). Поскольку территория их расселения не могла прокормить значительное число людей, группы были невелики, а их структура не имела четко выраженных форм.

Для этих групп индейцев характерен полукочевой образ жизни, что, в свою очередь, связано с низким уровнем техники. Вследствие частых переходов с места на место орудия и охотничье оружие этих групп весьма примитивны, хотя, несомненно, приспособлены к условиям существования.

В местах, более богатых растительностью, при добывании пищи выдвигается на первый план сбор растений. Конечно, в разных районах развивается определенная специализация, например в тропическом лесу — сбор пальмовых плодов.

Все эти факторы имели значение и в жизни намбиквара. Вот каким образом можно представить схему их жизни в сухой и дождливый сезон:

Сухой период

- а) Небольшие группы по добыванию пищи (малые семьи).
- б) Бродячий образ жизни и присваивающее хозяйство.
- в) Временное жилище.

Дождливый период

- а) Локальные группы: более продолжительное сосуществование и организованная деятельность (например, обряды) нескольких родственных семей.
- б) Полуоседлый образ жизни и земледелие; собирательство и охота имеют вспомогательное значение.
- в) Наличие поселений; хижины более стационарные.

Основные общие признаки у всех групп индейцев намбиквара, кроме языкового родства, проявляются в такой посезонной форме жизни. Гончарство, формы хижин и некоторые другие элементы хозяйства и материальной культуры у северных и центральных групп намбиквара имеют отличительные черты, свойственные культуре обитателей тропического леса бассейна Амазонки. Эти черты особенно отчетливо прояв-

¹³ O. Zerries, Walka, München, 1964.

¹⁴ W. D. Hoehental, The concept of cultural marginality and native agriculture in South America, «Publications of the Kroeber Anthropological Society», XVI, Berkeley, 1957, p. 85, 86.

ляются в период дождей. Они указывают на то, что некогда все намбиквара обитали в тропических лесах или районах, смежных с ними.

Это и позволило Дж. Куперу выдвинуть упомянутую выше гипотезу, что намбиквара являются как бы «обедненным» племенем бывших земледельцев тропических лесов, и говорить об их «вторичной примитивности».

По Леви-Строссу, индейцы намбиквара некогда жили севернее, в тропических лесах, затем были вынуждены переселиться на неплодородные территории саванны¹⁵. В условиях изоляции и приспособления к новым жизненным условиям многие исконные признаки у них изменились или исчезли.

В заключение можно сделать следующий вывод: независимо от того, первична или вторична «примитивность» культуры намбиквара, не подлежит сомнению, что благодаря земледелию у них возникла более дифференцированная культура.

¹⁵ Cf. Lévi-Strauss, *La vie familiale et sociale des Indiens Nambícuara*.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Б. Н. Путилов

В БОНГУ ЗВУЧАТ ОКАМЫ¹

Готовясь к фольклорным работам в папуасской деревне Бонгу, я внимательно просмотрел все относящееся к новогвинейскому фольклору в дневниках и этнографических статьях Н. Н. Миклухо-Маклая. Результаты оказались самыми неожиданными. В сущности никто до сих пор не пытался взглянуть на его работы глазами фольклориста. А между тем на страницах сочинений Миклухо-Маклая рассыпаны необычайно интересные сведения, ценнейшие наблюдения и заметки, относящиеся к папуасскому фольклору — к музыкальным развлечениям и вкусам папуасов, их песням, пляскам, играм, театральным представлениям и, в особенности, — к музыкальным инструментам. Собранные воедино и приведенные в порядок эти материалы позволяли представить папуасский фольклор как определенную систему. Конечно, в ней многого не доставало и многое выглядело фрагментарно. Можно было, например, пожалеть, что ученый оставил так мало записей текстов папуасских песен, что он описал мало типичных случаев исполнения песен в повседневном деревенском быту. Однако, главная его заслуга состояла в том, что он включил фольклорную проблематику в программу этнографических изысканий. Миклухо-Маклай явился первооткрывателем и первым исследователем музыки и музыкального быта папуасов. Добавим — исследователем чутким, зорким и, как всегда, точным. Он подходил к фольклору как этнограф и писал о нем только то, что сам видел и слышал, не прибегая к домыслам, догадкам и реконструкциям. Оттого его заметки и наблюдения, как бы ни были они фрагментарны и не всегда систематичны, вызывают полнейшее доверие. Для современных же исследователей они представляют путеводную нить и заключают исходный материал для сегодняшних исследований.

Изучение дневников и статей Миклухо-Маклая, ознакомление с предметами музыкального быта, привезенными им когда-то с берегов Новой Гвинеи (они хранятся в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде МАЭ), позволили мне определить существенные пункты программы предстоявших полевых фольклорных исследований в деревне Бонгу. Стало ясно, в частности, что одной из центральных тем должны быть розыски традиционных музыкальных инструментов и их изучение. Кажется, эта тема была прямо завещана нам Миклухо-Мак-

¹ Б. Н. Путилов в 1971 г. участвовал в 6-м экспедиционном рейсе научно-исследовательского судна АН СССР «Дмитрий Менделеев». Об этой экспедиции см.: Д. Д. Ту-маркин, По островам Океании, «Сов. этнография», 1972, № 2.

лаем. Он составил каталог папуасских инструментов, привел их названия, описал их внешний вид, способы игры на них, сообщил множество любопытнейших данных об их бытовании, об отношении к ним папуасов, зарисовал некоторые из них и, наконец, несмотря на большие трудности, приобрел несколько великолепных экземпляров и привез в Россию. Не раз Николай Николаевич писал в дневниках, как он просыпался от пронзительных звуков папуасской музыки, с каким интересом прислушивался к ним, сопоставлял звучание разных инструментов, пытаясь словами передать характер звучания. Увы, он не имел возможности, по условиям его времени, сделать едва ли не самое главное — технически зафиксировать живое звучание папуасской музыки, не мог сделать так, чтобы ее услышали его соотечественники.

И вот ранним июльским утром, перебравшись по толстому скользкому бревну через ручей, я поднялся по тропе в гору и сразу оказался в деревне. Мои товарищи по этнографическому отряду были уже здесь. Толпа жителей Бонгу собралась на площади. В центре на циновке сидел Каму — староста деревни, поигрывая большим охотничьим ножом, который он получил от нас в подарок накануне вечером. Над толпой вился дым от русских сигарет.

Каму был уже в курсе наших этнографических интересов, так что, когда я после первых приветствий заговорил о цели своего прихода, он смог на языке бонгу прокомментировать мои слова и, главное, высказать свое положительное отношение к ним. Папуасы оживились, услышав слова «ай» (инструмент), «мун» (песня, пляска), «пууйу» (духовой инструмент), «синг-синг» (песня — на языке пиджин-инглиш). Я открыл магнитофон, показал, как он работает, и рассказал, что песни и музыку, которую я запишу, мы отвезем в страну Маклая и много-много людей услышат, как поют и играют люди Бонгу.

Словом, не прошло и получаса с момента моего появления в деревне, как фольклорная работа уже шла полным ходом. Меня устроили на низенькой скамейке в тени под деревом; по мере того, как тень передвигалась, я переходил на новое место со всем своим хозяйством, разложенным на циновке.

Группа немолодых мужчин уселась передо мной — тоже на циновке — и запела песню. Молодой папуас, сидевший рядом, объяснял по-английски содержание песен и переводил отдельные слова. Перед пением один из мужчин спросил остальных на пиджине: «Все ли готовы начать старую песню, которую поют перед посадкой таро? Начнем...».

Два обстоятельства сразу же поразили меня. Миклухо-Маклай писал, что папуасские песни — почти всегда импровизации. Между тем, песня, которую я услышал, явно имела традиционный текст. И в дальнейшем все песни, которые мне пели, не были импровизациями: слова их не создавались во время пения, но воспроизводились по памяти. А это значит, что за сто лет в поэтической структуре папуасской песни произошли какие-то сдвиги. Правда, содержание песен по-прежнему, как и во времена Миклухо-Маклая, чрезвычайно просто, даже элементарно, оно выражается одной фразой, а иногда тремя — четырьмя или же одним-двумя словами, которые повторяются и варьируются². В этой простоте, однако, есть своя поэтичность, образ в песне живет и вызывает определенные ассоциации, для поющего и слушающего он значит очень много.

Другое, что удивило меня, — был инструмент, который сопровождал песню: довольно толстая бамбуковая трубка, сантиметров 60 длиной, полая, срезанная с одного конца. Один из поющих бил закрытым концом трубки о землю в ритм песни, гулкие ее удары моментами перекрывали

² Ср.: П. Н. Миклухо-Маклай, Этнологические заметки о папуасах берега Маклая на Новой Гвинее, Собр. соч., т. III, ч. I, М.—Л., 1951, стр. 110.

голоса. Подошел еще папуас — с такой же трубкой, но потоньше; звук у нее был чуть выше. «Бембу» — так называли мне этот инструмент. Странно, что в каталоге Н. Н. Миклухо-Маклая он не назван. Впрочем, возможно, его имел в виду ученый, когда писал: «В качестве музыкальных инструментов пользуются еще междуозлиями бамбука, которыми барабанят по толстым древесным стволам...»³. Если это так, то за сто лет произошла определенная эволюция: «междуозлия» превратились в ударный инструмент, который специально изготавливают, тщательно обрабатывают. Этот инструмент теперь самый распространенный. Без бембу мужчины-папуасы просто не могут петь — отбивать ритм ладонями или палочкой они не любят, а ударный аккомпанемент им совершенно необходим. Между прочим, слово «bembu» отсутствует в словаре, составленном немецким миссионером А. Ханке⁴. Автор первой грамматики и словаря бонгуанского языка жил на Берегу Маклая более чем двадцатью годами позже русского ученого. Этнографические наблюдения Ханке, преломившиеся в словаре, представляют ценность для нас, поскольку в них отражаются сдвиги, происшедшие в быту и культуре папуасов. Возможно, что в названии «bembu» следует искать влияние английского «bamboo».

В тот день несколько часов просидели мы под деревом на площади. Песни сменяли одна другую, в паузах мы разговаривали на разные темы, курили, и в подходящие моменты начинал расспрашивать папуасов о музыкальных инструментах. Не терпелось узнать, как изменился их состав за сто лет, хотелось увидеть и, главное, услышать то, что видел и слышал Миклухо-Маклай.

И вот вынесли на площадь длинную бамбуковую трубу, более двух метров, очень похожую на ту, которая есть в нашем музее. Один конец темнокоричневой, отполированной до блеска трубы кладут на плечо мальчику, другой конец поднимает сам исполнитель. Его зовут Оп. Он берет бамбук в рот (Миклухо-Маклай писал: «большой размер отверстия, по-видимому, нисколько не затрудняет папуасов»⁵) и начинает с силой дуть в него. Раздается густой ревуший звук, отчетливо слышится мелодия (см. нотный пример № 1).

«Ай-кабрай», — говорю я, показывая на трубу. «Нет, — возражают мне. — Это не ай-кабрай, а ай-дамангу. Ай-кабрай сейчас принесут». Действительно, приносят новый инструмент, внешне очень похожий на бембу: тоже толстая бамбуковая труба, только покороче и открытая с обеих сторон; папуас берет ее в рот и начинает кричать в нее, а труба странным образом усиливает и изменяет его голос. (см. нотный пример № 2).

Итак, вместо одного инструмента, значащегося у Миклухо-Маклая под названием «ай-кабрай» (кабрай на местном языке — это попугай с крикливым и громким голосом), папуасы знают теперь два — ай-кабрай и ай-дамангу. Об ай-кабрае Миклухо-Маклай писал: папуасы в него «дуют, кричат, режут и т. д. Целыми часами упражнялись в этом папуасы на своих праздниках, и звук инструмента, похожий на многоголосый рев, можно было слышать на берегу в тихие ночи, если не было противного ветра, на расстоянии 2—3 миль»⁶.

Эта характеристика полностью подходит и к современному ай-кабраю, только это теперь не длинная (2 м и больше) труба, а короткая трубка⁷.

³ Н. Н. Миклухо-Маклай, Указ. раб., стр. 109.

⁴ A. H a n k e, Grammatik und Vokabularium der Bongu-Sprache, Berlin, 1909.

⁵ Н. Н. Миклухо-Маклай, Указ. раб., стр. 106.

⁶ Там же.

⁷ Начальный звук в слове «кабрай» произносится как среднее между к и г. А. Ханке обозначает его знаком *g̃* и относит к числу фрикативных. В его словаре интересное нас слово фигурирует как *gabraj*.

Рис. 1. Нотный пример № 1

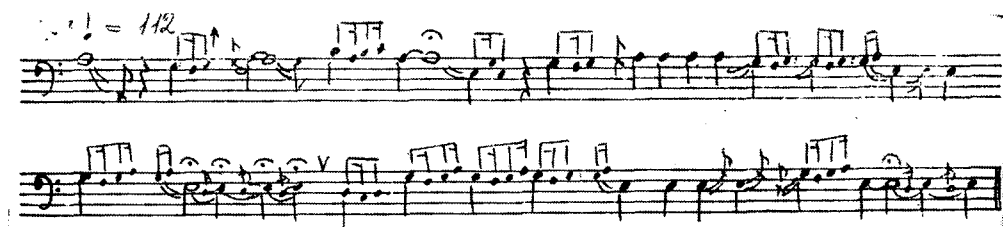

Рис. 2. Нотный пример № 2 (расшифровка Е. Е. Васильевой)

А. Ханке следующим образом описывает ай-кабрай: бамбук около двух метров длины, сделанный из определенного вида бамбука — *da-tan-gu*; употребляется как духовой инструмент⁸. Это объясняет, как могло возникнуть название «ай-дамангу». Возможно, что вначале оно употреблялось всего лишь как вариант к слову «ай-кабрай».

Оба инструмента, по-видимому, в деревне редки.

У меня появляется добровольный помощник, его зовут Макин. Это — один из певцов, папуас средних лет с красивым лицом, хорошо сложенный, быстрый, легкий, он часто смеется, о чем-то шутит с соседями. Макин в деревне известен как весельчак, организатор праздников, представлений, танцев. Это он, кажется, поставил пантомиму «Первая встреча Маклая» и сам играл в ней одну из ролей.

Макин быстро понял, чего я хочу; когда я называю какой-либо инструмент, он сразу же начинает оживленно объясняться с односельчанами, расспрашивает, напоминает, у кого его можно найти, посылает ребят куда-то, словом, проявляет активность, которая не может меня не радовать. Видно, что действует он без какой-то корысти, просто ему интересно и приятно, что «тамо рус» интересуется музыкой его деревни.

Между тем, дело идет совсем не так гладко. Посланные ребята возвращаются ни с чем. Сразу же мне показывают только «барумы» (сигнальные барабаны), их в деревне несколько, и они лежат возле хижин.

⁸ А. Ханке. Указ. раб., стр. 122.

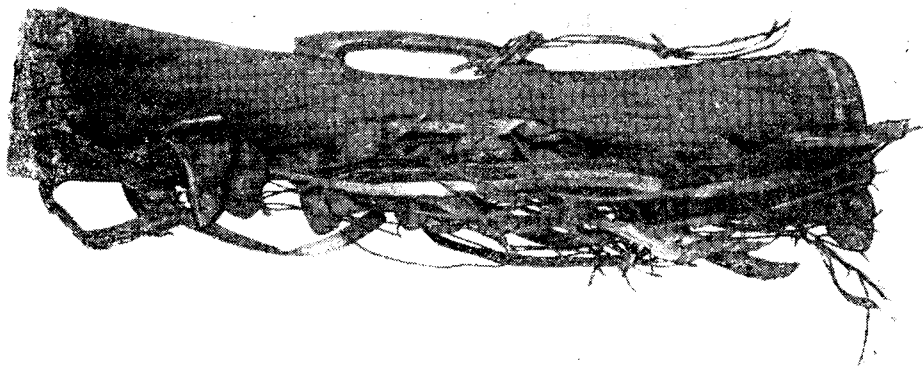

Рис. 3. Окам — ручной барабан, привезенный Миклухо-Маклаем (из коллекции МАЭ)

Однако более подробное ознакомление с барумами я оставляю на другие дни. Приносят «окам» — ручной деревянный барабан. Верхнее его отверстие затянуто куском кожи большой ящерицы. Покрышка эта называется «тали». По ней бьют пальцами и ладонью, великолепный звук рождается внутри полой трубы. Внешние стенки окама и ручка украшены резьбой, особенно искусно и сложно обработана средняя часть. Всю самобытную прелесть окамов мы по-настоящему ощутим через несколько дней, когда они зазвучат на площади во время «муна», устроенного в деревне специально для нашей экспедиции.

На другой день Макину, наконец, удалось отыскать инструменты, о которых я спрашивал накануне. Снова я нахожу некоторые различия с данными Миклухо-Маклая. У него отмечены два инструмента: «холь-ай» — кривой или прямой духовой инструмент вроде трубы из выдолбленной тыквы⁹ и «илоль-ай», труба из выдолбленного корня дерева¹⁰. Мне приносят «илоль-ай», трубу из выдолбленной продолговатой тыквы, темно-вишневого цвета, и я сразу узнаю в ней инструмент, который находится в экспозиции МАЭ. Слово «холь-ай» сегодняшним бонгуанцам неизвестно. В словаре А. Ханке слово *ilol* объясняется как «*Flaschenkürbis* (*Cucurbita lagenaria*)», т. е. бутылочная тыква¹¹, и описан инструмент изготовляемый из нее: «Вид рупора, сделанный из бутылочной тыквы (*ilol*)». У Ханке дано другое его название — *ai aini*¹².

Макин находит и исполнителя. Это пожилой, начинающий сесть папуас, по имени Парива. Он долго примеривается, откашливается и, наконец, начинает «играть»: он громко кричит, с подвываниями, в трубу, которая усиливает его голос, далеко разнося звуки. В криках папуаса есть, однако же, музыкальная тема.

Неутомимый Макин достает где-то, наконец, «монги-ай». У Н. Н. Миклухо-Маклая он называется мунки-ай или манки-ай, у А. Ханке — «*ai-mongi-la*».

«Мунки-ай» — такой же простой и такой же уши раздирающий инструмент. Это — скорлупа мелкой разновидности кокосового ореха, продырявленная сверху и сбоку. Дуга в верхнюю дыру и попеременно закры-

⁹ Н. Н. Миклухо-Маклай, Указ. раб., стр. 106.

¹⁰ Там же, стр. 107, рисунок.

¹¹ А. Ханке, Указ. раб., стр. 170.

¹² Там же, стр. 122.

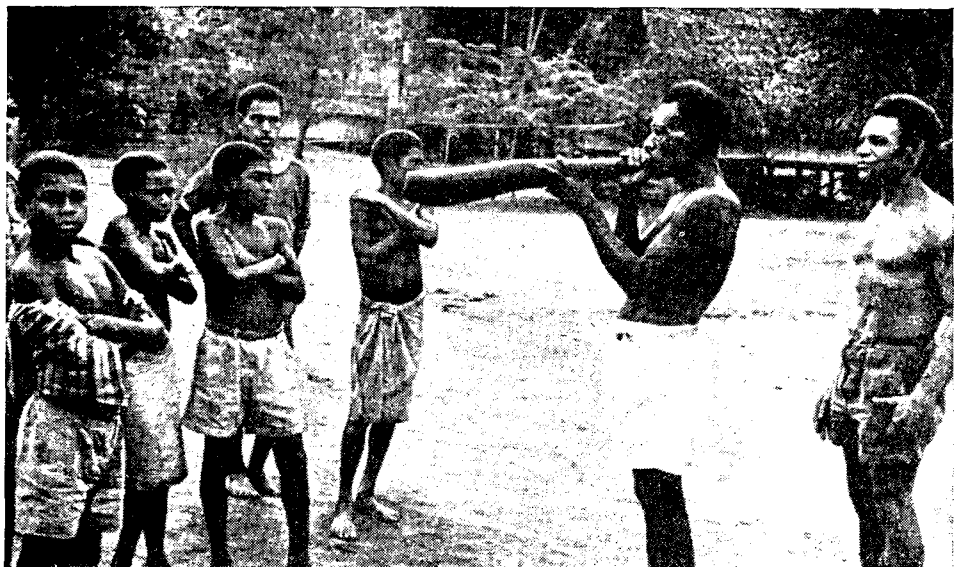

Рис. 4. Папуас Парива кричит с подвываниями в трубу «илоль-ай», справа Макин (фото Б. Н. Путилова)

вая и открывая пальцем боковые отверстия, производят очень пронзительные и свистящие звуки»¹³.

За сто лет инструмент не претерпел никаких изменений. Маленькое черное ядро кокосового ореха, высушенное солнцем до звона и отполированное сотнями рук, удивительно напоминает толстую круглую рыбу, с коротким хвостиком и тупой головой. В сухом ядре сами собой прорезаются два «глазка», а «рот» делают специально.

И только орнамента, которым, по словам Миклухо-Маклая, часто украшался инструмент, мы уже не увидели на принесенном нам экземпляре.

Макин на этот раз сам с большим удовольствием сильно дул в монги-ай, извлекая из него те самые пронзительные и свистящие звуки, которые когда-то слышал Н. Н. Миклухо-Маклай. На монги-ай особенно не разыграешься, в лучшем случае на нем можно получить лишь отдельные долгие ноты — без возможности добиться желаемой высоты.

Спрашиваю об орлан-ае. Судя по описаниям нашего предшественника, это очень любопытный инструмент. Несколько экземпляров его выставлено в Ленинградском музее: к ручке прикреплен ряд шнурков с висющими на них пустыми и просверленными скорлупками орехов орлана. «При встряхивании скорлупки приходят в соприкосновение и производят шум и стук, который можно изменять, увеличивая или уменьшая число скорлупок и скорость движений; от глухого шума, похожего на шелест листьев, можно переходить к сильному crescendo, и в этом варьировании темпа папуасы находят большое удовольствие»¹⁴.

Я много раз повторяю слова «орлан-ай», «орех» — по-английски и на пиджине, наконец, рисую в дневнике что-то похожее. Кто-то нерешительно произносит: «Шяр-ай», но никто его не поддерживает. Наконец, посоветовавшись, папуасы уверенно сообщают, что такого инструмента в Бонгу нет, но он есть в другой деревне, и мне обещают попробовать

¹³ Н. Н. Миклухо-Маклай, Указ. раб., стр. 106. Сведения, приводимые А. Хан-ко (стр. 122), совпадают.

¹⁴ Там же, стр. 108.

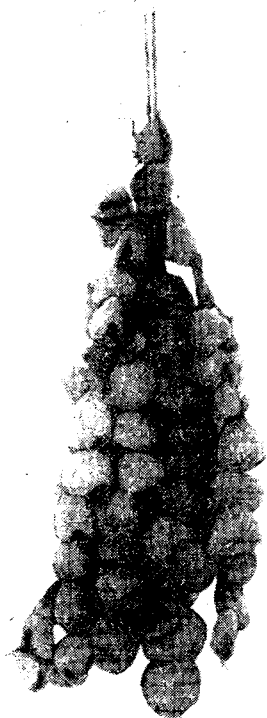

Рис. 5. «Орлан-ай», привезенный Миклухо-Маклаем (из коллекции МАЭ)

его достать. Забегая вперед, скажу, что орлан-ай мне так и не удалось увидеть.

Между тем все тот же Макин приносит на площадь еще два инструмента. Кусок бамбукового ствола, по длине и толщине напоминающий бамбу, с узкой щелью почти по всей длине, с закрытыми концами и с ручкой, которая представляет собою просто стесанную часть другой секции ствола. Это — конгон, по нему бьют сухой бамбуковой палочкой, получается резкий, довольно высокий звук, напоминающий крик дикой птицы. Конгон только что сделан, бамбук еще зеленый. Не припоминаю, чтобы я читал о нем у Миклухо-Маклая, но в словаре Ханке он упомянут.

Второй инструмент особенно любопытен. Еще накануне нам показывали небольшие — сантиметров в 10—15 длиной — узкие деревянные ножички, поверхность которых покрыта резьбой и окрашена в разные цвета, — «лоб-лоб». «Ножички» эти, по-видимому, имеют магическую функцию, это — обереги, которые мужчины втыкают в волосы, засовывают за ручные украшения во время церемониальных плясок и обрядов.

Теперь Макин с некоторой торжественностью держал большой бамбуковый шест, к которому за длинный шнур привязан один такой «ножичек». Затем он стал с силой вертеть шестом над го-

ловой, шнур натянулся, и деревянная пластинка, разрезая воздух, загудела каким-то зловещим гулом. Такое зрелище в деревне случается, видимо, не часто, потому что площадь — в тот момент, когда Макин показывал инструмент, — заполнилась взрослыми и детьми, которые громко выражали свой восторг.

Когда я теперь слушаю на магнитофонной ленте глухие завывания лоб-лоб-ая на фоне многоголосой толпы, перед глазами встают вытоптанная до блеска, без единой травинки, просторная деревенская площадь, окруженная легкими, поставленными на сваи, хижинами под крышами из пальмовых листьев, жители всех возрастов, сбегавшиеся на музыку, и скульптурная фигура Макина, напрягшего, кажется, все свои силы, чтобы получить звук помощнее. «Лоб-лоб-ай» — так называется этот инструмент, который употребляется обычно при обряде инициации и магическое назначение которого вполне очевидно.

Два месяца спустя мы осматривали отдел аборигенов Австралии в Национальном музее в Сиднее. В секции музыкальных инструментов мое внимание привлек экземпляр, представлявший как бы сильно уменьшенную модель лоб-лоб-ая: к тонкому бамбуку длиной около полуметра был привязан за шнурок — длиннее самой палки — похожий «ножичек». В сопроводительной надписи этот последний определялся как «чуринга» — магический предмет, и сообщалось, что он употреблялся в обряде инициации. Аналогия была полной.

У Миклухо-Маклая я не нашел упоминания о лоб-лоб-ае, однако в экспозиции нашего музея можно видеть привезенный им набор великолепных «ножичков». Они выставлены здесь как музыкальные инстру-

менты — «гуделки». Как появилось это определение и причастен ли к нему сам Миклухо-Маклай, мне пока не удалось выяснить.

Вечером, в доме, где мы поселились, нас ждала еще одна музыкальная находка. Папаус Амбаси, добровольно вызвавшийся помогать нашему отряду и то носивший за нами какие-нибудь вещи, то хлопотавший у костра, то просто сидевший у дверей в ожидании какого-то дела, принес откуда-то великолепную, больших размеров витую раковину. В узком конце ее была сделана дыра. Амбаси, поглядывая на нас живыми быстрыми глазами, уселся поудобнее на циновке, осмотрелся, словно бы желая убедиться, что внимание всех присутствующих обращено на него, и приставил раковину ко рту (см. рис. на обложке журнала). Мощный красивый рев разнесся далеко-далеко, словно заставляя нас вернуться к тем далеким временам, когда звуками торы — тритоновой раковины люди с острова Били-Били или с архипелага Довольных людей извещали людей Берега Маклая о своем приближении.

Большинство музыкальных инструментов, которые прошли перед нами за первые два дня работы в Бонгу, совершенно примитивны. Если исключить окам, который представляет собой довольно сложную конструкцию, все остальные до предела просты; их создателям понадобилось совсем немного, чтобы заставить звучать предметы окружающей природы — куски бамбука, раковину, пластинки дерева, пустой орех, сухую тыкву. Искусство состояло в том, чтобы выявить музыкальные возможности, скрытые в этих предметах, но собственно техническая сторона дела была совершенно элементарна.

Естественно, что нас весьма интересовала функция этих инструментов, их роль в современном быту деревни. Во времена Миклухо-Маклая большинство папуасских инструментов употреблялось лишь во время празднеств и обрядов, в которых участвовали одни мужчины. Миклухо-Маклай неоднократно отмечал факты строгого табуирования, связанного с музыкой. Запрещение для женщин и детей присутствовать на праздниках, в местах сборищ мужчин, ходить в буамбраму (мужской дом) последовательно распространялось и на слушание музыки, и на музыкальные инструменты.

«Как только дети или женщины услышат поблизости ай (музыкальный инструмент), они должны бежать. Ай вносят в буамбраму и выносят из нее только тщательно завернутыми, чтобы женщины или дети как-нибудь их не увидели. Я спрашивал папуасов много раз, почему женщины не смеют присутствовать при ай. «Нельзя, женщины и дети заболеют и умрут», — был неизменный ответ мужчин, которые были действительно в этом уверены (по крайней мере некоторые)»¹⁵.

И ниже еще: «Всеми инструментами, носящими общее название «ай», могут пользоваться только мужчины. Женщинам и детям строго запрещено смотреть на них и даже слушать вблизи»¹⁶.

«Даже всего, что стоит в связи с их изготовлением, должны избегать женщины и дети, как чего-то чрезвычайно опасного. Достаточно звука хотя бы одного из них, чтобы выгнать всех детей и женщин из деревни»¹⁷.

Я привел все эти свидетельства Миклухо-Маклая еще и для того, чтобы контраст с сегодняшним днем стал особенно заметным. Сто лет назад женщины и дети убегали от звуков «ай», теперь они сбегались на их звуки. Музыка больше не является в деревне предметом табу.

Судя по рассказу Миклухо-Маклая, в его времена еще достаточно сильно сохранялась вера в магическую силу музыки, в возможность ее таинственного воздействия, хотя и тогда уже запреты во многом отра-

¹⁵ Н. Н. Миклухо-Маклай, Указ. раб., стр. 105—106.

¹⁶ Там же, стр. 106.

¹⁷ Там же, стр. 109—110.

Рис. 6. Папуас Моулон играет на флейте «шюмбин», (фото Б. Н. Путилова)

жали, видимо, лишь традиционные привилегии мужчин и традиционную общественную ущемленность женщин. Теперь же, можно думать, магические представления о музыке сохранились лишь в связи с обрядами. Музыка в составе обряда обладает еще, как элемент этого последнего, особыми возможностями, за пределами обряда она — музыка и только, ее могут слушать все, не опасаясь и не ожидая беды.

Но по-прежнему музыка в деревне Бонгу — чисто мужское дело. Женщины и дети не берут в руки инструменты и поют без инструментального сопровождения. Аккомпанемент появляется, если к пению присоединяются мужчины.

С другой стороны, наличие старых инструментов свидетельствует о традиционности музыкальной культуры и музыкального быта. На многочисленных примерах, с которыми нам пришлось сталкиваться уже за пределами Бонгу, мы не раз убеждались, что всюду действует одна закономерность: новые песни, новый фольклор несоединимы со старыми инструментами, они либо требуют новых, либо обходятся без инструментального сопровождения вовсе.

На фоне довольно пестрой картины больших и разнообразных изменений, происходящих в современном фольклорном быту Океании, деревня Бонгу поражает цельностью и устойчивостью своей фольклорной, прежде всего музыкальной, традиции. Нам встречались острова, где уже невозможно было найти ни одного живого народного инструмента — лишь музейные экспонаты давали представление о недавнем музыкальном прошлом. Были острова, где находились один-два инструмента, как, например, лали — небольшой барабан из выдолбленного куска дерева — на Фиджи. В Бонгу же за сто лет не только не произошло ощутимых утрат, но состав традиционных музыкальных инструментов даже расширился, а с другой стороны, в деревенский быт не вошло ни одного нового, вне традиционного инструмента. Новая музыка буквально подступает к Бонгу. Несколько юношей из деревни Лалак, узнав, что тамо рус записывает песни на магнитофон, пришли специально попеть. Сначала они исполнили мне несколько старых песен из обряда инициации, а потом — и две вполне современные песни под аккомпанемент

маленькой четырехструнной гитары — укулеле. Она распространена ныне по всей Океании, молодежь не обходится без укулеле нигде, и только в Бонгу ее еще нет.

В структуре музыкально-фольклорного быта деревни Бонгу, при всей его цельности и традиционности, происходят свои перемены, к которым относится, конечно, и снятие табуирования. Насколько мы могли судить, старые инструменты в массе своей уже не пользуются в деревне такой распространенностью, как раньше. За некоторыми из них приходится организовывать поиски.

Уже в первый день я попросил показать мне папуасскую флейту из бамбука — тюмбин. Миклухо-Маклай неоднократно упоминал этот инструмент. «Бамбуковая флейта в 50—60 см длины и в 20—25 мм в диаметре — является любимым инструментом папуасской молодежи (маласси). Ее делают из междоузлия бамбука, сохраняя верхнюю и нижнюю перегородки; в нем имеется сверху и внизу по небольшому отверстию. Любители музыки не расстаются с тюмбинами и постоянно играют на них в одиночку или несколько человек вместе»¹⁸.

Как бы в подтверждение этих слов в экспозиции Ленинградского музея почетное место занимает фигура молодого папуаса: он сидит в позитической задумчивости, приложив к губам флейту, и кажется, вот-вот зазвучит она...

Когда я произнес слово «тюмбин», все хором поправили меня — не «тюмбин», а «шюмбин». Мягкое «ш» не вполне точно передает характер начального звука, так как в нем есть что-то свистящее¹⁹. Было видно, что всем этот шюмбин хорошо знаком, но — странное дело — флейта не появлялась. Не принесли ее и на следующий день. Постепенно у меня с папуасами вокруг поисков флейты завязалась своеобразная игра. Как только в наших занятиях и разговорах наступала пауза, я громко и отчетливо произносил — «шюмбин». Слово тотчас подхватывалось, повторялось, кто-то принимался либо делал вид, что принимается за поиски, затем все постепенно успокаивалось. Где-то к концу второго дня многие меня уже встречали шутливым приветствием — «шюмбин»!

На третий день утром, придя в деревню, я застал на площади большую группу людей. Все молчали, в центре стоял староста Каму, он изредка бросал короткие фразы, ему никто не отвечал. Одну из затянувшихся пауз я решил прервать все тем же — «шюмбин!» Тотчас же несколько папуасов, с трудом сдерживая смех, знаками предупредили меня, что сейчас не до шюмбина.

Оказывается, я стал свидетелем весьма напряженной сцены: люди не выполнили распоряжения старосты о выходе на какие-то общественные работы, и Каму выражал им свое недовольство, а они виновато молчали, так что мое «шюмбин» было совсем некстати.

В конце концов флейту мне нашли, затем появилась еще одна, но никто из тех, кто оказался рядом, не смог по-настоящему на ней играть. Лишь в конце нашего пребывания нашелся юноша по имени Моулон, сумевший извлечь из флейты свойственные ей нежные звуки, и мягкая, прозрачная мелодия шюмбина была записана на ленте. Кстати, современные папуасы держат флейту не боком, как это видно на рисунке, сделанном Миклухо-Маклаем²⁰, а прямо перед собой и, следовательно, дуют не в просверленную дырочку, а в верхнее отверстие, где нет перегородки.

Три инструмента, по крайней мере, в Бонгу еще живут полной жизнью — это бембу, о котором выше уже достаточно говорилось, барум и окам.

¹⁸ Там же, стр. 109.

¹⁹ У Ханке — *sumbin* (А. Н а п к е, Указ. раб., стр. 209).

²⁰ Н. Н. М и к л у х о - М а к л а й, Указ. раб., стр. 108.

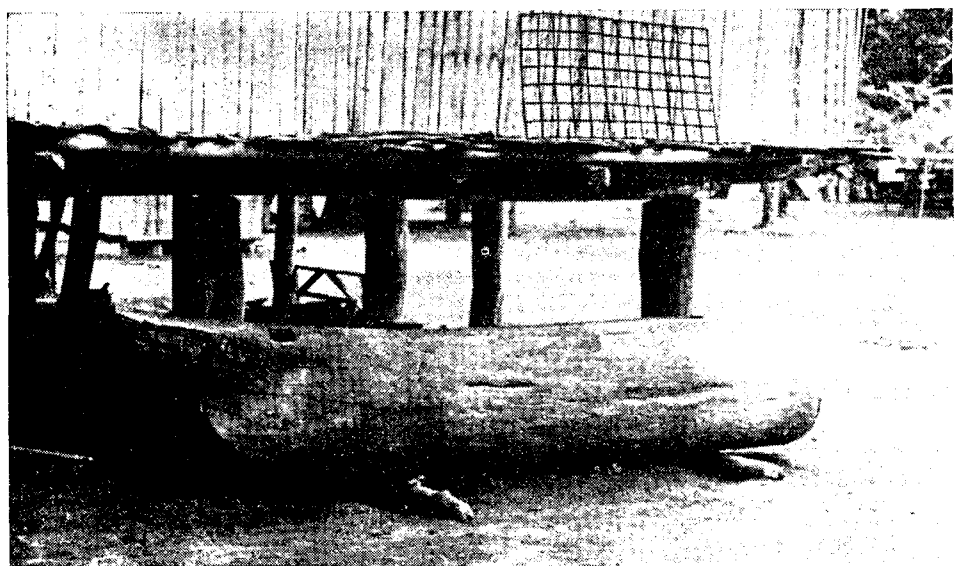

Рис. 7. «Барум» — сигнальный барабан из деревни Бонгу (фото Б. Н. Путилоза)

Барумы составляют неперемнную и заметную принадлежность деревенской обстановки. Громадные, двух- и трехметровые, а иногда даже четырехметровые, до 80 см в поперечнике, выдолбленные колоды лежат у самых хижин, а некоторые укрыты в специальных постройках с навесами. Задняя часть барумов глухая и срезана на прямую, перед же напоминает голову огромной рыбы или нос лодки. Здесь обычно два «глаза» — дыры для протягивания веревок на случай перетаскивания колоды. В передней части есть иногда резьба. На одном баруме, например, видны вырезанные ножом линии человеческого лица. Здесь же — имена мастеров, изготовивших барум, и дата — 1932 г. Иногда носу придаются фантастические очертания. Когда же мы спросили, чем объяснить такую форму барумов, нам ответили: если обрезать нос, не будет звучания.

Сверху, почти по всей длине главной части ствола, идет узкая щель. Чтобы выдолбить колоду через такую щель, нужны огромные усилия и долгий труд. На изготовление барума, в котором участвует несколько мастеров, уходит больше года. Хорошие барумы ценятся высоко и иметь их считается очень почетным. За один барум было отдано, например, семь свиней.

Бита представляет собой кусок дерева до 1 м 20 см длиной. Называется она тоба. Иногда тобу тоже украшают, например, верхний конец обрабатывают в виде рыбьей головы с открытым ртом, часть биты покрыта резьбой.

Барум — сигнальный барабан, это его главная функция, хотя нам говорили, что он может служить и аккомпанементом при хоровом пении. Держа в обеих руках тобу, папуас, регулируя силу ударов, бьет по стенке барума. У старых барабанов в середине ствола образовалась вмятина. Опытные мастера умело регулируют оттенки звучания. Под ударами тобы барум звучит то с мощным призывным звоном, то глухо и почти нежно, редкие — с паузами — удары чередуются с мягкой дробью. Существует особый язык сигналов барума, язык, который знают в деревне все. По-видимому, наряду с сигналами общедеревенскими и даже сигналами, связывающими бонгуанцев с жителями других деревень, существуют сигналы, предназначенные для членов одной семейно-родовой группы.

Рис. 8. Танец в сопровождении ударов окама, первый слева Макин (фото Б. Н. Путилова).

По нашей просьбе хозяин одного барума исполнил серию типичных сигналов. Язык каждого сигнала отличается предельной сжатостью и удивительной выразительностью. Сигнал, сообщающий о чрезвычайном происшествии, полон напряженной тревоги и призывает к готовности. Сигнал, извещающий о смерти, звучит скорбно и глухо. Напротив, ощущением постоянной радости наполняет сигнал, предупреждающий о том, что надо готовиться к празднику. Словно удары плотницкого топора, звучат сигналы, сообщающие о начале постройки дома. И, наконец, нетерпение и раздражение слышится в сигнале, передающем требование проголодавшихся мужчин к женщинам — незамедлительно возвращаться с огородов.

Удивительно, как много могут сказать и выразить удары барума. К сожалению, магнитофонная лента не смогла по-настоящему передать все это многообразие значений и оттенков и всю эту атмосферу закрепить; баруму нужны просторы, нужен воздух: он и рассчитан ведь на то, чтобы его слушали и воспринимали издали — с другого конца деревни, из лесу, с моря.

Любопытно, что сообщения, связанные с новыми явлениями быта, передаются не через барум, а другими средствами. Например, староста собирает жителей на общественные работы ударами в металлический брус, который висит на площади. Барум же сохранился в традиционном деревенском быту. И вполне возможно, что многие его сигналы звучат точно так, как их слышал когда-то из своей хижины на берегу залива Миклухо-Маклай.

Окам — единственный инструмент, о котором можно сказать, что он придуман от начала до конца, что в нем очень мало от природы, зато очень много фантазии и настоящего искусства. Формы окама совершенны, в нем есть завораживающая гармония линий, его внешние стенки украшены искусной резьбой. Все это, должно быть, не случайно, потому что окама, пожалуй, у папуасов единственный инструмент, рассчитанный не только на слуховое, но и на зрительное восприятие. Это не просто барабан, из которого извлекают нужные удары, но и предмет, которым

одновременно играют, достигая большой пластической выразительности. Эта специфическая двойная функция окама открылась нам во время церемониальных плясок, которые деревня устроила для членов экспедиции.

Когда площадь заполнилась людьми, из-за ближайших хижин слышались согласные удары большого числа окамов и в соответствии с их ритмом началось движение танцующих. Мужчины — их было двенадцать — шли немного пригнувшись, легкими пружинистыми шагами, слегка припрыгивая. Они были в темно-желтых набедренных повязках, головы их были убраны разноцветными перьями и пучками травы, украшения висели за плечами, на руках были браслеты, на груди и в зубах — украшения из кабаньих клыков, овальных раковин и других предметов. Шестие замыкала женщина, одетая в одну лишь юбку из желтых и коричневых волокон, с пышными украшениями в волосах.

Танцоры вошли в круг и здесь стали делать различные фигуры. При начале каждого очередного танца они замирали, принимая соответствующие позы, всдуший запевал, мелодия всплескивала, неожиданно и тревожно поднимаясь высоко-высоко, и так же неожиданно падала, тут же вступали остальные голоса, принимались глухо звучать окамы. Танцующие начинали двигаться, то пригибаясь к земле, то выпрямляясь, они выстраивались в линию, в два ряда, в круг, разыгрывая короткие пантомимы. Женщина все время оставалась на одном месте, в такт музыке раскачивала бедрами, юбка ее развевалась.

Каждый танец имел свое содержание. Первый был связан с возвращением из леса юношей, прошедших обряд инициации. «О дорога, расступись, дай место, я иду!» — пели мужчины. Танец так и назывался — «Дорога». Были танцы собак, рыб, плавающих между рифами во время прилива; птиц, клюющих плоды на дереве и опасаящихся охотника, бабочек, перелетающих с цветка на цветок. В движениях танцующих, в их пластических позах угадывались и прыжки животных, и порхание бабочек, и настороженное поведение птиц, и мерное накатывание волн на берег. И во всей этой игре танца, в этой непрерывной смене ритмов, поз, выражений окамы не просто звучали, но и жили, составляя органический элемент каждой пантомимы. Танцующие то поднимали их над головами, то опускали чуть не до самой земли, то выбрасывали далеко вперед, поворачивали разными концами. Окамы то звенели над площадью, то глухо шелестели у земли, вплетались в песню и снова умолкали.

Мы видели перед собой высокое искусство, в котором сливались во едино песня, пляска, музыка и в котором выразительность пантомимы достигалась благодаря опыту и мастерству, бережно передаваемому из поколения в поколение.

Окамы хранятся во многих домах бонгуанцев. Мы не видели среди них столь же нарядных, подкрашенных, отделанных пучками перьев и другими украшениями, какие некогда привез с собой в Россию Миклухо-Маклай. Мастерство отделки окамов стало, видимо, сдержаннее, оно выражается лишь в искусной резьбе. Но сами окамы продолжают звучать в Бонгу, оставаясь по праву на первом месте среди других инструментов, завещанных традицией. Больше, чем любой из них, окама связывает сегодняшнего бонгуанца с его прошлым, несет на себе печать древней и высокой художественной культуры папуасов.

Для нас же, потомков и преемников научного дела Миклухо-Маклая, и окама, и барум, и илполь-ай, и ай-кабрай звучат теперь так же близко и живо, как звучали они для него столетие назад.

РАБОТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР В 1971 ГОДУ

Научно-исследовательская работа Института этнографии в 1971 году протекала в обстановке значительного творческого подъема в связи с подготовкой к XXIV съезду КПСС и претворением в жизнь исторических решений съезда.

На современном этапе наиболее важными и перспективными для Института являются проблемы изучения современных этнических и культурно-бытовых процессов у народов СССР и зарубежных стран, а также проблемы этногенеза и этнической истории, истории формирования национальных культур, общие вопросы народонаселения. Большое внимание уделяется разработке теоретических проблем этнографической науки. В 1971 г., в частности, продолжалось изучение закономерностей процессов формирования и развития этнических общностей.

Наряду с этнографией в Институте представлены родственные науки — антропология и фольклористика. Важнейшие проблемы антропологии связаны с изучением этногенеза СССР и других стран. Основные проблемы фольклористики охватывают вопросы происхождения и развития различных фольклорных жанров, их использования в качестве историко-этнографического источника. В исследовании устного народного творчества отчетливо обозначена тенденция к более тесной связи с изучением народного быта, особенно обрядности.

В последние годы получили значительное развитие две новые отрасли знания на границе этнографии и смежных с ней наук — этногеография и этносоциология. Созданная в Институте группа ономастики стала организующим научным центром исследования в этой области по всей стране. В Институте представлены также отдельные разделы археологии, тесно связанные с изучением этногенеза народов. В составе некоторых этнографических подразделений (Сектор народов Африки и др.) имеются лингвистические ячейки, занимающиеся исследованиями бесписьменных и младописьменных народов.

В 1971 г. Институтом этнографии АН СССР опубликовано 35 книг (около 700 а. л.) и одна карта. Кроме того вышли в свет 18 внеплановых книг сотрудников Института общим объемом 285 а. л.

Исследованию процессов преобразования хозяйства и культуры народов нашей страны за годы Советской власти посвящен коллективный труд «Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера», подготовленный к столетию со дня рождения В. И. Ленина (отв. ред. И. С. Гурвич). В книге показан, как осуществляется ленинская национальная политика в условиях Крайнего Севера в наши дни, анализируются государственное строительство на Севере, развитие языков народов Севера, система подготовки местных специалистов, переустройство хозяйства, культуры и реконструкция быта в отдельных северных национальных округах.

О преобразовании быта и культуры народов в настоящее время говорится и в работах историко-этнографического плана. Так, огромные изменения в культуре русских Сибири за последние десятилетия показаны в коллективном труде «Быт и искусство русского населения Восточной Сибири», часть 1 (16 а. л., отв. редакторы В. И. Маковецкий, Г. С. Маслова). В книге Т. В. Лукьянченко «Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX—XX вв.» (9, 8 а. л.) описано развитие элементов материальной культуры саамов, прослежены и основные изменения в культуре этого народа за советское время. В работе В. В. Антроповой «Культура и быт коряков» (15 а. л.), наряду с исследованием особенностей традиционной культуры и бытового уклада коряков до революции, показан процесс преобразования их хозяйства и быта, вовлечения малой народности в общее русло социалистического строительства.

Проблемы современности были также предметом социологических исследований. Книга Ю. В. Арутюняна «Социальная структура сельского населения в СССР»

(20 а. л.) посвящена истории формирования социальной структуры сельского населения нашей страны на разных этапах развития советского общества. Автор уделяет большое внимание закономерностям изменения национальных отношений в различных этнических и социальных средах.

В первом выпуске задуманной серии публикаций об экспедиционной работе сотрудников Института,—«Итоги полевых работ Института этнографии АН СССР в 1970 г.» (11,25 а. л., отв. ред. В. Н. Басилов, З. П. Соколова, А. Е. Тер-Саркисянц) собраны небольшие по объему статьи, характеризующие изучение традиционной культуры и быта народов страны и происходящие в их жизни изменения.

В 1971 г. вышло несколько работ по традиционной для Института этнографии теме — историко-этнографическому изучению различных районов СССР. Монография В. Ю. Крупянской и Н. С. Полищук «Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.)», (20,4 а. л.) написана на основании этнографического изучения одного из старейших промышленных районов России. Авторы рассматривают культуру и быт рабочих в связи с особенностями формирования рабочего класса в этом районе. Историко-этнографическое описание осетин дано во втором издании монографии Б. А. Калоева «Осетины» (30 а. л.).

Коллективные труды «Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—начале XX вв.» (22,4 а. л., отв. ред. В. К. Гарданов), «Занятия и быт народов Средней Азии» (25,2 а. л., отв. ред. Н. А. Кисляков), а также «Сельские поселения Прибалтики (XIII—XX вв.)» (15,8 а. л., отв. ред. В. А. Александров, Н. В. Шлыгина), вносят существенный вклад в подготовку региональных историко-этнографических атласов. В книге «Сельские поселения Прибалтики» значительное внимание уделено методике картографирования поселений. На конкретном материале опровергаются теории буржуазных ученых об изначальности частной собственности на землю и хуторской системы расселения в Латвии.

Теоретические основы сравнительно-исторического метода изучения фольклора разрабатываются в монографии Б. Н. Путилова «Русский и южнославянский героический эпос (сравнительно-типологическое исследование)», (21 а. л.).

Для изучения истории русского фольклора и фольклористики в целом значительный интерес представляет составленный Н. В. Новиковым сборник «Русская сказка в ранних записях и публикациях» (20 а. л.). Автор опубликовал записи сказок из малодоступных изданий и архивов, дал к ним подробные комментарии.

Проблемы ономастики на материалах различных народов освещены в сборниках «Этнография имен» (17 а. л., отв. редактор В. А. Никонов) и «Ономастика Поволжья, 2» (отв. редакторы Г. А. Исаева, В. А. Никонов, 23,5 а. л.).

Сотрудники Института продолжают историко-этнографическое изучение народов зарубежных стран. Одна из самых значительных работ в этом плане — монография Р. В. Кинжалова «Культура древних майя» (28 а. л.), посвященная основным этапам формирования и развития культуры майя с XV в. до н. э. В книге, написанной на основе новых данных, впервые с марксистских позиций показано становление оригинальной культуры древних майя, ее развитие и гибель в результате вторжения завоевателей-европейцев.

Широкий круг проблем африканской культуры рассматривается в труде «Africa-na. Африканский этнографический сборник», т. VIII (25,6 а. л., отв. ред. Д. А. Ольдерогге). Обсуждаются нерешенные проблемы ранней истории и этнографии Африки. Ряд статей посвящен исследованию крупнейших африканских языков.

В монографии С. Г. Федоровой «Русское население Аляски и Калифорнии, конец XVIII в.—1867 г. (опыт историко-этнографической характеристики)» (19,8 а. л.) исследуются взаимосвязь процессов колонизации Сибири и Северо-Западной Америки, основные этнографические особенности русского населения на Аляске, взаимовлияние русской и аборигенной культуры, стойкость русских национальных традиций на Аляске после продажи ее правительству США и др.

Ряд публикаций 1971 г. продолжают изучение проблем этногенеза разных народов мира. В границах нашей страны эту тему освещают работы Л. М. Левиной и С. М. Абрамзона.

В книге Л. М. Левиной «Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в первом тысячелетии нашей эры» (27 а. л.) рассмотрена история племен, живших по берегам Сырдарьи. Основным источником для воссоздания малоизученных этнических процессов этой области служит наиболее массовый археологический материал — керамика.

В монографии С. М. Абрамзона «Киргизы в этногенетических и историко-культурных связях с народами сопредельных стран» (28,35 а. л.) впервые обобщены накопленные на сегодняшний день данные науки, позволяющие проследить сложные судьбы киргизского народа в течение многих минувших столетий.

Ряд трудов посвящен этногенезу зарубежных народов. Наиболее капитальный из них — книга М. Г. Левина «Этническая антропология Японии» (21 а. л.). Этот труд основан на результатах статистической разработки антропологических данных о населении всех провинций Японии и превосходит все имеющиеся сводные работы по антропологии этой страны числом исследуемых признаков. Высокое качество собранных материалов позволило автору заново поставить все вопросы формирования антропологического типа японцев в связи с проблемой их этногенеза.

В монографии Д. Е. Еремеева «Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории)» (15,4 а. л.) показаны сложные пути формирования турецкого народа из многочисленных разнородных компонентов. Книга Н. А. Красновской «Фриулы» (10,7 а. л.) представляет собой первое монографическое описание этого народа, его этногенеза и этнической истории.

Публикации 1971 года отражают некоторые результаты продолжавшегося изучения социального развития человечества. Работа Т. Д. Златковской «Возникновение государства у фракийцев (VII—V вв. до н. э.)» (20 а. л.) имеет важное значение для выяснения как общих закономерностей возникновения классового общества и государства, так и особенностей этого процесса у племен, находившихся в непосредственном контакте с более развитыми рабовладельческими государствами античного мира. В книге А. М. Хазанова «Очерки военного дела сарматов» (18 а. л.) показаны пути становления классового общества у ранних кочевников европейских степей, т. е. общества с другим хозяйственным укладом.

В монографии Г. И. Анохина «Общинные традиции норвежского крестьянства» (14 а. л.) прослеживается возникновение и трансформация норвежской общины в ее различных социально-экономических функциях вплоть до пережиточных форм общинных традиций в наше время.

Две публикации истекшего года посвящены истории религии. Работа Ю. А. Рапопорта «Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии)» (15 а. л.) освещает многие особенности религиозных верований древней Средней Азии, прежде всего, местного варианта зороастризма. В коллективном труде «Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX вв.» (Сборник МАЭ, т. 27, 25 а. л., отв. ред. Л. П. Потапов, С. В. Иванов) рассматривается широкий круг вопросов, связанных с религиозными верованиями и ритуалами. Материалы статей позволяют также лучше осветить ряд проблем этногенеза и культурных связей народов Сибири.

Большой интерес представляет историко-этнографическое изучение народов, оказавшихся в сфере губительного воздействия колониализма. В монографии Д. Д. Тумаркина «Гавайский народ и американские колонизаторы (1820—1865 гг.)» (31 а. л.) освещен решающий этап «американизации» Гавайев (утверждение христианства, превращение архипелага в базу американских китобоев и плантационную колонию американского капитала), прослежены изменения в культуре и быте островитян под влиянием колонизации.

Книга А. Д. Дридзе «Ямайские маруны» (12,7 а. л.) посвящена важному периоду истории национально-освободительного движения на Ямайке, которое почти не было отражено в литературе.

О процессах национального развития в зарубежных странах говорится в ряде публикаций 1971 г. В монографии М. Я. Берзиной «Формирование этнического состава населения Канады (этностатистическое исследование)» (12,3 а. л.) рассмотрены этнические процессы в Канаде, имеющей в результате иммиграции исключительно сложный состав населения. Большой интерес представляет рассмотрение общностей особого типа — переходных групп, несущих черты двух этносов, но не принадлежащих полностью ни к одному из них. В труде Л. А. Файнберга «Очерки этнической истории зарубежного Севера (Аляска, Канадская Арктика, Лабрадор, Гренландия)» (14,8 а. л.) основное внимание уделено периоду, начиная с капиталистической колонизации американского Севера до настоящего времени.

Ежегодник «Расы и народы», вып. 1 (22 а. л., отв. ред. И. Р. Григулевич) посвящен получившей в настоящее время большое научное и политическое значение разработке вопросов, связанных с проблемой рас, расизма, межнациональных и племенных отношений, этнических процессов в разных странах и регионах мира. Часть работ первого выпуска носит теоретический характер, другие характеризуют конкретные этнорасовые ситуации.

Большое внимание уделено критике реакционных течений в буржуазной науке. Продолжающаяся работа по изучению истории науки отражена в статьях сборника «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. V (20,4 а. л., отв. ред. Р. С. Липец). В этой публикации освещен в основном советский период (1920—30-е годы); показано становление марксистской методологии, принципов комплексного изучения человека. Важному этапу развития отечественной науки посвящена книга А. В. Ефимова «Из истории великих русских географических открытий» (20 а. л.)

Источниковедческий характер имеет сборник «К берегам Нового Света. Из неопубликованных записок русских путешественников начала XIX в.», составленный Л. А. Шуром (19 а. л.). Составитель впервые вводит в научный оборот документы, которые могут служить прекрасным источником для изучения многих стран Америки. Опубликованные документы сопровождаются комментариями.

Значительным научным событием минувшего года следует считать публикацию документов «Материалы по истории Якутии XVII в.» (52 а. л., отв. ред. С. А. Токарев), которая вводит в научный оборот важные источники по истории и этнографии якутов.

В 1971 г. вышла из печати карта «Народы мира» (масштаб 1:20 000 000), второе, переработанное и дополненное издание — большой коллективный труд лаборатории этнической статистики и картографии, — составленная и изданная совместно с Научно-редакционной картосоставительной частью Главного управления геодезии и картогра-

фии. Карта предназначена для преподавателей и учащихся высших и средних учебных заведений и для всех, кто интересуется вопросами народонаселения мира.

В 1971 г. увидел свет 11-й том «Трудов VII МКАЭН» (71 а. л.), включающий материалы секции «Северная Америка», «Южная и Центральная Америка», «Европа», «Музееведение» и симпозиумов «Карпатская этнографическая область», «Аграрная этнография», «Этнография города и промышленного поселка». Вышедший из печати том завершил публикацию трудов VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук.

Сотрудниками Института было также опубликовано свыше 100 статей в журналах «Советская этнография», «Вопросы истории», «Вопросы философии», «Вопросы антропологии» и др.

Редакция журнала «Советская этнография» в 1971 г. провела большую работу. В журнале были напечатаны статьи об актуальных задачах советской науки, связанных с идеологической работой, прежде всего, с претворением в жизнь решений XXIV съезда КПСС. Ставились важные теоретические проблемы: наследие Ф. Энгельса и антропологическая наука, характер социальных связей в эпоху перехода к классовому обществу, взаимоотношение фольклористики и этнографии и др. Были опубликованы материалы, посвященные 125-летию со дня рождения Н. Н. Миклухо-Маклая и столетию с начала его экспедиционных работ на Новой Гвинее. На страницах журнала продолжались дискуссии о сущности и типологии этноса, об основных проблемах агроэтнографии и истории первобытного общества. Начата дискуссия о сущности первобытной магии. Значительное место на страницах журнала отведено освещению современной культуры и быта, а также этнических процессов у народов СССР и зарубежных стран. Продолжалась публикация статей зарубежных ученых.

* * *

Коллектив Института этнографии успешно выполнил план научно-исследовательской работы на 1971 год.

В отчетном году научные исследования группировались вокруг следующих проблем:

- 1) Культура и быт народов СССР в период развитого социалистического общества; история национального строительства в СССР; современные этнические процессы у народов СССР.
- 2) Современные национальные процессы у народов мира.
- 3) Возникновение человека и человечества; закономерности формирования классового общества, особенности развития и смены социально-экономических формаций; генезис и развитие феодализма у народов Азии и Африки.
- 4) Проблемы этногенеза; историко-этнографическое изучение культуры народов СССР; история культуры зарубежных народов.
- 5) Закономерности функционирования и развития африканских языков; изучение исторических систем письма и дешифровка.
- 6) История этнографии, антропологии и фольклора.
- 7) История религии и атеизма.
- 8) Этнографические аспекты проблемы народонаселения.

Важнейшее место в работе Института занимали исследования, посвященные современным культурно-бытовым и этническим процессам у народов СССР, консолидации и сближению социалистических наций. Разработка этой проблемы имеет важное теоретическое и практическое значение. В отчетном году в авторской части завершен капитальный обобщающий коллективный труд «Современные этнические процессы в СССР» (40 а. л., отв. ред. Ю. В. Бромлей), в котором впервые обобщены итоги исследований современных этнокультурных, этнодемографических и этносоциальных процессов в масштабах всей страны. На обширном фактическом материале, собиравшемся в течение нескольких лет по всем регионам нашей страны, в монографии прослеживаются основные тенденции этнического развития советских народов. Выявлена также местная специфика этих тенденций в отдельных республиках СССР.

Проблемы этнического развития в наше время занимают важное место в завершенной в отчетном году книге Н. Г. Волковой «Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII—XX вв.» (17 а. л.).

Продолжалось исследование специфики культурно-бытовых процессов у народов СССР, изменений в традиционных формах культуры, возникновения новых традиций и создания новых общесоветских черт культуры и быта. В минувшем году началась работа над сборником «Этнические и культурно-бытовые процессы среди национальных меньшинств юго-запада СССР» (отв. ред. Ю. В. Бромлей), посвященным проблеме устойчивости этнических традиций у различных народов, живущих в инонациональном окружении.

Для исследования характера и специфики развития культурно-бытовых процессов у различных народов СССР наряду с другими применяется метод этносоциологического обследования, предполагающий использование массовых статистических и анкетных

данных. В истекшем году продолжалась подготовка сборника «Проблемы этносоциологии» (отв. ред. Ю. В. Арутюнян), а также проводилась разработка проблемы «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР» (рук. Ю. В. Арутюнян). Это последнее исследование позволит выявить взаимосвязь процессов социального и культурного развития разных народов нашей страны, зависимость социальных и культурных процессов от урбанизации и степени индустриального развития республик, определить влияние научно-технической революции на изменение социальной и профессиональной структуры наций и т. д. В отчетном году завершена программа исследования. Осуществлялся сбор материала по разделам «Языковые процессы», «Материальная культура», «Национальные отношения».

Уже в течение многих лет сотрудники Сектора Севера ведут разработку темы «Основные пути подъема хозяйства, культуры и реконструкции быта у малых народов Севера» (рук. С. И. Гурвич).

Как и в прежние годы, Институт продолжает изучение городского населения. В отчетном году завершена авторская работа над коллективной монографией «Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила» (20 а. л., отв. ред. К. В. Чистов); для исследования жизни рабочих одного из городов Урала в советский период широко использованы анкетные и статистические данные.

Продолжается исследование закономерностей национальных процессов в зарубежных странах, особенно у народов развивающихся стран. В завершенных коллективных трудах «Проблема формирования и развития наций Латинской Америки» (20 а. л., отв. ред. С. А. Гонионский) и «Этнические процессы в странах Южной Азии» (20 а. л., отв. ред. Н. Р. Гусева, Н. Н. Чебоксаров) освещается своеобразие национальных отношений в ряде стран, взаимоотношения с соседними народами, влияние политической ситуации на национальные процессы, роль религии в национальных процессах.

В Институте широко проводятся этнодемографические исследования. Разработку этнографических аспектов проблемы народонаселения осуществляет Лаборатория этнической статистики и картографии. В 1971 г. Лаборатория готовила «Атлас населения мира» — крупный обобщающий этногеографический материал и этнодемографический труд, состоящий из более чем 150 карт, пояснительного текста и статистических таблиц. В истекшем году составлены авторские оригиналы 25 карт и написано 10 а. л. текста (включая таблицы). Руководит работой С. И. Брук.

Важное место в работах Института занимают проблемы общей этнографии. Многие из этих проблем стали предметом оживленных научных дискуссий как в СССР, так и за рубежом, и их разработка имеет не только большое теоретическое, но и мировоззренческое значение.

Как и в прежние годы, большое внимание уделялось расовой проблеме, связанной с борьбой против современных буржуазных расистских теорий. В 1971 г. завершен ежегодник «Расы и народы», вып. III (отв. ред. И. Р. Григулевич, 25 а. л.), разоблачающий попытки обосновать расизм на материалах антропологии и этнографии.

По теме «Возникновение человека и человечества» продолжалась начатая в 1967 году работа над монографией «Человеческие расы и пути их формирования (факторы расообразования)» (рук. В. В. Бунак). Начата подготовка коллективного труда «Расы человека и их история» (рук. В. П. Алексеев). Готовится коллективный труд «Население эпохи неолита и энеолита (реконструкция антропологических типов)» (рук. Г. В. Лебединская); в нем предусмотрена серия реконструкций по материалам всех открытых на территории СССР могильников указанного периода.

Продолжается исследование закономерностей исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой. По этой проблеме завершены две коллективных монографии — «Проблемы социальной организации народов Азии и Африки» (25 а. л., отв. ред. — Д. А. Ольдерогге, Н. А. Бутинов) и «Вопросы социальной организации народов мира» (25 а. л., отв. ред. А. М. Решетов, Ч. М. Таксами). На большом фактическом материале рассматриваются закономерности социального развития в доклассовую эпоху и в период зарождения классов у разных народов мира.

В. Р. Кабо продолжает работу над монографией «Первобытная доземледельческая община». Близка к завершению книга Н. А. Бутинова «Общественный строй народов северо-западной Меланезии». Проблема закономерностей социального развития исследуется также в рамках темы «Генезис и развитие феодализма». В 1971 г. продолжалась подготовка трудов: В. А. Александрова «Сельская община в позднефеодальной России XVII—XVIII вв.» и М. Г. Рабиновича «Очерки этнографии русского феодального города».

Значительное место в работе Института в отчетном году занимали исследования в области этногенеза и истории формирования культуры народов СССР. Большое значение для научной разработки проблем этногенеза имеет подготовка в тесном сотрудничестве с академиями наук союзных республик региональных историко-этнографических атласов («Украины, Белоруссии и Молдавии», «Прибалтики», «Кавказа», «Средней Азии и Казахстана»).

Институт этнографии как головное учреждение координировал работу над атласами. Вопросы, связанные с подготовкой атласов, широко обсуждались на годичной сессии Отделения истории АН СССР (г. Тбилиси) по итогам полевых исследований, и на

состоявшейся в Ленинграде конференции «Ареальные исследования в языкознании и этнографии». В отчетном году продолжалась работа над картами и текстом.

Проблемы этногенеза в Институте этнографии исследуются комплексно, с учетом не только этнографических материалов, но также и данных археологии, антропологии и лингвистики. Так, в отчетном году завершена монография Е. Е. Неразик «Сельские поселения Древнего Хорезма» (объем — 20 а. л.), в которой прослеживается эволюция типов поселения и жилищ Хорезма на протяжении около двух тысяч лет; это дает возможность осветить существенные стороны этнической истории хорезмского оазиса.

Завершен коллективный труд «Дворец Топрак-кала» (25 а. л., отв. ред. С. П. Толстов, Е. Е. Неразик). Накопленный за последнее время материал дал свидетельства широких этнических и культурных связей населения Хорезма в эпоху расцвета империи Хорезмшахов (III—IV вв. н. э.).

Закончена авторская работа над монографией В. П. Алексеева «Происхождение народов Кавказа» (по данным антропологии) (25 а. л.) — первое сводное исследование этнической истории народов Кавказа.

Закончен сборник «Проблемы этногенеза и этнической истории народов Севера» (20 а. л., отв. ред. С. И. Гурвич), в статьях которого на основании новых полевых материалов рассматриваются не получившие до сих пор окончательного решения сложные вопросы этнической истории ряда народов Севера.

Готовились монографии по этнической истории отдельных областей страны (Т. А. Жданко «Очерки этнической истории Приаралья» и И. И. Гохман «Сибирь в гунское время»). Продолжалась работа над книгами «Этническая одонтология СССР» (авторы — А. А. Зубов и Н. И. Халдеева) и «Генетика популяций населения Средней Азии и Кавказа» (автор А. А. Воронов). Начата подготовка коллективного труда «Проблема оседлого и кочевого населения Хорезма» (отв. ред. М. А. Итина).

В тесной связи с проблемами этногенеза и этнической истории находится исследование истории формирования культуры народов СССР. До сих пор не решены многие важные вопросы, связанные с общей оценкой традиционной культуры целого ряда народов; по многим ареалам не накоплен даже достаточный фактический материал. Изучение традиционных культур актуально в плане идеологической работы: сравнение с прошлым наглядно показывает, как велики преобразования в жизни народов за годы советской власти.

В 1971 году подготовлена к печати книга Г. В. Цулая «Лазы. Историко-этнографический очерк» (6 а. л.). В ней впервые на русском языке освещена этническая, политическая и культурная история западнорусинского племени на протяжении более чем 2000 лет.

Ч. М. Таксами в 1971 г. готовил монографию «Основные проблемы истории и этнографии нивхов (в связи с историей народов Амурского бассейна и Сахалина)» и Г. С. Маслова — книгу «Орнамент русской народной вышивки». Начата работа над книгой «Восточнославянские весенние обряды» (автор В. К. Соколова).

Много сделано в области этногенеза и этнической истории зарубежных народов.

В отчетном году подготовлена монография Н. Н. Чебоксарова «Этническая антропология Китая» (30 а. л.), посвященная вопросам этнической антропологии китайцев и др. народов Китая. Эти проблемы рассматриваются в тесной связи с этногенезом и этнической историей народов Восточной Азии в целом. Этот труд направлен против великоханьского шовинизма, который наложил заметный отпечаток на исследования ряда китайских специалистов.

Большой вклад сделан в изучение этногенеза монгольских народов. Этой проблеме посвящены завершенные работы И. М. Золотаревой «Этническая антропология монгольских народов» (18 а. л.) и В. П. Викторовой «Очерки этнической истории древнемонгольских племен» (15 а. л.).

Подготовлены к печати монографии: И. М. Семашко «Бхилы. Историко-этнографическое исследование» (12 а. л.), Д. Б. Логашовой «Туркмены Ирана. Историко-этнографическое исследование» (10 а. л.). В этих трудах наряду с описанием традиционной культуры подробно рассматриваются вопросы происхождения исследуемых народов.

В плане историко-этнографического изучения народов зарубежных стран закончено несколько работ. Сборник «Весенний цикл народных обычаев и обрядов в странах Зарубежной Европы» (30 а. л., отв. ред. С. А. Токарев) представляет собой опыт систематизации данных по народной обрядности и обычаям, связанным с традиционными сельскохозяйственными занятиями.

В монографиях Р. Г. Ляпуновой «Материальная культура алеутов» (15 а. л.), К. В. Вяткиной «Хозяйство и культура монголов МНР» (12 а. л.), а также коллективном труде «Культура и быт народов зарубежной Азии, Австралии и Океании» («Сборник МАЭ», т. 29. 25 а. л. (отв. ред. Р. Ф. Итс), дан анализ традиционной культуры ряда народов в их историческом развитии. В коллективном труде «Основные вопросы африканистики (к 70-летию члена-корреспондента АН СССР Д. А. Ольдерогге)» (30 а. л., отв. ред. Ю. В. Бромлей), рассматриваются важнейшие теоретические проблемы, связанные с историко-этнографическим изучением народов Африки. Продолжалась подготовка книги О. А. Ганцкой «Народные традиции в современном быту поляков (на примере семейной обрядности)».

Советские этнографы принимают активное участие в работе над «Историко-этнографическим атласом Европы», создаваемым учеными разных стран под руководством международной Постоянной комиссии этнографического атласа (в СССР эту работу возглавляют С. И. Брук и С. А. Токарев). Цель атласа — изучение историко-культурных связей народов Европы. Задачам историко-этнографического изучения народов зарубежных стран подчинены три подготовляемых историко-этнографических труда: «Источники по истории и этнографии Африки» (IV том — «Арабские источники», отв. ред. Д. А. Ольдерогге, В. И. Беляев), «Русские источники по этнографии и истории Америки (по материалам Калифорнии первой половины XIX века)» (составитель — Л. А. Шур), «Сведения китайских источников (ранее XI в.) о странах и народах Африки и проблема культурных связей в бассейне Индийского океана» (отв. ред. Д. А. Ольдерогге).

Институт продолжал исследования и в области истории религии, имеющие важное теоретическое, а также практическое значение для идеологической работы. Завершена работа над сборником «К истории религиозных воззрений и обрядности народов Средней Азии» (25 а. л., отв. ред. В. Н. Басилов, Г. П. Снесарев). Главное место в сборнике отведено освещению малоизученных пережитков шаманства и протонародных форм суфизма в Средней Азии. Продолжалась работа над сборником «Шаманство у народов Сибири» (отв. ред. И. С. Вдовин). И. Р. Григулевичем начата подготовка монографии «Католическая церковь в Испанской Америке в XVI—XVIII вв.»

Фольклористы Института работали над монографией «Методология историко-сравнительного изучения фольклора». Группа ономастики готовит справочник «Системы личных имен у народов мира».

В 1971 году по-прежнему большое внимание уделялось исследованиям в области истории исторической науки. Завершен VI выпуск серии «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии» (20 а. л., отв. ред. Р. С. Липец), где характеризуется развитие этих отраслей советской науки в 20—40-е годы. Уже написана значительная часть монографии С. А. Токарева «История зарубежной этнографии». Ю. П. Аверкиев работает над монографией «История теоретической мысли в американской этнографии XIX—XX вв.»

В минувшем году продолжались исследования языковых систем, имеющие и большое практическое значение. Этой проблематике будет посвящена монография «Лексико-синтаксические группы слов в семито-хамитских языках группы Чад». Продолжается также дешифровка древних форм письменности.

Из других исследовательских работ следует упомянуть об участии сотрудников Института в подготовке «Атласа Всемирной истории».

Расширились масштабы экспедиционных работ по разным проблемам научных исследований. В течение 1971 года в разные районы страны было совершено 44 выезда отрядов и групп, входящих в состав 10 экспедиций. За рубежом работали две экспедиции — Тихоокеанская и Индийская.

Работы на островах Тихого океана провел этнографический отряд, участвовавший в 6-м рейсе научно-исследовательского судна «Дмитрий Менделеев». Во время четырехмесячного пребывания экспедиции в молодых независимых государствах Океании (Науру, Фиджи, Западное Самоа), а также в колониях (Новая Гвинея, Новые Гебриды, Новая Каледония, о-ва Гилберта и Эллис) изучались изменения в культуре и быте островитян, вызванные воздействием «западной» культуры. Особенно большой материал собран отрядом в деревне Бонгу (Новая Гвинея); полученные там сведения существенно дополняют описание традиционной культуры папуасов, оставленное Н. Н. Миклухо-Маклаем, а также показывают какими путями развивалась культура местного населения за истекшие 100 лет. Наряду с этнографическими исследованиями проведены антропологические и лингвистические изыскания, сделаны записи образцов фольклора, приобретены экспонаты для Музея антропологии и этнографии¹.

Целью Индийской экспедиции были совместные советско-индийские антропологические исследования эндогамных групп Индии. В результате двух месяцев работ, проводившихся по разработанной советскими учеными широкой комплексной антропологической программе, всесторонне обследовано около 500 человек. Получены данные по народам Индии, представляющие ценнейший материал для этногенетических и популяционно-генетических исследований.

В 1971 г. сотрудники Института этнографии приняли участие в работе 35 научных сессий, конференций, совещаний и симпозиумов. Ими было подготовлено свыше 160 докладов по различным проблемам этнографии, антропологии, социологии, фольклористики, ономастики и других смежных научных дисциплин.

Среди конференций истекшего года особо следует отметить юбилейную конференцию по проблемам океанистики (г. Ленинград, май), проведенную совместно с Институтом востоковедения АН СССР и Советским национальным комитетом Тихоокеанской научной ассоциации. Она была приурочена к двум знаменательным датам — 125-летию со дня рождения Н. Н. Миклухо-Маклая и 100-летию со дня его высадки на Новую Гвинею. На конференции был рассмотрен широкий круг проблем этнографии, антропологии, истории, лингвистики, географии и экономики стран Океании. Специальные заседания были отведены докладам, освещающим научную и обществен-

¹ См. Д. Д. Тумаркин, По островам Океании, «Сов. этнография», 1972, № 2.

ную деятельность Н. Н. Миклухо-Маклая. К началу конференции было приурочено открытие в Музее антропологии и этнографии мемориальной выставки².

Как и в прежние годы, Институт этнографии АН СССР принял участие в сессии Отделения истории АН СССР, посвященной итогам полевых исследований в области археологии и этнографии (апрель, г. Тбилиси). На пленарных заседаниях Отделения и на секциях были заслушаны доклады по различным вопросам этнографии, антропологии и фольклора. Большой интерес вызвали обобщающие доклады, посвященные этническим процессам (Ю. В. Бромлей «К вопросу об объективных основаниях этнического самосознания», С. А. Арутюнов и Н. Н. Чебоксаров «Расы, этнос, популяция», Ю. В. Арутюнов «К перспективам развития этносоциологических исследований в СССР», К. В. Чистов «К вопросу об изучении этнических процессов в духовной культуре народов СССР»), а также доклады, освещающие подготовку региональных историко-этнографических атласов (Т. А. Жданко «Историко-этнографический атлас Средней Азии и Казахстана», Л. Н. Терентьева «Основные принципы построения историко-этнографического атласа Прибалтики» и др.).

Во время сессии работали проблемные секции («Современные этнические процессы в СССР и историко-этнографическое картографирование», «Народное искусство и фольклор», «Антропология») и региональные (Европейской части СССР и Кавказа). В докладах секции «Современные этнические процессы» основное внимание было уделено вопросам отражения этнических процессов в культуре народов, опыту картографирования отдельных элементов культуры. Доклады, представленные на региональные секции, затрагивали разнообразные вопросы, главным образом, связанные с подготовкой атласов. Большое внимание уделялось изучению современности³.

Среди проведенных Институтом конференций следует отметить вторую научную конференцию «Этнография и фольклор» (февраль, г. Ленинград), вновь подчеркивавшую необходимость комплексного исследования этнографии и фольклора⁴. Институт этнографии участвовал в совещании по социологическим проблемам сельского населения (март, г. Москва)⁵, в Кавказском ономастическом семинаре (апрель, г. Махачкала)⁶ и т. д.

Наиболее значительной из конференций всесоюзного значения, в которых принимал участие Институт, явилась теоретическая конференция «Расизм — идеология империализма, враг общественного прогресса», организованная Секцией общественных наук Президиума АН СССР совместно с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Университетом дружбы имени П. Лумумбы (Москва, декабрь). На секционных заседаниях конференции Институт был представлен шестью большими теоретическими докладами: Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров «Классики марксизма-ленинизма о расовых и этнических группах человечества», В. П. Алексеев «Антропологические аспекты расовой проблемы», Ю. П. Аверкиев «Расовая дискриминация индейцев США», И. Р. Григулевич «Решение расового вопроса на революционной Кубе», А. И. Мухлинов «Империалистическая политика геноцида в Индокитае», Э. Л. Нитобург «Дискриминация негритянского населения в США».

Сотрудники Института этнографии принимали участие также во Всесоюзной научной конференции «Ленинизм и Латинская Америка», Всесоюзной конференции «Основные направления в изучении фольклора», Межвузовской конференции по проблеме народонаселения Средней Азии (Ташкент), Всесоюзной научно-методической конференции по атеистическому воспитанию учащихся национальных школ (Махачкала), в совещании «Социологические проблемы развивающихся стран» (Москва) и др.

* * *

В отчетном году советские этнографы продолжали развивать сотрудничество с учеными зарубежных стран. Они участвовали в работе ряда международных организаций, были представлены на 2 международных конгрессах и 9 конференциях и совещаниях, что способствовало выяснению современного состояния научных исследований за рубежом и ознакомлению иностранных специалистов с трудами советских ученых.

Важное значение имело участие Института в двух крупнейших международных конгрессах, на которых обсуждались актуальные проблемы общественных наук: 1 Меж-

² См. П. И. Пучков, Научная конференция, посвященная 125-летию со дня рождения Н. Н. Миклухо-Маклая, «Сов. этнография», 1971, № 5; Л. Г. Розина. Мемориальная выставка, посвященная Н. Н. Миклухо-Маклаю, «Сов. этнография», 1971, № 6.

³ См. подробнее: В. С. Кондратьев, Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1970 года, «Сов. этнография», 1971, № 5.

⁴ См. Г. Г. Шаповалова, Вторая научная конференция «Этнография и фольклор», «Сов. этнография», 1971, № 6.

⁵ См. В. Н. Шамшуров, Совещание по социологическим проблемам сельского населения, «Сов. этнография», 1971, № 6.

⁶ См. Дж. Б. Логашова, Кавказский ономастический семинар, «Сов. этнография», 1971, № 6.

дународном конгрессе по европейской этнологии (Париж) и XIII Международном конгрессе по истории наук (Москва).

Советские этнографы выступали также на конференции, посвященной народной архитектуре Карпат (Братислава), международном симпозиуме по проблеме «Фольклор и современность» (Братислава), X Всеполярской конференции социологов (Варшава), II Международном симпозиуме по арктической медицине (Оулу) и т. д.

Значительно укрепилась контакты Института этнографии с Академиями наук социалистических стран. Успешно прошли встречи с учеными ГДР, ПНР, ЧССР, на которых обсуждались теоретические и методологические проблемы науки, а также организационные вопросы.

Развитию деловых контактов с зарубежными учеными весьма способствовали как командировки сотрудников Института в другие страны, так и работы зарубежных коллег в Институте; в 1971 году было принято для проведения научных исследований 20 ученых из зарубежных стран. Кроме того, в течение года Институт посетило с целью научных консультаций 120 иностранных гостей из 30 стран, причем особенно много зарубежных коллег побывало в Музее антропологии и этнографии в Ленинграде.

* * *

В 1971 году было проведено 22 заседания Ученого совета Института. На заседаниях рассматривались актуальные проблемы этнографии и антропологии.

Значительным событием явилась научная сессия Ученого совета Института, посвященная памяти выдающихся советских антропологов — Г. Ф. Дебеца, В. В. Гинзбурга и М. Г. Левина. На заседании было заслушано 3 теоретических доклада: В. В. Бунака «Взаимоотношение расовых и этнических группировок в работах советских антропологов», Т. А. Трофимовой «Краниология кочевников античного периода территории Западной Туркмении», Н. Н. Чебоксарова «Некоторые вопросы этнической антропологии Индии».

Важные теоретические вопросы, вызвавшие оживленную дискуссию, были поставлены в обсуждавшихся на Ученом совете докладах А. В. Ефимова «О так называемой исключительности нации Соединенных Штатов Америки», В. И. Козлова и И. Н. Гроздовой «Натурализация и адаптация иммигрантов в Великобритании», аналогичном докладе по Франции Л. В. Покровской, а также докладах Ю. П. Петровой-Аверкиевой «Проблемы периодизации первобытной истории в современной американской этнографии» и С. А. Токарева «Состояние этнографической науки в странах Западной Европы».

На нескольких заседаниях Ученого Совета обсуждалось состояние современной этнографической науки в связи с результатами работы VII Международного конгресса социологов, I конгресса этнологов Европы, XXVIII Международного конгресса востоковедов в Канберре и XIII Международного конгресса исторических наук, в связи с подготовкой к IX Международному конгрессу антропологических и этнологических наук (США, 1973 г.).

Специальное заседание Ученого Совета было посвящено обсуждению итогов совместных советско-индийских антропологических исследований в Индии (докладчик М. Г. Абдушлишвили) и работы отряда этнографов, участников комплексной экспедиции на судне «Дмитрий Менделеев» на острова Океании (докладчик Д. Д. Тумаркин).

Актуальные проблемы советской этнографической науки, направления и перспективы дальнейшей работы обсуждались на заседаниях Ученого Совета при подведении итогов научно-исследовательской деятельности Института за 1970 г., при обсуждении проекта пятилетнего плана. Специальному обсуждению подверглись отдельные направления этнографической науки (кавказоведение, этнография восточных славян).

В 1971 г. диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук защитили два сотрудника Института — А. И. Першиц и Р. В. Кинжалов.

Кандидатские диссертации защитили М. С. Великанова, Н. Л. Жуковская, Л. Н. Фурсова, Е. В. Ревуненкова, И. В. Власова, Л. В. Остапенко, Л. Х. Феоктистова, В. П. Дьяконова, М. А. Толмачева.

Как и в прошлые годы, материалы исследований сотрудников Института используются для практики социалистического строительства. Особенно плодотворна в этом отношении работа коллектива сектора по изучению социалистического строительства у малых народов Севера. В 1971 г. продолжались полевые исследования, результаты которых могут быть использованы при освоении земель древнего орошения в Средней Азии и Казахстане.

Коллектив Института ведет большую научно-популяризаторскую работу. Сотрудники Института публиковали популярные книги, брошюры и статьи, выступали по радио и телевидению, читали лекции в разных аудиториях, участвовали в создании фильмов, выставок и т. д. Особенно велика роль в пропаганде этнографических знаний Музея антропологии и этнографии, который за минувший год посетило свыше полумиллиона человек.

В. Н. Басилов

ТРЕТЬЯ ПОВОЛЖСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ОНОМАСТИКЕ

С 21 по 24 сентября 1971 г. в Уфе проходила третья Поволжская конференция по ономастике. В ее работе приняло участие 199 человек.

Пленарные заседания конференции открылись содержательным докладом заместителя председателя Башкирского филиала АН СССР Р. Г. Кузеева (Уфа) «Историческая стратификация башкирской родо-племенной этнонимии».

В. А. Никонов (Москва) в докладе «Актуальные процессы в антропонимии татар и башкир» впервые показал, какие глубокие массовые изменения происходят в именах этих народов. Докладчик рассмотрел не отдельные имена, а движение имени в целом (например, вытеснение составных имен, становление грамматического рода имен, ранее не свойственного тюркским языкам).

Н. А. Баскаков (Москва) в докладе «Русские фамилии тюркского происхождения» говорил, что материалы ономастики помогают понять сложные процессы взаимодействия языков, а также являются источником для исследования контактов народов.

На конференции работало три секции: этнонимии, антропонимии, топонимии.

В. В. Пименов и В. В. Федоров (Москва) в докладе «Удмуртские и марийские названия народов Поволжья», заслушанном на секции «Этнонимия», показали, что этнонимы динамичны, изменчивы и в каждый данный момент неоднозначны. То же самое можно сказать об этнонимах прошлого; с этим необходимо считаться историкам и этнографам.

На секции «Антропонимия» было заслушано 24 доклада.

Все они отличались широтой тематики и разнообразием использованных источников: это и этнографические полевые и литературные материалы, и данные архивов загсов, башкирских шежере, словарей, личной переписки и др.

В сборе материала и анализе антропонимов участвовали сотрудники загсов различных районов Башкирской АССР и Казани. Некоторые из них представили содержательные доклады, другие выступали в прениях.

Многие исследования по антропонимии имеют не только научную, но и практическую ценность.

И. В. Большаков (отдел ЗАГС Совета Министров Татарской АССР) в докладе «Из практики выбора русских личных имен в городе Казани» дал анализ русских мужских и женских имен, зарегистрированных в Казани в 1960 и 1970 гг.

В сообщении Ф. М. Куприяновой (отдел ЗАГС Совета Министров Татарской АССР) «Выбор имен детям в национально-смешанных семьях» рассмотрены имена, данные новорожденным детям, происходящим из русско-татарских семей Казани за 1967 г. Материалы (474 имени) позволили Ф. М. Куприяновой сделать интересные, но пока лишь предварительные выводы.

Большое практическое значение имел и доклад К. З. Закирьянова (Уфа) «Транслитерация башкирских личных имен на русский язык». Автор отметил большой разбой в современной практике русского написания башкирских личных имен и сделал попытку установить правила русского написания башкирских личных имен на основе учета фонетической системы русского и башкирского языков.

С интересным сообщением «Три этапа в удмуртской антропонимии» выступил В. К. Кельмаков (Ижевск). Автор выделил в современной удмуртской антропонимии три неравных по объему пласта: наиболее древний, восходящий к апеллативам удмуртского происхождения (они сохранились лишь в незначительном количестве как «вторые» имена или в корнях удмуртских фамилий); более значителен пласт тюркских имен, которые начали проникать в удмуртский именник после возникновения на Средней Волге государства булгар, а затем Казанского ханства; основу современного удмуртского именика составляют русские (христианские) имена, которые, как пред-

полагают, появились у удмуртов в XIV—XV вв. В настоящее время, отметил докладчик, большинство удмуртов пользуется русскими именами.

Р. Х. Субаева (Казань) построила свой доклад «Формирование общего антропонимического фонда в языках народов СССР» на материале русского и татарского языков. Тенденция развития общего именника свидетельствует о сближении и взаимообогащении языков народов СССР, о росте влияния русского языка, выполняющего функцию языка межнационального общения.

Некоторые исследователи занимались историей фамилий, отчеств.

В докладе Н. Ф. Мокшина (Саранск) «Происхождение фамилий у мордвы» показано, что основу большинства фамилий у мордвы составили мордовские дохристианские личные имена, русские дохристианские имена, ряд так называемых календарных имен, большей частью греческого происхождения (воспринятых также от русских по мере христианизации мордовского народа), некоторые домусульманские и мусульманские имена, главным образом тюрко-арабского происхождения.

В докладе А. М. Дербеневой (Саранск) «О тюркской именной основе некоторых фамилий мордвы» говорилось о том, что длительные этнокультурные связи мордвы с тюркоязычными народами привели к распространению среди мордвы ряда имен тюркского происхождения, составивших основу некоторых мордовских фамилий.

В интересном, обстоятельном докладе Г. Я. Симиной (Ленинград) «История отчеств» поставлен вопрос об источниках образования отчеств и способах их отграничения от других антропонимических категорий. На фоне исторически сложившейся формулы наименования человека, общей для всех русских говоров (имя+отчество+фамилия), были рассмотрены факты диалектного своеобразия. Отмечается частичное сохранение архаической системы имен (образование отчеств от имени хозяина двора) в отдаленных деревнях Пинежского района Архангельской области, прослеживается дальнейшая судьба подобных «отчеств».

Ряд докладов был посвящен неофициальным фамилиям и прозвищам (Г. А. Архипов, А. Г. Шайхуллов, Т. А. Исаева и др.).

В своем докладе «Неофициальные фамилии и прозвища мордвы» Т. П. Федянович (Москва) показала пока не освещенное в литературе явление широкого бытования у мордвы в сельской местности неофициальных фамилий и прозвищ, принципы их образования, попыталась вскрыть причины сосуществования систем официальных и неофициальных фамилий.

Споры вызвал доклад П. И. Визгалова (Казань) «Синонимия и вариантность диалектных прозвищ», в котором утверждалось, что синонимия и диалектность вариантных прозвищ имеют свои специфические особенности по сравнению с синонимией нарицательных имен.

С интересом были заслушаны участниками секции антропонимии доклады, сделанные на этнографическом материале. Н. В. Бикбулатов (Уфа) в своем сообщении «Антропонимы и термины родства» рассмотрел связь тюркской антропонимии с номенклатурой родства в двух аспектах: 1) взаимосвязь тюркских имен с существующей у того или иного народа системой родства; 2) генетическую связь отдельных антропонимов с терминами родства. Автор делает вывод, что неразрывная связь между системами родства и именами у тюркских народов обусловила то обстоятельство, что термины родства легли в основу ряда личных имен. Правда, такие имена довольно немногочисленны.

Ф. Ф. Илимбетов (Уфа) в докладе «Личные имена как источник при изучении древних верований башкир» анализирует происхождение башкирских личных имен с компонентами «буре» — «волк», «эт» — «собака» и «айну» — «медведь». Древнейший пласт таких имен, по мнению докладчика, связан с тотемистическими представлениями предков башкир. На основании полевых материалов сделана попытка локализовать районы происхождения и формирования тотемистических культов.

Доклад Т. П. Федянович (Москва) «Утрата имени новобрачной у мордвы» был посвящен интересному и своеобразному мордовскому свадебному обряду — наречения молодой невестки в семье мужа новым именем, который до сих пор бытует у мордвы-мокши. Этот обряд имеет давнее происхождение и ранее был характерен для всей мордвы. В настоящее время он является специфической чертой мокшанской свадебной обрядности.

Источником исследования Т. Х. Кусимовой (Уфа) «Антропонимы в башкирских шежере» послужили родословные башкирских родов, которые дают не только исторические сведения, но и представляют собой интересные памятники языка. Анализ древне-башкирских антропонимов шежере в сопоставлении с источниками других тюркских народов дает материал, который позволяет судить об этнических связях башкирского народа на определенном этапе его формирования. Структура антропонимов в башкирских шежере совпадает со структурой и способом образования древне-башкирских имен, а значит древнетюркских имен вообще.

Много различных проблем было поднято в докладах, заслушанных на секции «Топонимия».

Выступавшие, в частности, говорили об этимологии отдельных топонимов. В докладе И. Г. Добродомова (Москва) «Происхождение названия Астрахань» подтверждается этимология Ибн Батуты, который выводил этот топоним из сочетания титулов хаджи+тархан. Докладчик указал, что названия подобного рода часты в Во-

сточной Европе. В. И. Тагунова (Муром) в своем докладе «Происхождение названий городов Муром, Суздаль» выдвинула целый ряд возможных, но пока еще недостаточно научно обоснованных гипотез о значении этих названий.

Некоторые из выступавших сосредоточили внимание на топонимии регионов. Так, классификация названий селений по семантическим признакам была предложена В. Н. Белицер (Москва) в докладе «Названия селений в Коми АССР». Основную группу топонимов составили названия, связанные с антропонимией, а также названия, отражающие социально-экономические стороны жизни коми-крестян.

В докладе Е. В. Ухмылиной (Горький) «Причина вариативности топонимов» на основании изучения топонимии Горьковской области выделены три вида причин, влияющих на появление вариантов топонимов. Во-первых, это исторические причины (наличие первоначальных народных и более поздних церковных названий селений, сочетание официальных иноязычных и неофициальных славянских названий, сочетание одних иноязычных топонимов). Во-вторых, в докладе показана зависимость происхождения вариантов названий от условий местности, приведены причины психологического характера. И наконец, Е. В. Ухмылина дала количественные характеристики появления вариантов топонимов в зависимости от времени заселения той или иной территории.

Г. П. Смолицкой (Москва) в докладе «Некоторые аспекты субстратной гидронимии бассейна реки Оки» выявлены ареалы окской субстратной гидронимии (названия рек), составлена их карта, дана типология гидронимов и их анализ. Ряд гидронимов входит в один ареал с гидронимами Русского Севера (на *-нга*, *-юга*, *-юг*), другие же являются «собственно окскими», они не зафиксированы на других территориях (на *-ур*, *-ор*, *-ар*). В первом ареале названия возникли вследствие миграций населения на Русский Север из бассейна Оки. Названия «собственно окского типа», по мнению автора, принадлежат к неизвестным языкам Поочья.

Часть докладов на конференции была посвящена малоизученному вопросу — хронологии топонимических пластов различных регионов. В докладе Н. В. Власовой (Москва) «Ареалы топонимических формантов Северного Заволжья» с помощью картографирования рассматривалось распространение топонимов с формантами *-иха* и *-ата*, *-ята* в заволжских землях и показаны пути их проникновения в бассейн Северной Двины. Возникновение этих ареалов в междуречье Волги и Северной Двины объяснялось миграционными процессами в период русской колонизации этой территории, проходившей в разных местах этапами в течение XIV—XVIII вв.

В докладе В. А. Кучкина (Москва) «Некоторые вопросы исторической интерпретации топонимов на *-иха*» рассмотрена методика работ по картографированию топонимических ареалов. Анализируя русскую топонимию Нижегородского Заволжья по материалам писцевой книги XVI в., автор, вопреки взглядам И. В. Власовой и В. А. Никонова, пришел к выводу, что ареал топонимов на *-иха* в тех местах позднего происхождения (последняя четверть XVII—XVIII в.).

Доклады И. В. Власовой и В. А. Кучкина вызвали дискуссию. В. А. Никонов подчеркнул, что изучение соотношения топонимических напластований во времени чрезвычайно важно для понимания социально-исторических явлений. По вопросу о датировке топонимических пластов выступавшие разделились на две группы. Одни считают, что ареалы топонимов, в частности топонимов с формантом *-иха*, свидетельствуют о миграционных процессах в период русского заселения территорий (В. А. Никонов, Ю. Г. Вылежнев). Известны документы XIV—XVI вв., где топонимы на *-иха* зафиксированы на северо-востоке от Москвы. Другая часть выступавших говорила о влиянии явлений языка на распространение названий с формантом *-иха* (В. А. Кучкин, М. Н. Морозова, Г. П. Смолицкая). Ю. П. Чумакова (Уфа) не отрицала миграционного объяснения происхождения топонимии на *-иха*, но считает, что для решения подобных вопросов необходимо усилить внимание к проблемам лингвистики.

В. Ф. Барашков (Ульяновск) в докладе «Некоторые отдаленные параллели к гидронимам Среднего Поволжья» обратил внимание на необходимость широкого использования монголоязычных ономастических материалов при исследовании древней гидронимии Среднего Поволжья. По мнению автора, монгольская лексика может служить достаточно надежной основой для объяснения ряда древних гидронимов Среднего Поволжья.

Л. А. Тюменцева (Астрахань) в своем докладе «К стратиграфии топонимии Астраханской области» рассмотрела различные напластования топонимии астраханского региона (монголоязычные, тюркоязычные, ираноязычные, славяноязычные). Была сделана попытка выяснить условия формирования топонимической системы Нижнего Поволжья.

Доклад М. Н. Морозовой (Москва) «Неизменяемые топонимы как образующие основы в русском языке» показал, как широко в современном русском языке употребляются иноязычные неизменяемые топонимы, которые адаптируются и используются как образующие основы.

Еще одна группа докладов была посвящена теоретическим вопросам топонимии и методике изучения топонимического материала. Ю. Г. Вылежнев (Пермь) в докладе «О критериях разграничения микротопонимии, мезотопонимии и макротопонимии» критиковал введенные ранее в научный оборот определения А. В. Суперанской и В. Д. Беленькой. По его мнению, критерием определения микро-, мезо- и макротопонимов можно считать величину социального значения географического объекта,

удельный вес его в жизни общества, степень его известности. Раньше таким критерием считали физическую величину и размеры объектов. Докладчик полагает, что этот последний фактор влияет на определение топонимов, но преломляется через социальное значение и степень известности объектов.

Доклад Ю. Г. Вылежнева в соавторстве с группой студентов Пермского государственного университета Т. М. Григорьевой, З. А. Никитиной, Т. А. Шеткиной «Опыт расчета топонимических границ» посвящен вопросам методики обработки топонимического материала, определению его надежности. Авторы отдают предпочтение картографическому методу и обосновывают принципы определения топограниц при использовании картографических приемов обработки материала. К таким принципам они отнесли метод изолиний и метод картограммы. На примере расчета этими методами топограниц Пермской области было определено распространение ареалов топонимов с различными формантами и бесформантных (русских, финно-угорских, русифицированных), установлены первичные и вторичные напластования. По формантному анализу докладчиком удалось определить районы сельскохозяйственной и горнозаводской русской колонизации пермских земель.

Ряд докладов был посвящен особенностями топонимического словообразования. В сообщении Р. И. Тихоновой (Куйбышев) «Морфологическая структура топонимов» были выделены три группы топонимов Куйбышевской области. Анализ их семантики показал, что часть топонимов принадлежит к посессивному типу и связана с антропонимией, другая перенесена из тех мест, откуда шло заселение данной территории, третья определяется природными условиями района.

Доклад М. Ф. Хисматова и А. А. Камалова (Уфа) «О наименованиях и переименованиях топонимов Башкирской АССР» отразил современные процессы образования топонимов. Было подчеркнуто однообразие в наименовании, приводящее к одноименности, показан удельный вес переименований в общем процессе наименования.

На заключительных заседаниях секций как положительный момент был отмечен историзм многих докладов, стремление к теоретическому осмыслению материала в сочетании с конкретными рекомендациями.

Было заслушано 30 тюркологических докладов и 16 докладов по финно-угорской ономастике.

Несколько докладов было посвящено иранской ономастике Поволжья. Следует, однако, сказать, что ираноязычные следы в топонимии Поволжья пока еще мало исследованы.

Подводя итоги, председатель Поволжских ономастических конференций В. А. Никосов указал на необходимость анализа различных пластов тюркской топонимии Поволжья, на острые практические нужды антропонимических работ, на отставание таких разделов ономастики, как этнонимия, космонимия, зоонимия, прагмонимия.

И. В. Власова, Т. П. Федянович

ВСЕСОЮЗНЫЙ СЕМИНАР-СОВЕЩАНИЕ РАБОТНИКОВ МУЗЕЕВ

С 25 по 29 мая 1971 г. в Риге и Даугавпилсе проходил семинар-совещание работников музеев страны, посвященный учету, хранению и научному описанию музейных фондов. В работе семинара, организованном Министерством культуры СССР и Министерством культуры Латвии, приняли участие 180 музейных работников. Это были преимущественно главные хранители и заведующие отделами учета и хранения.

С докладом «Состояние и задачи научно-фондовой работы музеев» выступила И. А. Анощенко (Министерство культуры СССР, Москва). Она подчеркнула, что музеи страны должны принять активное участие в пропаганде материалов XXIV съезда КПСС и 9-го пятилетнего плана. В последние годы, сказала И. А. Анощенко, активность и популярность наших музеев возросла. В 1965 г. их посетило 60 млн. человек, а в 1970 г. — 100 млн. За пятилетку открыто еще 135 музеев и к 1 января 1971 г. их насчитывалось уже 1122. Кроме того, в стране существует около 3 тыс. народных музеев. Ведется большая собирательская работа, ежегодно музейные фонды страны пополняются в среднем на 1 млн. единиц, из которых 50% характеризуют нашу современность. Однако экспонируется лишь 30% основных музейных фондов. Особо был отмечен положительный опыт работы народных музеев Эстонии и Украины. Часть своего выступления И. А. Анощенко посвятила недостаткам в работе хранилищ. Речь шла, прежде всего, об отсутствии карточек, перспективного планирования, научных описаний фондов и т. п. Лишь на 14% музейного фонда СССР имеются паспорта, фондовое оборудование в большинстве музеев устарело, температурно-влажностный режим не соблюдается. Далее было сообщено, что в 1972 г. будет проводиться смотр-конкурс массово-просветительской работы музеев, посвященный 50-летию образования СССР, и намечены основные задачи, стоящие перед советскими музеями: 1) шире развернуть деятельность музе-

ев по коммунистическому воспитанию трудящихся; 2) пропагандировать итоги и решения XXIV съезда КПСС; 3) показывать роль партии, роль местных партийных организаций; 4) отражать рост культуры и благосостояния народа; 5) освещать итоги 8-й и задачи 9-й пятилеток; 6) организовать передвижные выставки на селе и т. д.

С докладом «Вопросы научной каталогизации музейных фондов» выступил М. Х. Алешковский (НИИ культуры, Москва). Цель его выступления — показать, что каталогизация на современном этапе становится основной формой работы в фондах и одной из основных в научно-исследовательской деятельности музеев. Каталогизация — задача чрезвычайной сложности, тем более, что необходима определенная степень унификации музейных каталогов по стране. Поэтому при проведении каталогизации следует руководствоваться положениями Приказа министра культуры СССР о сводных научных каталогах Музейного фонда СССР за 1965 г. Далее докладчик отметил, что в каталогах должны быть отражены не только экспонируемые предметы, а весь фонд. Это поможет сохранению фондов в хорошем состоянии, а также будет способствовать пропаганде музейных коллекций. М. Х. Алешковский обратил также внимание на то, что в каждом музее должен быть составлен перспективный план каталогизации, рассчитанный на 5—10 лет.

И. К. Рудак (Музей истории Латвийской ССР, Рига) сделала сообщение «Система научной обработки фондов в Музее истории Латвийской ССР». Она отметила, что в хранилищах музея находится около 60 000 фотонегативов и очень большое количество фотоснимков, рассказывающих о различных событиях из истории Латвии, ценные печатные издания и ценнейшие коллекции керамики и тканей, а также более 200 средневековых деревянных скульптур: самые древние из них — три скульптуры с эстонского о. Рухну. И. К. Рудак сказала далее, что в фондах музея насчитывается около полу-миллиона единиц хранения, которые хранятся по разделам в отдельных помещениях и легкодоступны. Некоторые фонды доступны для открытого осмотра.

В музее действует и отдел научной реставрации.

С докладом «Учет фондов, его юридическая и научная сущность» выступил А. Н. Дьячков (НИИ культуры, Москва). Он отметил, что сохранение музейных фондов — одна из основных задач работников музеев. Далее были перечислены основные виды документации: акты поступления в собственность музея, инвентарная книга, описи и др., подчеркнута их юридическая значимость.

Л. И. Петухова (Государственный Литературный музей, Москва) прочитала доклад «Основной и научно-вспомогательный фонды и их обработка», в котором говорилось о принципах отбора материала для основного и подсобного фондов.

И. А. Ягосильд (Государственный музей этнографии, Тарту) выступила с докладом «Научная обработка и каталогизация фондовых материалов, тканей», в котором сообщалось о способах хранения различных музейных материалов и о принципах описания коллекций.

Т. В. Берестецкая (Государственный Исторический музей СССР, Москва) в сообщении «Вопросы научной обработки и каталогизации группы металлов» рассказала о том, какие ведутся в музее исследования, помогающие определить время и технику изготовления металлических предметов, вида металла, из которого они сделаны, и т. д. Речь шла о недрагоценных металлах.

С сообщением «Основные принципы систематизации, научной обработки и каталогизации документальных материалов» выступила З. И. Кострикина (Центральный музей Революции СССР, Москва), полагающая на основании опыта работы Центрального музея Революции СССР, что хронологическо-исторический принцип хранения документальных материалов является одним из лучших. З. И. Кострикина обратила внимание собравшихся на необходимость всемерно развивать систему ссылочных карточек на дела неделимого или персонального фонда, а также иметь именную и географическую картотеку.

Л. И. Арапова (Центральный музей Революции СССР, Москва) выступила с сообщением «Учет и научная обработка фотодокументальных материалов». На конкретных примерах она показала, что фотоматериалы имеют огромное историческое значение.

С сообщением «О научной фондовой работе Музея Революции Латвийской ССР» выступил директор этого музея Я. Я. Сколис. Он рассказал об истории создания музея и о формах работы с посетителями, а также познакомил слушателей с методами работы научных сотрудников в основном и подсобном фондах.

У. М. Полякова (НИИ культуры, Москва) выступила с докладом «Документирование музейных материалов в ходе работ по экспедиционному комплектованию». По ее мнению, документирование надо начинать с момента утверждения плана экспедиции, затем ведется документация получаемых материалов в ходе самой экспедиции и после ее завершения (описание собранных коллекций и подведение итогов).

Выступление И. О. Силлаотса (Государственный исторический музей Эстонской ССР, Таллин) было посвящено деятельности народных музеев и их связи с ближайшими государственными музеями. Докладчик сообщил далее, что в республике создано около 80 народных музеев.

Главный хранитель фондов Ярославского музея-заповедника С. В. Глебова рассказала о работе музея и о тех трудностях, которые приходится преодолевать его сотрудникам.

Р. А. Паукште (Даугавпилсский краеведческий и художественный музей) сообщила, что экспозиция основанного в 1938 г. музея отражает историю края с древнейших времен до наших дней. В фондах музея собрано около 20 000 подлинных экспонатов: коллекции тканей, народных поясов, силианской керамики.

За время работы семинара его участники посетили более 10 музеев и исторических памятников, в том числе Кокнесский исторический и Екабпилсский краеведческий и художественный музеи, побывали в знаменитом Рижском Домском соборе, который с 1962 г. служит целям идеологического и эстетического воспитания трудящихся как музей и концертный зал.

Во время посещения Латвийского этнографического музея под открытым небом участники с удовольствием прослушали игру на латышском народном инструменте — *кокле*.

На заключительном заседании выступавшие отметили хорошую организацию семинара-совещания, поблагодарили за теплый прием и выразили надежду, что в будущем на таких совещаниях больше времени будет отводиться более детальному изучению фондов, а также будут изданы брошюры с тезисами докладов и сообщений.

С. Б. Параджев

КОМПЛЕКСНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ ЛИТОВСКИХ КРАЕВЕДОВ

Изучением материальной и духовной культуры литовского народа в Литовской ССР занимаются Институт истории, Институт языка и литературы Академии наук ЛитССР, Вильнюсский государственный университет, этнографические и художественные музеи. Большую помощь при сборе материала оказывает научным учреждениям созданное в 1963 г. Общество охраны памятников и краеведения ЛитССР, отделы которого имеются во всех районах и городах Литвы. Так, например, для всестороннего исследования различных регионов Литвы Вильнюсский отдел организует комплексные экспедиции.

В экспедициях участвуют как специалисты (археологи, историки, этнографы, языковеды, фольклористы, музыковеды, художники, медики, юристы), так и любители: учащиеся школ, студенты, пенсионеры. Все работают на общественных началах. Популярность экспедиций из года в год растет. Так в первой экспедиции в деревню Зервинос в Варенский р-н участвовало только двенадцать человек, а в последней в Астравецкий р-н БССР — больше ста пятидесяти.

Группы, ведущие полевую работу, возглавляются специалистами. Естествоведы изучают и описывают природу исследуемой местности, историки по археологическим памятникам, воспоминаниям жителей освещают историческое прошлое местности от древних времен до наших дней, уделяя особое внимание борьбе народа за социальную и национальную независимость.

Этнографы исследуют формы традиционного земледелия, разные промыслы, народную архитектуру, интерьер жилых домов, традиционную мебель, одежду, ткани, пищу, семейные и календарные обряды, старинные верования, народное искусство. Языковеды собирают материалы по ономастике, фразеологизмы, описывают говор. Фольклористы записывают произведения устного народного творчества, наблюдают за тенденциями его развития, исследуют условия его бытования. Особое внимание обращается на талантливых исполнителей: записывается весь их репертуар. Во время каждой экспедиции записывается около 1000—2000 фольклорных произведений.

Медики изучают народную медицину, гигиенические условия быта и изменения, происшедшие в жизни народа в XX в.

Исследовательские группы, создававшиеся в последнее время, вырабатывают методику для исследования до сих пор не изученных в Литве форм народной культуры. Например, юристы собирают данные об обычном праве. Педагоги исследовали значение и место фольклорных произведений и, в первую очередь, сказок, в деле воспитания детей. Психологи анализируют отношения между детьми и родителями. Социологи собирают данные о материальной и духовной культуре жителей.

Участники экспедиций собирают также экспонаты для Вильнюсского этнографического музея.

После завершения работы каждая экспедиция отчитывается перед местными жителями; при этом лучшие исполнители фольклорных произведений демонстрируют свое искусство.

Собранный материал обсуждается также на конференциях в Вильнюсе, систематизируется и издается отдельными монографиями. Уже вышло из печати 7 книг: «Зервинос» («Zervynos», 1964), «Игналинский край» («Ignalinos kraštas», 1966), «Девянишкес»

(«Dieveniškės», 1968), «Окрестности Гайде и Римше» («Gaidės ir Rišės apylinkės», 1969), «Эржвилкас» («Eržvilkas», 1970), «Меркине» («Merkinė», 1970), «Дубингяй» («Dubingiai», 1971).

Находятся в печати еще две работы: «Кернаве» («Kernavė») и «Гервечяй» («Gervėčiai»). Книги издаются тоже на общественных началах.

Книги иллюстрируются чертежами, рисунками, фотоснимками.

Материалы, не попавшие в локальные монографии, публикуются в серийном издании «Краеведение» («Kraštotyra»), издаваемом Литовским обществом охраны памятников и краеведения.

Статьи обычно носят обзорный, обобщающий характер. В некоторых из них на основе местного материала поднимаются широкие научные проблемы. Так, например, в статье Леонардаса Сауки «К вопросу о стихосложении свадебных причитаний» («Меркине») на основе причитаний, записанных в Меркине, обсуждается вопрос о форме литовских причитаний вообще. Пране Йокимайтене в статье «Баллада о дочке-кушке в окрестностях Меркине» не только анализирует варианты баллады, записанные в этом районе, но и рассматривает вопросы, связанные с происхождением, развитием и распространением этой баллады. При анализе творчества отдельных исполнителей обсуждаются и общие тенденции развития разных жанров фольклора, их стиль, особенности бытования и передачи.

По примеру Вильнюсского отдела комплексные экспедиции уже начали организовывать и краеведы других районов и городов Литовской ССР.

Итак, значение комплексных экспедиций велико: их участники всесторонне изучают материальную и духовную жизнь населения того или иного региона республики, выявляют и описывают мало изученные или исчезающие явления жизни.

Н. Велюс

ВЕНГЕРСКАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Венгерских этнографов и фольклористов давно занимала мысль создать этнографическую энциклопедию, которая бы подытожила историю венгерских исследований и отразила современные достижения науки, а также зафиксировала специальную терминологию. Главной задачей было дать ясное представление о венгерской народной культуре.

Подготовка к созданию Венгерской этнографической энциклопедии началась в 1968 году под руководством Института этнографии Академии Наук ВНР. Авторская и редакционная работа над словарными статьями закончится уже в текущем году. Выход в свет трехтомной энциклопедии намечен на 1973 год.

Объем нашей энциклопедии — 200 печатных листов и 60 листов иллюстраций (из них 20 листов фотоснимков). 30 печатных листов займут статьи о народной поэзии, несколько меньше по объему статьи о сельском хозяйстве, поселениях и строительной технике венгерского народа.

Главным редактором этого труда является академик Дюла Ортутай, директор Института Этнографии АН ВНР.

Содержание энциклопедии отражает следующий предметно-тематический указатель.

I. Ф о л ь к л о р.

- 1) Народная поэзия: ред. Д. Ортутай.
- 2) Народные обряды и обычаи, народный театр; ред. Е. Печ.
- 3) Земледелие, животноводство, садоводство, виноградарство, использование лесов; ред. Л. Коша.
- 4) Народная музыка; ред. Б. Раецки.
- 5) Народный танец; ред. Е. Печ.
- 6) Детские игры и игрушки, детский фольклор; ред. В. Диосеги.
- 7) Народное декоративное искусство; ред. Э. Фел.

II. Э т н о г р а ф и я.

- 1) Собирательство, рыболовство, охота; ред. Б. Гунда.
- 2) Животноводство, пчеловодство; ред. Б. Гунда.
- 3) Земледелие, животноводство, садоводство, виноградарство, использование лесов; ред. Л. Коша.
- 4) Поселения, постройки; ред. И. Талаши.
- 5) Национальные костюмы; ред. Э. Фел.
- 6) Движение, перевозка, ношение грузов, сигнализация, торговля; ред. И. Винцзе.
- 7) Мебель, жилищно-бытовая культура, освещение; ред. И. Талаши.
- 8) Пища; ред. И. Винцзе.
- 9) Ремесло; ред. И. Винцзе.

III. Общество (народное право, нравственность и мораль, родственные отношения); ред. Т. Бодроги.

IV. Теоретические вопросы; ред. Т. Бодроги.

V. Этнические группы венгерского народа; ред. И. Талаши.

VI. История науки; ред. Л. Коша.

VII. Биографии (библиографические данные и краткое изложение работ самых знаменитых венгерских этнографов, фольклористов и собирателей); ред. В. Диосеги.

Естественно, что словарные статьи будут публиковаться в алфавитном порядке, вне зависимости от вышеупомянутого указателя разделов.

Составление Венгерской Этнографической Энциклопедии — это большое событие в венгерской этнографии и фольклористике. За последние 30 лет после издания четырех томов «Этнографии венгров» подобная работа не предпринималась.

В энциклопедии будет много новых данных, интересующих этнографов и всех, кто занимается народным творчеством и этнографией.

Этнографическая энциклопедия будет выпущена издательством Венгерской Академии наук, которым в последние годы подготовлены к печати Художественная Энциклопедия, Энциклопедия венгерской литературы, Энциклопедия мировой литературы.

И. Кюллеш

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Этнонимы, М., 1970, 267 стр.

В рецензируемый сборник «Этнонимы» вошли доклады, прочитанные на Поволжской конференции по ономастике (1967 г.) и доклады, написанные специально для этой книги.

Сборник очень интересен, ибо в нем помещены статьи как по теоретическим проблемам этнонимии, так и по конкретным этнонимам. В конце каждой статьи приводится список литературы, что, безусловно, повышает научный интерес к работе.

Открывает сборник статья В. А. Никонова «Этнонимия», в которой автор подробно останавливается на понятиях «этнонимия» и «этнонимика», на конкретных примерах показывает, какие трудности могут возникнуть при употреблении тех или иных этнонимов. Приводятся также материалы о группировке этнонимов по их семантике и подчеркивается, что этноним — слово и, как все слова, подчиняется законам языка, поэтому при анализе этнонима «...пренебрегать его формой — значит не отличать венок от венка и барана от баранки» (стр. 28). В конце статьи автор отмечает, что для выяснения происхождения этнонима необходимо установить его первоначальную форму, сняв все последующие изменения. Но для этнонимии «...все изменения столь же драгоценны, как и первичная форма, — они красноречивые свидетели истории» (стр. 30).

В статье М. В. Крюкова «Об этнической картине мира в древнекитайских письменных памятниках II—I тысячелетия до нашей эры (К проблеме корреляции понятий этническая общность — этноним)» указывается на необходимость разработки теоретических проблем этнонимии и выяснения закономерностей формирования и функционирования этнонимов. Автор считает, что изучение письменных памятников древних китайцев, выделение терминов, употреблявшихся древними китайцами для характеристики этнического состава эйкумены, открывает перед исследователями широкие возможности. Останавливаясь на рассмотрении вопроса «о нижнем и верхнем критическом пределе понятия этническая общность» (стр. 42), М. В. Крюков приходит к выводу, что можно считать «варваров четырех стран света («мань», «и», «ди», «жун») в древнекитайской модели эйкумены своего рода суперэтносомами, этническими общностями высшего порядка» (стр. 43).

Я. В. Чеснов в статье «О социальной мотивированности древних этнонимов» останавливается на проблеме возникновения самоназваний с позиций этнографической науки и подчеркивает необходимость поиска исторических закономерностей в развитии этнонимии. «Метод использования теории хозяйственно-культурных типов при раскрытии истинных значений этнонимов позволяет нам внести научные принципы в тот красочный мир этнонимов, который еще со времен Л. Г. Моргана и до сих пор кажется многим исследователям порожденным чистой случайностью», — таков вывод автора статьи.

Об особом значении исследования этнонимов и топонимов для решения вопросов этногенеза говорится в статье Г. Г. Стратановича «„Проблема“ скользящих этнонимов». Автор пишет: «...в молодых, независимых странах Азии в числе самых ранних мероприятий правительственных органов и демократической общественности стоят: а) планомерный отказ от „колонизальных этнонимов и топонимов“ и б) „инвентаризация“ народов страны» (стр. 51). Далее ученый пишет о том, что для решения проблем этногенеза исследователю приходится прослеживать «скользящие этнонимы». «„Скользящими этнонимами“ (и топонимами, производными от них или связанными с языком мигрирующего народа) называются наименования народа, благодаря которым можно попробовать проследить смещение этнической территории народа (а не простой его миграции), если это смещение проследить на большом протяжении во времени» (стр. 54).

В статье «Исторические названия Кореи» Л. Р. Концевич пишет, что, хотя в рамках одной статьи невозможно охарактеризовать разнообразие названия этой страны (а их зафиксировано больше ста), все же делается попытка более подробно рассмотреть официальные названия Кореи. Наиболее распространенными из них в наше время являются «Корея», «Чосон» и «Хангук», восходящие к древним этнонимам, «...перенесенным на ранние государственные образования или же названия династий» (стр. 63). Автор останавливается на различных гипотезах происхождения этих названий. Образные названия Кореи появились, по мнению автора статьи, лишь во второй полови-

не XIX в. в литературе на европейских языках. Такие названия, как «Уединенное государство», «Государство-отшельник», «Запретная страна», «Забытая нация», «Страна утренней прохлады (или свежести)», «Страна утреннего спокойствия» и т. д. широко распространены до настоящего времени.

Р. Ш. Джарылгасинова в статье «Этноним когурё» пишет, что, несмотря на известность этого этнонима, в советской литературе до сих пор нет исследований, посвященных данному вопросу. В результате изучения корейских и китайских источников Р. Ш. Джарылгасинова приходит к выводу, что термины «гуре» и «когурё» несли этническую и политическую нагрузку. Этимология этнонима когурё не может пока считаться окончательно решенной, «...однако обращение к данной теме открывает новые аспекты в изучении этнической истории народов Восточной Азии древности и раннего средневековья» (стр. 85).

Статья М. А. Членова «О некоторых индонезийских этнонимах» (к вопросу об этнонимической классификации) как бы развивает затронутый в статье М. В. Крюкова вопрос о необходимости выработки «...такой типологической шкалы, которая позволила бы нам определять степень этнодиагностической нагрузки, лежащей на том или ином названии» (стр. 35). М. А. Членов также считает одной из важнейших и требующих скорейшего разрешения задач, стоящих перед этнонимикой, «...создание некой таксономической системы, в которой могли быть расклассифицированы различные типы этнонимов» (стр. 87). Основываясь на данных о распространении этнонимов на о. Серам (Индонезия), автор дифференцирует разнородные этнонимические явления и предлагает схему, согласно которой этнонимы, обозначающие реальную этническую общность, называются собственно этнонимами (микроэтнонимы, истинные этнонимы, макроэтнонимы), а этнонимы, обозначающие общности других типов, — псевдоэтнонимами (географические, антропологические, религиозные, культурно-исторические, социально-политические, мнимые и т. д.). Разумеется, отмечает М. А. Членов, предлагаемая классификация не охватывает всех этнонимических явлений и мыслится лишь как часть общей типологии этнонимов.

Происхождению этнонима коренного населения о. Калимантан — «даяков» — посвящена статья Л. В. Никулиной «Еще раз об этнониме даяки».

Индийские этнонимы «савара» и «бхил» рассматриваются А. Н. Седловской в статье «Этноним савара» и И. М. Семашко в работе «Этноним бхил». А. Н. Седловская проанализировала встречающиеся в литературе разные названия народности мунда (Центральное Индийское нагорье): «савара», «сабара», «саора», «сахара», «сахра», «сабра», «сар», «саур» и др. Современных савара, по мнению автора, можно связать с упоминаемым в древних индийских источниках племенем (или, может быть, группой племен) того же названия. И. М. Семашко отмечает, что бхилы являются потомками автохтонного населения доарийского и даже додравидского происхождения, для которого Западная Индия издревле была основной областью расселения. Распространение топонимов, связанных с названием бхил, по мнению автора, географически несколько шире, чем область современного расселения этого народа.

«О самоназваниях нивхов и названиях нивхов у соседних народов» пишет В. З. Панфилов. Нивхи, начиная с XVIII в., были известны русским как «гиляки», гилякские люди. Однако история этого слова очень сложна. Самоназвание нивхов, означающее «человек», принадлежит к основному словарному фонду нивхского языка. Автор анализирует этимологию восточносахалинской формы «ни'гывын» и этимологию слова «нивх» амурского диалекта.

Т. А. Бертагаев в результате критического прочтения «Сборника летописей» Рашид ад Дина анализирует этнонимы «кермучин» и «курамчин» и приходит к выводу, что курамчин — этноним не тюркского, а бурятского племени. Объединение курамчи или хурамши, возможно, этногенетически родственно булагатам. Как отмечает автор статьи, А. П. Окладников тоже подчеркивал «кровную связь» курамчинской культуры с позднейшей бурятской. Т. А. Бертагаев останавливается на этнонимах бурят и курикан.

«К семантике тюркской этнонимии» — так называется статья Д. Е. Еремеева. Анализируя тюркскую этнонимию, автор выделяет несколько групп этнонимов со сходной морфологической структурой. К ним относятся прежде всего названия народов и племен, оканчивающихся на -ар (татар, хазар, болгар, авар, маджар и т. д.); на -ак, -эк, -ык, -ик, -ук, -үк, -к (кумык, кипчак, баджанак, чарук и т. д.); -ман/-мен (тюркмен и др.); этнонимы с окончанием на -т (караит, аркенаут и т. д.). На конкретном материале автор прослеживает соотношение этноним — антропоним, антропоним — этноним и этноним — топоним, топоним — этноним. Некоторые этнонимы, по свидетельству Д. Е. Еремеева, связаны с названиями домашних животных, с характерными занятиями того или иного племени, с физическими характеристиками носителей данных названий, с особенностями одежды, быта и т. д. В конце статьи автор пишет о том, что тюркская этнонимия отражает особенности происхождения и этнической истории той или иной общности и может служить источником при этногенетических исследованиях.

Историко-филологической стороне бытования слова «казак» и «казах» в русском языке посвящена статья Г. Ф. Благовой «Исторические взаимоотношения слова казак и казах». На основе тщательного изучения источников и литературы автор считает, что «...стандартизация звукового облика современного этнонима «казах» произошла таким образом на глазах живущего поколения, завершив тем самым многовековой извилистый путь развития соответствующего заимствования в русском языке» (стр. 156).

В статье «Два булгаризма в древнерусской этнонимии» И. Г. Добродомовой освещаются этнонимы «тиверьцы» («тиверцы») и «толковины».

Л. А. Гулиева выступила в сборнике с небольшой по объему статьей «Некоторые топонимы с этнонимическими основами на Кубани». На примере рассмотрения топонимии Кубани автор довольно убедительно доказывает, что при исследовании топонимов с этнонимическими основами необходимо выяснить: 1) является ли предполагаемая этнонимическая основа подлинным этнонимом (или происходит от фамилии и т. д.), 2) связано ли возникновение такого топонима с пребыванием на исследуемой территории данного народа, 3) взаимосвязан ли топоним с этнонимической основой и этнонимом.

«Воршудные имена — микроэтнонимы удмуртов» — так называется статья С. К. Бушмакина. Родовых (воршудных) названий у удмуртов насчитывается около семи-десяти. Изучение этих имен, как отмечает автор статьи, имеет очень большое значение, так как помогает проследить пути миграции представителей того или другого рода и выяснить формирование диалектов.

В статьях «Этноним бесермяне» Т. И. Тепляшиной и «Происхождение и первые упоминания этнонима „ар“» В. К. Кельмакова так же, как и в упомянутой статье Д. Е. Еремеева, освещаются проблемы тюркской семантики. Статьи этих авторов следовало бы расположить рядом, так как они во многом дополняют одна другую.

Р. А. Агеева в статье «Об этнониме „чудь“, „чухна“, „чухарь“» отмечает, что, хотя было множество попыток объяснить происхождение этнонима «чудь», «чухарь», «чухна», она также обращается к этой теме и на основе изучения семантики ряда финно-угорских и самодийских этнонимов старается выяснить их основные сематические типы и параллельно с этим рассматривает различные значения этнонима „чудь“.

О главнейших этнонимах тунгусов (эвенков и эвенов) рассказывает в большой статье, основанной на изучении архивных источников, рукописей, полевых материалов, В. А. Туголуков.

С. И. Вайнштейн в статье «Этноним тува» проанализировал различные точки зрения на этимологию этнонима «тува» в близких фонетических вариантах «тыва — туоа — тума — туха». Ключ к этимологизации этнонима туба, как считает автор, в тюркских, а не в самодийских языках.

М. М. Маковский в статье «Этнонимия Англии в сравнительно-историческом освещении» пишет о том, что изучение этнического состава германских завоевателей Британии, исследование истории их переселения, связи с соответствующими племенами на континенте являются «...пробным камнем сравнительного анализа языковых особенностей древних памятников» (стр. 223). После тщательного изучения обширного круга западноевропейских источников автор формулирует выводы. Приведем лишь некоторые из них. На стр. 238 читаем: «Традиционное деление германских завоевателей Британии на англов, саксов и ютов и географию их размещения на островах вряд ли можно признать обоснованным... Как показывает топонимический и археологический материал, английские племена нередко переплетались с саксонскими на юге страны, а саксонские с английскими — на севере, а с другой стороны, истребонские племена обнаруживаются как в Нортумбрии, так и в Уэссексе или Кенте».

Этнонимия Северной Европы посвящена также статья Г. И. Анохина «Этноним фарерцы». Автор на широком фоне возможных этнических влияний рассматривает вопрос о возникновении этнонима «фарерцы» и топонима «Фарерские острова», определяет их взаимосвязь и наиболее вероятную этимологию этнонима.

Сборник завершается статьями Е. В. Ухмылиной «Названия и прозвища русского населения Горьковской области» и В. П. Дарбаковой «К этимологии этнонима калмык».

Дж. Б. Логашова

НАРОДЫ СССР

Материалы по истории Якутии XVII века. (Документы ясачного сбора), М., 1970, ч. I—III, 2218 стр.

Рассматриваемое издание представляет собой одну из наиболее объемных публикаций архивных материалов по истории и этнографии народов Сибири. Документам предпосланы обширное предисловие С. А. Токарева, статья И. С. Гурвича «Ясак в Якутии в XVII в.» и археографическое введение, составленное С. С. Филипповой. Приложение к изданию составляют таблицы сметных списков ясачного сбора, кропотливо составленные Б. О. Долгих, и тематически исчерпывающие указатели (предметно-терминологический, географических и этнических названий, личных имен — якутских, тунгусских, юкагирских и русских).

История создания рассматриваемого издания не вполне обычна. Задуманный 35 лет тому назад по инициативе выдающегося сибироведа С. В. Бахрушина, уделявшего большое внимание истории Якутии, этот труд вышел в свет много позже целого ряда более удачливых по своей судьбе книг, посвященных истории Якутии XVII в. Несмотря на это обстоятельство, неблагоприятное в принципе для оценки новизны из-

дания, «Материалы по истории Якутии XVII века» в силу своей фундаментальности и тематической целенаправленности представляют большой интерес и ценность как для дальнейших научных исследований, так и в учебно-педагогических целях.

Публикация документов по тематическому плану должна оцениваться как наиболее рациональный путь введения в широкий научный обиход архивных материалов. Именно таким путем были достигнуты интересные результаты в освещении истории великих русских географических открытий в Сибири, на Ледовитом и Тихом океанах¹.

В предисловии к рецензируемому изданию С. А. Токарев пишет об основной цели С. В. Бахрушина — включить в план издания документы по истории Якутии, материалы о русском населении Якутии (таможенные книги, челобитные служилых людей, росписи, кабалы и пр.), данные о приписке новых земель и постройке острогов, о воеводском управлении и т. п. (стр. XXIII). Из этого обширного замысла осуществлена пока только одна его часть: в хронологическом порядке приведены документы, отражающие историю становления и организации ясачного сбора. Еще в 1927 г. С. В. Бахрушин в своей статье «Ясак в Сибири в XVII в.» писал о характернейшей особенности системы ясачного обложения, выработавшейся в процессе присоединения отдельных областей Сибири к России: «Разнообразие видов ясака на местах, его окладной и неокладной характер зависели от того разнообразия бытовых и культурных условий, среди которых пришлось действовать русским²». Если при данной характеристике особенностей системы ясачного обложения учесть еще политические обстоятельства, при которых та или иная этническая группировка аборигенного населения вовлекалась в русское подданство — то общая причинная обусловленность пестроты явлений, проявлявшихся в системе ясачного режима в Сибири, была бы исчерпана. Разумеется, со времени издания упомянутой статьи С. В. Бахрушина советские исследователи неоднократно обращались к этой теме. Воздавая в целом должное немалым успехам отечественного сибиреведения, особенно за последние десятилетия, отметим, что проблема управления Сибири до сих пор не получила монографически-обобщающего освещения. Именно поэтому введение в широкий научный оборот целого комплекса документов, хранящихся в Центральном гос. архиве древних актов, о ясачном режиме, являвшемся одной из основных частей управления Сибирью, следует только приветствовать.

Б. О. Долгих, С. А. Токарев, И. С. Гурвич, С. С. Филиппова осуществили огромный труд по выявлению источников, их обработке, подготовке к печати и научной интерпретации. Наилепе целеное впечатление производят первые три раздела публикации, составляющие ее основную часть и включающие ясачные книги 1631/32 — 1648/49 гг. и росписи соболиной казны за ряд лет, с 1640 по 1676/77 гг. (док. №№ 1—17). Их дополняют приложенные к изданию таблицы сметных списков ясачного сбора, отражающие численность ясачных людей по отдельным волостям, объем и стоимость вносимого ими ясака за 1655/56, 1661/62, 1672/73, 1678/79, 1684/85, 1694/95, 1700, 1708 гг., а также две челобитные — атамана И. Галкина (1632) и стрелецкого сотника П. Бекедова (1633) с подробными сведениями о начале установления на Лене ясачного режима (док. №№ 38, 39). Из этой группы документов выделяется грандиозная окладная книга 1648/49 г. (док. № 14), занимающая более половины всей публикации. Давая краткую характеристику публикуемым источникам, С. А. Токарев справедливо отметил их значение для освещения целого ряда вопросов — системы ясачного сбора (принципы раскладки ясака, размер ясачного оклада, техника ясачного сбора, аманатство, поручительство, последствия ясачного режима), родоплеменной и социально-экономической структуры якутов XVII в., родственных отношений у них, взаимоотношений между якутами и другими этническими группами местного населения (тунгусами, юкагирами и др.), проживавшими или попеременно с якутами, или населявшими окраинные районы Якутского края (стр. X—XXI). В своей совокупности данные этих источников в равной степени значимы как для собственно исторических, так и для этнографических и лингвистических исследований. Подтверждением тому является работа Б. О. Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке» (1960 г.), написанная на основе ясачных книг, и труд И. С. Гурвича «Этническая история северо-востока Сибири» (1966).

Этим отнюдь не исчерпываются познавательные возможности рассматриваемого типа источников. Ясачные книги играют не меньшую роль и при выявлении последовательности вовлечения в XVII в. аборигенного сибирского населения в подданство Русского государства. Отписки представителей царской администрации и послужные списки служилых людей часто дают в этом отношении лишь исходные данные, свидетельствующие о том, что та или иная группа местного населения впервые согласилась на ясак, дала шерсть и т. д. Однако сведения не только о формальном признании русского подданства, но и о вовлечении местного населения в постоянно действующую систему гнета феодального Русского государства, о, так сказать, «освоении» им новых налогоплательщиков, особенно после образования Якутского воеводства (1641) и создания там постоянной царской администрации, заменившей присылаемых раньше сборщиков ясака из Мангазеи и Енисейска, могут дать лишь ясачные книги за последо-

¹ Сб. «Открытие русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии», М., 1951; сб. «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах», Л.—М., 1952; сб. «Атлас географических открытий в Сибири и в северо-западной Америке XVII—XVIII вв.», М., 1964.

² С. В. Бахрушин и И. С. Гурвич, Научные труды, т. III, ч. II, М., 1955, стр. 61.

вательный ряд лет. Подобный анализ документов, публикуемых в рассматриваемом издании, скрупулезно был уже проделан С. А. Токаревым и Б. О. Долгих для другой цели — определения состава якутского населения XVII в.

Кроме того, из ясачных книг (особенно такой полной, как книга 1648/49 гг.) можно почерпнуть интересные данные о пушном деле, сертификации мехов, о наиболее добычливых районах пушных, прежде всего, соболиных промыслов, что в настоящее время известно лишь в самой общей форме. Между тем выяснение этого вопроса имеет практическое значение. Так, относительно недавно К. Д. Нумеров и П. Н. Павлов, основываясь на различных данных по отдельным районам Енисейского края с XVII в. (таможенные и отчасти ясачные книги), установили чрезвычайно существенный для практики современного пушного хозяйства факт восстановления в настоящее время в тех местах запасов соболя до уровня, существовавшего к началу массового промысла, развернутого русскими охотниками (1630-е гг.)³. Очень интересен материал документа № 6 — «Книги покупочной соболиной казны в новом Ленском острожке» (1634/35), свидетельствующий о неэквивалентном обмене медных изделий и бисера на драгоценные соболиные меха, который в интересах царской казны проводили служилые люди (об этом см. и в док. № 10).

Немало сведений о последствиях бурных и трагичных событий в Якутии в начале 1640-х гг. содержится в книге ясачного сбора 1648/49 г., которая буквально пестрит записями о том, что такой-то ясачный якут «за их якутскую измену повешен», или «человек нужной и недостаточной, бесскотной, кормитца по озерам рыбой», или «сшел за дальние озера», «кормитца рыбой и сосной», или «со 151 (1642/43) по нынешний 157 (1648/49) год не платил ничево, потому что де он человек нужной и недостаточной, бесскотной, кормитца по озерам рыбою», (стр. 508), или «скота де у него 1 корова, а иного скота никакова нет, потому что де в ызменной год громили ево служилые люди от Петра Головина» (стр. 482) и т. д.

Таким образом, данные такого своеобразного кадастра, как ясачный сбор, чрезвычайно емки и многоплановы по своему содержанию и могут привести к новым существенным наблюдениям.

Другая группа документов (№№ 18—31, дополняющую первую, освещает систему и технику взимания ясачных сборов. Они представлены отписками воевод и челобитными якутов о сборе ясака, а также довольно редким образом шертовальной записи.

В целом на основании всех этих документов создается довольно четкое представление о системе ясачного режима, установленного в Якутии. Вызывает лишь удивление полное отсутствие документов, раскрывающих сущность аманатства. Такой просчет составителей тем более досаден потому, что причины отсутствия или бытования этого явления в системе ясачного режима заслуживают внимания исследователей.

Можно не сомневаться, что публикуемые документы позволяют дополнить уже имеющиеся выводы о ясаке в Сибири и, в частности, о его своеобразии в Якутии.

В своей статье «Ясак в Якутии в XVII в.» И. С. Гурвич (стр. XXIV—XLVIII) справедливо уделил основное внимание процессу перехода от коллективного обложения ясаком целых родов или родовых групп к индивидуальному или поголовному ясачному обложению и известной гибкости царской администрации, привлекавшей якутов к уплате ясака различными поощрениями. По словам автора статьи, «при всей жестокости методов сбора ясака, нельзя не видеть, что это была политика, направленная на введение определенной налоговой системы, а не грабеж» (стр. XLIV), политика, которая не вела к истреблению коренного населения, не приводила к нарушению его образа жизни и хозяйственного уклада, к уничтожению его самобытности (стр. XLVII).

Следует надеяться, что дальнейшее изучение порайонных особенностей системы сбора ясака позволит завершить изучение проблемы ясачного режима в Сибири в целом.

Последняя, относительно небольшая группа документов (№№ 32—37) отражает материалы о ясачном недоборе в конце XVII в. Они также характеризуют систему ясачного режима, но по своему подбору — менее удачны. Составители ограничились местной перепиской административных лиц, в которой лишь фиксировался этот недобор. Если упомянутые выше группы документов целенаправленно освещают отдельные стороны ясачного сбора, то материалы местной переписки не раскрывают и не могут раскрыть наиболее темную сторону сборов, а именно — злоупотребления представителей местной администрации разных рангов, от рядовых сборщиков до самих воевод. Только в грамоте воеводе И. М. Гагарину 1690 г. (док. № 36) говорится об этом. Между тем эта проблема на протяжении всего XVII в. весьма беспокоила Сибирский приказ, который систематически, но довольно безуспешно, пытался в интересах, прежде всего, казны искоренить «воровскую корысть» своих представителей на местах. Для этой цели из Москвы посылались специальные «сыщики», ревизии которых раскрывали

³ К. Д. Нумеров, П. Н. Павлов, Прошлое и настоящее соболя Енисейской Сибири, «Уч. записки Красноярского Гос. пед. ин-та», т. 24, вып. 5, кафедра зоологии, Красноярск, 1963, стр. 85—105; К. Д. Нумеров в, Соболя Енисейской Сибири, Автореферат канд. диссертации, Красноярск — Иркутск, 1965.

масштабы «воровства», во главе которого стояли сами воеводы⁴. Дела этих сысков уже анализировались в исследованиях и было бы весьма целесообразно привлечь их прежде всего для публикации.

Специалисты-сибиреведы должны быть благодарны составителям и издателям за выпуск в свет такого обширного и содержательного свода документальных материалов.

В. А. Александров

⁴ Например, в 1660-х гг. якутский воевода И. Ф. Голенищев-Кутузов самолично отправил из Сибири колоссальное количество соболей — 573 сороков, пятая часть которых была им получена за счет ясачных людей. Другие якутские воеводы вели себя так же. — См. В. А. Александров, Народные восстания в Восточной Сибири в XVII в., «Исторические записки», 59, 1957, стр. 264—267.

И. Н. Винников. Язык и фольклор бухарских арабов. М., 1969, 359 стр.

«Два араба на берегу арыка сидели. Эмир Тимур верхом на коне к арыку подъехал. Конь рот открыл, воды напился. Под языком у него клеймо было. Арабы клеймо это увидели. Эмир уехал. Арабы вслед за ним пошли. Пришли, эмиру сказали: «Этот конь наш!» Эмир сказал: «Конь мой!», «Нет наш!» — арабы сказали. Эмир сказал: «Он у меня родился! Мой жеребчик!» Арабы сказали: «Он наш! У него примета есть!» «Где у него примета?» — эмир спросил. «Под языком у него примета!» — арабы ответили. Открыли коню рот, посмотрели — примета. Арабы забрали коня. Эмир разгневался. «Всех арабов соберу, перережу; их кровью жернова буду вертеть!» — сказал. Ходжа Хайдари эмиру сказал, «Не убивай их. Выгони их из их страны, [особым] арабским налогом их обложи!» Эмир из [родного] дома их выгнал, погнал их, в разных местах бросил. Особый — арабский налог на них наложил. Когда бухарские стены обрушились, на арабские деньги [новые] стены возвели»¹.

Так рассказывается о появлении арабов в Средней Азии в одной из арабских легенд. Научная литература XIX в. мало что могла добавить к этой легенде. Сведения о происхождении, расселении, численности и образе жизни среднеазиатских арабов были скупы, случайны, часто противоречивы. Только в 1922 г. знаменитый русский востоковед В. В. Бартольд, намечая новые задачи изучения Туркестана, впервые указал на важность систематического исследования языка и культуры среднеазиатских арабов². Позднее в результате деятельности комиссии по районированию Средней Азии, проведения Всесоюзной переписи населения в 1926 г., Самаркандской этнографической экспедиции (1921 г.) и антропологической экспедиции, организованной Узбекской ССР (1927 г.)³, были получены некоторые сведения о численности, быте и антропологическом типе среднеазиатских арабов. Наибольшее внимание привлекло сообщение этнографов Н. Н. Буркиной и М. М. Измайловой, установивших, что в двух кишлаках Узбекской ССР — Джогари Бухарской области и Джейнау Кашкадарьинской области — сохранился живой арабский язык⁴.

Серьезное научное изучение вопроса началось в середине тридцатых годов после поездки в этот район семитолога-лингвиста Г. В. Церетели, сделавшего ряд наблюдений по поводу фольклора и диалектов местного арабоязычного населения⁵. В 1936 г., по инициативе И. Ю. Крачковского, Институт востоковедения АН СССР направил в Узбекистан первую специальную экспедицию в составе И. Н. Винникова, К. В. Оде-Васильевой и Г. В. Церетели для общего обследования среднеазиатских арабов. В 1938 г. по заданию Института этнографии АН СССР полевые исследования были продолжены семитологом и этнографом И. Н. Винниковым, совершившим в общей сложности пять поездок к среднеазиатским арабам, что позволило ему систематически исследовать данную группу и собрать обширный лингвистический, фольклорный и этнографический материал. Рецензируемый сборник охватывает лишь часть этого материала. Арабам Советского Союза посвящены другие работы ученого⁶.

¹ И. Н. Винников, Язык и фольклор бухарских арабов, М., 1969, стр. 140, 141.

² В. В. Бартольд, Ближайшие задачи изучения Туркестана, сб. «Наука и просвещение», № 2, Ташкент, 1922.

³ М. С. Андреев, Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 г., «Известия Туркестанского отдела Русского географического общества», т. XVII, Ташкент, 1924; Л. В. Ошанин, Материалы по антропологии населения Узбекистана, вып. 1, Ташкент, 1929.

⁴ Н. Н. Буркина, М. М. Измайлова, Некоторые данные по языку арабов кишлака Джугары Бухарского округа и кишлака Джейнау Кашкадарьинского округа Узбекской ССР, «Записки Коллегии востоковедов», т. V, 1930.

⁵ Г. В. Церетели, Материалы для изучения арабских диалектов Средней Азии, «Записки Ин-та востоковедения АН СССР», т. VII, 1939; его же, Арабские диалекты Средней Азии (I — Бухарский арабский диалект), Тбилиси, 1956.

⁶ И. Н. Винников, Арабы в СССР, сб. «Сов. этнография», вып. IV, М.—Л., 1940; его же, Арабы Средней Азии, «Ат-Тарик», № 13, Бейрут, 1943; его же, Словарь диалекта бухарских арабов, М.—Л., 1962; его же, Материалы по языку и фольклору бухарских арабов, сб. «Советское востоковедение», вып. VI, 1949; его же, Фольклор бухарских арабов, «Acta Orientalia», VI, Будапешт, 1956; его же, Образцы фольклора бухарских арабов, «Archiv Orientalni», Prague, 1957; его же, Изучение

В течение многих лет И. Н. Винников публиковал научные статьи, посвященные языку, фольклору и другим сторонам культуры арабов СССР. В книге «Язык и фольклор бухарских арабов» собрано 67 текстов, записанных в кишлаках Джогари и Араб-ханà со слов 10 информаторов-арабов в возрасте от 25 до 64 лет (среди них одна женщина). Представленный материал носит по преимуществу фольклорный характер, раскрывая перед читателем причудливый мир восточной сказки, населенный дивами, красавицами пери, злыми духами в образе женщин — «албасть», героями, ищущими чудесное дерево — «баргитумй», от листьев которого прозревают слепцы, а местная баба-яга втягивает проезжих молодцев в спор о том, простоят ли зажженный светильник на кошке до утра или упадет.

Некоторые сказочные персонажи и атрибуты нам хорошо знакомы: золотая рыбка (правда, лишенная волшебного дара), среднеазиатская Золушка, которой злая мачеха приказала разобрать джугару и просо, пока сама пирует у эмира, шапка-невидимка, скатерть-самобранка, чудо-зеркальце и многое другое.

В сказочном мире, как и в мире действительном, уживаются свет и тени — праведник Мустафа, уничтожающий своей любовью к ближним один ад за другим, и ночной вор, глупый скупой бай и лукавый бедняк Хамада́к, напоминающий пушкинского Балду, сокрушающие горы богатыри и дряхлый старик из сказки «Искендер», сильный только многоопытной мудростью.

Народная фантазия с особенной любовью обращается к образам непобедимых богатырей, перед которыми пасует любая несправедливость. Тут и 'Алий ибн Та́либ, превратившийся из объекта религиозного почитания в народного героя, своеобразного мусульманского Геракла, не расстающегося со своим мечом Зульфикаром, и Ахмед Замчи́, который возит дрова на льве да при случае опрокидывает дома, и могучая девица Зуфну́н, знающая «богатырское слово». Но, пожалуй, наиболее колоритен веселый исполнн Хамза из сказки про эмира Ануширва́на — под ним кони ломают хребты, брошенный им в воздух противник скрывается из глаз и лишь четыре часа спустя начинает только приближаться к земле, а когда Хамза хочет издать боевой клич, он прежде подбрасывает тибетейку, чтобы по этому знаку собравшиеся под его алым знаменем воины успели заткнуть уши ватой.

Многие истории народных сказителей искрятся юмором. Им пронизаны забавные рассказы о животных, волшебные и бытовые сказки и, разумеется, анекдоты о глупцах из кишлака Ширин, воскрешающие в памяти легендарных недотеп-пошехонцев.

Живя в тесном повседневном контакте с таджиками и узбеками, среднеазиатские арабы, естественно, восприняли сюжеты, характерные для фольклора ираноязычных и тюркоязычных народов. Многие сказки («Гур-оглы», «Ахмед и Юсуф» и др.) навеяны известными образцами среднеазиатского фольклора. Самобытные арабские мотивы занимают скромное место в сказаниях бухарских арабов. Некоторые тексты сборника близки к устным народным историям, бытовавшим у арабов Сирии, Ирака, Египта. Среди них рассказ об известном необычайной щедростью доисламском поэте Хатиме из племени тайф, реминисценции на тему легенды об Иосифе Прекрасном и т. д.

В предисловии к сборнику И. Н. Винников пишет об интересном процессе вторичной фольклоризации древних народных сюжетов, уже получивших некогда литературную обработку⁷. Иногда это известно и самому сказителю. Так, например, 'Алим сын Курба́на, закончив сказку про эмирскую дочь Зуфну́н, считает нужным разъяснить: «Этот рассказ взят из книги... Я запомнил его... людям как сказку я его рассказываю»⁸.

К началу XX в. основная масса среднеазиатских арабов была уже ассимилирована. Арабы, с которых бухарский эмир взымал особенно тяжелые поборы, скрывали свою национальную принадлежность, усваивали язык окружающего населения, воспринимали его быт. Оказались утраченными даже народные арабские песни; возможно, их след сохранился лишь в поэтической речи влюбленных из сказок «Тахир и Зухра» и «Наджмо́н». Вместе с тем в своем фольклоре среднеазиатские арабы донесли до нас наиболее стойкие элементы духовной культуры, бережно передававшиеся от одного поколения к другому, несмотря на все невзгоды и испытания.

Пять текстов из 67, вошедших в сборник, занимают в нем особое место. Это записи не народных сказок, а рассказы о нелегкой судьбе бухарских арабов. В обоих кишлаках — Джогари и Араб-ханà — сохранилась память об «араб-пули́», денежном налоге, взымавшемся эмиром только с арабов. (В начале рецензии цитируется джогарийский вариант этого рассказа). О другом дополнительном налоге — уже не деньгами, а людьми — говорится в тексте «Эмир 'Алим-хан», записанном в Араб-ханà, там же сообщается о разорительном похоронном обряде, бытовавшем у арабов Араб-ханà до революции.

арабов Средней Азии в годы Великой Отечественной войны, «ЛГУ. Научная сессия 1945 г. Тезисы докладов по секции востоковедения», Л., 1945; его же, Женщина и ее роль в сохранении культурной традиции у среднеазиатских арабов, «ЛГУ. Научная сессия 1946 г. Тезисы докладов по секции востоковедения»; его же, Цеховой устав в передаче среднеазиатских арабов, сб. «История и филология стран Востока», «Уч. зап. ЛГУ», вып. 7, серия востоковедческих наук, Л., 1958.

⁷ И. Н. Винников, Язык и фольклор бухарских арабов, стр. 9.

⁸ Там же, стр. 199, 202.

В заключение нельзя не отметить очевидную удачу перевода текстов на русский язык. В своем переводе И. Н. Винников с большим успехом сочетает научную точность с тонким художественным вкусом, передает речевой строй и дух восточного подлинника. Уместно вспомнить, что В. М. Жирмунский, глубоко интересовавшийся среднеазиатским эпосом, высоко ценил работу И. Н. Винникова.

Итак, в научный обиход введен ценный лингвистический и фольклорный материал, имеющий важнейшее значение для изучения бухарских арабов.

М. А. Родионов

М. Я. Сушанло. Дунгане (историко-этнографический очерк). Фрунзе, 1971, 305 стр.

Изучение культуры и быта народов Советского Союза — важная и актуальная задача советских ученых-этнографов как с научной, так и с политической точки зрения. В 1966 г. закончено издание 18-томной серии «Народы мира», большая часть ее посвящена народам СССР. Значительным достижением советской этнографической науки следует считать опубликованные в последние годы монографии, посвященные конкретным народам нашей Родины («Ульчи» А. В. Смоляк, «Ненцы» Л. В. Хомич, «Нивхи» Ч. М. Таксами, «Кеты» Е. А. Алексеенко, «Эвенки» Г. М. Василевич, «Коряки» В. В. Антроповой, «Киргизы» С. М. Абрамзона и др.).

Только что опубликованная Отделом востоковедения Академии наук Киргизской ССР монография М. Я. Сушанло «Дунгане (историко-этнографический очерк)», несомненно, займет достойное место среди работ такого рода. Автор ее — Мухаммед Ясызович Сушанло — первый дунганин, получивший ученую степень доктора наук. Ученый совет Института этнографии АН СССР в Москве в 1970 году единогласно присудил ему эту степень. М. Я. Сушанло широко известен специалистам по этнографии народов Средней и Восточной Азии как автор большого количества работ по этнографии, истории, фольклору, филологии дунган, вышедших на русском, дунганском и киргизском языках.

Рецензируемая монография — итог кропотливого и многолетнего изучения вопросов происхождения дунган, их хозяйства и занятий, материальной и духовной культуры.

Проблеме происхождения дунган в научной литературе уделялось много внимания, высказано много различных точек зрения. Автор вполне обоснованно отвергает теорию уйгурского происхождения дунган. Справедливо признавая, что проблема этногенеза дунган является весьма сложной и дискуссионной, автор несколько по-новому подходит к решению проблем формирования северной группы китайских дунган, обосновывает участие их в формировании оседлых тангутов и подчеркивает среднеазиатские, прежде всего ирано-таджикские, а также арабские напластования, с которыми и проник ислам в Китай в VIII в. Потомки именно северной группы дунган бежали из Китая в 70—80 годы XIX в. после поражения дунганского восстания против правившей тогда в Китае маньчжурской Цинской династии и поселились в Средней Азии, среди казахов и киргизов.

Однако при разработке вопросов этнической истории северной группы дунган М. Я. Сушанло недостаточно подчеркивает тот факт, что северные китайцы, составившие основной пласт в этногенезе этой группы дунган, сами являются сложным этническим образованием, впитавшим в себя многие разнородные этнические компоненты, прежде всего тибетские, иранские, тюркские и другие. Таким образом, к началу формирования хуэй как этно-конфессиональной группы северные китайцы, особенно их западные группы, уже включали в свой состав тибето-тангутские и иранские компоненты. Увеличение доли последних в этнической истории северных хуэй играло значительную роль в формировании особенностей их антропологического облика.

Убедительно, с привлечением нового полевого этнографического материала написана вторая глава «Хозяйство и занятия». Значительный научный интерес представляет третья глава, посвященная материальной культуре дунган. В книге подробно описаны дунганские орудия труда, промыслы и ремесла, жилище, пища, одежда и украшения. Большой заслугой автора является то, что ему удалось показать не только специфически дунганское как в области хозяйственной деятельности, орудий труда, так и в материальной культуре, но и проследить основные направления изменения их в ходе взаимосвязей и взаимовлияний дунганского населения и окружающих его узбеков, киргизов, казахов, русских, украинцев и др. в процессе строительства социализма этими народами.

Значение собранного М. Я. Сушанло материалов по этнографии дунган будет возрастать, так как многое уходит из жизни, и его описание приобретает характер источника, а документированность приведенного им материала абсолютна¹. Значение этих

¹ В конце книги приложен список информаторов, сообщавших в течение многих лет полевой работы М. Я. Сушанло этнографические сведения. Знакомство со списком показывает, что информаторы были выбраны удачно: это люди старшего поколения, мужчины и женщины, из разных районов расселения дунган.

разделов будет нами еще больше понято и высоко оценено при работе над историко-этнографическим атласом народов Средней Азии и Казахстана.

Для любого автора, пишущего историко-этнографический очерк, наиболее труден раздел, посвященный духовной культуре. Следует признать, что этот раздел, равно как и другие, написан на достаточно высоком научном уровне. Не вызывает возражений основной вывод автора, что все виды народного творчества дунган — фольклор, народная музыка, народные игры, прикладное искусство, народные знания и т. д. являются как бы синтезом исторических судеб дунган и взаимосвязей их с другими соседними народами. Подчеркивая, что все дунгане — мусульмане, автор сумел проанализировать доисламские религиозные воззрения (культ природы, обожествление различных растений, животных и т. д.). Однако остается неясным, кому принадлежали эти доисламские верования: ведь формирование самих дунган связано с исламом, т. е. дунган до проникновения ислама просто не существовало.

Большую идеологическую нагрузку несет в себе Заключение. Автор подчеркивает, что «только Великая Октябрьская социалистическая революция принесла народам России, в том числе и дунганам Средней Азии и Казахстана, социальное и национальное освобождение». В процессе социалистического строительства у дунган произошла коренная ломка старого быта и традиций. Если первоначально колхозы в Ирдыке, Александровке, Миянфане и т. д. были почти исключительно дунганскими, то в период бурного роста колхозного движения, особенно в послевоенный период, они стали крупными современными хозяйствами с многонациональным составом. Пышно расцвела социалистическая культура, получило дальнейшее развитие народное образование, в том числе преподавание дунганского языка. Из среды дунган сформировалась интеллигенция.

В книге приложен обширный список использованной литературы. Несомненным достоинством книги являются оригинальные рисунки орудий труда и фотографии жилищ, одежды, музыкальных инструментов и т. д.

Как уже отмечалось выше, в работе М. Я. Сушанло есть некоторые недостатки, которые при переиздании книги легко можно устранить.

Нами замечен ряд лакун в довольно полной библиографии. К сожалению, не использованы такие крупные работы как исследование А. Калимова «Дунганский язык», опубликованная в пятом томе серии «Языки народов СССР» (Л., 1968), монография П. Г. Галузо «Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг.» (Алма-Ата, 1968) и ряд других.

В книге не выправлен ряд досадных неточностей. Так, работа Линь Ганя «Об этногенезе дунган», опубликованная в 1954 г. в журнале «Советская этнография», помещена на стр. 301 в список литературы на китайском и западноевропейских языках.

Однако эти замечания не снижают общей положительной оценки работы М. Я. Сушанло.

Жаль, что работа М. Я. Сушанло издана столь малым тиражом — всего 800 экз.

А. М. Решетов, Н. Н. Чебоксаров

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Г. И. Анохин. Общинные традиции норвежского крестьянства. М., 1971, 208 стр.

Обильная норвежская аграрно-историческая и историко-правовая литература, в особенности исследования сотрудников Института сравнительного изучения культур в Осло (1920—1950-х годов), неопровержимо доказали наличие в Норвегии в не столь отдаленном прошлом соседской общины, несмотря на преимущественно дворовый, а не деревенский тип сельского поселения в этой стране, даже в докапиталистические эпохи. Накопленный материал заслуживал исторического обобщения с марксистских позиций, тем более что норвежские и другие специалисты по истории и праву Норвегии до сих пор либо описывали общинные порядки систематически, безотносительно к отдельным эпохам и периодам, либо, напротив, сосредоточивались на строго ограниченных периодах существования сельской общины в изучаемой стране.

Рецензируемая книга — первая монография автора — как раз и привлекает протяженностью своей темы — от первобытности до нашего времени. В области аграрной и социальной истории трудно назвать отечественную работу такого размаха по любой другой стране зарубежной Европы. Подкупает она и четкой постановкой вопроса: автор изучает «все виды коллективизма, проявляемые в работе, быту, формах взаимопомощи, самоуправления, который порожден общинной собственностью и является выражением жизни общины или ее пережиточных форм» (стр. 9).

Книга Г. И. Анохина основана на весьма обширной научной литературе, включая ценные журнальные статьи из малодоступных норвежских периодических изданий XIX — начала XX в., а для отдельных исторических эпох, особенно для средневековья, также и широко круг печатных источников. Раздвинутый до предела охват темы и досадная, отнюдь не по вине самого автора, недостаточность главного источника по истории общины XIX—XX вв. — полевых материалов сотрудников норвежского Института сравнительного изучения культур — помешали автору с равной степенью глубины

изучить все ступени развития и распада общинных учреждений и традиций (вне его поля зрения остались, например, средневековые крестьянские гильдии Норвегии¹). Тем не менее, автор успешно разрешает основную часть своей задачи. После обстоятельного разбора во вступительной главе (гл. 1) литературы (на тридцати страницах) и более беглого — первоисточников, он прослеживает смену различных видов общины, общинных традиций и их остатков в условиях первобытной и древней Норвегии (гл. 2), в средневековье (гл. 3), новое и новейшее время (гл. 4). Г. И. Анохин при этом открывает множество неожиданных для советского читателя, в том числе для историка и этнографа, общественных явлений и заполняет существующие крупные пробелы в нашей литературе по истории Норвегии.

Прежде всего, автор с большой самостоятельностью и знанием материала обсуждает крайне темный (ввиду полного отсутствия письменных данных) вопрос о поземельной общине в древней Норвегии. Разбор археологических материалов неолита, бронзы и железа бесспорно заинтересует читателя, которому глава дает возможность впервые познакомиться со своеобразной первобытной историей Норвегии, с крайне глубоким культурно-типологическим разрывом между заполярным севером и остальной, в частности южной, частью этой страны. Вполне правдоподобно мнение автора о том, что уже в эпоху «каменно-бронзового» века в Норвегии (после 1500 г. до н. э.) возникли общинное землевладение и землепользование в рамках семейной общины (стр. 57).

После «великого переселения народов» IV—VI вв. н. э. характер норвежских поселений становится куда яснее для исследователей, а вместе с тем проявляется, хотя и в несравненно меньшей степени, облик общины². По-видимому, то было преимущественно хуторское поселение патриархальной большой семьи, наряду с которым налицо и следы более поздних — уже деревенских поселений (стр. 71 и сл.). Между семейными общинами существовали, полагает автор, и в позднем железном веке общинно-соседские и соседско-родственные отношения. В данных топонимики, самостоятельно им толкуемых, Г. И. Анохин находит доказательства бурного распада общинно-родовых отношений, особенно в эпоху викингов (VIII—XI вв.), признаки выделения больших и малых патриархальных семей, уже наследственно владеющих своей пахотной землей и сообщая с другими семьями использующих общинные угодья — альменнинг.

Образование раннефеодального государства, христианизация и, как следствие того и другого, появление в XII—XIII вв. многообразных письменных источников позволяют автору осветить интересные его вопросы с куда большей определенностью и обстоятельностью, чем дописьменную эпоху. Глава 3, посвященная семейной и соседской общинам средневековой Норвегии, занимает в книге центральное место — ей отведена половина основного текста. Глава, повторяем, строится на самостоятельном изучении первоисточников — памятников обычного права в первую очередь, а также саг, грамот, королевского законодательства. Композиционным просчетом автора является, однако, его сосредоточение на раннем норвежском средневековье, уже в значительной мере изученном под углом той же проблематики другим советским ученым — А. Я. Гуревичем, причем с большей, чем у Г. И. Анохина, глубиной проникновения в оригинальные древноревежские тексты и в специфическую проблематику варварского и раннефеодального строя.

Разумеется, «повторный эксперимент» нашего автора отнюдь не бесполезен. В целом ряде частных пунктов ему, как профессионалу-этнографу, знатоку кровнородственных отношений, и просто как самостоятельно мыслящему исследователю, удастся поправить своего предшественника. Так, шагом вперед представляется употребление Г. И. Анохиным в споре с А. Я. Гуревичем нового для нашей скандинавистики понятия хуторской общины как норвежской разновидности общины соседской (стр. 39, 181). Это позволяет избежать смешения такой малой соседской общины (ср. норв. «grend», «gårdssamfunn» и англ. «farm community») с большой, марковой. Заслуживает внимания и авторская критика истолкования важных понятий «лендрман», «хольд», «бонд» в судебнике Боргартинга у А. Я. Гуревича (стр. 90—91)³. Особенно же плодотворен в этой части работы Г. И. Анохина его разбор проблем большой семьи и патронимии на материалах законов Фростатинга и Гулатинга, когда наш автор уточняет (ср. его схему родственных связей после стр. 110) наблюдения А. Я. Гуревича, сделанные на более узкой базе.

К сожалению, в большинстве других случаев полемика Г. И. Анохина со своим предшественником кажется рецензенту натянутой, если не вовсе беспредметной. В основных выводах оба советских ученых-марксиста согласны друг с другом, так что полемический пафос Г. И. Анохина больше оживляет изложение, чем проясняет суть дела. Так, например, он упрекает А. Я. Гуревича в том, что последний как бы оторвал

¹ О. А. J o h n s e n. Norges bønder. Oslo, 1936, s. 129—138.

² При чтении страниц главы, посвященных позднему железному веку в Норвегии — I тысячелетию н. э. у читателя может сложиться ложное впечатление, будто германские племена впервые попали в Скандинавию в IV—VI вв. (стр. 62—64). На самом деле общепризнано, что пришельцы были близкими родственниками старожилов. Те и другие принадлежали к германским племенам, проживавшим в Норвегии еще до нашей эры. Ср.: A. W. B r ö g g e r, Kulturgeschichte des norwegischen Altertums, Oslo, 1926, S. 194, 207—208.

³ См. статью А. Вøе «Hauldr», в кн. «Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder», Bd VI, København, 1961, S. 252.

семейную общину (большую семью) от ее окружения, изучал ее не как частицу общины соседской, а в изоляции (стр. 34, 38, 82). Свой упрек Г. И. Анохин подкрепляет ссылкой на статью А. Я. Гуревича, посвященную патриархальной большой семье, и лишь скороговоркой отмечает другую статью, целиком посвященную соседской общине⁴, либо критикуя пробелы в третьей статье, посвященной примерно тем же вопросам, умалчивает как раз о той ее части, где говорится о соседских отношениях между домовыми общинами⁵. В другом месте Г. И. Анохин, справедливо настаивая на приложимости термина «соседская община» к Норвегии, делает это в такой полемической манере, что непосвященный читатель решит, будто другие специалисты, начиная с того же Гуревича, полагают иначе (стр. 35). Своего оппонента автор книги упрекает даже в ложном толковании понятия «альменнинг» только как общинного пастбища (стр. 36). Трудно, однако, допустить столь грубый промах у опытного медиевиста. И действительно, на той же странице, какую имеет в виду наш критик, читаем: «Горные пастбища, леса и воды, в том числе фьорды и море, входили в состав общинных земель, называемых в сборниках права *almepningr*». Далее, на стр. 116—117 Г. И. Анохин оспаривает точку зрения Гуревича на порядок наследования в северо-западной Норвегии⁶, однако почему-то подкрепляет свои доводы ссылками на законы юго-западной Норвегии.

Степень новизны, а следовательно и ценности излагаемого материала, резко возрастает, когда автор от раннего средневековья обращается к позднему и, в частности, проясняет смысл раннесредневековых правовых норм с помощью позднесредневековой деловой переписки или наблюдений историков, юристов и этнографов над норвежской сельской жизнью нового и даже новейшего времени (например, стр. 134 и сл.). Автор с большим знанием дела прослеживает судьбы и видоизменения обычаев крестьянской взаимопомощи на протяжении веков. Труднее оказалось найти в источниках данные о деятельности соседской общины как таковой (стр. 144 и сл.). Приводимые автором сведения о различных *bygdelağ* и *tinglağ* относятся к более крупным административным единицам — волостям (уездам), самое меньшее — к марковым общинам, связанным лишь альмендой. На более низком уровне отдельных поселков и тем паче хуторов наличие прочной общинной организации, регулярных сходов, не говоря уж о судебных собраниях, остается недоказанным (стр. 146—147)⁷. Отдельные этнографические находки норвежских коллег Г. И. Анохина не меняют общей картины.

В случае продолжения начатого исследования следует пожелать автору сосредоточиться именно на норвежском позднем средневековье и раннем новом времени, когда, с одной стороны, общинные распорядки еще продолжают набирать силу, а с другой, в изобилии имеются печатные источники (см. ниже). Как это ясно видно из главы о новом и новейшем времени, таких источников автору не хватает: больше половины ссылок в гл. 4 сделано на один выпуск «*Scandinavian Economic History Review*» (1956, v. IV, № 1) и на популярные русские пособия. Это положение не в последнюю очередь объясняется упадком самих общинных институтов с середины XIX в., по мере огораживаний и упразднения чересполосицы⁸. Тем не менее очерк общинных традиций и пережитков в современной буржуазно-фермерской Норвегии, как и обзор ее аграрного развития вплоть до наших лет, полезен для читателя. Автор, например, показывает судьбы древнего института наследственной земельной собственности — удела (одаля). Советский читатель впервые знакомится с историей норвежских огораживаний — так называемых межевых реформ. К своему удивлению, он узнает, что в стране пресловутого крестьянского индивидуализма (вспомним «Соки земли» Гамсуна) и в наши дни встречаются общинные пашни (стр. 184).

Рецензируемая книга, таким образом, содержит множество полезнейшей информации и заполняет важный пробел в советской аграрно-исторической литературе. Вместе с тем можно предъявить автору ряд претензий. Прежде всего, при подготовке кандидатской диссертации к печати необходимо учитывать вышедшую со времени защиты литературу, в данном случае — второй половины 60-х годов. Далее, памятуя не раз отмечаемый самим автором дефицит источников, сожалешь о его явно недостаточных розысках в наших библиотеках. Так, в ГПБ им. Салтыкова-Шедрина нетрудно найти печатный сборник «Сто крестьянских правил» Норвегии XVII в., и даже неизданные путевые заметки о шведском путешествии в Норвегию середины XVIII в.⁹

⁴ А. Я. Гуревич, Норвежская община в раннее средневековье, «Средние века», вып. XI, М., 1958.

⁵ А. Я. Гуревич, Арханческие формы землевладения в юго-западной Норвегии в VIII—IX вв., «Уч. зап. Калининского гос. пед. ин-та», т. 26, Калинин, 1962, стр. 158—162.

⁶ А. Я. Гуревич, Большая семья в северо-западной Норвегии в раннее средневековье по «Судебнику Форстинга», «Средние века», вып. VIII, М., 1956, стр. 78.

⁷ См. статью Н. Björkvik «Bystævne», в кн. «Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder», Bd II, København, 1957, S. 447.

⁸ Ср. «Jordskifteverket gjennom 100 år», Oslo, 1959.

⁹ «100 gamle bunde regler... 1687», Kristiania, 1914; «Iter Norvegicum eller resa till Norge med åtskillige annmärkingar... 1759 och 1760 af Anton Rolandson Marten» (ГПБ, historia in folio № 28).

Из поля зрения автора-этнографа выпало множество опубликованных путевых записок по Норвегии, включая столь примечательные в этнографическом плане, как записки К. Линнея и особенно Т. Мальтуса¹⁰. И напротив, его единственный источник этого рода — переводное «Путешествие в северные страны» де Ламартиньера XVII в. — лишено для данной темы всякой ценности. Мог быть расширен и круг привлекаемых норвежских публикаций источников по аграрной истории XVI—XVII вв.¹¹ Поскольку в средневековой главе автор пользуется попеременно оригинальными и переводными изданиями древних текстов, следовало всякий раз уточнять это обстоятельство, а не оставлять читателя в неведении (например, стр. 83 и сл.). Ведь тот или иной перевод датнорвежских судейников есть уже их толкование! И наконец, книге явно не хватает географических карт и схем.

А. С. Кан

¹⁰ «The Travel Diaries of Thomas Robert Malthus», Cambridge University Press, 1966. Ср. рубрику «Путешествия по Норвегии» в предметном указателе к известному библиографическому справочнику: Hj. Pettersen, Norge of nordmaend i udlandet literatur, Saml. 1—3, Christiania, 1908—1917.

¹¹ Cp.: «Kilder til norsk historie 1560—1940», Oslo, 1968.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Городская жизнь стран Переднего Востока в освещении французской школы «географии человека» («Revue Geographique de L'Est. 1969, t. IX).

В сдвоенном 3—4 номере за 1969 г. французского журнала «Revue géographique de l'Est» (издается совместно университетами Безансона, Дижона, Нанси, Реймса и Страсбурга) опубликована интересная подборка о городах Ближнего Востока и их населении. В нее входят пять крупных статей: из них две касаются городов Турции, две — городов Ирана, пятая характеризует население Каира. Кроме того, в этом же номере есть несколько мелких публикаций и рецензий, среди них стоит отметить обзор литературы о номадизме (К. Планьоля), который публикуется в журнале уже в течение ряда лет.

В данной рецензии рассмотрена подборка статей французских географов, посвященная городам Переднего Востока.

Журнал открывает очерк Ксавье де Планьоля «Принципы географии городов Малой Азии». По содержанию он, однако, много уже своего заглавия. Опираясь на данные топонимики, автор довольно поверхностно анализирует соотношение дотурецкого субстрата и инноваций, привнесенных волнами турецких пришельцев в анатолийские города. В очерке устанавливается сравнительно слабое турецкое влияние на топонимику более крупных звеньев городской сети (из центров вилайетов менее 1/4 имеют турецкие названия), в то время как названия более чем 2/3 центров каза турецкого происхождения (это различие иллюстрируется картой). Вся иерархия городов рассматривается в свете теории «центральных мест».

Автор отмечает в качестве одной из историко-географических особенностей городской жизни существование в мелких городах многих элементов сельского быта (он вообще считает, что османские инновации сильно «фурализировали» Анатолию по сравнению с византийской эпохой). В очерке показана историческая неустойчивость многих городов, временами терявших часть своего населения. Как общая тенденция констатируется сдвиг городского населения в долины с возвышенных местностей, куда раньше его привлекали удобства обороны и сохранение полукочевых форм горного животноводства. Автор подчеркивает еще и особую тягу людей к воде. С наивным автропогеографизмом он видит в этом «свойство» заселивших Малую Азию этносов («Степняки-турки очень любили селиться у проточной воды и зеленеющих лугов, они быстро покидали городские агломерации, которые становились во время потрясений, связанных с завоеванием, сухими и пыльными и устраивались поближе к воде, стр. 262). Характерно, как отмечено в очерке, стремление жителей анатолийских городов иметь летние жилища за городом («городские яйла»). Вся статья типична для немного подновленной (в частности, за счет восприятия модной для буржуазной географии населения теории «центральных мест») французской школы «географии человека». Представители этой школы удачно схватывают отдельные черты, анализ в их трудах несомненно носит исторический характер. Однако они явно не умеют вскрыть производственную обусловленность всей картины расселения. В рассматриваемой статье производственная основа городов Малой Азии также обойдена почти полным молчанием.

В несколько более реалистичной манере написана статья Марселя Базена об Эрзеруме. Это — довольно яркая и полная монографическая характеристика города. Стоит отметить умелый анализ особенностей географического положения Эрзерума (в особенности по отношению к историческим путям и природной среде). Значительное внимание уделено динамике этнического состава и занятиям населения в настоящее время. Широко используются данные переписей (по последней переписи 1965 г. в городе насчитывалось 105,3 тыс. жителей), автор характеризует социальные типы горожан, говорит, за счет каких вилайетов рос город. Показаны торговая, ремесленная и индустриальная роль Эрзерума (в последние годы), его значение как военного цен-

тра и «региональной столицы» для всего северо-востока Турции. Очень подробно описана планировка города, отмечены особенности отдельных его кварталов («махалля»), описаны жилища разных социальных слоев, размещение торговой сети, базаров и т. п. Особое внимание уделено самовольной застройке («гесесонду»). По подсчетам автора, основанным на материалах делопроизводства муниципалитета, обитатели самовольно построенных домов составляли в 1966 г. 13% всего населения города. Статья представляет несомненный интерес со страноведческой и этнографической точек зрения. Ценна и приложенная к ней библиография (около полусотни работ, из которых многие касаются и общих проблем истории городской жизни и урбанизации в Передней Азии).

Статья П. Виейя и К. Мохсени, посвященная Тегерану, называется «Культурная экология мусульманского города». Она носит чисто описательный характер; авторы очень детально (и с большим знанием дела) рассказывают не только о театрах, кинематографах, библиотеках, но главным образом об отелях, кафе, ресторанах (останавливаясь на особенностях местной кухни и сопоставляя ее с европейской), о кварталах, почти сплошь состоящих из публичных домов (со многими подробностями о быте их обитательниц). На схематических планах города, приложенных к статье, показано размещение отдельных сетей культурно-бытового обслуживания. По существу, в статье нет глубокого анализа культурно-экономической среды Тегерана. Авторы, видимо, и увидели «экологические» аспекты в выявлении различий между районами города. В статье они прямо определяют экологию как «подразделения (территориальные. — В. П.) и взаимоотношения между частями города». На деле же содержание очерка не соответствует названию, он скорее похож на вводные тексты к соответствующим разделам путеводителя по Тегерану.

Упор на внутригородские различия сделан также в коллективной статье сотрудников группы социологических исследований Тегеранского университета П. Виейя, З. Ардалана и А. Г. Ваниссарде о другом иранском городе — Абадане («Абадан, ткань города, его привязанности и ценности»), построенной на материалах анкетного опроса, который был проведен в четырех районах (два из них — чисто рабочие, а в двух других проживают преимущественно служащие разных рангов). Целью анкетирования было выяснить жилищные условия и их оценку самим населением, обеспеченность радиоприемниками, посещаемость кинематографов (а также каким фильмам отдается предпочтение), как читаются газеты, журналы, как жители этих районов используют свой досуг. Содержание статьи, таким образом, довольно узко; она представляет интерес с позиций главным образом «микрореографической» социологии. Явно неполна социальная характеристика пролетариата Абадана. И тем не менее статья интересна для исследователей, поскольку литература об иранском пролетариате вообще очень бедна.

Последняя из оригинальных статей в рецензируемой подборке посвящена Каиру; автор — П. Мартело — озаглавил ее «Новые масштабы столичного города: Каир». Столица АРЕ показана здесь в развитии. По данным 1960 г., 35% его населения родилось вне Каира. Почти половина приезжих происходит из Дельты, более трети — из Верхнего Египта. Показана (правда, по уже несколько устаревшим для такого динамичного города данным за 1963 г.) все еще низкая занятость населения, особенно в промышленности — 7,5%. Значительная часть статьи посвящена характеристике внешнего облика города; показано его территориальное разрастание (в том числе частичный переход и на левый берег Нила). Автор говорит о различии жилищных условий; в отдельных кварталах (miaka) скученность очень велика (в Баб-эль-Шария плотность населения достигает 140 тыс. чел./км²). Отмечена полезная работа образованного в 1965 г. Министрства строительства и благоустройства; кратко рассказано об осуществлении плановой реконструкции города, диаметр которого достиг 50 км.

Несмотря на методологические слабости школы, к которой принадлежат авторы рецензируемых статей (описательность, чрезмерное внимание к внешним чертам явлений, а также недооценка экономических факторов в городской жизни), рассматриваемый номер журнала в целом представляет известную ценность. Он вводит в научный оборот немало фактов, характеризующих процессы урбанизации среди трех крупных народов Ближнего Востока — турок, персов и арабов. Между тем именно особенности городской жизни этих народов изучались недостаточно, или, если выразиться осторожнее, медленнее, чем идет сама урбанизация. Поэтому статьи рассмотренной подборки заслуживают внимания этнографов-ориенталистов и географов-страноведов — специалистов по ближневосточному региону.

В. В. Покишишевский

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Л. А. Файнберг. Очерки этнической истории зарубежного севера (Аляска, Канадская Арктика, Лабрадор, Гренландия). М., 1971, 279 стр.

Новая книга Л. А. Файнберга является продолжением его ранее изданного труда «Общественный строй эскимосов и алеутов». В первой книге, основываясь на скрупулезном подборе литературных источников, автор реконструировал общественный строй эскимосов и алеутов в период их переселения в Америку. По его мнению, основой этого строя был род, разложившийся в процессе заселения чрезвычайно трудной для освоения территории и распада территориальных связей, существовавших между отдель-

ными эскимосскими и алеутскими общинами. Вопрос о наличии родовых отношений у эскимосов и алеутов долго дискутировался в литературе, и работа Л. А. Файнберга наряду с непосредственными полевыми наблюдениями Г. А. Меновщикова и Д. А. Сергеева в среде азиатских эскимосов¹, несомненно, способствовала положительному решению этого важного вопроса.

Рецензируемая книга посвящена более поздней эскимосской истории — событиям, связанным уже с их пребыванием на тех территориях, которые отдельные группы эскимосов занимают в настоящее время. Рассматривается также влияние контактов с европейским населением на самобытную эскимосскую культуру. Речь идет о чрезвычайно важных проблемах разложения самобытной народной культуры в условиях вовлечения ее в сферу капиталистических отношений. Эти проблемы одинаково важны и с этнографической, и с экономической, и с политической точек зрения. Разложение народной культуры идет разными путями, общие модели которых пока еще не построены в исторической науке. Между тем, накопление конкретных данных по отдельным этническим группам и по разным территориям несомненно приближает нас к пониманию общих закономерностей подавления капиталистическими отношениями натуральных форм хозяйства и общественных отношений. Книга Л. А. Файнберга дает множество фактов такого рода, относящихся к американской Арктике и Гренландии.

Автор сгруппировал материал по региональному принципу. В восьми главах рассмотрены последовательно исторические судьбы эскимосов Аляски, канадской Арктики, Лабрадора, Западной Гренландии в XI—XVII в., Западной Гренландии в XVIII—XX вв., полярных эскимосов, эскимосов Восточной Гренландии. В первой главе дается основанный на результатах новейших археологических раскопок краткий обзор древней истории американских эскимосов и основных этапов их расселения по арктическому побережью Америки из области Берингоморья.

В книге использован очень широкий круг источников и литературы, что, несомненно, объясняется сложностью проблематики и стыковым характером темы. Это археологические и этнографические работы об эскимосах в целом и об отдельных территориальных группах эскимосского народа, исторические сочинения и дневники путешественников, экономическая литература об освоении американского Севера, большое число трудов по географии американской и гренландской тундры, о пушной и промысловой охоте, промысле морского зверя и т. д. Из всех этих работ данные извлекались по крупицам. Следует отметить отсутствие обобщающих монографий по теме книги. В результате перед нами довольно полная, насыщенная фактической информацией, впервые собранной воедино, картина жизни и этнической истории эскимосов Америки и Гренландии за последние пятьсот лет.

В исследовании прослежены процессы, которые происходили по всему американскому Северу и в Гренландии в результате контактов эскимосов с европейцами. По сути дела, натуральное хозяйство заменяется товарным, стираются многие специфические особенности традиционной культуры, сильное проникновение в местные культуры европейских элементов. В результате происходит утеря национальной специфики и деформация традиционной культуры. Автор проследил этот процесс как в общих чертах, так и в отдельных территориальных группах, где специфика его определялась географической средой, преобладающей формой хозяйства, степенью изоляции от европейского влияния и другими локальными факторами. Даже эскимосы Туле, находившиеся до недавних пор в особом положении благодаря фактории, созданной К. Расмуссеном, потеряли сейчас это свое привилегированное положение из-за постройки городской авиабазы в 1951—1952 гг.

Отход эскимосов от традиционных промыслов, переход к европейскому образу жизни, алкоголизм и различные болезни породили неблагоприятную демографическую ситуацию, убедительно показанную Л. А. Файнбергом на примере расчета демографических характеристик для многих районов. Такая неблагоприятная ситуация еще больше усиливает денационализацию эскимосов.

В заключение два замечания. Специальный раздел главы пятой посвящен взаимодействию норманнской и эскимосской культур в западной Гренландии. К сожалению, автор лишь бегло касается вопроса о причинах вытеснения норманнов эскимосами. По общему ходу изложения видно, что он считает причиной этого большую культурную адаптивность эскимосов к условиям существования. Однако экстремальный характер этих условий ставит задачи огромной трудности и перед человеческим организмом, непременно требуя от него высокой биологической адаптивности. Большое число разнообразных морфофизиологических исследований показало исключительную приспособленность эскимосов по сравнению с европейцами к местным условиям, что тоже не могло не способствовать большей выживаемости эскимосских популяций.

Описывая находки на мысе Крузенштерн в заливе Коцебу и в целом сочувственно излагая концепцию Дж. Гиддингса о связи развития китобойного промысла с изменениями фауны, Л. А. Файнберг упрекает его в чрезмерном географизме. Этот упрек кажется недостаточно обоснованным. Уровень Тихого океана действительно менялся на протяжении четвертичного периода и даже в последние тысячелетия в широких пре-

¹ Г. А. Меновщикова, О пережиточных явлениях родовой организации у азиатских эскимосов, «Сов. этнография», 1962, № 6; Д. А. Сергеев, Пережитки, отцовского рода у азиатских эскимосов, там же.

делах, что доказано и геологическими и палеофаунистическими наблюдениями². В связи с активной тектоникой и общими изменениями уровня океана колебался и уровень воды в Беринговом проливе, что, конечно, оказывало огромное влияние на численность китов и вообще морского зверя. При зависимости от морской охоты всего цикла жизни эскимосов в районах Берингоморья численность поголовья морских животных имела и имеет решающее значение для процветания эскимосских популяций.

Очень жаль, что книга издана без иллюстраций и, что самое главное, как и подавляющее большинство других книг, выходящих в издательстве «Наука», без указателя, что затрудняет пользование ею как справочным пособием.

В. П. Алексеев

² Сводка данных: Г. У. Линдберг, Четвертичный период в свете биогеографических данных, М — Л., 1955.

НАРОДЫ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

R. A. Gould. *Yiwara: foragers of the Australian Desert*. New York, 1969, 240 p.

Автор рецензируемой книги, американский этнограф и археолог Ричард Гоулд, известный своими работами об индейцах Калифорнии, в 1966—1967 гг. совершил экспедицию в один из наименее освоенных выходов из Европы районов Австралии — пустыню Гибсона.

Коренное население пустыни Гибсона, говорящее на языке питджанджара, довольно хорошо изучено, но о нем еще не было опубликовано исчерпывающего, всестороннего этнографического исследования. Гоулд тоже не претендует на это, подчеркивая, что его книга — скорее рассказ о жизни отдельных аборигенов, с которыми он сталкивался во время своей экспедиции, чем сухой научный трактат.

Тем не менее автору удалось в этой небольшой по объему, очень живо и доступно написанной книге весьма полно изобразить жизнь тех немногих оставшихся в живых коренных жителей Австралии, которые в настоящее время, как и тысячи лет назад, кочуют по пустыне в поисках пропитания, а также показать, какие изменения в их традиционном образе жизни происходят под влиянием контакта с англо-австралийцами.

Большое достоинство книги, что она написана на основании собственных наблюдений автора. Гоулд стремился описывать только то, что видел своими глазами, о чем получил информацию непосредственно от аборигенов.

Первая глава «День с людьми пустыни» — это подробнейший рассказ об обычном дне небольшой группы аборигенов, состоявшей из 13 человек, связанных узами родства и свойства. Говорят они на нгататджара — одном из диалектов питджанджара. Во время сухого сезона эта группа добывала себе пищу в местности Партджар, в центре пустыни Гибсона, в 150 милях северо-западнее Уорбертон Рэнджес. Гоулд очень детально описал все, что делали эти люди в течение дня, час за часом, от восхода до заката.

Такой прием позволил автору познакомить читателей с хозяйством нгататджара (так называет их автор), описать охоту и собирательство, изготовление орудий, приготовление пищи — словом, их повседневную жизнь.

Столь полное и подробное описание жизни австралийских аборигенов является, несомненно, главным достоинством книги Гоулда, так как в других работах, посвященных аборигенам, подобные описания, как правило, отсутствуют. Повседневное наблюдение за деятельностью группы аборигенов, ведущих традиционное присваивающее хозяйство, привело Гоулда к убеждению, что в основном все мысли и действия аборигенов сосредоточены на добыче средств существования. Обитателям пустыни Гибсона приходится прилагать много усилий, чтобы просто выжить (стр. 72).

По наблюдениям Гоулда, аборигенам, живущим в пустыне, редко удается добыть крупную дичь, такую, как кенгуру или эму, поэтому они вынуждены гораздо чаще питаться растительной пищей, чем мясной. Так как растительную пищу добывают и готовят женщины, Гоулд называет их «опорой экономики», подчеркивая тем самым, что собирательство играет в жизни аборигенов большую роль, чем охота (стр. 18).

Вся материальная культура нгататджара великолепно приспособлена к подвижному образу жизни, к постоянным переходам с места на место. Это проявляется, прежде всего, в уже неоднократно отмеченных многими исследователями многочисленности и полифункциональности орудий, а также в том явлении, которое Гоулд называл *instant tools*. Это случайные, необработанные камни, палки и т. д., которые используют для различных целей один раз, а затем выбрасывают. Бродячий образ жизни приводил к тому, что гораздо важнее было для них научиться определять полезные свойства естественных предметов и использовать их, чем обременять себя переноской настоящих орудий (стр. 82—83).

Общественные отношения и социальная организация нгататджара охарактеризованы Гоулдом очень бегло, что, вероятно, обусловлено научно-популярным характером книги. Тем не менее он указал на существование у нгататджара патрилинейных тотемических групп и шести секций, регулирующих браки.

Как и у многих австралийских племен, у нгататджара бытуют представления о мифических тотемических существах, которые считаются создателями современного ландшафта и предками живущих ныне аборигенов. Гоулд приводит многочисленные мифы, связанные с тем или иным тотемическим предком или священным тотемическим центром.

Его сообщение о том, что нгататджара верят в существование родственных уз каждого члена тотемической группы с тотемическим центром этой группы, в который во «время сновидений» превратился их тотемический предок (стр. 125, 128), свидетельствует о том, что австралийский абориген, называющий определенный участок территории своим, вовсе не считает его своей собственностью, как полагали многие буржуазные ученые, а просто дает понять, что это место обитания духа его предка.

В книге подробно описаны обряды инициации и обряды инициума, т. е. обряды, должностующие заставить размножаться тотемное животное или растение, имеющие большое сходство с подобными обрядами племен центральной Австралии (пятая глава — «Ритуалы пустыни и священная жизнь», стр. 101—134).

Описывая обряд инициации, Гоулд старается найти ему рациональное объяснение. Он считает, что некоторые испытания, которым подвергаются посвящаемые, например длительная изоляция, пищевые ограничения и др., способствуют воспитанию таких членов племени, которые будут в состоянии переносить все тяготы кочевой жизни в пустыне. А изучение священных мифов о тотемических предках, странствовавших во «время сновидений», помогает, по мнению автора, запоминать названия и местонахождения водных источников, упомянутых в мифах, и передавать эти полезные сведения из поколения в поколение.

Гоулд не ограничился описанием традиционной культуры нгататджара. Последняя, седьмая глава книги «Недовольные» посвящена жизни аборигенов в миссии Уорбертон Рэнджес и последствиям их знакомства с «благами» западной цивилизации.

В июне 1966 г. в окрестностях миссии Уорбертон Рэнджес обитало более 370 аборигенов, которых можно разделить на две группы. Первая, составляющая большинство, — нгататджара, истоков веков населявшие район, где в 1934 г. была основана миссия. Вторую группу образуют аборигены из северных районов пустыни Гибсона, которые были переселены туда в описываемый период. Они имели несколько иную социальную структуру, чем нгататджара (8 подсекций вместо 6 секций у последних).

Хотя нгататджара, жившие в районе миссии, на протяжении многих лет испытывали влияние со стороны белых, а некоторые даже посещали школу, в укладе их жизни и быта до недавнего времени сохранялись многие черты древней культуры (строгое соблюдение брачных норм, полигамия, выполнение обрядов).

Существенно изменило их образ жизни открытие в 1961 г. неподалеку от миссии месторождения высококачественной медной руды.

Поскольку медная руда была обнаружена на территории резервации, Департамент благосостояния туземцев отдал право на разработку данного месторождения Вестерн Майнинг Корпорейшен при условии, что эта компания будет обеспечивать аборигенов работой.

К сожалению, Гоулд ничего не сообщает об условиях их найма, характере выполняемой ими работы, оплате труда. Пользуются ли они теми же правами, что и белые рудокопы, или на них распространяется расовая дискриминация, все еще существующая в Австралии?

Новоприбывшие аборигены, не знавшие английского языка и не имевшие соответствующих навыков, не могли работать на рудниках. Единственным доступным для них занятием стало изготовление сувениров (бумерангов, копий, копьеметалок) для туристов. Однако это занятие не могло гарантировать нормального существования, так как спрос на туземные изделия не слишком велик, а охотой и собирательством в окрестностях миссии трудно прокормиться.

По этой причине, а также из-за враждебного отношения к ним коренных обитателей Уорбертона — нгататджара — некоторые новоприбывшие были вынуждены снова возвратиться к кочевому образу жизни в пустыне.

Оставшиеся предприняли попытку слиться с нгататджара, для чего постарались приспособить свою систему восьми подсекций к шестисекционной системе нгататджара, чтобы получить возможность заключать с ними браки.

Гоулд надеется, что эта мера, а также школа, где учатся почти все дети, живущие в районе миссии, помогут преодолеть межплеменную рознь.

Правдиво и без всяких прикрас автор описал нелегкие условия жизни аборигенов в окрестностях миссии. Убогий лагерь с шалашами и ветровыми заслонами, сооруженными из всякого хлама, грязь, нищета, болезни, полная зависимость от чиновников Департамента благосостояния туземцев и миссионеров... Гоулд относится к аборигенам с искренним сочувствием и симпатией, их судьба далеко безразлична ему, но выхода из сложившегося критического положения он не видит.

В целом книга американского этнографа производит благоприятное впечатление и, несомненно, представляет интерес не только для широкого круга читателей, но и для этнографов-австраловедов.

Г. В. Сенюта

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. В. Арутюнян (Москва). Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР (программа, методика и перспективы исследования)	3 ✓
Б. А. Калоев (Москва). Осетино-балкарские этнографические параллели	20
В. Б. Виноградов, Т. С. Магомадова (Грозный). О месте первоначального расселения гребенских казаков	31
Е. Е. Неразик (Москва). Из истории хорезмского сельского жилища	43
Л. Б. Теплинский (Москва). Расизм в политике израильских сионистов	55
И. М. Золотарева (Москва). Геногеографическая характеристика Монголии по системе крови АВО	66

Дискуссии и обсуждения

К. В. Чистов (Ленинград). Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры	73 ✓
Ю. В. Бромлей (Москва). Еще раз о соотношении этнической и экономической общностей	86 ✓
И. Я. Фроянов (Ленинград). Семья и вервь в Киевской Руси (по поводу статьи Ю. М. Рапова)	90

Сообщения

Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева (Москва). Некоторые вопросы развития современного городского жилища (по материалам городов средней полосы РСФСР)	98
В. А. Туголуков (Москва). Институт «доха» у удэгейцев и орочей	105
И. И. Шангина (Ленинград). Изображения коня и птицы в русской крестьянской вышивке XIX — начала XX века	116
В. И. Драгун (Ужгород). Деревянные жилища крестьян Закарпатья конца XVIII — начала XX века (по материалам Закарпатского музея народной архитектуры и быта)	121
Э. В. Шавкунов (Владивосток). О семантике тамгообразных знаков и некоторых видов орнамента на керамике с Шайгинского городища	128
Г. В. Цулая (Москва). Кавказские сказания о Петре I	134
Л. Боглар (Будапешт). Индейцы намбиквара — маргинальная группа в Бразилии	139

Поиски, факты, гипотезы

Б. Н. Путилов (Ленинград). В Бонгу звучат окамы	144
---	-----

Хроника

В. Н. Басилов (Москва). Работа Института этнографии АН СССР в 1971 году	157
---	-----

Научная жизнь

И. В. Власова, Т. П. Федянович (Москва). Третья поволжская конференция по ономастике	166
С. Б. Фараджев (Ленинград). Всесоюзный семинар-совещание работников музеев	169
Н. Велюс (Вильнюс). Комплексные экспедиции литовских краеведов	171
И. Кюллеш (Будапешт). Венгерская этнографическая энциклопедия	172

Критика и библиография

Общая этнография

Дж. Б. Логашова (Москва). Этнонимы	174
------------------------------------	-----

Народы СССР

- В. А. Александров (Москва). *Материалы по истории Якутии XVII века (Документы ясачного сбора)* 176
- М. А. Родионов (Ленинград). *И. Н. Винников. Язык и фольклор бухарских арабов* 179
- А. М. Решетов (Ленинград), Н. Н. Чебоксаров (Москва). *М. Я. Сушанло. Дунгане (Историко-этнографический очерк)* 181

Народы зарубежной Европы

- А. С. Кан (Москва). *Г. И. Анохин. Общинные традиции норвежского крестьянства* 182

Народы зарубежной Азии

- В. В. Покшишевский (Москва). *Городская жизнь стран Переднего Востока в освещении французской школы «географии человека» («Revue Géographique de l'Est», 1969, t. IX)* 185

Народы Америки

- В. П. Алексеев (Москва). *Л. А. Файнберг. Очерки этнической истории зарубежного Севера (Аляска, Канадская Арктика, Лабрадор, Гренландия)* 186

Народы Австралии и Океании

- Т. В. Сениута (Донецк). *R. A. Gould. Yiwara: Foragers of the Australian Desert* 188

На первой странице обложки: Папуас Амбаси трубит в раковину — тору. Фото А. Д. Щербина

SOMMAIRE

- Yu. V. Aroutiounian (Moscou). *Aspects socio-culturels du développement et du rapprochement des nations (programme, methodologie et perspectives de recherche)* 3
- В. А. Калоев (Moscou). *Parallèles ethnographiques ossète-balkares* 20
- V. B. Vinogradov, T. S. Magomadova (Grozny). *De l'emplacement de l'habitat initial des Kozzaques dits Griébienskie* 31
- Ye. Ye. Nierazik (Moscou). *Contribution à l'histoire de l'habitat rural de Khwarizm* 43
- L. B. Tieplinski (Moscou). *Le racisme dans la politique des sionistes d'Israel* 55
- I. M. Zolotariova (Moscou). *Caractères génogéographiques de la Mongolie d'après le système sérologique ABO* 66

Discussions et deliberations

- K. V. Tchistov (Léningrad). *Communauté ethnique, conscience ethnique et quelques problèmes de la culture spirituelle* 73
- Yu. V. Bromley (Moscou). *De nouveau de la corrélation des communautés ethnique et économique* 86
- I. Ya. Froïanov (Léningrad). *La famille et la «vierv» en Russie de Kiev (à propos de l'article de Ju. M. Rapov)* 90

Communications

- L. A. Anokhina, M. N. Chmélova (Moscou). *Certains problèmes de l'évolution de l'habitat citadin moderne (d'après les matériaux de la zone centrale de la R. S. F. S. de Russie)* 98
- V. A. Tougoloukov (Moscou). *L'institution dite «dokha» chez les Oudegué et les Orotchi* 105
- I. I. Changuina (Léningrad). *Figurations du cheval et de l'oiseau dans les broderies paysannes russes des XIXe — début XXe siècles* 116
- V. I. Dragoun (Oujgorod). *Habitations en bois des paysans de la Transcarpatie, fin XVIIIe — début XXe siècles (d'après les matériaux du Musée Transcarpatique d'architecture populaire)* 121
- E. V. Chavkounov (Vladivostok). *De la sémantique des marques en «tamga» et de quelques types des ornementsations sur les céramiques du cite de Chaïguinskoïe* 128
- 191

G. V. Tsoulaïa (Moscou). Légendes caucasiques concernant Pierre le Grand	134
L. Boglar (Budapest). Le Indiens Nambikwara — un groupe marginal au Brésil	139

Recherches, faits, hypotheses

B. N. Poutilov (Léninegrad). Les «okam» résonnent à Bongou	144
--	-----

Chroniques

V. N. Bassilov (Moscou). Les activités de l'Institut d'Ethnographie, Académie des Sciences de l'U. R. S. S., en 1971	157
--	-----

Vie scientifique

I. V. Vlassova, T. P. Fédianovitch (Moscou). Troisième conférence régionale de la région de Volga pour l'onomastique	166
S. B. Faradjév (Leningrad). Séminaire-conférence nationale des muséologues	169
N. Vielius (Vilnius). Expéditions complexes des chercheurs régionaux lithuaniens	171
I. Külle (Budapest). Encyclopédie ethnographique hongroise	172

Critique et bibliographie

Ethnographie générale

Dj. B. Logachova (Moscou). <i>Ethnonymes</i>	174
--	-----

Peuples de l'U. R. S. S.

V. A. Aliexandrov (Moscou). <i>Matériaux pour l'histoire de la Yakoutie du XVIIe s. (Documents sur la collecte du «yassak»)</i>	176
M. A. Rodionov (Leningrad). I. N. Vinnikov. Langage et folklore des Arabes de Boukhara	179
A. M. Riechietov (Leningrad), N. N. Tchéboksarov (Moscou). <i>M. Ya. Souchanlo</i> . Les Dungsans. Etude historico-ethnographique	181

Peuples de l'Europe hors l'U. R. S. S.

A. S. Kahn (Moscou). G. I. Anokhine. Les traditions communautaires des paysans norvégiens	182
---	-----

Peuples de l'Asie hors l'U. R. S. S.

V. V. Pokchichievski (Moscou). Vie citadine des pays du Proche-Orient vue par l'école française dite de «géographie humaine» («Revue Géographique de l'Est», 1969. t. IX)	185
---	-----

Peuples de l'Amérique

V. P. Aléxéiev (Moscou). L. A. Faïnberg. Etudes sur l'histoire ethnique du Nord étranger (Alaska, régions arctiques du Canada, Labradore, Groenland)	186
--	-----

Peuples de l'Australie et de l'Océanie

T. V. Sieniuta (Donietsk). R. A. Gould. Yiwara: Foragers of the Australian desert	188
---	-----

Sur la couverture: Le Papou Ambassi sonnant a l'écaille dite «tora». Cliché A. D. Chtchérbinine	
---	--

Технический редактор Т. И. Сыроткина

Сдано в набор 13/III-1972 г.	Т-09706.	Подписано к печати 19/V-1972 г.	Тираж 2490 экз.
Зак. 4962.	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆ .	Усл. печ. л. 16,8.	Бум. л. 6.
			Уч.-изд. л. 16,7.

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10